

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Южный научный центр
Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований

АЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ: ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Сборник научных статей

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2012

УДК 39(470.6)

К14

*Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Традиции и инновации в истории и культуре»*

*Проект «Историческая динамика традиционной культуры
казаков-некрасовцев»*

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор),

к.г.н. **Н.И. Голубева**, к.ю.н. **Л.В. Батиев**, к.г.н. **Е.Э. Кириллова**,

к.ф.н. **Н.А. Архипенко**, к.ф.н. **Н.А. Власкина**

Составители:

к.ф.н. **Н.А. Архипенко**, к.ф.н. **Н.А. Власкина**

Казаци-некрасовцы: язык, история, культура: сборник
К14 научных статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. — Ростов н/Д:
Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — 456 с. — ISBN 978-5-4358-0040-1

Сборник посвящен широкому кругу проблем междисциплинарного изучения казаков-некрасовцев — южнорусской старообрядческой группы, длительное время прожившей в иноэтничном окружении.

Его первый раздел составляют малодоступные современному читателю работы известного донского ученого Ф.В. Тумилевича, посвятившего свою жизнь изучению некрасовского фольклора.

Во второй раздел вошли статьи, представляющие различные исследовательские практики в решении вопросов о путях переселения казаков-некрасовцев, о специфике их материальной (жилище, одежда) и духовной культуры (свадьба, календарь, похоронная обрядность), о своеобразии наиболее показательных для некрасовской традиции фольклорных жанров (песни, сказки, предания, легенды) и отдельных групп диалектной лексики. Не менее важной составляющей сборника стали впервые опубликованные архивные документы и полевые материалы, которые придадут новый импульс изучению этой темы.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 39(470.6)

ISBN 978-5-4358-0040-1

© ЮНЦ РАН, 2012

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2012

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Southern Scientific Centre
Institute of Social-Economic Research and Humanities

**NEKRASOV COSSACKS:
LANGUAGE, HISTORY AND CULTURE**
Collected Papers

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2012

*Basic Research Programme of the Presidium of RAS
“Traditions and Innovations in History and Culture”
Project “Historical Dynamics of the Traditional Culture
of the Nekrasov Cossacks”*

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (Managing Editor),
PhD **N.I. Golubeva**, PhD **L.V. Batiev**, PhD **E.E. Kirillova**,
PhD **N.A. Arkhipenko**, PhD **N.A. Vlaskina**

Compiled by PhD **N.A. Arkhipenko**, PhD **N.A. Vlaskina**

Matishov, G.G. (Ed.). (2012) Nekrasov Cossacks: Language, M39 History and Culture. Collected Papers. — Rostov-on-Don. SSC RAS Publishers. 456 p. (in Russian) — ISBN 978-5-4358-0040-1

The volume covers a wide range of interdisciplinary studies of the Nekrasov Cossacks who are a group of South Russian Old Believers and used to live among people of different ethnicity for a long time.

The first part of the book contains hard-to-get papers of the famous Don scholar F.V. Tumilevich, who devoted his life to the study of the Nekrasov Cossacks' folklore.

The second part includes papers from various research practices, which address the following questions: the ways of the Nekrasov Cossacks' migration, the specifics of their material (dwelling, clothing), and spiritual culture (wedding, calendar, funeral rites), the originality of the most characteristic folklore genres of the Nekrasov Cossacks' traditions (songs, fairy-tales, legends) and several groups of dialect vocabulary. One of the most important parts of the collection is archival documents and field data which are first published and that will surely give a new impetus to the study of the topic.

The publication is intended for researchers, teachers, graduates and postgraduates, as well as readers interested in the issues.

ISBN 978-5-4358-0040-1

© SSC RAS, 2012

© ISERH SSC RAS, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 9

Раздел 1. Ф.В. Тумилевич об истории и фольклоре казаков-некрасовцев 11

Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани 12

Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев 36

Тумилевич Ф.В. Предания о городе Игната и их источники 73

Тумилевич Ф.В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове 106

Тумилевич Ф.В. К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев 141

Тумилевич Ф.В. Хранители песен казаков-некрасовцев 188

Раздел 2. Казаки-некрасовцы в современных исследованиях.....215

Архипенко Н.А. Федор Викторович Тумилевич. Устный биографический нарратив об ученом-фольклористе..... 216

Сень Д.В. Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве: актуальные вопросы изучения 226

Мильчев В.И., Сень Д.В. Расспросные речи как источник по истории некрасовских казаков последней четверти XVIII в. (по материалам РГАДА) 244

Коломиец А.М. Дневник-отчет о поездке в научную командировку к казакам-некрасовцам (*Публикация В.И. Колесова, Д.В. Сеня*) 261

Матвеев О.В. Следы раннего казачества в исторической памяти жителей станицы Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края 280

Попок Е.Л. Композиционное строение лирических песен казаков-некрасовцев 287

<i>Дианова Т.Б.</i> Песни и люди: исполнительская рефлексия как метод исследования песенного текста	318
<i>Зудин А.И.</i> Легенды некрасовских казаков	331
<i>Калиничева Н.В.</i> Семья и семейные отношения в сказках казаков-некрасовцев	348
<i>Грязнова В.М.</i> Лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев	363
<i>Карпун М.А.</i> Растения в диалекте и традиционной культуре казаков-некрасовцев: к постановке проблемы	381
<i>Миронова А.В.</i> Из наблюдений над календарно- хозяйственной обрядностью казаков-некрасовцев	390
<i>Демина В.Н., Рудиченко Т.С.</i> Славление Христа в традициях казаков-некрасовцев и липован.....	397
<i>Якоби Л.А.</i> Особенности свадебного обряда некрасовских казаков.....	408
<i>Архипенко Н.А., Калиниченко И.Ю.</i> Материалы для изучения традиционного костюма казаков- некрасовцев: погребальная обрядовая одежда.....	421
<i>Попова Н.С.</i> Организация жилого пространства у казаков- некрасовцев: традиции и инновации.....	439
Сведения об авторах	453

TABLE OF CONTENTS

Compilers' Foreword	9
Part 1. F.V. Tumilevich About Cossacks' History and Folklore....	11
<i>Tumilevich, F.V.</i> Nekrasov Cossacks. On the History of the Anti-feudal Movement in the Don and Kuban Regions	12
<i>Tumilevich, F.V.</i> The Wedding Ceremony of the Nekrasov Cossacks...	36
<i>Tumilevich, F.V.</i> Legends About the Town of Ihnat and Their Sources.....	73
<i>Tumilevich, F.V.</i> Unpublished Songs About Ignat Nekrasov	106
<i>Tumilevich, F.V.</i> On the Poetics of the Nekrasov Cossacks' Songs ...	141
<i>Tumilevich, F.V.</i> The Keepers of the Nekrasov Cossacks' Songs	188
Part 2. Nekrasov Cossacks in Modern Research Papers.....	215
<i>Arhipenko, N.A.</i> Fiodor Victorovich Tumilevich. A Biographical Narration About a Scholar and a Folklorist	216
<i>Sen, D.V.</i> Nekrasov Cossacks in the Crimean Khanate: Current Issues.....	226
<i>Milchev, V.I., Sen, D.V.</i> Records of Interrogation as a Source for the History of the Nekrasov Cossacks in the Last Quarter of the 18 th Century (Based on the Material of Russian State Archive of Ancient Acts)	244
<i>Kolomiets, A.M.</i> Journal-report on a Research Trip to the Nekrasov Cossacks (<i>Published by Kolesov, V.I, Sen, D.V.</i>).....	261
<i>Matveev, O.V.</i> Traces of the Early Cossacks in the Historical Memory of the Inhabitants of the Village Nekrasovskaya, Ust-Labinsk District of Krasnodar Region	280
<i>Popok, E.L.</i> The Composition Structure of the Lyric Songs of the Nekrasov Cossacks	287
<i>Dianova, T.B.</i> Songs and People: Performance Reflection as a Method of Studying Song Lyrics	318
<i>Zudin, A.I.</i> Legends of the Nekrasov Cossacks.....	331

<i>Kalinicheva, N.V.</i> Family and Family Relationships in Fairy-Tales of Nekrasov Cossacks	348
<i>Gryaznova, V.M.</i> The Lexical-Thematic Group “Agriculture and Horticulture” in the Dialect of the Nekrasov Cossacks	363
<i>Karpun, M.A.</i> Plants in the Dialect and Traditional Culture of the Nekrasov Cossacks: the Statement of a Problem.....	381
<i>Mironova, A.V.</i> From Observations on the Calendar Ceremonies of the Nekrasov Cossacks	390
<i>Demina, V.N., Rudichenko, T.S.</i> Carols in the Traditions of the Nekrasov Cossacks and Lipoveni.....	397
<i>Jakobi, L.A.</i> Peculiarities of the Wedding Ceremony of the Nekrasov Cossacks	408
<i>Arkhipenko, N.A., Kalinichenko, I.Ju.</i> Materials for the Study of Traditional Nekrasov Cossack Costume: Burial Ceremonial Clothes.....	421
<i>Popova, N.S.</i> The Organization of the Living Space of the Nekrasov Cossacks: Traditions and Innovations	439
Information on the Authors	453

От составителей

Сборник «Кзаки-некрасовцы: язык, история, культура» представляет результаты изучения одной из русских этноконфессиональных групп — казаков-некрасовцев (некрасовских казаков, Игнат-казаков). Кзаки-некрасовцы — потомки донских казаков, которые после целого ряда миграций укрылись в XVIII в. на территории современной Турции от карательных акций российского правительства, затем в период с 1912 по 1962 гг. несколькими партиями переселились обратно в Россию и были размещены в компактных поселениях, крупнейшие из которых расположены на Кубани и Ставрополье.

Данная этноконфессиональная группа вызывала неизменный научный интерес как в период ее проживания в Турции (на оз. Майнос и о. Мада), так и после возвращения в Россию. В предлагаемом сборнике история, язык и культура казаков-некрасовцев предстают как объект междисциплинарного исследования.

Два его раздела призваны проиллюстрировать преемственность традиции в изучении казаков-некрасовцев, расширение научного поля и совершенствование исследовательских практик.

В первый раздел включены работы Ф.В. Тумилевича — донского фольклориста, чье имя неразрывно связано с казаками-некрасовцами. Он не только впервые ввел в научный оборот многочисленные факты истории и культуры некрасовских казаков, но и системно начал их изучать. Труды Ф.В. Тумилевича, особенно его статьи, опубликованные в региональных изданиях, мало доступны исследователям и почти неизвестны широкому кругу читателей. В состав этого «мемориального» раздела вошли работы, посвященные истории некрасовского движения, поэтике песен об Игнате Некрасове, описанию свадебного обряда, характеристике

носителей некрасовской традиции. Они позволяют ярко представить исследовательскую позицию донского фольклориста и оценить его вклад в тему.

Ко второму разделу отнесены статьи, представляющие современные исследовательские практики, применяемые при изучении казаков-некрасовцев. Историки, этнографы, музыковеды, фольклористы, диалектологи, этнолингвисты показывают методологические возможности различных гуманитарных дисциплин в решении актуальных вопросов, касающихся этой этноконфессиональной группы. Гуманитарии обращаются к целому ряду актуальных, дискуссионных вопросов — о путях переселения казаков-некрасовцев, о специфике их материальной (жилище, одежда) и духовной культуры (свадьба, календарь, похоронная обрядность), о своеобразии наиболее показательных для некрасовской традиции фольклорных жанров (песни, сказки, предания, легенды) и отдельных групп диалектной лексики, об образе исследователя некрасовского фольклора в восприятии современников.

Очень важной составляющей этого раздела стали впервые опубликованные архивные документы (расспросные речи, дневники исследователя) и полевые материалы (интервью с носителями традиции), которые, будучи введенными в научный оборот, придадут новый импульс исследовательскому интересу.

Составители сборника надеются, что он найдет своего заинтересованного читателя, станет важной вехой на пути к комплексному изучению казаков-некрасовцев, предоставит материал для научной полемики, обнаружения пространства для междисциплинарного взаимодействия и определения перспектив данной темы.

РАЗДЕЛ 1

**Ф.В. Тумилевич
ОБ ИСТОРИИ И ФОЛЬКЛОРЕ
КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ**

Ф.В. Тумилевич

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ. К ИСТОРИИ АНТИФЕОДАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДОНУ И КУБАНИ

*Наличность в русском крестьянстве
революционных элементов, вероятно, не
станет отрицать никто...*

В.И. Ленин

Прошло 250 лет со времени крупнейшего антифеодального движения крепостных крестьян, работных людей, раскольников и бедного казачества под руководством К.А. Булавина. Возникнув в 1707 г. на Дону, оно в 1708 г. переросло казачьи интересы и вышло за пределы донской территории, охватив Придонье, Слободскую Украину, Поволжье и многие уезды Центральной России.

Восставшие с оружием в руках боролись за право на землю, за освобождение от крепостной зависимости. Это была острая политическая классовая борьба народных масс с крепостническим абсолютистским государством.

Дон до Булавинского восстания представлял самостоятельную область, не входившую в административное управление Московского государства. Политическая самостоятельность во внешних и внутренних делах Дона, его право принимать и не выдавать беглых беспокоило царское правительство. С конца XVII в. оно начало насаждать крепостнические порядки в верховьях Дона. Чтобы покончить с казачьей вольницей на Дону как местом скопления недовольных, Петр I вводит в 1707 г. на территорию Войска Донского значительную военную силу — карательный отряд под

командованием князя Ю.В. Долгорукого для сыска и высылки на Русь беглых.

О жестокости карательного отряда к беглым и *старожилым* казакам говорит, например, документ: «А нашу братью казаков многих пытали и кнутом били и носы и губы резали напрасно, и жен и девиц брали на постели насильно и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших младенцев по деревьям вешали за ноги»¹.

Расправа Ю. Долгорукого и его бесчинства возмутили Дон. Казак Трехизбянской станицы К.А. Булавин (бывший атаман соляных промыслов в Бахмуте) собрал беглых русских и украинских крестьян, солеваров, *голубвенных* (бедных) казаков и в ночь на 9 октября (20 октября по новому стилю) 1707 г. напал на Долгорукого, убил его и истребил офицеров отряда.

Убийство князя Долгорукого явилось сигналом к восстанию, центром которого в 1708 г. стал Пристанской городок на реке Хопер.

В *прелестных* письмах К. Булавин звал народ к уничтожению князей, бояр, воевод, прибыльщиков и «худых людей, которые неправду делают». Восстанием были охвачены казачьи городки Дона, Хопра, Медведицы, Бузулука, Северного Донца, уезды — Козловский, Воронежский, Тамбовский, Борисоглебский, Пензенский, Ломовский, Инсарский и Средняя Волга. Из центральных уездов страны — Смоленского, Вяземского — начались массовые побегии на Дон.

Кондрат Булавин и его сторонники — С. Дранный, Л. Хохлач, Н. Гольй, И. Некрасов — первоначально замыслили поход на Тулу, Москву. Но потом Булавин, под влиянием *природных*, главным образом зажиточных, казаков принял другой план — поход на Черкасск, Азов, а затем на Москву. И в этом состояла основная ошибка в тактике К. Булавина. Поход на Черкасск изолировал восстание от огромной крестьянской массы, посадских, ремесленников, которые могли бы поддержать движение и превратить его во всеобщую крестьянскую войну.

Первого мая 1708 г. Булавин взял Черкасск, казнил атамана Л. Максимова. В это время к нему примкнуло домовитое (зажиточное) низовое казачество, старшины. Они думали использовать

¹ Булавинское восстание. Сборник документов. М., 1935. Док. № 243. С. 457–458.

восстание в своих интересах в борьбе с правительством за сохранение беглых как рабочей силы, за расширение границ Донской области, за «автономию» Дона.

Между домовитыми казаками и беглыми крестьянами, работными людьми, бедным казачеством обострились социальные противоречия. Булавин колебался между теми и другими. Но его действия в пользу восставших (введение дешевых цен на хлеб, конфискация церковной казны — 20 000 рублей, раздача денег восставшим, исключая домовитых, казнь, ссылка старшин и зажиточных казаков) восстановили против Булавина низовых домовитых казаков и старшин. Дальнейший ход булавинского движения убеждал домовитых в том, что их интересы с основной движущей силой восстания разошлись и что царское правительство им ближе, чем Булавин и его последователи. Пойти на открытую борьбу домовитые не решились и встали на путь заговора и измены.

Взяв Черкасск, К. Булавин раздробил свои силы, послав большие отряды против правительственных войск (которых к июлю 1708 г. насчитывалось 33 844 человека) на Северный Донец, Воронеж, Волгу. Остальные отряды направил на Азов. После поражения под Азовом (6 июля 1708 г.) в Черкасске домовитые и старшины организованно выступили против К. Булавина. 7 июля он был убит заговорщиками².

После смерти Булавина правительственные войска под командованием князя В.В. Долгорукого (брата убитого Ю. Долгорукого) уже совместно с домовитыми (зажиточными) казаками, старшинами начали жестокую расправу с участниками восстания.

С конца июля и до декабря 1708 г. по указу Петра I карательная армия В.В. Долгорукого разорила и сожгла казачьи городки по Дону от его верховьев до станицы Донецкой, по Хопру, Медведице, Северному Донцу, Калитвам, Деркулу. Одних жителей этих мест казнили, других выслали в Сибирь. Только убитых в боях, по сведению В.В. Долгорукого, насчитывалось 29 400 человек³ да казненно 7 000⁴. На страх живым трупы казненных были пущены вниз

² Подьяпольская Е.П. Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 512.

³ Записки князя В.В. Долгорукого о действиях карательной армии // Исторический архив. 1955. № 4. С. 194.

⁴ Савельев А. 300-летие Войска Донского. СПб., 1870. С. 61.

по Дону на виселицах-плотах. В конце 1708 г. восстание было подавлено и Дон лишился самостоятельности.

После подавления восстания правительство приписало к Воронежской губернии большую часть территории Дона, район Северного Донца отошел к Бахмутской провинции. Земли по Айдару отписали Острогожскому полку. Войско Донское утратило около одного миллиона десятин своей территории и было включено в состав Азовской губернии и находилось под усиленным контролем азовского губернатора⁵. Атаман Войска стал назначаться царем. Казачество превратилось в служивое военное сословие феодально-крепостнического государства. Как сословие оно потом было пожаловано за усердную службу «царю и отечеству» монаршей милостью: землей и другими привилегиями.

Булавинское движение потерпело поражение, потому что у восставших отсутствовали организованность, единство действия со всем крестьянством в стране, ясность политической цели, союз с городами. «Крестьянство не могло объединиться, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих...»⁶ Да и не могло тогда быть такого революционного руководителя, как рабочий класс. Но это движение способствовало расшатыванию основ крепостнического государства.

Советские историки делят Булавинское восстание на три этапа, отличающиеся друг от друга интенсивностью движения и составом участвовавших в нем социальных групп. «Первый этап, связанный с началом деятельности карательного отряда по поимке беглых, привел к убийству Долгорукого в октябре 1707 г. Ко второму этапу восстания относятся события, происшедшие с конца 1707 г. до начала июля 1708 г., когда после взятия повстанцами Черкаска (1 мая 1708 г.) они двинулись на Азов (сражение под Азовом 6 июля). К третьему этапу восстания относятся действия отдельных отрядов повстанцев и расправа с ними правительственных войск; он охватывает вторую половину 1708–1709 гг.»⁷.

Этим этапом Булавинское движение на Дону заканчивается. Начинается четвертый этап — борьба булавинцев под руководством И. Некрасова — и превращается в движение некрасовцев.

⁵ Булавинское восстание... С. 59.

⁶ Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. 6. С. 384.

⁷ Лебедев В.И., Подьяпольская Е.П. Восстание на Дону в 1707–1708 гг. // Очерки истории СССР. М., 1954. С. 256.

* * *

С уходом И. Некрасова на Кубань (сентябрь 1708 г.) начинается движение казаков-некрасовцев. Оно было социально более единым и продолжительным (с 1709 по 1737 гг.). Но это движение не имело решающего влияния на развитие крестьянских восстаний в России в силу его оторванности от жизни страны, хотя и оставалось знаменем вольности и привлекало массы недовольных русским самодержавием. В ходе борьбы И. Некрасов создал устойчивую демократическую общину, потомки которой являются нашими современниками.

До Булавинского восстания И. Некрасов был атаманом Есауловской станицы. В период восстания он вскоре стал одним из наиболее видных его руководителей.

Опираясь на крепостное крестьянство, работных людей, голутвенное казачество, раскольников, И. Некрасов вел последовательную борьбу с царем, боярами, помещиками, церковью и домовитым казачеством, предавшим Булавинское восстание. Община, созданная Некрасовым на Кубани, стала политическим противником крепостничества и русского самодержавия. Поэтому в сознании борющихся Игнат Некрасов являлся вождем, защитником свободы. Вот почему, вопреки действительному историческому факту, ему приписывается убийство князя Ю. Долгорукого и организация самого восстания на Дону. Такое отношение к нему участников борьбы и их потомков обусловлено тем, что он, по-видимому, наиболее ярко выразил народные интересы и чаяния. В одной из песен говорится:

... По кругу-то ходит все Игнат-сударь.
 Ой да, все Игнат-сударь, сын некрасовцев.
 Ой да, по кругу-то ходит он, как сокол, летает,
 Да на вострую шашечку, а он упирается,
 Да горячей слезой, а он вот все заливается:
 — Ой, ты прости же, прости весь и род-племян.
 Ой да, как подходит он, да сын-некрасовец,
 Ой да, подходит он до князя-бояра Долгорукова,
 Ой да, он срубал ему,
 Долгорукому, бойнаю голову.
 Ой, воскрутился же тут, а он возмутился,
 Да возмутился, а он батюшка, славнай Тихой Дон,
 Как от самой же было вот от вершинушки,
 Ой да, от вершинушки до самых было устюжей...⁸

⁸ Из песен казаков-некрасовцев. До устюжей — до устья.

Уход И. Некрасова на Кубань был вынужденным. С ним ушли люди, убежденные в правоте своей борьбы. Официальное сообщение В.В. Долгорукого царю утверждает, что с некрасовцами «ушло 2000 человек»⁹. Другие свидетельства говорят о том, что с ним ушло 600 семей. Третьи утверждают, как, например, Ригельман, что с Некрасовым бежало 8000 душ обоего пола¹⁰. Сами казаки-некрасовцы говорят: «Игнат увел 40 000 казаков, кроме малого, кроме старого». Но эта цифра скорее эпическая, чем реальная.

Сообщение В. Долгорукого нельзя принять за истину. На Кубани некрасовцев было гораздо больше. Число их увеличивалось за счет беглых из России и кубанских раскольников, которые примкнули к некрасовцам.

Массовые побеги из России к Некрасову обеспокоили Петра I. Он решил вернуть некрасовцев с Кубани и официально обратился с запросом в Константинополь к султану Ахмету III, чтобы тот выдал И. Некрасова и его сподвижников: И. Лоскута, И. Павлова, С. Беспалова, С. Ворыча и др.

Азовский губернатор И.А. Толстой в специальном донесении царю от 12 января 1709 г. сообщает о переговорах с Турцией: «О Некрасове в Царь-Град к брату своему писал я прежде сего... А ныне по письму вашего величества домогатца того стану всячески, чтоб оного вора отдали»¹¹.

Переговоры затянулись и не дали положительного результата. Неудачная для России война, проигранная Петром на Пруте, помешала ему настаивать на возвращении некрасовцев. По трактату от 12 июля 1711 г. некрасовцы были оставлены на Кубани.

Там, в устье реки Лабы, они построили крепость (станция Некрасовская сохранилась до нашего времени). Затем стали расселяться вниз по реке, а позже большая часть, во главе с И. Некрасовым, обосновалась на Таманском полуострове между Копылом и Темрюком, построив три городка — Голубинский, Чирянский, Блудилковский.

⁹ Булавинское восстание... Док. № 139. С. 327.

¹⁰ Ригельман А.М. История донского казачества. М., 1846. С. 95, 96, 140. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 12; Б-в. История о некрасовцах // Северная пчела. 1828. № 106.

¹¹ Булавинское восстание... Док. № 163. С. 360.

Плодородные земли, спокойная жизнь, политическая и экономическая свобода, *прелестные* письма И. Некрасова соблазнили многих русских людей, и они уходили к некрасовцам.

А Некрасов, как только разместил свое войско и построил городки и укрепления, стал беспокоить русское правительство. В 1711 г. он предпринимает поход на Саратовскую и Пензенскую губернии. Придя в эти провинции, Некрасов разгромил помещичьи усадьбы, побил бояр, воевод. Многие крестьяне ушли с ним. Такое «воровское» дело возмутило царя. Петр I приказал казанскому и астраханскому губернатору Апраксину двинуть регулярные войска, яицких казаков и калмыков на Кубань против Некрасова. На Кубань Апраксин пришел 29 августа 1711 г. в то время, когда на Пруте уже был заключен мир с турками. Апраксин разорил жителей правой стороны Кубани и многие некрасовские городки¹².

В ответ на это И. Некрасов вместе с жителями Кубани в 1713 г. совершил набег на Харьковскую губернию, сжег в нескольких уездах помещичьи хозяйства, истребил воевод. В то же время он подготавливал восстание на Дону, рассылая с этой целью *прелестные* письма на Дон, Хопер, в Харьковскую, Пензенскую, Саратовскую, Тамбовскую губернии.

В 1715 г. И. Некрасов организовал отряд лазутчиков в составе 40 человек и послал их под предводительством беглого крестьянина Сокина на Дон, Хопер, в Тамбовскую губернию и окраинные города. Под видом нищих и монашествующей братии они проникали во многие губернии, распространяли *прелестные* письма, призывали к восстанию, подговаривали население к побегу на Кубань¹³.

В 1717 г. И. Некрасов с большим конным отрядом пришел на Волгу, Медведицу, Хопер. При поддержке крестьян, голутвенного казачества он разорял помещичьи усадьбы, церкви, вешал воевод, бояр. П.П. Короленко говорит, что некрасовцы «вымещали злобу против правительства»¹⁴. Во всех походах на Дон И. Некрасов особенно жестоко расправлялся с домовитыми и *старожилыми* казаками как изменниками Булавинскому восстанию. П.П. Короленко объясняет расправу тем, что «злоба и ненависть некрасовцев к

¹² Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 22–23.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 23.

донцам заключалась в повиновении донцов царским велениям преследовать раскольников за веру»¹⁵.

Булавинское и некрасовское движение, как и все народные антифеодальные восстания в России в XVII–XVIII вв., имело религиозную окраску. Это естественно для того времени. Религия была в то время господствующей идеологией. Поэтому «...всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму»¹⁶.

К. Булавин и И. Некрасов использовали религию для того, чтобы узаконить борьбу с самодержавием, которую народ вел за свое экономическое и политическое освобождение.

Начиная с 1720 г. И. Некрасов систематически засылал своих лазутчиков на Дон и Русь. Они действовали весьма успешно — крестьянство и *верховое* казачество поднимались селами и городками (станицами), уходя на Кубань. Встревоженный этим, Петр I в 1720 г. издал указ, по которому лазутчики Некрасова, а с ними и те, кто их укрывал, карались смертной казнью. Тех же, кто о них знал и не доносил, предписывалось бить кнутом, резать носы, уши и ссылать на вечное поселение в Сибирь¹⁷. Против уходящих с Дона были выставлены заградительные отряды.

К 1727–1728 гг. деятельность некрасовских лазутчиков и походы самого Некрасова приняли угрожающий характер. Так, 200 лазутчиков Некрасова в 1727 г. вели агитацию среди казачества Хопра, Медведицы и крестьянского населения южных окраин России, Волги. Готовилось восстание. Чтобы пресечь массовые побеги населения, Верховный тайный совет по высочайшему повелению поручил бригадиру Гулицу зорко следить за донцами и южной окраиной России и в случае ухода населения связаться с начальником царицынской линии генералом Ветеранием, чтобы он отрезал путь беглецам, не допустив их «к оставлению отечества»¹⁸. Но меры, принятые правительством, не прекратили ни походов

¹⁵ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 28.

¹⁶ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. О религии. М., 1955. С. 203.

¹⁷ Московское отделение архива Главного штаба. 1720–1728 гг. «Судное дело»; Дмитриенко И.И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. I. Екатеринодар, 1899. С. 65–68.

¹⁸ Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1899. Т. 69. С. 400; Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 20.

И. Некрасова, ни бегства населения. С 1719 по 1727 гг. из России бежало более 200 000 крепостных крестьян¹⁹, а с 1727 по 1741 г. — 300 000²⁰. Из их числа немало беглых пришло к некрасовцам.

К этому напряженному периоду борьбы относится песня некрасовцев, рассказывающая о приходе из России и с Дона беглых, которые просят Игната пойти на Русь и разбить Петра I. Игнат Некрасов им отвечал:

Мы пойдем, братцы, розобьем армеюшку,
А мы армеюшку, все царя белого.
А царицу же Катяринушку,
Ой, братцы, а мы в монастырь сошлем.
Ой да, а Ероху-царя²¹, да царевича
А мы, братцы, во полон возьмем...²²

В 1736 г. донцы совместно с калмыками с 26 ноября по 3 декабря свирепствовали на Кубани. В 1737 г. И. Некрасов в ответ пошел на Дон и разорил многие станицы. Императрица Анна Иоанновна 17 сентября 1737 г. повелела донскому атаману Фролову наказать некрасовцев и кубанцев. Фролов разорил некрасовские станицы, три из них сжег и повырезал жителей²³. В конце этого года (предположительно) Игнат Некрасов умер.

* * *

Документы о булавинском и некрасовском движении составлялись сторонниками правительства. В связи с этим политическая оценка восстания, его руководителей не могла быть объективной. Такой она дана и в дворянско-буржуазной историографии. Более верными документами, отражающими народную точку зрения, являются письма атаманов: Булавина, Драного, Некрасова, Голого. Но их сохранилось немного. Минувшая эпоха и отношение самих участников к событиям с известным художественным домыслом ярко воспроизводятся в народной поэзии.

Казачка-некрасовка Анна Васильевна Ивануткина в предании «Игнат убивает Долгорукого» рассказывает:

¹⁹ История СССР. Т. 1. М., 1956. С. 424.

²⁰ Там же. С. 479.

²¹ Унизительная кличка, прозвище, данное некрасовцами Петру I.

²² Из песен казаков-некрасовцев.

²³ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 25.

«Казаки допреж на Дону жили сами по себе и управление свое имели. А царь Ероха был сам по себе, царство свое и войско имел. Были у него бояре, князья, крестьяне и разные другие черные люди. Не нравилось ему, что казаки сами по себе живут и не под его державой. Не нравилось царю и войско Игната Некрасы. Вот и решил себе Ероха взять под свое владение казакох²⁴. Ероха мечтал над всем светом подняться, первым царем в мире стать. Ну, и звали его великим. Все науки превзошел, а казакох Некрасы победить так и не победил. Ну, вот и пала ему на сердце печаль: “Заберу донскую землю со всеми реками, казакох возьму, перепишу и пачпорта им дам, воли решу...” А тут под это дело и религия подошла: царь-то был елинской²⁵ веры, а Игнат — старой. Вот и пошло меж царем и Игнатом несогласие.

Ероха на Дон стал князьех да боярох засылать. Прибегают они на Дон, а казаки себе думают: “Чего это они по нашей земле ходят?! Неспроста царь присылает их!” Пока так-то думали казаки, а царь себе думал: “Где мне натить такого воеводу, чтоб он Дон позабрал да Игната с атаманства скинул?”

Думал, думал царь, да и надумал: “Есть у меня такой воевода, князем Долгоруким прозывается. Призову-ка я его да погутарю с ним”. Ну, призвал до себя того князя и гутарит ему:

— Руки у тебя, князь, долгие, воевода ты знатный. А вот Дона, чай, не покоришь?

Воеводе от таких слов муторно²⁶ стало. Он и отвечает:

— Покорю, ваше царское величество!

— Ну, раз покоришь, тогда приказ мой сполняй. Поди на Дон, казакох в солдаты забрей, малых детей в Дон побросай, старикам усы-бороды побрей, жен в Расею пошли, а Игната Некрасу с атаманства сбрось. Как сполнишь приказ — первым человеком в моем царстве станешь.

Дал Ероха князю войско. Прибег²⁷ он на Дон и стал по царскому слову казакох покорять. Многих кнутом бил, уши и носы резал, в кандалах на Русь и Сибирь посылал, во солдаты брал, старикам усы-бороды брил, младенцех по деревьям вешал, меж колод давил, в Дон бросал. А женска полу и девичья для блуда брал, станицы огнем жег. Такого страху натерпелся народ! Не приведи того Господь лихому ворогу! Сколько жили на Дону, казаки не помнят отродясь такого антихристового дела!

²⁴ Казакох — казаков (имена существительные мн. ч. в род. падеже произносятся с окончанием «ох», «их», «ех»).

²⁵ Елинской — греческой.

²⁶ Муторно — плохо, не по себе.

²⁷ Прибег — пришел.

Бегут все люди до Игната со всей реки, народ просит: “Защити, сударь-батюшка, от князя-антихриста”. Ну, собрал Некраса круг. Старики приговорили: “Убить того Долгорукова!”

Призвал Игнат сердовых²⁸ казаков. Сели на конях и побегли до князя. Прибегли. Подошел Игнат под Долгорукова и срубил ему голову. Тут-то и воскрутился, возмутился наш батюшка славной Тихой Дон от самой было вершинушки до самых устюжей. У нас и песня об том играется...

Узнал царь про смерть Долгорукова, разгневался на Игната Некрасу пуще прежнего. Вот и стал еще больше посылать на Дон войска да и воеводу другого поставил над войском. Ну, идут полки на Дон, а Некраса разделил казаков со своими братьями (у него три брата было: Дранный, Гольий и Булавин), поднял весь мир на Дону и войной пошел. Много они полков изничтожили у царя Ерохи.

Наш Игнат чародей был. Напустит, бывало, туману и подойдет до войска царя, а те его и не видят. Ну, подойдет и разобьет их. Знал Некраса разговор усех птиц, зверей, цветов, трав и деревьев разных. Прислушается, бывало, до птиц, трав и узнает от них, где полки царские стоят и куда они идут.

Видит царь такое дело, что полки его побивают на Дону, он обратно новые посылает. Побьют полки, а он знай шлет и шлет силы. Расея-то больше Дона была, да и среди казаков не все за одно шли, разных мнений были. Вот часть казаков за царем пошла, а больше за Игнатом. Которые за царя пошли, гутарят: “Убить надо братьех Некрасы. Как убьем, тогда и Некрасу победить можно!” Надумали черное дело, так и сделали.

Пошел Игнат на полки царские, а в то время казаки те убили Булавина, людей его показнили. Царь наступает себе да наступает. Видит Игнат измену, ну и решил свой народ от смерти схоронить. Собрал круг и на нем стал гутарить речи грозные:

А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,
Ой да, привыкать вам нападать на царевы полчища —
Да мы царю же не сдадим вольной вольницы,
Ой да, за Булавина отдадим свои бойны головы...
Ой да, не убить-то царю да славный род людской...

Вот тогда все казаки клятву дали Игнату — воевать с царем до самой смерти — и на Кубань с ним пошли. С Кубани ходили воевать царя. Долго воевал царь с Некрасой, а победить не победил. Старики гутарили: “Царь на Дон прибегал. Отсеки ему голову Игнат — и войны бы не было, и нам не пришлось бы на Кубань

²⁸ Сердовых — среднего возраста, служивых.

уходить...” Когда Игнат умирал, завет оставил: “Царизме не покоряться, при царизме в Расаю не возвращаться...”²⁹

При некотором поэтическом толковании отдельных фактов предание в своей основе исторически верно доносит до наших дней думы участников борьбы с царем и боярами и причины возникновения восстания.

* * *

После 1737 г. походы некрасовцев на Дон и южные окраины России прекратились. В 1737–1739 гг. Анна Иоанновна предложила некрасовцам возвратиться в Россию. Она прощала им «измену царю и отечеству»³⁰. Некрасовцы категорически отказались вернуться, усматривая в этом приглашении злой умысел со стороны царицы. Тогда Анна Иоанновна направила на Кубань войска и повелела атаману Войска Донского Фролову наказать ослушников, что он и сделал. После этого большая часть некрасовцев в 1740 г. переселилась в устье Дуная (Румыния). Меньшая часть перебралась на левый берег Кубани и только в 80-х гг. XVIII в. ушла на Дунай.

Первые переселенцы с Кубани обосновались в Добрудже, в устье Дуная и на озере Разельм, создав селения: Большие Дунавцы, Малые Дунавцы, Сары-Кей, Славу Черкасскую, Журиловку и др. На Дунае некрасовцы стали заниматься рыболовством, охотой. Жили они сравнительно спокойно, но с приходом в дельту Дуная пяти тысяч запорожцев в 1775 г. (после разгрома Запорожской Сечи) эта мирная жизнь была нарушена. Запорожцы настойчиво пытались овладеть лучшими местами рыбной ловли, предпринимали даже военные походы на Большие Дунавцы и Сары-Кей. В ответ на это некрасовцы напали на селение запорожцев Едерлес, разгромили их жилища и уничтожили Задунайскую Сечь³¹.

Вследствие постоянных столкновений с запорожцами некрасовцы вынуждены были искать себе другое место жительства. Кроме того, вступление русских войск в Крым, Измаил также обеспокоило их. Поэтому в 80–90-х гг. из селения Большие

²⁹ Предание записано от А.В. Ивануткиной (1848–1939), казачки-некрасовки Новонекрасовского хутора, 5 февраля 1938 г. Публикуется впервые.

³⁰ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 29; Северная пчела. 1828. № 126.

³¹ Лупулеску (Антонович). Русская колония в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 1–2; Кондратович Ф. Задунайская Сечь // Киевская старина. 1883. № 1. С. 31–39; Батюшков П.Н. Бессарабия. СПб., 1892. С. 138–142.

Дунавцы, где насчитывалось более 10 000 человек, частично из селений Слава, Малые Дунавцы, Сары-Кей некрасовцы начали переселяться в азиатскую Турцию, на озеро Майнос (в 25–30 км от портового города Бандерма на Мраморном море) и Энос на берегу Эгейского моря. В начале XIX в. с Эноса некрасовцы переехали на Майнос.

С этого времени образовалось две ветви некрасовцев: майноская и дунайская. Некрасовцы дунайской ветви принимали к себе всех, что бежал от царско-помещичьей неволи, в результате они ассимилировались с позднейшими выходцами из России и утратили язык своих предков, обычаи, фольклор.

Майноские некрасовцы жили вдали от русских границ в чужом окружении, замкнуто. Это создавало условия для сохранения общественно-демократического устройства общины и культуры их предков.

Селение некрасовцев на Майносе (5 станиц) называлось Бин-Эвле (что значит селение из тысячи домов), другое название — Игнат-казаки. Вскоре в селении на Майносе вспыхнула чума. Кроме того, некрасовцы умирали от тропической лихорадки, так как жили на заболоченном месте. Численность их уменьшалась с каждым десятилетием. Когда их посетил английский путешественник Мак-Фарлен (18 ноября 1847 г.)³², на Майносе, по его сведениям, насчитывалось около 300 домов.

Население Майноса несколько раз пополнялось за счет переселенцев с Эноса, а потом с Дуная. Страх перед чумой и холерой настолько был велик у майносцев, что они запретили туркам, грекам, а также различным путешественникам посещать их. У ворот стены (станции были обнесены стеной) всегда дежурили 2–3 казака с оружием в руках.

Демократическое устройство некрасовской общины, самоуправление, экономика, семья, быт, грамотность — все это обращало на себя внимание как иностранных, так и русских путешественников, побывавших на Майносе у некрасовцев. Мак-Фарлен пишет, что сравнительно высокое образование некрасовцев, трудолюбие, порядок, чистота их жилищ были хорошо известны в Турции³³.

³² Ламанский В. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859. С. 26–27.

³³ Там же. С. 29.

Жители Майноса занимались рыболовством, скотоводством, охотой, как свидетельствует другой английский путешественник Гамильтон, побывавший там в 1837 г.³⁴

На рыбный лов уходили 15 августа (на Успенье) и возвращались в апреле. На промысел отправлялись мужчины от 15 до 55 лет артелями, ватагами по 18–25 человек во главе с *атаманком*. Ловили рыбу в Мраморном, Черном, Эгейском, Средиземном морях и озерах Турции. На обязанности *атаманка* лежали все хлопоты как по заключению договора на лов и сдачу рыбы, так и забота о членах *ватаги*. Он должен был следить за нравственным поведением членов артели, заботиться об их бытовых нуждах, вести учет доходов. В конце сезона при участии всех работников *атаманок* делил доход поровну. При возвращении на Майнос каждый рыбак отдавал треть своего заработка в войсковую казну.

Недели за две до окончания рыбного лова каждая *ватага* посылала своего человека на Майнос с вестью о возвращении. Все рыбаки собирались в назначенный день в городе Бандерма. С Майноса приходили подводы для перевозки снастей, лодок, казаков. На подступах к Майносу рыбаков встречали атаман, старики, женщины. Встречали со знаменем Игната³⁵, стрельбой из ружей и пушечным салютом.

Общественное устройство некрасовцев Майноса, их быт, семья, нравственные устои, образование, как говорят старики-некрасовцы, определялись *Заветами* Игната Некрасова. Заветы (своеобразная конституция некрасовской общины), первоначально созданные Игнатом Некрасовым, впоследствии дополнялись его сторонниками и позднейшими поколениями.

Высшая власть в общине принадлежала кругу. Осуществлявший исполнительную власть атаман избирался на год. Один из главных заветов, утверждают казаки старшего поколения, был: «*Царизме не покоряться, при царизме в Расею не возвращаться*». Другие заветы предписывали членам общины не отлучаться без разрешения круга или атамана, не общаться с турками. Одна треть заработка казака шла в войсковую казну, расходовалась на школу³⁶,

³⁴ Ламанский В. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании... С. 23.

³⁵ Копия этого знамени была изготовлена по решению круга в 1908 г. взамен старого, пришедшего в ветхое состояние. По решению стариков хутора Новонекрасовского знамя было вручено мне в 1946 г. Я сдал его в 1957 г. в Ростовский-на-Дону краеведческий музей.

³⁶ Мужчины-некрасовцы были почти все грамотны.

престарелых и больных, на церковь, на вооружение войска. Брак с иноверцами карался смертью. Муж должен был относиться к жене с уважением. Если он обижал жену — она с разрешения круга покидала его, а муж наказывался; за изнасилование женщины били плетью до смерти; жену за измену мужу закапывали по шею в землю. Каждый член общины был обязан строго держаться старой веры, не соединяться с турками, не держать в станице шинков. Вину устанавливал круг. За неисправную или корыстную службу атамана можно было сменить до срока или поучить.

С 18-летнего возраста юноша считался казаком и обязан был принимать участие в решениях круга; с 30-летнего возраста казак мог занимать воинские должности; с 50-летнего возраста — быть избранным в походные, войсковые атаманы и старшины. Запрещалось выставляться на военную службу вместо себя заместителя. Провинившегося перед войском лишали казачьих прав, лишённый прав и не прощенный кругом объявлялся вне закона, его мог убить каждый. За убийство члена общины виновника закапывали по шею в землю; за измену Войску расстреливали без суда. Пришельца христианина круг мог принять в казаки. Каждый казак должен был заниматься ремеслом. Открыто помогать больным, бедным мог только круг, члены общины помогали тайно, чтоб глаз человеческий не видел. За воровство били батогами и изгоняли из общины. Сватать девушку разрешалось в возрасте 13–14 лет, выдавать замуж в 17–18 лет. Заветы Игната Некрасова обязывали почитать старших. За непочтение наказывали плетью; за непослушание и оскорбление родителей (в зависимости от проступка) били батогами или лишали жизни³⁷.

Заветы, посвященные религиозному устройству общины, немногочисленны: держаться старой веры; попов никонианского и греческого рукоположения не принимать на службу; попа, не исполняющего волю круга, можно выгнать и даже убить как бунтовщика, еретика.

Свод законов был записан в «Игнатовой книге», которая хранилась в священном ларце в церкви на Майносе³⁸.

³⁷ Заветы Игната бытуют устно, их знает каждый некрасовец и некрасовка старшего поколения.

³⁸ Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 440; Чайковский М. (Садык-Паша). Записки // Киевская старина. 1892. № 10. С. 109.

Самое лучшее описание жизни некрасовцев на Майносе содержится в статье В.П. Иванова-Желудкова, который был у них в 1863 г. Он писал: «В Майносе вся власть сосредоточена в руках круга. Круг избирает атамана и есаула. Круг, созданный не атаманом и не есаулом, считается почти бунтовским и собирается только в крайнем случае, например, для наказания атамана... Атаман решает, виноват или не виноват обвиняемый, а наказать или не наказать — приговаривает круг... Если круг прощает, виноватый кланяется атаману, потом старикам, потом на все стороны, и тем дело кончается. Если круг приговаривает поучить, то учат... Наказанный, когда его отвязжут (от палок, к которым он привязывается), обязан поклониться атаману, кругу, разумеется, в ноги и сказать: “Спаси Христос, что поучили!”

Все единогласно уверяли меня, что валяйся у некрасовца мешок червонцев под ногами, он даже одного не возьмет, на том основании, что на своей земле ничего брать нельзя...

А что атамана можно высечь и секут, это не подлежит сомнению и вовсе не выходит из ряда обыденных событий майносской жизни. Точно так же кладут ничком и точно так же заставляют поклониться в землю и благодарить словами: “Спаси Христос, что поучили!” — затем ему вручается булава, символ его власти, которую на время наказания отбирает какой-нибудь старик. Вручив булаву, все валяясь атаману в ноги, вопя: “Прости, Христа ради, господин атаман!”

— Бог простит! Бог простит! — отвечает, почесываясь, избранник народный, и все входит в прежний порядок...»³⁹

Сравнительно благополучно жили некрасовцы на Майносе до 60-х гг. XIX в. Зависимость общины от турецкого правительства выражалась в уплате налогов за места рыбного лова. Иванов-Желудков даже называет Майнос независимой республикой, имеющей законодательство. Начиная с 60-х гг. турецкое правительство пыталось заставить некрасовцев служить не только во время войн, но и нести регулярную военную службу. Особенно энергично стремился зачислить некрасовцев в регулярное войско Садык-Паша (М. Чайковский, поляк, эмигрировавший из польши после событий 1831 г. и командовавший в Турции славянскими соединениями). Но некрасовцы отнеслись отрицательно к идее Чайковского создать казачье войско под протекторатом султана.

³⁹ Иванов-Желудков В.П. Русское село в Малой Азии... С. 440–446.

Иванов-Желудков, беседуя с некрасовцами об их жизни, сказал:

— Ну, значит, вы живете у Христа за пазухой.

— Нет, Василий, нехорошо ноне наше житье, обижают нас крепко. Землю у нас поотымали. Кругом чифлики (хутора) всякие. Турки да греки позавелись и нашу землю под себя подписали, а мы живем по царскому слову: судимся-судимся, а толку все нет. Садык-Паша тоже нас обижает, хочет, чтобы мы в аскеры (солдаты) подписались, чтоб и в мирное время служили... а мы не хотим... потому мы природные казаки... когда размир (война), так мы на войну, а мир — так мы рыбалим. А царь (султан) теперь новый, и апаши около него все новые, стариков нет, никто нас не знает. Пропадает наше «славное Войско Кубанское». И народ тоже у нас подичал, ученых людей нет. Как Дема-атаман⁴⁰ умер, так и ученых нет⁴¹.

Отказ некрасовцев от службы в турецкой армии поставил их в трудное положение. На казаков наложили большие подати, отобрали землю. Турецкие власти стали чаще вмешиваться во внутренние дела жителей Майноса.

В это время некрасовцы усиленно искали город Игната Некрасова. Их ходки побывали в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. По преданиям, когда Игнат привел некрасовцев на Кубань, он разделил казаков на три части: одни попали на Дунай, другие — на Энос и Майнос, а третьи — за Пещаное⁴² море. Позднейшие поколения особенно верили в это предание, утверждая, что с третьей партией за Пещаное море ушел и сам Игнат.

Мечта о вольной жизни, об обетованной земле превратилась в причудливое предание, в котором реальное смешано с вымыслом. Идеалы жизни и сама жизнь некрасовцев тесно слиты. Предание «Город Игната»⁴³ рассказывает:

«Жили мы на Майнозе⁴⁴, и было у нас пять станиц. Турки нас называли Игнат-казаками. Я еще в девках была; помню, как до нас домонь пришла одна странница. Мать ее приняла, посадила за стол и стала угощать рыбой.

⁴⁰ Дема-атаман — атаман Майноса в 1828–1848 гг., содействовал образованию.

⁴¹ Иванов-Желудков В.П. Русское село в Малой Азии... С. 420–421.

⁴² Пещаное море — Аравийская пустыня.

⁴³ Предание записано от Т.И. Капустиной (1849–1949), казачки-некрасовки Новонекрасовского хутора, 6 октября 1939 г. Публикуется впервые.

⁴⁴ Некрасовцы в конце существительных вместо согласного «с» произносят «з», на конце слов вместо «ц» произносят «с».

Странница ест себе, а сама все глядит на нас. Долго так-то глядела, а потом гутарить стала:

— Гляжу я на вас и диву даюсь: как вы похожи на людей, что за Пешаным морем живут. И лицом они такие, и одежду такую носят, и гутарят, как вы.

Мать стала ее спрашивать, а мы себе слушаем разговор. Нам, молодым-то, страх как интересно знать про людей на нас похожих. Мы, женщины, дальше Бандерова⁴⁵ и Царь-Града нигде не бывали. Ну вот, гутарит странница:

— Живут такие люди, похожие на вас, на берегу большого озера. Город у них большой, пять церквох в нем, обнесен он высокой стеной, четверо ворот: на запад, восток, север и юг. Ворота все закрыты. Только восточные открыты бывают днем. На воротах стоят оруженные часовые, а ночью по стенах часовые ходят. В город свой те люди никого не пускают. Живут богато. У каждого каменный дом с садом, на улицах и в садах цветы цветут. Такая красота кругом!..

Занимаются те люди шелками, обиды ни людям чужим, ни друг другу не делают. Женщины у них красивые, разнаряженные: носят зеньчуг⁴⁶, золотые монисты⁴⁷, рубены⁴⁸, лестовки янтарные⁴⁹. Носят они сарахваны из серебряной и золотой парчи, а рубашки из лучшего шелка. Живут там женщины, как царицы. Мужики их любят — пальцем не трогают. Не дай господь, какой мужчина обидит свою жену, его за то смертью наказывают. Слыхала я, женщины и на круг ходят, и грамоте обучаются вместе с дьячками⁵⁰.

В город свой те люди мужчин не принимают и не пускают, а женщин принимают. Кто ни пройдет, того накормят, напоят, оденут и проведут ласковым словом: “Спаси те Христос!”

Ну, пришла и я до них. Была я тогда молодая. Подошла я до часовых, спрашиваю: “Можно мне отдохнуть у вас в городе?” Часовые отвечают: “Без атаманова слова нельзя”. Я гутарю им: “Я странница, иду издалека, устала”. Один казак сказал: “Пойду до атамана, спрошу его”. Прошло время, идет тот часовой, а с ним атаман ихний. Рослый, статный, натоптанный себе атаман. Борода у него черная... глаза горят, губы, как рубен, зубы белее зеньчуга. Одет в чекмень. Такой красавец собой — только гляди на него.

⁴⁵ Бандерово — город Бандерма на берегу Мраморного моря, в 25 км от Майноса.

⁴⁶ Зеньчуг — жемчуг.

⁴⁷ Монисто — ожерелье из золотых монет.

⁴⁸ Рубен — рубин.

⁴⁹ Лестовки — четки.

⁵⁰ Дьячок — ученик, грамотей.

Подошел он до меня, поздоровкался. Стал он меня спрашивать, откуда я, как меня зовут. Ну, я ему сказала. Он тогда спросил:

— Ты, сестра, не останешься у нас? Женщин у нас мало.

— Нет, — сказала я ему.

— Оставайся. Тебе у нас будет хорошо, да и веры ты нашей.

Уговаривал он меня, да я, глупая, не схотела остаться.

— Не могу остаться, Богу обет дала. Странница я.

Поклонился он мне и ушел. А меня впустили за ворота. Тут-то я и увидела, как они богато живут.

Пришла женщина. Красивая собой, натоптанная, разнаряженная. На голове кокошник в зеньчугах, рубенах, алмазах. Накормила она меня, одела и проводила ласковым словом.

Ушла от нас странница, пошли разные слухи о том городе. Допреж у нас бывали разные странники, и они тоже гутарили о городе Игната Некрасы и о царстве некрасовцев. Вот наши старики стали ходить по разным странам и искать тот Игнатов город. Все время искали, и когда я была маленькой, и когда выросла. До того как в Расею итить, наши все искали. Думали, как найдут тот Игнатов город, так и уйдут к своим. Во многих странах побывали казаки, да только так и не нашли того города. А есть он! Как ему не быть, когда его люди видали?! Не станут же люди неправду гутарить? Ну, один сбрешет, другой, третий, а чего это станут все таким делом заниматься? Корысти никакой нет!..»

Некрасовцы, чтобы сохранить прежнюю самостоятельность, решили перебраться в менее населенную часть Турции, в глубь ее. Долгое время они ходили по стране и высмотрели в юго-восточной части Турции озеро, посредине которого был остров. Некрасовцы купили этот остров за 300 золотых лир у турецкого правительства. После долгих ссор выделились с Майноса 157 семей и пошли на остров Маду (на Бейшеирском озере) в 1865 г.

На второй год жизни на острове Мада некрасовцев посетила болезнь, «какой-то мор, истребивший до 30 дворов. Белый скот, приведенный с Майноса, весь перемер от чумы... Около 30 дворов вернулись на Майнос». Вместо 90 дворов в 1895 г. «на Маде остались на лицо лишь 30 дворов, около 150 душ обоего пола, т.е. население за 30 лет уменьшилось втрое!.. Печальная судьба ожидает казаков в будущем»⁵¹.

⁵¹ Смирнов Я.И. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 14.

Судьба некрасовцев острова Мады оказалась трагичной. К 1910 г. в селении осталось всего 8 семей. Последние 3 семьи с острова Мады приехали в Советский Союз в 1925 г. и поселились на хуторе Новонекрасовском. Трагическая гибель некрасовцев на острове Мада запечатлена в песнях и преданиях казаков-некрасовцев. В одном из преданий в метафорической форме рассказывается о гибели некрасовцев на Маде:

«Поселились, значит, наши казаки на Майнозе. Долго жили, а потом мир пошел — чума, значит, а тут и турка притеснять стал. Вот и решили наши казаки дальше уходить, где людей меньше и чтоб турок близко не было. Нашли такую землю на озере Бейшехирском, Мадой прозывается. Ну, отделились от Майноза три церкви и пошли в Конию (область), да и поселились на Маде.

Когда наши уходили, турки-то гутарили, что нельзя на этом острове жить, земля на нем подморная. Наши-то думали, что турки гутарят нарочно, чтобы не пустить казаков на эту землю.

Ну, как только пришли, поселились наши некрасовцы на Маде, стали они там жить, а тут и пошло одно горе за другим: умирает народ да умирает. С вечера ходил, а утром нет. Подходит, бывало, холера ночью к дому, встанет под окном и гутарит: “Ты под утро умрешь!”

Так каждое утро по десять, а то и больше покойников было. Так и поумирали все. Семей десять только обратно на Майноз пришло.

Старики-то наши гутарили, что в Бейшехирском озере медведь белый сдох, и затонул там, потому и мор пошел. Сказывали еще старики-то, как умер наш Игнат-батюшка, так и несчастья к нам пристали. Куда ни пошли бы мы, а смерть за нами идет. А то куда наше Войско Кубанское большое было! А всему виноват царь Ероха. Не будь его, мы и не ушли бы с Дону. Да и царица Катярина тоже хорошая — заклятье произнесла, чтобы мы в чужой стороне не прибавлялись, а убавлялись...»⁵²

И в преданиях, и в песнях Мада называется *«распроклятой мадьевской земелькой»*. Этот эпитет часто применяется к *«майноской земельке»*.

Печальна была судьба и у некрасовцев Майноса. Отказавшись служить в турецкой армии, они лишились самостоятельности. Турецкие власти все чаще вмешивались во внутренние дела общины. В самой общине произошло расслоение на земледельцев и рыбаков. Первые в экономическом отношении были более зажиточными. Рыбаки попали к ним в зависимость. Рушился закон

⁵² Записано от казачки Новонекрасовского хутора А.Л. Зайцевой в 1944 г.

Игната, запрещавший казаку работать на казака. Рыбаки по найму все лето работали на полях земледельцев. Вслед за экономическим расслоением в 1872 г. произошел раскол в вере. Рыбаки приняли единоверие и своих священников ставили в Москве, а земледельцы приняли австрийское священство из Белой Криницы⁵³.

Экономические и религиозные раздоры привели к тому, что Майнос раскололся на две враждующие группы. Жить стало невозможно, поэтому рыбаки, составлявшие большую часть населения, начали поговаривать о возвращении на родину, *«чтоб не погиб некрасовский корень в Турции»*.

До всех этих событий некрасовцы жили замкнуто, пытались изолировать себя от внешнего влияния, не пропуская в свою общину новшества, которые могли бы подорвать их моральные устои. Но все принятые меры не остановили доступ нового, приходившего на Майнос из России и с Дуная. Изменения из поколения в поколение становились очевидными, появилось желание жить по-новому.

В силу общинного уклада, экономики, традиции женщина на Майносе занималась только домашним хозяйством. Из селения она никуда не выезжала, грамоте не обучалась и была, конечно, более отсталой.

Но отсталость в образовании не принижала женщину-некрасовку. Она пользовалась большими правами и уважением. Все вопросы, решавшиеся на кругу, обсуждались дома, с участием женщины, и часто ее суждение оказывало серьезное влияние на решение общественных дел. В доме, в семье было равноправие мужчины и женщины. Некрасовка не знала деспотизма мужа. Держала она себя с достоинством, ее ограждали *закон* Игната и сам круг. В.Ф. Минорский, побывавший на Майносе в 1901 г., писал: «Женщины, как и везде, упорно тянутся к старине, оказывая нередко значительное влияние на дела внутренней политики. Мы узнали, например, что писарь только потому не выучился читать по-турецки, что этому решительно воспротивилась его мать. Из разговоров с бабами было ясно, что они главным образом хранят воспоминания о России и побуждают мужчин к переселению туда. Они же, как говорят, тормозят переход в австрийство»⁵⁴.

⁵³ Белая Криница (Австрия) — место, где образовалась епархия старообрядцев, принявшая греческое, «елинское», священство.

⁵⁴ Минорский В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 64.

Женщины не только были хранительницами старины и истории некрасовцев, но и создателями песен, сказок, преданий. Во многих сказках, преданиях они настойчиво проводили идею обучения грамоте женщин наравне с мужчинами.

Введение воинской повинности турецким правительством в начале XX в., углубление раскола в общине, упорное стремление увидеть родину — все это вынудило казаков-некрасовцев (рыбаков) нарушить заветы Игната и вернуться в Россию еще при царе.

* * *

Начиная с 1908 г. некрасовцы стали посещать русское посольство в Константинополе. В феврале 1911 г. их представители явились в Константинополь к русскому послу Н.В. Чарикову и передали ему грамоту, в которой казаки просили: 1) простить им вины, совершенные их предками перед государями; 2) разрешить поселиться на Дону и восстановить их в казачьих правах; 3) помочь материально при переезде из Турции; 4) освободить в первые пять лет от всяких налогов и т.д.⁵⁵

В октябре 1911 г. ходатайство некрасовцев было удовлетворено царским правительством за исключением одного пункта: им было отказано в поселении на Дону под тем предлогом, что свободных земель там нет.

Первая партия майносцев (80 семей) выехала в 1912 г. Вторая партия (70 семей) приехала в конце октября 1913 г. На Майносе осталось около 60 семей (земледельцев).

В 5 км от станции Натанеби некрасовцы построили два поселка: Успенский и Воскресенский. На Кавказе они прожили до 1917 г. Когда к власти в Грузии пришли меньшевики, некрасовцам было предложено удалиться с грузинской территории. В 1918 г. они переехали на Кубань в станицу Прочноокопскую, где и пробыли до 1921 г.

Во время господства белогвардейцев на Кубани некрасовцам земли не давали и считали их беженцами. После установления советской власти на Северном Кавказе некрасовцы обратились с письмом к В.И. Ленину. По его инициативе им были предоставлены земли на Кубани в Приморско-Ахтарском районе.

⁵⁵ Т.к. копия этого документа у некрасовцев не сохранилась, содержание некрасовской грамоты излагается нами со слов С.Ф. Шашкина, организатора переселения, замечательного знатока песен, сказок, преданий, умершего в 1947 г.

Там был образован Новонекрасовский хутор (в 30 км от Приморско-Ахтарской станицы). Поля вокруг хутора плодородны, имеются пресноводные лиманы, изобилующие рыбой. Место поселения — остров, окруженный лиманами, соединенный с Ахтарями дамбой. В течение 5 лет некрасовцы были освобождены от всяких налогов; советская власть выделила им специальные средства на постройку домов. Старики с большой теплотой рассказывают о В.И. Ленине.

Хутор Новонекрасовский распланирован по городскому типу с широкими прямыми озелененными улицами. Каждая семья имеет хороший дом с приусадебным наделом. Так на родной земле обосновались 150 семей некрасовцев.

По соседству с ними в 1921 г. начал строиться второй хутор — Новопокровский. Заселен он 120 семьями некрасовцев дунайской ветви, приехавшими из селений Сары-Кей (Румыния), Славы, Малые Дунавцы.

В 1924–1925 гг. из Азиатской Турции (селение Гамидия на восточном берегу озера Майнос, основанное из дунайских переселенцев в 1878 г.) приехала третья партия некрасовцев. Поселились они рядом с Новопокровским хутором и образовали свой Потемкинский хутор⁵⁶.

В 1934 г. Новонекрасовский хутор организовал колхоз «Красное знамя», а хутора Новопокровский и Потемкинский — колхоз «Красная звезда». Колхозная жизнь еще больше сплотила казаков между собой. В дни Отечественной войны некрасовцы показали себя как истинные патриоты своей родины. Вся молодежь ушла служить в ряды Советской армии.

В 1947 г. из Румынии прибыло в Советский Союз более 2000 некрасовских семей. Часть из них поселилась в названных хуторах и в Ейском районе (село Воронцовка) Краснодарского края; другая — в 20 км от г. Кизляра, образовав хутор Некрасовский; третья часть — в Одесской области.

250 лет казаки-некрасовцы вынуждены были жить на чужой земле. Чужой народ и нравы, национальный и политический гнет турецкого султаната не сломили воли русских людей.

Через всю странническую жизнь некрасовцы пронесли с собой горячую любовь к родине, полные благородства демократические

⁵⁶ Название это дано в честь полпреда СССР в Турции, впоследствии министра просвещения РСФСР Потемкина, который был инициатором переселения некрасовцев на родину.

традиции предков, жемчужины народного творчества, культуру, язык. Среди иноземных наречий свято берегли русское слово. Недаром в своих преданиях они говорят: «... сколько языкох не поменяли: и турский, и греческий, и рамынский — один только наш русский устоял»⁵⁷.

И только советская власть дала возможность изгнанникам царизма вернуться на Родину полноправными гражданами. Они впервые обрели ту обетованную землю, о которой так долго и страстно мечтали их предки.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. Казачи-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Дон. 1957. № 3. С. 134–146.

---

⁵⁷ Предание «Один только русский язык устоял» записано 10 июня 1957 г. от казачки-некрасовки П.С. Герасюшкиной (1890 г.р.).

Ф.В. Тумилевич

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД У КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Казак-некрасовцы — потомки донских казаков; их предки принимали участие в крестьянско-казачьем антикрепостническом движении 1707–1708 гг. под руководством К.А. Булавина. После его смерти движением руководил Игнат Некрасов.

Царские войска с помощью домовитых казаков нанесли восставшим поражение. Стремясь спасти от гибели свои отряды (в начале сентября 1708 г.), И. Некрасов увел их на Кубань. Там некрасовцы оставались до 40-х гг. XVIII в., а затем большая часть их после смерти Некрасова переселилась в устья Дуная, в Добруджу, где основали несколько селений: Большие Дунавцы, Сары-Кей, Слава Черкасская, Журиловка и др. В 80-х гг. XVIII в. из селений Большие Дунавцы и Сары-Кей значительная часть некрасовцев, особенно ревнители заветов Игната, переселяются в Малую Азию (Турция), на берег озера Майнос (в 30 км от портового города Бандерма), где основали селение Бин-Эвле, что значит 1000 домов. Некрасовцы жили изолированно, замкнуто от мусульманского населения и сохранили одежду, язык, фольклор допетровской и петровской эпохи.

В XIX в. жизнь майносцев осложнилась. За отказ некрасовцев от участия в войнах на стороне Турции турки заставили их платить непосильные налоги. Политические и экономические притеснения вынудили некрасовцев, вопреки завету Игната: *«При царизме в Расею не возвращаться»*, обратиться к русскому царю с просьбой о возвращении их на Родину. Возвратилось в 1912–13 гг. в Россию 150 семей.

В 1921 г. советское правительство поселило их на плодородных землях в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского

края. Живут они на хуторе Новонекрасовском, в колхозе имени В.И. Ленина.

* * *

Свадьба у некрасовцев (живших в Турции — селение Майнос¹) обычно *игралась* весной, начиная с праздника Отданые (сороковой день после Пасхи), на Троицу, после Петрова дня, на праздники Богородицы и Акулины. Последние свадьбы *игрались* после Успения (15 августа по старому стилю). Свадьба *игралась* весной и летом, потому что некрасовцы в основном занимались рыболовством. Лов рыбы начинался с 1 сентября (Семина день) и длился до 25 марта (по старому стилю). Казаки возвращались домой к Пасхе. Вся весна была свободна от работы, в это время и заключались браки. После свадеб казаки снова уезжали. В селе оставались по преимуществу старики, дети, женщины и те, которые занимались хлебопашеством, но таких было не более 50 семей. Казаки, свободные от рыбной ловли, все лето работали на полях у мусульман-земледельцев.

Некрасовцы просватывали девушек рано — лет с 13–14. Иногда они ждали свадьбу 3–4 года. Обычай раннего просватывания девушки старики-некрасовцы объясняют тем, что мужского населения было больше. Парни стремились захватить себе невесту раньше. Засватав, они были уже спокойны. Когда же ребят было меньше, тогда сватали девушку лет 16–17–18. Срок до дня свадьбы был не больше 2 месяцев.

Жениться на иноверке казаку-некрасовцу было нельзя: запрещал закон Игната, требовавший жениться только на своих (некрасовках), выходить замуж только за казаков (некрасовцев). «*За слушание — смерть*». На женщине-христианке можно было жениться лишь с разрешения казачьего круга или в случае принятия ее в общину. Казаки-майносцы могли жениться на казачках-некрасовках, живших на Дунае в Добрудже, в селениях Сары-Кей, Слава Черкасская, Журиловка, Некрасовка, Большие Дунавцы и др., но фактически такой брак был почти невозможным: во-первых, эти *дунаки*, как называли их майносцы, находились далеко от Майноса; во-вторых, среди *дунаков* также было мало женщин, и потому они не выдавали

¹ Свадебный обряд записан от старшего поколения казаков-некрасовцев автором статьи в 1938 г. в хуторе Некрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края.

их на Майнос; в-третьих, некрасовцы Майноса были беглопоповцами (а с 1873 г. — единоверцами), тогда как дунайцы-некрасовцы были беспоповцами, а с 1860 г. — старообрядцами австрийского (иначе — белокриницкого) толка, и потому старались оградить своих женщин от перехода в «*другую веру*».

Каждый молодой майносец старался заранее обеспечить себя будущей женой. На Майносе к женщинам относились с уважением. Она была полной хозяйкой в доме, и муж во всем считался с ее мнением. Ее охранял от деспотизма мужа круг и закон Игната².

Если муж обижал свою жену, она имела право покинуть его с разрешения казачьего круга и возвратиться к своим родителям. Когда жена уходила от мужа, он становился подлинной притчей во языцех, подвергался всеобщему осмеянию и вынужден был навсегда уйти из родного селения либо на промысел, либо для занятия торговлей где-нибудь в других населенных пунктах, причем обязывался уплачивать налог кругу, в войсковую казну. Такой казак мог, наконец, уйти к *дунакам*, но в этом случае он считался изменником Войска Кубанского (так именовали свое войско некрасовцы Майноса). За это полагалась суровая кара, по законам Игната. «*За измену войску расстреливать без суда*» или закапывать по шею в землю. «*Лишенца*» можно было безнаказанно убить.

Провинившийся перед женой обычно становился на путь примирения с ней, тем более что оно было делом трудным, связанным со многими хлопотами, просьбами и даже унижениями. Виновный должен был идти к родным жены, просить их о посредничестве, приносить повинную о своем грубом поведении. Если родные соглашались, то они, в свою очередь, уговаривали дочь, а затем устраивали мужу встречу с женой, при которой он просил ее вернуться домой, давал обещание быть ласковым, справедливо относиться к ней.

Когда жена не соглашалась, а родители склонялись на просьбы зятя, он шел к атаману, старшинам, старикам, кланялся в ноги и просил «*Христом-Богом*» помочь ему вернуть жену, а самого *поучить* в наказание.

---

²Жена могла оставить мужа, если он обращался с нею плохо. Муж, оставленный женой, наказывался кругом; за измену жене муж наказывался плетью до смерти; жену, изменившую мужу, зарывали по шею в землю. «*Провинившегося перед Войском и не прощенного кругом лишали казачьих прав*». «*Лишенца*» можно было безнаказанно убить.

Эта просьба всегда подкреплялась *угощением*, которое виноватый *подносил* атаману, старшинам и старикам.

После этого собирался круг, атаман передавал суть дела есаулу, а тот трижды объявлял об этом присутствующим. Круг решал: мужу взять свою жену, но мужа *поучить*, т.е. высечь, причем виновному *отпускалось* от двадцати до тридцати плетей.

После *учения* он вставал, кланялся старикам, атаману, всему кругу и говорил: «*Спаси Христос, что поучили!*» Только после этого муж брал жену и шел с нею в свой дом.

Такое *учение* было позором для казаков и в значительной мере предотвращало ссоры. Для всех же других это было большой острасткой, поучительным примером.

При всем уважении, с которым относились к женщинам на Майносе, встречались нередко случаи, когда жизнь ее в доме мужа складывалась крайне неудачно. Жену обижали свекровь, золовки, девери, свекор. Это подтверждается женскими песнями, свадебным фольклором, рассказами казачек о жизни некрасовок в прошлом.

Чаще всего женщине приходилось сносить все терпеливо: жаловаться на свекровь или на свекра не полагалось, потому что они родители, люди пожилые, а старшего учить нельзя, да и жаловаться на него было «*не в обычае*».

Бывали и такие случаи, когда жена не хотела уходить от мужа, но стремилась наказать его за все нанесенные ей обиды. Тогда она жаловалась атаману, и мужа *учили*. *Ученье* практиковалось и в случае жалобы жены на измену мужа. Однако старые некрасовские законы были крайне строги и в отношении самой женщины; если она изменяла мужу, ее зверски избивали, а потом предавали смерти: «*в куль да в воду*».

Законы Игната регламентировали жизнь некрасовцев и устанавливали кары за всякие проступки. В памяти стариков-некрасовцев не сохранилось случаев, чтобы жена уходила от мужа. Но от своих отцов они слышали, что изредка в старину это бывало. «*Боже сохрани, чтобы на круг вызвали, — стыд перед народом, да и круг не помидует. Боялись мы нарушить завет Некрасова*».

В духе крепких семейных устоев майносных некрасовцев воспитывалась и молодежь. Жених вел себя по отношению к невесте сдержанно, почтительно.

Если 13–14-летнюю девушку засватали за парня лет 18–20, он терпеливо ждал брака в течение 4–6 лет, в его обязанность как

жениха входило систематически навещать невесту. Бывал он у нее ежемесячно, когда приходил, приносил орехи, инжир, изюм, *сосучий сахар* (конфеты).

Как только невесте исполнялось шестнадцать лет и она начала появляться в обществе подруг на гуляньях, в *курагоде* (хороводе), на *вечеринках* (вечерние сборы молодежи на площади), жених всегда находился около нее. Никто из других парней не имел права подходить к ней и разговаривать. Это считалось позором как для самой невесты, так и для того парня, который нарушал священные стариной традиции. О таком предосудительном поведении стали бы говорить, а этого некрасовцы боялись пуще всего. Особенно родители опасались такой молвы о их сыне или дочери.

Молодые казаки Майноса относились к девушкам-невестам с уважением и всякого обидчика девушек карали своим судом.

Нередко случалось, что девушку просватывали не за любимого человека. Но и тогда ее сердечный друг стоял где-нибудь в стороне и, как он ни страдал, все же не подходил к ней, не заговаривал.

Во время игр или *ведения крыла* жених становился сзади невесты, брал ее платочек в руку и шел за нею. После окончания игр или *крыла*, *курагода* он провожал невесту домой.

Когда невесте исполнялось 15 лет, жених *справлял* ей *одежду*, т.е. *балахон* (летнее пальто), *сарахван* (ватное пальто), *рубаху* (платье), *завеску* (фартук), платок, серьги, *монисты* (ожерелье из серебряных или золотых монет) и т. д. Делалось это для того, чтобы родные, когда придет время для официального согласия на их брак, не раздумали выдать за него свою дочь, а невеста знала бы о щедрости, заботе о ней и не противилась заключению брака.

Водить крыло — это значило: девушки, попеременно с парнями через одного, брались руками за платочки и шли длинной цепью или развернутым порядком во всю ширину улицы через все село и пели песни, приплясывая.

Просватывание девушек в детстве не предreshало само по себе окончательного согласия ни самой невесты, ни ее родителей, которые могли расторгнуть сватовство, отказать жениху, если на то имелись причины. Чаще всего это случалось, например, когда жених запятнал себя каким-нибудь позорным, предосудительным поступком, родные поссорились между собой, девушке не пришлось по нраву ее жених, и она упрашивает своих родителей, чтобы те не

выдавали ее замуж. Бывали случаи, когда родители удовлетворяли такую просьбу дочери, но чаще всего они не спрашивали мнения своих детей, женили и выдавали замуж по своей воле.

На *молодую* в семье мужа смотрели как на продолжательницу рода, а также как на работницу. В таком браке красота или сердечные наклонности, любовь не имели особого значения. Чтобы молодые после свадьбы жили в согласии, любви, уважении друг к другу, родня жениха и невесты предпринимала ряд «магических» средств предупреждения. Они старались оградить их от вмешательства посторонних сил — чародея, колдуна, от *дурного глаза*, беса, ведьмы. Поэтому в течение оформления договора о браке невесту *берегли*. Официальное сватовство — договор или, по выражению некрасовцев, *моление* — обставлялось таинственностью, иносказательностью. Существовала почти такая же, как в России «магия предохранения». Враждебную силу обманывали при сватовстве, разговоры шли намеками, имя невесты и жениха не называлось, договаривались о «*купле и продаже*». Казаки в день свадьбы стреляли не только из ружей, но и из медных пушек, завезенных в Турцию с Дона еще предками некрасовцев; с этой же целью в платье невесты вкалывали иголки без ушек. От бесов можно спрятаться: голову невесты покрывали платком, закрывали окна, двери; перед тем как ее должны были отвезти в церковь, она все время находилась в окружении подружек. Чтобы кто-нибудь — сохрани боже! — не *заговорил* пищу, приготовленную для молодых, они после приезда из церкви кушали поздно ночью без посторонних, их обслуживала только крестная мать жениха.

После того как невесту просватывали, ждали срока: когда же он наступал, шли *молиться* — оформлять брак (в России это называлось *рукобитие*). Обе стороны устанавливали день свадьбы. Обычно он был не меньше двух недель и не свыше двух месяцев.

Мать невесты задолго до сватовства готовила приданое: *рубахи, балахон, бахилы* (легкие сапожки), *завеску, катаур* (девичий пояс из гаруса с серебряной бляхой, на которой была изображена сказочная птица Феникс), *кулан* (женский пояс из гаруса с *махрами* на конце), кокошник (головной убор из парчи, украшенный жемчугом, рубинами, бирюзой, золотыми или серебряными монетами). Кокошников приобреталось два вида: девичий — маленький, с гладким верхом, наподобие шапочки — и замужней женщины: большой, вместо гладкого верха приделаны рога, который женщина

носила по праздникам, *кичу* (шапочку с рогами), покрываемую шелковым шарфом). *Кича* украшалась жемчугом, бисером. Кроме того надевалась *шлычка* (платок).

В церковь невесту возили в девичьем наряде. В конец косы заплетали *махор* — серебряную пластинку толщиной в 5 мм, треугольной формы: в его основании на серебряных цепочках висели монеты: посреди серебряной пластинки вставлен рубин или какой-нибудь другой драгоценный камень.

Когда привозили *молодую* из церкви в дом жениха, ей расплетали косу на два конца или две косы, которые она обвивала вокруг головы, а сверху надевала *повойник*, а потом *кичу*, по праздникам — кокошник с рогами.

После возвращения в Россию некрасовцы *играли* свадьбу по старинному обряду вплоть до 1934 г. Во время коллективизации, внедрения нового в жизнь, ухода молодежи на учебу в город, появления комсомольцев, членов партии, организацией совета старейший быт, стародавние нравы и обычаи стали исчезать.

С 1934 г. по 1946 г. было лишь 4 свадьбы, игранных по полному обряду, да и те проводились без соблюдения некоторых традиционных, старинных норм, деталей и особенностей.

В общих чертах свадьбы некрасовцев по старинному обряду на Майносе *игрались* так.

1. Сватовство

Обычно родители жениха посылали в дом, в котором имеется девушка на выданье 16 лет или в возрасте 13–14 лет, чужого человека (чаще всего профессионалок *свашек*) узнать, отдадут ли родители свою дочь замуж. Если те были согласны просватать ее, то мать и отец жениха шли в дом невесты сами. Из дома выходили вечером, когда стемнеет, и отправлялись только в том случае, если им не помешали — не перешли дорогу с пустыми ведрами, не каркнула ворона и т.д.

Придя в дом родителей невесты, мать жениха говорила, что они узнали от людей о продаже телочки или лисицы, куницы. Сказав так, она смотрела по сторонам: нет ли посторонних в доме, закрыты ли двери, завешаны ли окна. Убедившись, что все в порядке, подходила к матери невесты и шепотом говорила:

— *У вас есть невеста, а у нас жених. Давайте породнимся.*

Мать невесты отвечала:

— *Поглядим, посмотрим. Нам не к спеху. Товар ня испортится. Торопиться незачем, спросим у девки, как она. Двери у нас всегда отворены. Милости просим, приходите еще раз... Сразу и коровы не покупают... Подумаем, с родными посоветуемся, у Бога спросим. А вы заходитя, коли нужда есть. Приходитя, двери у нас для таких гостей всегда открыты. Милости просим — в другой час, в другой день.*

Недели через две, обычно в праздник (воскресенье), отец и мать жениха снова направлялись в дом родителей невесты. Опять начинались разговоры о сватовстве. Если жених не нравился родным невесты, не по душе была им его семья или были на примете другие *сваты*, родители невесты отсылали *сватов*, и те ходили до тех пор, пока не засватают или им не откажут от дома: родные невесты могут отсылать родных жениха несколько раз. Приходя в дом невесты, спрашивали:

— *Согласны вы или нет? Скажия нам что-нибудь.*

Отец и мать невесты, если они соглашались выдать свою дочь и никаких возражений против жениха у них не было, говорили:

— *Приходитя, гости дорогия. Ждем вас. У нас все готово. С родными посоветовались, с Богом говорили, да и сама девка согласна. Заждалась наша ластишка, касатушка красныва солнушка. Готовьтесь к воскресенью. Будем молиться.*

Во время этих разговоров дочери в доме не бывало. Обычно мать отсылала ее к знакомым или к родным по какому-либо делу, наказывала, чтобы она ничего не говорила, не возвращалась домой раньше указанного времени. Если дочь догадывалась, что ее хотят просватать за того парня, за которого она не хотела выходить, она просила мать:

— *Мамушка, ня зовите их на «моление» к нам. Ня давайте своего слова родительскыва.*

Мать утешала дочь, обещала не приглашать на *моление*.

Ко дню *моления* родители жениха готовяли вино, закуску и поздно вечером шли в дом невесты со своим угощением.

Подойдя, стучали в дверь со словами:

— *Боже-Христе, помилуй нас! Боже-Христе, помилуй нас! Боже-христе, помилуй нас! Разрешите влезть³.*

Им отвечали:

— *Аминь.*

---

³ Влезть в хату — войти.

Так обращались три раза и трижды получали тот же ответ: «Аминь». Только после этого родные жениха входили в дом.

2. Моление

На *моление*, или *обмывание руки* — *рукобития* родители жениха направлялись в дом невесты вместе с его крестными матерью и отцом. Родня невесты также *кликала* на *моление* крестных мать и отца своей дочери. Мать невесты обращалась к родителям жениха с такими словами:

— *Пришли гости жданныя, дорогая, дела славаи совершати. Бог благословить нас и дяла наши, а теперьча давайтя молитья. Три поклона положим и помолимся. Тады пойдем большой начал класть. Три поклона помолимся, руку обмоем.*

Все становились перед иконами. Три раза клали поклон, затем читали молитву «Достойную».

После *моления* и поклонов все вставали и, радостно смотря друг на друга, целовались. (Невеста не присутствовала ни во время сватовства, ни во время *моления*.)

Мать и отец жениха обычно говорили:

— *Вы знаете нас, а мы будем знать вас. Мы таперьча сватья. Жить будем в согласи, дружбе, помогать будем в нужде: вы — нам, мы — вам.*

Затем садились за стол и начиналось угощение, т.е. *обмывали руку*. В это время все пели песню:

Едить корабь с моря,
 Набимша паруса,
 Яво серса ноить,
 На быту⁴ ляжить.
 Он душой тамился,
 Ва слязах сказал:
 «Паслушай-ка, братес,
 Совету маво:
 Совет мой прикрасен
 Дарожа всяво.
 Ой-я-одбил сорок пушик,
 Шлеть крест золотой.
 Ой, одбил руцку, ножку, —
 Ступай, брат, домонь.

⁴На быту — на боку.

Какая это домовля,
Когда роду нет,
Когда роду нет.
Отес-мать померли,
Жены сроду нет.
Есть братес богатый,
Ня можить принять,
Сястра есть, да убогая,
Няма чаво с ней взять.

Или другую:

Ой, я по садику ходила,
По лазоривым гуляла,
По лазоривым гуляла.
Ни нашла свету такова,
Ни нашла свету такова,
Супротив сваво милова,
Супротив сваво милова.
Мой миленький харош,
Чернобров, душа, пригож,
Ой, подарыщик принес,
Подарыщик дорагой, —
С руки перстень золотой,
Подарыщик дорагой, —
С руки перстень золотой.
Ни хощу перстень носить,
Хощу скинуть, полажить,
Хощу скинуть, полажить,
Сама по воду пойтить.
Проси, Вася, дощ у мати,
На улису погуляти.
«Гуляй, гуляй, моя дощь,
Гуляй, гуляй, моя дощь,
Не прогуливай всю ночь».
«Родимая мая матушка,
Табе миня ни унять,
Табе миня ни унять.
Не уняла, когда млада была,
А теперя я велишка,
Мне и надо человекца, —
Ни старыва, ни малыва,
Ни старыва, ни малыва,
Чтоб усы выбивали».

После этого родные жениха говорили:

— *Проститя вы нас. Мы вас знаем, а вы нас знаете. Приходитя к нам на угощение в воскресенье.*

Этим *моление*, или *обмывание руки*, заканчивалось.

Родня жениха уходила домой. Невеста возвращалась. Она садилась на скамеечку около грубы (плита-«голландка») и начинала се-товать на свою судьбу, укорять отца и мать, просить их не выдавать ее замуж. Отец молчал, а мать старалась утешить дочь, говоря ей:

— *Доценька моя, соколушка ясная, орлиса поднебесная, не я отдаю тебя — судьба отдает. Родные советуют, люди чест-наи. Мир глядит на тебя. Миня, доценька, тоже отдавали. Ня ты первая, ня ты последняя.*

После такого *увещания* дочь плакала навзрыд и начинала при-читать:

Родимая моя матушка,
 Защем меня отдаетя ня в совесть?⁵
 Я за него-та ведь не хошу,
 А вы меня заром⁶ отдаетя,
 Или, моя мамушка,
 Я у вас много хлеба поела?
 Или, мой родной батюшка,
 Много одежды износила?
 Или, мой родной батюшка,
 Да я вас обидила,
 Что ня чаитя меня с шеи сорвать?
 Неужели мне ня нашелси по совести?
 Хоть давайтя, хоть не давайтя,
 А я за него ня пойду-у-у...

Мать снова утешала ее, затем подходил отец и говорил ей, что-бы она не печалилась, что выдают ее в хорошую семью, за хороше-го *бурлачинку* (парня). Однако дочь продолжала причитать:

Да ты, родимая моя матушка,
 Ой да, и на что ты меня родила
 Да и-и-и в чужие люди меня наделила?
 А у чужих-то я буду сиротинушка,
 Да в чужих-то людях я горька наплащуся,
 Ой да, и я, сиротинушка, буду им чужая,
 И-и-и там-то сяду я ня так, и сделаю ня так...

⁵ По совести — по любви.

⁶ Заром — насильно.

Мать перебивала причитание, убеждала дочь, чтобы она ничего не боялась, — ведь будет жить среди людей. Но видя, что та не слушает, начинала сама причитать и давать советы:

А моя дите, а ты да будь покорная,
Да будь покорная, как у меня была:
В огонь пошлю — в огонь идешь.
Так и там: в огонь пошлють, в огонь иди.
Чужим людям, дитятка, ня жальси:
Что есть, пускай в дому замреть,
Чужия люди глядят, они все видять,
Все видять, все слышать.
Покоряйся, моя дошенька, и будешь ты желанная,
И никто тебя, родная, не обидить.

Мать и отец отходили от дочери, которая постепенно переставала плакать и от причитаний переходила к жалобным, протяжным песням:

Как у Дуни, у Дуни была дочешка,
Ой, дорогая она гостьюшка,
Ай, шелковая метелушка,
Шелковая да метелушка,
Намела все, повымела,
Трое сеней, трое новых.
И лишь одни сени не вымела,
А там сидела люта свекровь.
Эй, со лихими золовками,
Со лютыми диверями.
Ой, они сидять все, судять, рядять,
Ой, про чужаю про доченьку:
Будто она да ленивая,
Будто она да горделивая,
Будто она да не шить, не мыть,
Будто она не ткать, не прясть,
Будто она непригожая.

Просватанная и ее родители не спят допоздна. Отец и мать старались не обращать внимания на дочь и говорили на посторонние темы нарочно громко, чтобы она слышала. Но дочь, поглощенная своим горем, продолжала *играть* — причитывать песню о своей будущей горькой доле:

Калинушка, малинушка, вода поняла⁷,
 Во ту пору матушка меня родила.
 Не собрамши разумом, замуж отдала.
 Ва чужую, дальнюю сторонушку,
 Ва чужие люди, незнакомаи,
 А чужия люди умеють учить:
 В одну щеку вдарять — румяны вырежутъ.
 Гутарила матушке: «Буду в гости ходить», —
 А третий год у матушки в гостях не была.
 Ай, сделаюсь я да горькой пташешкой,
 Полечу, матушка, в садошк к тебе.
 Сяду в садошику у матушки своей,
 Закукую я, кукушечка, жалобнехонько.
 Ходит моя матушка в зеленом саду,
 Ой, невестушку-голубушку пробуживать:
 «Ты встань-ка, невестушка, встань, голубушка.
 Послухай, невестушка, кто в саду поеть, —
 Ни моя ли чадушка, Степанидушка,
 Да у меня же в садошке кукуить?
 Ай, кукуить кукушечка жалобнехонько?»

На этом невеста кончала «голосить» (причитать). На другой день к ней приходили подруги. Они помогали в шитье приданого, причем *обыгрывали* невесту. По вечерам приходил *наведать* жених, приносил гостинцы. Если он не торопился отдать их невесте и ее подругам, те начинали петь песню; сами же в это время непременно что-нибудь делали, как бы не обращали никакого внимания на жениха.

Ой, и кто ж кого любить,
 Через три поля гулять ходить,
 Через три поля гулять ходить,
 Он и ходить, сам приходить
 И подарочки приносить,
 И подарочки приносить:
 А орешки для потешки,
 А орешки для потешки,
 А инжиру для жиру,
 А вуюму для вуму,
 А вуюму для вуму.

Как только начиналась эта пенся, жених наделял гостинцами всех подруг. Большую долю и лучшую давал невесте. Если он не

⁷Поняла — затопила.

любил невесты, то навещал ее не чаще 2–3 раз за все время сватовства и приходил лишь под давлением своих родителей. Когда же жених любил невесту, то он под разными предложениями бывал в ее доме чуть ли не ежедневно.

После *моления* роднящиеся семейства ждали *угощения* невесты.

3. Угощение невесты

В ближайшее воскресенье после *моления* мать жениха пекла *калачи* (на меду), приготавливала вино. То же делала и крестная мать. Потом приглашали родственников и все вместе шли в дом невесты. Являлись к ней с песней:

Уж я выйду, молода, за ворота,
Я, млада, за новыя ворота,
Ой да, за новыя, кленовые,
Ой, да, за решетчатые.
Да я за миленьким вослед пошла,
Ой, я до тех пор, млада ды ходила,
Ой, все да случилася любовь,
Ой, любовью я, девка, прекрасна.
Ой, свет да разлука чижала,
Ой да, разлучаить нас с тобой неволя.
Да чужая дальняя сторона,
Да чужая дальняя сторона...

Родня жениха, переступив порог дома невесты, останавливалась. Навстречу им выходила невеста, кланялась трижды низко до земли, потом целовала свекровь, крестную мать и всю родню жениха, а они невесту. В это время оделяли подарками-деньгами (1–2 рубля, иногда червонец, а кто и 15–20 копеек), *калачами*.

После встречи невесты родня жениха передавала принесенную закуску матери невесты, оставляя у себя только вино. (Во время сватовства родные жениха приносили угощение, а родня невесты только накрывала стол.)

Пока родные жениха не сядут за стол, невеста стояла перед матерью жениха, опустив глаза. Потом мать невесты приглашала ее к столу, накрытому белой скатерью.

Все садились, одна невеста продолжала стоять из уважения к родне будущего мужа.

Тетка невесты наливала в стаканы вино и передавала невесте, а та подносила присутствующим, начиная со свекрови. Обношение

это производилось три раза. Четвертый стакан свекровь возвращала невесте со словами:

— *Выпей-ка от меня стаканчик да сыграй песенку.*

Невеста выпивала, переворачивала стакан вверх дном, показывая, что она исполнительна и выпила все. Но песни не *играла*. Тогда свекровь снова просила ее, чтобы она сыграла песню. Невеста запевала:

Ой да, я у матушки,
 Ой, одна дочушка была,
 Ой да, у родимой своей,
 Я родной матушки,
 Ой, я по волушки выросла.
 Ой, изо всех-то подруг
 Да раскрасависа была,
 Ой да, я у маменьки выросла,
 Ой, весь день-то во садошку пробыла,
 Ой да, во слязах, млада,
 Я путь-дорожку ни нашла,
 Ой да, оглянулась назад —
 Стоить милай друг позад,
 «Да здравствуй, Дунюшка,
 Здравствуй, душещка моя,
 Здравствуй душещка моя».

Окончив песню, она снова обносила гостей вином. Свекор тоже просил ее *сыграть* песенку. Но невеста молчала, тогда он просил ее второй и третий раз. После этого она начинала *играть*.

И шла Дунюшка, и шла Дунюшка,
 Она поздно вешером, да одна.
 Она шла-то гнала, Дуняшенька,
 Она гнала да стаду лебедей.
 Как настряшу⁸ ей, Дуняшеньки,
 А он шел, купеческий сынок.
 «Здравствуй, Дуняшка, здравствуй, девочка,
 Здравствуй, милая моя,
 Мы пойдём с тобой, Дуняшенька,
 А мы во трактирушки гулять.
 Мы выпьем с тобой, Дуняшенька,
 А мы с тобой склянису вина».
 «Не подлазь ты, да обманщик,

⁸ Навстречу.

Да ты не обманывай во глаза.
Ой, да я у батюшки, у родимыво свово,
У родимой своей матушки,
Ой, я восемнадцать лет дощь была.
Ой, никто ж-то мне, обманщик,
Ой, никто мне не обманывал во глаза.
Ой да, как и ты-та мне, обманщик,
Ой да, обманываешь во глаза-а-а».

Свекор благодарил невесту за песню и оделял ее деньгами или подарком: серьгами, *монистами* и т.д. После песни она снова обносила гостей вином.

Гости гуляли, пели песни, вели беседу. Каждый из них обращался к невесте с какой-нибудь просьбой: или чтобы она воды подала, или закуски подложила, поглядела бы за дверью — не пришел ли еще кто и т.д. Все просьбы невеста выполняла точно, быстро. Ходила по хате плавно, кланялась в пояс, когда подливала вино. Гости следили за каждым ее движением.

В полночь гости, распив все вино, расходились по домам. На прощанье невеста всех целовала и становилась у двери, кланялась в пояс каждому уходящему.

Если невесту брали в дом жениха в этом году, то приходили на *запивание невестинной руки*, а если через 2–3 года, то никаких гуляний больше не бывало. Жених навещал невесту по большим праздникам (на Заговенье, Троицын день и т. д.) Приходил он обычно под вечер; приносил с собой гостинцы: изюм, конфеты, орехи, инжир, дарил браслет, носовые платки, кольцо, *монисто* и т.д.

Незадолго до венчания происходило *запивание руки*.

4. Запивание руки

Родные жениха пекли пироги, *калачи*, варили мясо, рыбу, готовили вино, забирали все это с собой и направлялись к невесте (ни жених, ни невеста на этом пиру не присутствовали). Отец и мать невесты приготавливали столы без закуски, *кликали* свою родню. Мать и отец невесты рассаживали гостей по чину и званию. Родственники жениха садились на *большую месту* (т.е. почетное место, под иконами) и требовали принесенный хлеб и соль. Все это выкладывали на стол, накрытый белой скатертью. Когда все усаживались, дядя невесты разливал вино и обносил присутствующих.

Все выпивали. После этого начинали *играть* песни, чаще всего любовного содержания, например такую:

Ой, ты, девиса млада.
Да ни ходи мимо сада,
Ни протаривай следа.
Ни протаривай следа.
Путь-дорожку не тари,
Худу славу не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто замуж не возьметь,
Ни татарин, ни боярин,
Ни прохожий человек.
Отсу-матери бесчесть,
Роду-племени позор,
Роду-племени позор.

После песни делали разные двусмысленные намеки незлостного характера по адресу родных невесты. Потом пели такого же рода песню, стараясь этим вызвать неудовольствие у отца и матери невесты. Но те вместе с гостями шутили и «подхватывали» песню, исполняемую жениховой стороной:

Ой, как бывала, воспевал
В славном сади соловей;
Эй, вищор Дуня приуныла,
Ой, да, не слыхать ее речей.
Да сын Василий, сын Гаврильев,
По кораблицкам гулял.
Ой, мене, Дуню, обманул,
Да сладкой воткой напоил,
Ой да, живой рыбкой накормил.
Я живую рыбку съела,
Почуяла в животе,
Почуяла в животе.
Стала плакать и тужить,
Всем подружкам говорить:
«Вы, сястрисы, вы, подружки,
Попячальтись обо мне,
Об Дуняши сироте».
«Ня плачь, Дуня, ня тужи,
Сама сибе ня суши.
Придет времяшко-пора,
Выйдить рыбощка сама».

Сыграв несколько песен, выпив по 9 стаканов вина, родные жениха собирались домой. Отец и мать невесты на прощанье говорили:

— *В час добрый! Заходитя, проведывайтя невесту. Мы теперича вас знаем, а вы — нас. Заходитя.*

5. Идут к невесте

Накануне свадьбы, обычно в субботу после обеда, в дом к невесте отправлялась женская родня жениха — мать, крестная мать, сестры жениха (мужчины в этот день к невесте не шли). Они брали с собой *калачи*, *калачики* медовые, вино и разное угощение. Жених провожал их до самого дома невесты. По дороге женщины пели, плясали. В это время товарищи жениха стреляли из ружей и пистолетов. Песню *играли* такую:

Туман-тумановщик.
Как во том-то туманощку
Ой, ничево не видно,
А толька видно,
Да толька слышно —
Дубок зелянеить.
Как под тем ли, под дубощком,
Девка с парянешком.
Девка парню рещь говорить:
«Не женись годошник.
Подрасту я, красна девка,
Хоть один вяршочик,
Паринь девку не послушал.
Да взял, да женилси.
Ой, он ня взял себе да девису,
Ой, взял удовису.
А удовичий обычий,
Да ня как дявичий.
Удовушка постель стелить,
Сама слезно плачить.
Восголовьису воскладаить,
Дружка проклинаить,
А девиса постель стелить,
Сама песни граить,
Восголовисы воскладаить.
Дружка воспоминаить,
Дружка воспоминаить.

Подходя к дому невесты, жених с товарищами удалялись. В доме родные жениха отдавали в руки матери угощение и подарки (в доме невесты мужчин также не было), которая передавала их невесте. Свекровь дарила: *балахон, рубашку, завеску, связку* (повязку), *жерелки, серьги, монисты*. После этого невеста уходила в другую комнату, переодевалась, выходила к гостям, кланялась всем три раза до земли, а свекрови «*в особицу*». Тетка невесты наливала стаканы вином, невеста разносила их, а затем *играла* песню:

«Что же ты, девочка прикрасна,
Лисом белая, хорошая,
Что суха, бледна стала?»
«Я суха, бледна стала,
Эй, я бяз мильва дружка,
Я бяз мильва дружка —
Млад-донскова казашка».
«Сколько в свети ни ласкаться,
Знать, тобою не владеть.
Больше в свети не желал бы
Сизых крылушик сибе.
Стрепянулся, полятел бы
Ва дявчонкин зелен сад.
Сел бы, сел бы я, голубщик,
На ие праву плячо,
Поглядел бы ие глазки
Да на белае лисо.
Что ты, что ты, дявчоношка,
Что суха, бледна стала?»
«Я суха, бледна стала,
Да бяз мильва дружка,
Бяз мильва я дружочка,
Млад-донскова казака».

После этой песни невеста продолжала разносить вино. Поднеся всем круговую чару, она снова заводила песню, а присутствующие подхватывали. Невеста начинала плакать. Гости и подруги ее, кончив *играть* песни, обращались к ней со словами:

— *Что плачешь, голубка? Али о голубе тоскуешь. Ня плачь. Прилятить твой голубь ко вечеру, хотя ты и ня увидишь яво, а услышишь. Двери накрепко заперты, ходу яму нет в терем голубки.*

Невеста утирала кончиком платка слезы и начинала, причитая, петь:

Ой, коли-то я была, сястрисы,
Ой, была я перепялиса⁹
Да куда вздумала, туда полятела.
А теперь мне, красной девочки,
Да волюшки ня стало.
И по садику я сладки яблочки,
Ой, млада, я собирала.
Ва тальянскую шириношку
Да своему милому завязала.
Своему милому подарошик послала.
А он меня милой, глупой,
Ой, дявчоношку называеть.
«Ты, милая дявчоношка,
Ой да, а ты неразумная,
Неразумная, красная девочка,
Ты у своо родныва батюшки
Ня умела миловаться,
Теперь волюшки ня будить».

Кончив петь, невеста говорила своим подругам:

— *Подружа-а-аньки, а вы мо-о-и мила-а-аи, да я с вами расстаюся на веки вещьныя. Поки-и-и-даю я волюшку, а во чужсих-то людях я наплацу-ся-я.*

Речитативное причитание невесты переходило в песню. Она обращалась к каждой подруге:

Родимая моя подружанька,
Как мы с тобой играли,
А теперь мы будем расставаться.
Родимая моя креснушка,
Ня буду я ходить к тебе в гости,
Ходить в гости, как бывало,
Когда была моя воля.
Я тогда по всем ходила-а,
Родимаи мои соседушки,
Теперь моей волюшки няма.
Ня буду я к вам больше ходить,
Зарастут стежки-дорожки;
А если пустить муж,

⁹ Перепялиса — перепелка.

Пойду к отсу-матери.
 Если ня пустить — буду дома сидеть.
 Отходила я по своей волюшки,
 Отшинковалась¹⁰ я, открасовалась,
 А теперь мне волюшки няма-а.

Всхлипывая, она говорила:

— *А пойдетья гулять, а вы, мои подружаньки, и меня позовитя.
 А ня пустить меня, а вы попроситя мужа мово, а вы попроситя
 свекровь мою.*

Подруги обещали не забывать ее, навещать, брать с собою на гулянье.

Родня жениха поднималась и собиралась уходить. Мать его приглашала родных невесты к себе в гости. Жених стоял у ворот и ждал, когда выйдут его теща, крестная мать, сестра невесты.

Подруги, извещенные, что пришел жених, начинали петь:

Свети, месяц, свети, звездушка,
 Ой да, свети, белая заря.
 Просвети пути-дорожуньки,
 Ко сударушки во двор.
 «Пошел ба я ко сударушки,
 Да ня знаю, где живеть.
 Попрошу я у товарища,
 Пускай меня доведеть.
 А товарищ лучше меня,
 Боюсь, шельма, отобьеть.
 Подошел я под окошку,
 Вочень Дуня крепко спить.
 «Стыдно, стыдно тебе, девощка,
 Вочень, Дуня, крепко спать».
 «Тебе, молодес, стыднее
 Поздно вешером ходить».

После ухода гостей в доме оставались допоздна невеста со своими подругами, которые вели приготовление к венцу. Невеста ничего не делала. Она подходила к своим подружкам обнимала их, плакала. Подруги утешали ее как могли.

Последнюю ночь невеста не ложилась спать; ее уговаривали, чтобы она отдохнула, успокоилась, своими жалобами не гневилась Бога, родных, а смирилась.

¹⁰ Отшинковалась — отгулялась.

6. У жениха

Накануне свадьбы родня невесты в первый раз приходила в дом жениха, где *гуляли*. Цель такого посещения родни невесты сводилась к тому, чтобы осмотреть хозяйство, обстановку в доме жениха, познакомились с тем, как живут его родители, в какой дом они отдадут свое любимое детище, можно ли надеяться на хорошую жизнь их дочери здесь. Мать жениха, крестная мать, сестры старались не ударить лицом в грязь и хорошо принять гостей.

Жених встречал мать невесты, кланялся ей три раза до земли, целовал ее и всех пришедших. Обняв мать невесты, он вел ее в свой дом, сажал за стол и начинал угощать вином. Будущая теща выпивала три стакана, а четвертый брала в руки, подносила зятю со словами:

— *На, зятюшка. Выпей стакан вина да заиграй песню.*

Выпив вино, жених «играл»:

Ой, ты черный, чернобровай,
Молодес хорошей,
Твоя лисо румяниса,
Завсегда играить.
Молодой, холостой,
Много травушки примял,
Муравушки притоптал.
Притоптал, приломал.
Сударушку не нашел.
Сударушка-девушка,
Белая лебедушка.
Выходила сударушка
На праву крылешку,
Говорила любезная
Тайную словешку:
«Да ты поди-ка и ня стой,
Няженатай, холостой.
Да ты поди-ка куды хощишь,
Люби каво знаишь».

После *игры* жениха *играли* все. Жених все время угощал мать невесты. Потом брал ее под руку и отводил домой. Участники гулянья провожали их.

Если мать невесты была в состоянии приготовить угощение, она просила всех в дом, а если не могла, жених брал за руки крестную невесты и тоже отводил ее домой. (Почти всегда будущая теща угощала жениха и всех пришедших с ним.)

Отгуляв у будущей тещи (невеста и подружки не присутствовали, они сидели в другой комнате), жених возвращался домой. Когда он подходил к избе, мать и его сестры спрашивали, где он был. Он отвечал песней, а потом говорил, что был в доме матери невесты.

Поздно вечером к жениху приходили товарищи, и все вместе шли гулять к невесте. Гулянье длилось всю ночь, расходились только под утро.

В доме невесты приступали к *убиранию* ее к венцу. Жених же со своими товарищами также готовился к отъезду за невестой.

7. Свадьба (венчание)

В день самой свадьбы, т.е. венчания молодых, в доме жениха начинались приготовления. Утром приходили все приглашенные на свадьбу. Когда они собирались, выбирали *дружку*, *полдружку*, *сходатая* и *сваху*. Начиналось гулянье в доме жениха (жених не принимал участия в пирушках, а только присутствовал). У невесты гуляли ее родные.

От жениха гуляли посланные в дом невесты и договаривались сколько нужно *виновить*, т.е. поставить вина для гулянья в доме невесты (это плата за невесту, т.е. выкуп). Обычно относили в разное время дня 20 четвертей.

В то время, когда родные *гуляли*, невеста сидела под образами и плакала. Подружки обнимали ее, утешали, вместе с ней плакали, *обыгрывали*.

Отдают мне, сударь-батюшка,
Да сударь-батюшка, сударушка-матушка,
Ой, ни за князя было да ни за бояра —
За тово-то за разбойнишка,
За райбойнишка, было, за... Ванюшку¹¹.
Ни пускають младу жену к отсу-матери.
Посылають же младуя по воду
Да за святой водой.
На святой воде сидять гуси сераи.
Ой, возмутили они да воду светлуюю.
Уж я час, молодая, простояла,
А другой, млада, проплакала,
Да без воды, млада домонь пришла.
Свекор-батюшка журить-бранить,

¹¹ Упоминается имя жениха. В данном случае оно взято для примера.

А свекровь-матушка побить хощить.
Лишь одна за mine золовушка,
А золовушка родная заступилася:
«Ой, защрепнула бы воду, мутную,
Во вядрах вода бы устоялася».

Или пели такую песню:

Обливалася березка
Все росою,
Да все росою.
Заливалася и Дуняша¹²
Все слезою,
Да все слезою.
Ой, ни за роню¹³ красну девку
Замуж дають.
Да замуж дають.
За тово было дятину,
За Ивана
Да за Ивана.
Как со вещира Ваня кудри,
А он чесить,
Да он чесить,
Со полунощи Ваня гулять
А он ходить,
Да он ходить.
Ко бялой заре Ваня
Домонь приходить.
Да домонь приходить.
Поперек он кровати спать
Ложитса,
Да ложитса.
Разуваться, раздеваться
Не даетса,
Да не даетса.
А и Дунюшка за сапожик,
А он в щеку¹⁴,
Да он в щеку.
А Дунюшка за другой,
А он в другюя,
Да он в другюя.

¹² Имя условное. На свадьбе обычно берется имя невесты.

¹³ За роню — за равного по возрасту, любимого.

¹⁴ В щеку — ударил по щеке.

Невеста плакала навзрыд. Подруги утешали ее, начинали *снаряжать* к венцу. При одевании в новую *рубаху* и *балахон* втыкали иголки без ушек (чтобы не смогла прикоснуться нечистая сила), в *бахилы* насыпали проса, чтобы жизненный путь был богатым, счастливым.

Одев невесту, ее снова сажали в *передний угол* — под образа в ожидании прихода жениха.

Приходил посланный с двенадцатою четвертью вина, а вслед за ним шел жених. Впереди всей процессии шествовал *полудружка* и нес хлеб-соль. *Сходатай* следовал за ним и разметал дорогу (это символизировало хороший, чистый, без зазоринки, жизненный путь). За *сходатаем* шел жених между *дружкой* и *свахой*.

Во дворе их останавливали подруги невесты, с которой в это время оставалось не больше трех девушек, и заводили песню, давая знать невесте, что жених уже у ворот и идет за нею:

Во лужях, во лужошках,
 Во лужях во зелениньких
 Долго стояли бояры,
 Они стояли неделю,
 Да они стояли другя.
 А свет-Дунюшка ня видывала,
 Свет-Гаврильевна ня слышала.
 Свет-Ванюшка вышел.
 Ой, свет-Ванюшка подходить стал,
 Свет и Дунюшка увидела,
 Свет-Гаврильевна услышала,
 Воскричала громким голосом:
 «Вы, сястрицы-подружаньки,
 Схоронитя, пожалейтя меня,
 Как приехал разлучнищик,
 Разлучнищик-разоритель».
 Разоритель Дунюшки.
 Разорил нашу свет-Дунюшку.
 Разлучил с отсом, с матерью,
 Со родимыми сястрисами,
 Со любимыми подружками.

Исполнив песню, девушки становились у дверей дома, брались за руки и воинственно смотрели на *дружку*, *сходатая*, жениха и *сваху*.

Завидев *полудружку*, родные невесты кричали, требуя выкупа:

— *На хлеб, на соль, на винную чару!*

А женихова родня в это время требовала в ответ угощенья, плясала и играла песню:

Зять стоить у ворот
И ласкова теща.
У зятюшки под ногами
Мятель, мятель шербить.
Дайте нам пойлы,
Пересохли горлы,
Дайте нам хоть шарапу¹⁵,
Хоть шарапу, хоть вина,
Хоть с кашей пирога.

Сваха невесты угощала женихову родню, *поезжан*, товарищей и всех присутствующих вином, пирогами, приговаривая:

— *Пейтя пойло пьяное. Промочитя горлушки, гости дорогя. Кушайтя пироги с кашаю, пироги наша княгинюшка пякла, а пойло княгинюшка варила.*

Насытившись, все начинали кричать:

— *Пуститя нашего князя до княгинюшки!*

— *Пуститя, пуститя!* — взвизгивала сваха жениха, — *а ня то мы штурмой возмем ие, а вас усех в полон заберем!*

Невестина родня молчала. Тогда сваха снова начинала кричать:

— *Войско, войско Кубанская, на штурму!* (чем разбитнее сваха и дружки, тем больше разговоров).

В это время выходил из хаты старший брат невесты, потом — средний и меньший. Родня жениха начинала петь песню с присвистом, пляской и гиканьем, затем ее подтягивали все присутствующие во дворе. Принимали участие также и подружки невесты:

Стояла орешинка тонка, высока.
Тонка, высока да листвою широка.
Ай, под той под орешинкой трава-мурава,
Ай, и как под той травощкою кони ходють,
А те все коники с подковащками.
И а Ванин-то коник бесподковистый.
«Служил ты мне, коник, службу дальнюю,
Послужи-ка, коник, службу ближнюю.
Ай, да ты вязи Дунюшку до мово ды двора.
Ай, да до мово ды двора широкоинькыва.

¹⁵ Шарап — хмельной напиток.

Ай, и вышел, выходил ее старшой брат:
«Отступися, войско Кубанская.
А наша сестриса не собранная.
А наши-то дары да не катанаи,
Золоты коробочки да не складеннаи».
Вышел, выходил ее середний брат:
«Отступися, войско Кубанская,
А наша сестриса не собранная.
А наши то дары не катанаи,
Золоты коорбочки да не складеннаи».
Ой, и вышел, выходил ее меньшей брат:
«Приступися войско Кубанская.
А наша сестриса, ой да, собранная,
Наши-то дары да покатанаи,
Золоты коробочки поскладеннаи».

Как только кончалась песня, начинался шум со стороны жениховой родни и *поезжан*. Кто-нибудь кричал:

— *Вот те дом! Ня только у хату ня пускають, а и сесть нашему князю не дають. Чего же смотрит войско Кубанская?*

Тогда родня невесты отводила место на дворе, расстилала рогожу и говорила:

— *Вот вашему князю и место готово.*

Сторона женихова долго не соглашалась, высказывала свое неудовольствие по поводу такого плохого места, но все же вели жениха и сажали его на рогожу, с ним садилась и *сваха*. *Дружка* направлялся к двери и пытался зайти в хату. Его останавливали подруги невесты и просили выкуп:

— *Выкуп, выкуп, выкуп!*

Дружка угощал вином девок, подходил к закрытым дверям и трижды стучал со словами:

— *Господи Иусе Христе, сыне божий, помилуй нас.*

Наконец, из-за двери отвечали: «*Аминь*». Вслед за этим дверь открывалась. *Дружка* говорил:

— *Благославитя влезть и хлеб-соль внести.*

Ему дают ответ:

— *Бог благославит.*

Дружка ставил на стол хлеб-соль, вино. Затем обращался ко всем:

— *Благославитя, честная беседа, по стаканчику поднести.*

Все отвечали:

— *Бог благославит.*

Дружка трижды подносил вино всем присутствующим, а потом говорил:

— *Вот я вам поднес по стаканчику вина, повторил и в третий поднес. Челом вдарил. Благославитя смену.*

Все отвечали:

— *Бог благославит.*

Дружка уходил. Как только он появлялся во дворе, все подбегали к нему и расспрашивали о том, как его приняли, какой успех, позовут ли *полудружку*. Ответив на вопросы, он направлялся к жениху, сидевшему со *свахой* на рогоже. Подруги невесты в это время запевали песню, *обыгрывая* жениха:

Что не лист-та трава расстиляется,
А у Ванюшки на головушке приклоняется.
Ни голубушка, свет ты Дунюшка,
Как бы эта Дуня для меня, молодса,
Я б не бил, не бранил, а подарошек купил,
Хорошо б ие возил, что на коних, на коних,
Что на коних, на коних, на буланых лошадах,
А зимою, а зимою, на чем трапелася¹⁶.

В хату на место *дружки* входил *полудружка*. Ему вслед кричали, чтобы он не посрамил честь князя, княжеской *дружины*, *войска Кубанского*.

Полудружка, войдя в дом, молился, а затем говорил:

— *Мир вашей беседе.*

Все отвечали:

— *Мир твоему приходу.*

Полудружка продолжал:

— *Благославитя мне — вам по стаканчику поднести.*

Следовал ответ:

— *Бог благославит.*

Полудружка три раза подносил вина всем сидящим. Потом обращался к присутствующим:

— *По стаканчику поднес, повторил и в третий поднес. Челом вдарил. Благословитя смену.*

Ему отвечали:

— *Бог благославит.*

Полудружка уходит, вместо него входил *сходатай*. Обращаясь к присутствующим, он говорил:

¹⁶ Трапелася — на чем придется, т.е. пешим способом.

— *Благославитя по стаканчику поднести.*

— *Бог благославит,* — отвечали ему. *Сходатай* до трех раз подносил каждому из присутствующих, затем обращался к ним:

— *Благославитя дружка, благославитя женишка в хату влезть.*

Как только выходил из хаты *сходатай*, *дружка* поднимал жениха и вел к дверям дома.

— *Бог благославит.*

Вслед за этими словами входил *дружка*, а за ним — жених, который крестился, кланялся до земли.

— *Мир вашей беседе и всей честной компании,* — говорил он.

— *Мир твоему приходу,* — слышался ответ присутствующих.

Дружка обращался ко всем:

— *Благославите женишку по стаканчику поднести.*

— *Бог благославит,* — отвечали присутствующие.

Дружка наливал вина в стакан, а жених обносил всех до трех раз, после чего первый обращался:

— *Поднес по стаканчику, по второму, а третий благославитя и невесту к жениху ввесть.*

— *Бог благословит,* — отвечали хором.

Из соседней комнаты приводили невесту. Ее дядя наливал в стакан вина, она обносила всех. В это время *сваха* невесты брала пустой стакан, обходила присутствующих со словами:

— *Окупите головку.*

Все клали деньги, обычно серебряные монеты. Потом невеста подносила стакан вина и *обкищенную ширинку*¹⁷ жениху. Ее родня кричала:

— *Бяри, бяри, бяри!*

А женихова:

— *Не бяри, не бяри, не бяри!*

Жених принимал вино и *ширинку*. Выпив его, он подносил стакан вина невесте. Родные невесты кричали:

— *Не бяри, не бяри, не бяри!*

А женихова:

— *Бяри, бяри, бяри!*

Невеста выпивала вино и в свою очередь подносила стакан с вином жениху.

В это время невеста испытывала ловкость жениха. Жених начал пить, а невеста кланялась ему до земли, убегала. Жених, допив

¹⁷ Обкищенная ширинка — вышитый платок.

вино (ловкий, расторопный жених должен был выпить вино в то самое время, как поклонится невеста, и тут же ее поймать), бежал за невестой, ловил ее и целовал (если не поймает, то должен снова подносить вино и сам пить, а потом ловить невесту). Все это время пели:

Поймал неухватушку,
Белаю лебедушку,
Ясную соколушку,
Повел ее к матушки.
«Ой, мать, моя матушка,
Мила ли невестушка?»
Мать жениха отвечает:
Чадо мая, чадушка,
Мне показалася,
Мне полюбилася.

Невесту после этого уводили в комнату (где делались последние приготовления), а жениха — во двор. Там тесть просил зятя *сыграть*. Жених *играл* песню:

Лучина, моя лучинушка,
Не ярко горишь.
Злодейка моя свякровушка,
Пьяная была.
Пьяная была, была,
Водою залила.
Сястрисы мои, подружаньки,
Ложитесь спать.
Ложитесь спать,
Вам некова ждать.
А мне, красной девочки,
Всяю ночь ня спать,
Всяю ночь ня спать, ня спать,
Мила дружка ждать.
На утренней зорюшки,
Мой милай идти.
Сапожки на ноженьках
Поскрипывают,
Зеленый кафтанщик
Пошумливать.
Звякнула у ворот
Кольцо серебряная.

Екнула сердечушка
 Дявушошкина.
 Стала, пробудилася,
 Вышла к воротам.
 «Где жа ты был, дружок?
 Где жа побувал?»
 «Был я у тещи,
 Тещи ласкывай,
 Был еще я у тестя,
 Тестя ласкыва,
 Тесть дарил же мне
 Ворона коня.
 Ай, и теща мне дарила —
 Свою дочерью.
 А большая сваящина —
 Золотым кольсом».

После песни тесть подводил и дарил зятю коня, свояченица — золотой перстень, а мать невесты готовила в подарок свою дочь.

Невесту выводили во двор. Она прощалась со всеми и плакала: *ликовалась* (целовалась) в последний раз с подружками, родными, знакомыми. После прощания ее уводили в дом и вместе со старшим братом сажали на *большую месту*¹⁸. Потом выходил дружка со стаканом вина с подругами невесты. Он угощал вином брата невесты.

— *Господи Иусе Христос, помилуй нас! Братес, изволь принять, добро пожаловать.*

Брат невесты не брал вина и говорил:

— *Дайтя добра, у нас девка добра. Посеребритья и позолотитья.*

Дружка снова подавал стакан. Брат невесты настаивал:

— *Дайтя добра, у нас девка добра. Посеребритья и позолотитья.*

Дружка в третий раз подносил стакан вина. Подруги невесты и родня, видя, что дружка скуповат, начинали *обыгрывать* его. Пели песню, в которой хвалили, побуждая тем самым расщедриться:

Ой, на неби звезды,
 Эй, да, часто восходили.
 Эй, да, часто восходили.
 Ой, на плячах у Гришки¹⁹
 Все крытая шуба,

¹⁸ Большая места — передний угол под образами.

¹⁹ У Гришки — здесь у дружка.

Ой, ся золотом шита,
 На плячах у Гриши
 Все разная пташки.
 Пташки воспевали
 Гришу утешали.

После такой песни дружка вынимал серебряные деньги и одаривал девок, а потом подходил к брату невесты, ставил перед ним *футу*²⁰ вина, вынимал серебряные монеты (по 20 копеек) и отдавал ему.

— *Эта тебе четыре калеса, эта тебе повозка, эта тебе хамут, эта тебе аглобля, а эта тебе конь.*

Брат невесты не соглашался;

— *Посерябрить посерябрил, а теперича надо позолотить.*

Дружка брал золотой и золотую серьгу, клал их в повозку из денег. Затем брат принимал стакан с вином и выпивал. Все присутствующие *играли* песню:

Братес татарин
 Систру протатарил
 За воку²¹ шарапу²²,
 За люльку табаку.
 Братес сястрису
 С двора проважаить.
 Рячу²³ ублажаить:
 «Не плачь-ка, сястриса.
 Ня плачь, дорогая.
 На утра, сястриса,
 Будим к тебе в гости».

Гости уходили из хаты. Приводили жениха, сажали его рядом с невестой. *Сваха* жениха обращалась к свахе невесты:

— *Ты, сваха, не в свою месту села.*

Та отвечала:

— *Нет, в свою.*

— *Нет, не в свою.*

Обе *свахи* ругали друг друга, потом помирились и менялись местами. Затем *сваха* невесты уходила, а женихова оставалась.

²⁰ Фута — бочонок вина (килограммов двадцать)

²¹ Вока — мера вина.

²² Шарапа — вино.

²³ Рячу — речью.

Невесту и жениха подводили к столу, возле которого стояли отец и мать невесты. Молодые становились на колени и наклоняли головы. Отец и мать благословляли их и напутствовали:

— *Живитя хорошо. Слушайтя отца и мать. А ты, дощенька,* — говорит отец, — *будь ласковая, во всем слушайся мужа.*

После этих слов отец невесты брал икону в руки, наклонялся над дочерью и женихом, читал молитву, напутствуя дочь:

Моя дощенька, вот я вас благославляю.
Благославляю я вас святою иконою.
Когда будет пожар или несчастья,
Ня кидайся спасти хлеб, одежду, —
Спасай святую икону, икону божию.
Святая икона всегда спасет вас.
Спасет она вас и в море, и в поле.
А ты, моя дощенька, почитай мужа,
Как на паперти крест, так своего мужа в доме.
Будешь его почитать — будешь хорошо жить.
Упрек ему слова, дощенька, не говори.
Будешь его почитать — он будет тебя жалеть.
Будет тебя жалеть, не будет тебя бранить.
Муж от отса, от матери отляпися,
А к жене приляпися, а жена — к мужу.
Благославит вас Бог святой. Аминь.

Благословив дочь и жениха, отец передавал икону матери, становясь рядом с ней. Мать невесты, беря икону, крестилась, потом наклонялась над дочкой и женихом, читала «Отче наш», снова крестилась, причитала над дочерью, давая ей советы:

Дите ты моя, дите родная.
Дите ты моя родная,
Отлежала ты у меня на подушечках,
Открасовалася ты у меня,
А теперь, моя дитятка,
Да идешь ты в чужия люди,
В чужия люди незнакомыя.
Будь, моя дитятка, послушная,
Будь, моя дитятка, покорная.
И так, моя дитятка, ненаглядная,
Как ты меня слушала, дитятка,
Так и чужую мать слухай.
Слухай, дитятко, и почитай.

Не тебя будут посылать,
А ты, моя дитятка, иди,
Не тебе скажут сделать,
А ты сама дитятка, сделай.
И будешь ты неруганная,
И будешь ты небитая.
Будь послушная и покорная.

После благословения отца и матери жених и невеста вставали, кланялись, целовали руки родителей. Невеста обращалась к отцу с плачем (начинала *приголашивать*).

Родимый ты мой батюшка,
Кто будить по твоему двoryшку похаживать?
Да как ты меня кохал, как ты меня лелеял,
Ой да, и как ты меня наряжал
И кто ж та меня будеть кохать?
Ой да, и кто ж та меня будеть наряжать?
И кто меня с двора будеть провожать?
Ой, и кто на меня будеть глядеть?
Да теперь иду я во чужия люди,
Ой, и будет жизнь моя да поганая,
И будет моя судьба-та поганая.
Родимай мой батюшка.
Да как я буду от вас отвывать?
Ой да, как я вас буду забывать?
Может, когда приду, батюшка, со своей горей,
А ты меня примолви — я тебя одна дочушка;
Меня некому больше примолвить.
К тебе, мой любимый батюшка,
Ой, я все с горем да буду приходить.

Отец отвечал:

Моя дошенька, всегда примолвлю,
Ой да, всегда ж я тебя привечу.

Если невеста — сирота и у нее нет родителей, она голосила следующую песню:

Потянитесь, а вы, ветры буйные,
Ой, надняситя вы, туши грозная,
Эй, воспралейтя вы, дожди сильнаи.
Эй, расступися, мать сыра-земля,
Ой, расколися ты, гробовая доска.
Всколыхнись ты, бел тонкий саван,

Ай, проснись ты, роднай батюшка,
Ай, ты встань, проснись, родная матушка,
Ой, вы гляньтя во большу месту,
Во большой месте, все чужие люди
И все чужия люди, незнакомая.

Невеста, кончив *приголашивать*, становилась перед отцом, наклонив голову. Он ее целовал говорил, что рад ее видеть у себя «*во всякий день, во всякий час*», с мужем вместе, а если тот занят будет, то он и одну ее примет с радостью как любимую дочь.

Потом выходили *дружка* жениха и *сваха* невесты, которая брала под руки молодую, а *дружка* — жениха и вели на двор. Там разводили их. Жених с *дружкой* садился в повозку, а невеста — со свахою (лицо невесты было закрыто). В это время открывались ворота. Подруги пели песню:

Дунюшка со двору у матушки схаживала,
У тутинки²⁴ маковку сламывала.
А ты стой, моя тутинка, век без верха.
А ты живи, моя матушка, век без меня.
Век без милой своей чадушки.
Ой да, без милой чадушки, без Дунюшки.

Старший брат также обращался к уезжающей сестре:

Сястриса моя родная,
Сястриса моя ненаглядная,
Как мы будем тебя со двора,
Со двора провожати.
Не забывай нас, сястриса.
Сястриса наша родная,
Не забывай нас, ходи к нам.
Ходи к нам, как бывало.

Как только жених с невестой усаживались в повозки, свадебный поезд выезжал со двора. В раскрытых воротах был разложен костер. Свадебный поезд должен был проехать через него (делалось это для того, чтобы сгорели *беси*, если они прицепятся к повозкам). Возницы натягивали вожжи и наметом выезжали со двора. До самой церкви гнали лошадей галопом.

После венчания молодых везли в дом жениха. Обычно их отводили в отдельную комнату, осыпали зерном, сажали на скамью,

²⁴ Тутинка — тутувое дерево.

где лежала шуба кверху мехом. Кормили жениха и невесту только вечером.

8. Стол у жениха

Как только жених и невеста уезжали в церковь, их родные вместе с родственниками возвращались к себе домой.

Начинался пир. Приезд молодых встречали все. Их вели в комнату, а потом приводили к пирующим.

Гости рассаживались; усаживали на короткое время жениха и невесту за стол. Потом женщины заводили песню:

Не ходитя, девки, замуж,
Не хвалитя бабью жизнь.
Муж на улису не пустить —
Раздевайся, спать ложись!..

Дружка, усадив молодых, наливал вина, обращался к отцу и матери молодого со словами:

Дядюшка родимай,
Нет тебя чище,
Нет тебя краше,
Всему миру солнышко,
Даруй нашему князю,
Князю со княгинею
На шелкову платьиса,
На белила, на румяна.
Сыр, каравай, принимай,
А на золотую гриву давай.
Ну вот, отес, мать.
Брал у вас одного,
А привел вам двоих.

Родные отвечали *дружке*:

Мы не поглядели.
Может, она косая,
Может, кривая,
Может, и ходить не может,
Может, и работать не может?
Она, может, хлеба не умеет печь,
Она, может, и печь-то топить не умеет,
Она, может, бранливая,
Бранливая да сварливая?

Присутствующие на пиру родные молодой кричали в ответ:
 — *Хорошая, хорошая, хорошая!*
 Остальные гости поддерживали их. Потом пили за молодых.
 Если молодая была сирота, гости *обыгрывали* ее такой песней:

Как со вечеру, вроди, сиротинушка
 Постель мягко постелила
 И ждала сватов, вроди, сиротинушка,
 Ждала сватов, поджидала.
 Не дождамша, вроди, сиротинушка,
 Крепко она засыпала.
 Очнулас, вроди, сиротинушка, —
 У милова дома свадьба:
 «Пойду же я, вроди, сиротинушка,
 Пойду же я, вроди, сиротинушка,
 Эх, ва чернаю, была, припечальною,
 Шелковую, ну, платью.
 Пойду же я, вроди, сиротинушка,
 Пойду я к милому на свадьбу.
 Увидит меня друг да любезненький,
 Слезою сердце обольется».
 «Возьмита ее, эту сиротушку,
 За стол посадите.
 Пьяной ее напоите.
 Домонь ее поведите.
 Э-э да, спать ее, эту сиротинушку,
 Да спать ее положите».

После этого молодые уходили к себе. Гости гуляли до утра, а на другой день шли в дом к отцу молодой (невесты) на пир.

IX. Повещение **(стол в доме отца невесты)**

На второй день после венца родные жениха шли к отцу невесты на пир. Этим кончалась свадьба. Иногда после свадьбы гуляли по три, четыре дня. Гулянье проводилось у крестных жениха и невесты.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского н/Д университета. Труды историко-филологического фак-та. Т. XLV. Вып. 6. Ростов н/Д, 1958. С. 129–158.

Ф.В. Тумилевич

ПРЕДАНИЯ О ГОРОДЕ ИГНАТА И ИХ ИСТОЧНИКИ

Всякий жанр устной поэзии — конкретно-историческая видимая форма художественного отражения жизни, чувств, мыслей народа или какой-то его социальной группы. В нем заключена специфика искусства слова, эстетические нормы породившей его эпохи.

Рассказы на исторические темы в начале своего появления были произведениями современными. Они повествовали о политических событиях и выражали непосредственное мнение их участников. Впоследствии эти рассказы превращались в воспоминания, обрастали вымыслом, а к потомкам переходили в форме предания.

Сами носители считают исторические предания подлинными свидетельствами о прошлом и относятся к ним с доверием, глубоким уважением. Мы не ставим знака равенства между преданием и документальным отражением истории, но и не отрицаем значения первого как исторического источника. В нем, несмотря на вымысел, а иногда авантюризм фантазии, сохраняются исторические реалии, по которым можно судить о том, что было на самом деле в жизни. К таким рассказам примыкают бывальщины казаков-некрасовцев. В устном бытовании они не менее популярны, чем песни и сказки у старшего поколения Игнат-казаков, живших на Майносе (селение Бин-Эвле) еще по *заветам* Некрасова¹. Всего от них записано

---

¹ Казаки-некрасовцы живут в настоящее время в Краснодарском крае в г. Приморско-Ахтарске, хуторе Новонекрасовском; в Грузинской ССР в гг. Поти, Багуми, селе Шевкетили.

более пятисот сюжетных и бессюжетных произведений, а опубликовано в различных изданиях XIX–XX вв. только 72.

Бывальщины о городе Игната являются самостоятельным жанром в общем виде исторических преданий некрасовцев. Зафиксировано 20 сюжетов (48 вариантов), напечатано только 7². Учитывая объем статьи, поставленную проблему — общность и отличие бывальщин Игнат-казаков от других устных и письменных источников, освещающих социально-утопическую идею о свободе и равенстве, — мы думаем, что для нашей работы вполне достаточно опубликованных текстов и нет надобности пока привлекать рукописные материалы. В рассматриваемых бывальщинах сформулированы главные положения, характеризующие взгляды казаков-некрасовцев на свободу, равенство в *стране*, созданной, по их глубокому убеждению, И.Ф. Некрасовым.

Историчность этого жанра не только в том, что он в форме вымышленных сюжетов воспроизводит конфликты, события, ситуации, лица из истории некрасовского движения (1708–1740) и позднейшей жизни, но и в том, что прототипом идеальной жизни в *городе Игната* является «золотой век» республиканско-демократического строя майносской общины первой половины XIX в.

² Kozaczyzna w Turcyi. Dzieło w trzech częściach przez X. K. O. Paryż, 1857. P. 79–101 (Казачество в Турции. Сочинение в трех томах, написанное X. К. О. Париж, 1857. С. 79–101). Напечатано 6 отрывочных преданий в пересказе; Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 414–451 — 5 преданий; Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник. Т. 1. СПб., 1875. С. 605–620 — 2 предания; Короленко В.Г. Собр. соч. Т. 6. СПб., 1914 — 3 предания; Тумилевич Ф.В. Фольклор некрасовцев. Ростов н/Д, 1941. С. 84 — 1 предание; Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, вступ. статья и свед. о сказителях Ф.В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1947 — 1 предание, № 19; Фольклор казаков-некрасовцев / Запись текстов, вступ. статья, сведения о сказителях Ф.В. Тумилевича. Краснодар, 1948 — 1 предание, № 29; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8 — 3 предания; Тумилевич Ф.В. Сказки и легенды некрасовцев // Колхозный ударник. Орган Приморско-Ахтарского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 14 сентября 1944 г. — 1 предание; Тумилевич Ф.В. Песни и легенды об Игнате Некрасове // Знамя коммунизма. Приморско-Ахтарск, 1955. № 122, 125, 128, 131, 133 — 3 текста; его же. Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собраны Ф.В. Тумилевичем. Ростов н/Д, 1958. № 31–42 — 12 преданий; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. № 25–59. — 35 преданий.

Наша задача сводится к постановке и посильному разрешению выдвинутой проблемы, которая находит свое выражение в трех вопросах:

1) Имеются ли в преданиях о *городе Игната* следы влияния письменных и фольклорных источников?

2) Являются ли данные рассказы вариантами общечеловеческой социально-утопической идеи о свободе и равенстве в обетованной земле?

3) Правомерно ли считать бывальщины некрасовцев следствием их истории?

Утопическая идея о социальном равенстве — идея в условиях антагонистического общества вечная. Но у разных народов не только в разные эпохи, а в одно и то же время она интерпретируется в сознании различных социальных групп по-разному и потому выражается в своих собственных конкретных понятиях. Между ними имеется одновременно общность и индивидуальное отличие, определяемое историческими условиями.

Вообще рассказы об обетованной земле имеются у различных народов. Им присуща одна социально-утопическая идея о равенстве людей на земле. Мечта о социальной справедливости, свободе возникла в результате имущественного и политического неравенства в условиях классового государства. Несомненно одно, что первоначально социально-утопическая идея зародилась у трудовых классов, и она получила свое выражение в фольклоре, потом в религиозных учениях, художественной литературе, а затем в теоретических трудах. Независимо от форм проявления утопия всегда была социальным протестом существующему классово-государственному порядку.

Предварительное сравнение указанных источников различных идеологических форм приводит нас к выводу: мечта о переустройстве антагонистического общества вызвана к жизни желанием угнетенных изменить существующий социальный порядок, основанный на эксплуатации меньшинством большинства.

Но как в произведениях поэзии (устной и письменной), религиозных учениях, специальных работах об идеальном государстве, так и в самих народных движениях Западной Европы, России социально-утопическая идея принимает то религиозную, мистическую окраску, то политическую. Последняя форма также не всегда освобождается от религиозного оттенка.

Религиозное учение о тысячелетнем «царстве Божьем» на земле — хилиазм — было распространено у древних евреев. Они связывали установление «царства Божьего» с приходом Мессии. Раннее христианство, отражавшее чаяния рабов Римской империи, было проникнуто хилиастическими ожиданиями. Эти верования получили широкое распространение в различных религиозных средневековых сектах (вальденсы и альбигойцы во Франции, лолларды в Англии). Даже революционное течение в гуситском движении (1419–1434) — табориты (их левое крыло), стремившиеся добиться установления общественного строя, в котором «исчезнут исполнительные власти, окончится господство князей» и «не будет частной собственности», — облакалось в одежды раннехристианских и хилиастических учений. Только у Мюнцера появляются «проблески коммунистических идей»³.

Мечта о «золотом веке» нашла отражение в «Трудах и днях» Гесиода. В эллинистическом романе II в. до н. э., дошедшем до нас в пересказе Диодора Сицилийского, о Ямбуле рассказывается о некоем острове, населенном счастливым племенем, которое живет по принципам первобытного коммунизма.

Из европейских сказаний популярна легенда об Эльдorado — золотой стране, которую с XVI в. искали на территории Лагинской Америки испанские и португальские конкистадоры. Но в этой легенде выражена не народная идея о счастливой обетованной стране, а стремление европейских завоевателей в период развития буржуазных отношений и экспансий, когда золото для буржуазии приобрело основное значение как общий эквивалент, обменивающийся на все товары. И только со временем название Эльдorado стало употребляться в переносном смысле для обозначения страны богатств, сказочных чудес.

В русском народном творчестве социально-утопическая мечта об обеспеченной жизни получила отражение в былинах о Соловье Будимировиче⁴, Садко⁵, Дюке⁶.

³Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 38.

⁴Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I. СПб., 1894. № 36, 53, 68; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. и с предисл. А.Е. Грузинского Т. II. М., 1910, № 123, 149, 163, 173, 206.

⁵Онежские былины... Т. I. № 70; Т. II, 1896. № 146, 174; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... Т. I. 1909. № 18, 54, 66; Т. II. № 107, 124, 134.

⁶Онежские былины... Т. I. № 9, 20; Т. II. № 152, 159, 180; Песни, собранные П.Н. Рыбниковым... Т. I. № 29, 63; Т. II, № 144, 172, 181, 197, 202.

С темой о богатстве в прошлом ассоциировалось понятие свободы, получившее освещение в народных чудесных сказках. О ней рассказывают и присказки: *«Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый; и или три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди»*⁷. Или такого типа: *«Было это дело на море, на океане, на острове Кидане, стоит дерево золотые маковки; по этому дереву ходит кот-баюн, вверх идет — песню поет, а вниз идет — сказки сказывает...»*⁸

Представление о счастье отождествляется с понятием богатства, которое дается в руки без всякого труда, стоит только попасть на этот чудесный остров Буян или Кидан или очутиться *«в тридесятом царстве, тридесятом государстве»*. К этому близки и те сказки, в которых герой приобретает волшебные предметы: скатерть-самобранку, шапку-невидимку, кольцо, бисеринку и др. Народные предания о кладах также говорят о приобретении богатства чудесным путем. Дальше абстрактного представления о счастье крестьянская устная поэзия в условиях феодализма не шла.

В письменных памятниках древнерусской литературы в период феодальной раздробленности, в XIII–XIV вв., имеется «Сказание об Индийском царстве»⁹. Сказание это византийского происхождения, оно относится к XII в., стало известно в Суздальской Руси. В нем рассказывается о богатом христианском царстве Индийском. Правит в царстве *«царь Иоанн-поп»* — поборник православной веры христовой, соединяющий в одном лице светскую и религиозную власть. И нет в этой земле *«ни Тати, ни разбойника, ни завидлива человека, земля полна всякого богатства»*. Царю царей прислуживают цари и патриархи. А кто мыслит против него злое, *«в стеклянном зеркале зримо его бледное лицо»*. «В содержании памятника сказались мотивы борьбы церкви и государства»¹⁰. Автор повести,

⁷ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. I. М.; Л., 1936. № 139.

⁸ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. № 139.

⁹ Веселовский А.Н. Южнорусские былины. VI. СПб., 1881. С. 173–254.

¹⁰ Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе X–XVII веков. М., 1962. С. 167.

ее редакторы считали, что счастье на земле возможно только в том случае, когда народом правит царь-первосвященник. Эта мысль не была чужда многим религиозным сектам и течениям.

К «Сказанию об Индийском царстве» довольно близка легенда о «Беловодском царстве», распространившаяся во второй половине XVIII в. в рукописи среди русских раскольников, не присоединившихся ни к беглому, ни к австрийскому священству, ни к единоверию. Они были носителями мечты о «*настоящем*», чистом «*древлеправославном*» священстве, сохранившем все обряды и догматы «*древняго*» дониконианского православия¹¹. Беспоповцы долго искали эту святую землю, но так и не нашли.

Рукописное «Путешествие Марка Топозерского»¹² рассказывает о хождении этого старца в Сибирь, Китай, Эстонию. Стоит Опонское царство на океане-море, называемом Беловодье. Там видел он 179 церквей, христиане имеют православного патриарха. Русских церквей 40, служат в них митрополит и епископы, рукоположенные епископом «*асирского языка*». В Беловодье сохранилась древняя святость, служба по старым книгам. Там нет «*татбы и воровства*», светского суда, народом управляют духовные власти, войны ни с кем не ведутся¹³.

Раскольничьим толкам о епископах «*древляго благочестия*» помогла и народная фантазия о невидимых городах, монастырях. Пошли толки о существовании Млевских монастырей, опустившихся в землю, и о том, что до сих пор в них живут монахи и монахини и по большим праздникам бывает слышен звон монастырских церквей. Родилась легенда о невидимом граде Большом Китеже на берегу озера Светлояра¹⁴. В народных сказаниях Китеж представляется стольным городом Суздальской земли. А в «Китежском летописце» (рукопись, распространенная у поволжских старообрядцев) говорится, что, когда подступил к Большому Китежу Батый, «*град сделался невидимым, и будет он стоять невидимым до скончания века*». В нем есть церкви, монастыри, а летними ве-

---

¹¹ Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Предисловие В.Г. Короленко. СПб., 1903. С. 5.

¹² Топозерский беглопоповщинский скит в Архангельской области, в бывшем Кемском уезде, на берегу Топозера.

¹³ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Сочинения. Т. 13, Ч. 1. СПб., 1898. С. 33–37.

¹⁴ В Нижегородском Заволжье, Макарьевского района, Горьковской области.

черами над озером слышится звон китежских колоколов¹⁵. Легенда рукописная, известна в устном бытовании в трех версиях¹⁶.

Социально-утопическая идея о свободе, равенстве, обетованной стране освещалась в фольклоре, художественной литературе, религиозных учениях, в философско-утопических работах. Эта же идея была двигательной силой народных движений, особенно в периоды рабовладельчества и крепостничества.

Предания казаков-некрасовцев о *городе Игната*, *Игнатовом царстве*, конечно, близки по своей общей идейной направленности к общечеловеческой мечте о справедливости, равенстве, свободе, и в то же время в них эта идеальная мечта получила свое конкретное социальное выражение. *Город Игната* — не абстрактная мечта о счастье, не желание только обогатиться и жить в полное удовольствие, ничего не делая. Наоборот: чудесная страна Игната создается упорным трудом, законы, по которым живут в ней казаки-некрасовцы, вполне реальные, не ущемляющие права личного достоинства, оберегающие равноправие женщин и мужчин, исключающие эксплуатацию человека человеком, возвышающие женщину, способствующие развитию высоких моральных достоинств, поголовной грамотности, исключающие давление руководителей на членов общины и т.д.

Бывальщины на тему социальной утопии у Игнат-казаков освобождены от религиозных идей, поисков «*древляго священства*», от царистских иллюзий. Они, как и все другие жанры преданий, имеют антицаристский характер, точнее, бывальщины о *городе Игната* утверждают идею республиканско-демократического общественного устройства.

Предания о *городе Игната* имеют свою предысторию. Не следует забывать, что у русского крепостного крестьянства, холопов, работных людей, посадского люда в XVI–XVII вв. не было возможностей для достижения свободы, равенства, экономической независимости. Но в сознании народа, в его сердце постоянно жила мечта о лучшей жизни. Чем больше укреплялось абсолютистское государство, тем сильнее становилось у народа желание быть свободным. И люди бежали на Волгу, Дон, Яик, Терек, в Сибирь в поисках обетованной земли.

Процесс формирования централизованного Московского государства проходил одновременно с формированием казачества.

¹⁵ Мельников П.И. Сочинения. Т. 13. Ч. 1, С. 38–39.

¹⁶ Коморович В.Л. Китежская легенда. М., 1936. С. 1.

Оно «возникло, когда удельная стихия пала под давлением самодержавия. Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз»¹⁷. «Молва о тихом Доне должна была сильно соблазнять крестьянина, подпавшего под тяжкое крепостное иго, если он знал, что никакие силы, ни само правительство не могли его вытребовать обратно с Дона, хотя бы такой беглый являлся в казачьих станицах в самую Москву»¹⁸.

Дон долгое время оставался для беглых обетованной землей. Естественно, казачество, будучи политически самостоятельным, даже не пыталось приобрести самостоятельную государственность, юридически и фактически ее закрепить. И только тогда, когда «Вольный Дон... в царствование Михаила Федоровича признал власть московского царя»¹⁹, казачество постепенно стало утрачивать свою автономию. По-видимому, в это время (с 1630 г.) у беднейшей части Войска Донского начинает созревать мысль о зависимости от московского царя. Но порвать с Москвою казакам, особенно после возвращения ими Азова туркам (в 1642 г.), оказалось не под силу, как и оградить от вмешательства московского правительства в донские дела.

К началу второй половины XVII в. появились предания, песни, в которых настойчиво повторяется мысль, что Иван Грозный за помощь при взятии Казани якобы пожаловал донским казакам реку Дон от вершины до устья со всеми притоками. Этот мотив встречается и в песнях о Ермаке. Царь прощает ему государственные вины после завоевания Сибири и жалует его за верную службу «славным тихим Доном»²⁰. Утопическая версия об особых правах Дона поддерживалась и домовитым казачеством, ибо она подтверждала былую вольность казаков в XVI в. Осознание государственности в духе казачьей демократии давало право донской вольнице отстаивать политическую автономию вплоть до подавления Булавинского восстания.

Противоречия и борьба внутри Войска уже в первой половине XVII в. приобрели социальную остроту. «На Дону постоянно было

¹⁷ Маркс К. Из записной книжки // Молодая гвардия. 1926. № 1. С. 108.

¹⁸ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 3.

¹⁹ Маркс К. Из записной книжки... С. 117; Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 85, 147, 181.

²⁰ Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 6. М., 1864. С. 41.

две партии: “верные”, хотевшие соединить свою вольность с повинением верховной московской власти, и “воровские”, которые хотели действовать свободно и сохранить независимость и самоуправление Дона»²¹.

Беглые из Московского государства во второй половине XVII в. приходили на Дон еще как в обетованную землю. Становясь казаками, они убеждались, что это не та счастливая страна, о которой они мечтали, потому что среди казаков уже произошло разделение на бедных и домовитых.

С начала XVIII в. решительное вторжение Петра I на территорию Войска Донского с целью вернуть беглых совсем рассеяло иллюзию о неприкосновенности казачества. Дон из обетованной земли превращался в вотчину московского царя. И, чтобы сохранить автономию, беглое крепостное крестьянство, голутвенное казачество, работные люди взялись за оружие. Так вспыхнуло антифеодальное движение под руководством К.А. Булавина. Когда вождем восстания был убит заговорщиками из домовитых²², восстание потерпело поражение.

Во время расправы карательной армии кн. В.В. Долгорукого с повстанцами вновь приобретает актуальность идея об обетованной земле, казачьей государственности, которая может быть осуществлена только за пределами Московского царства.

С подавлением восстания на Дону закончился третий период Булавинского движения. После ухода булавинцев на Кубань началась четвертый этап борьбы — под руководством И.Ф. Некрасова, превратившийся в движение казаков-некрасовцев²³. Казачество же Дона с конца 1709 г. стало превращаться в служивое военное сословие крепостнического государства.

На Кубани некрасовцы действительно обрели обетованную страну. Территориальные просторы на протяжении всей реки еще не были заселены, обжиты. Изобилие плодородной почвы, лесов, рек, озер, дичи, зверя, личная свобода, политическая и религиозная автономия, т.е. своя государственность без царя, бояр, князей, помещиков — все это позволило бунтовщикам обосновать, укрепить

---

²¹ Маркс К. Из записной книжки... С. 108; Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в... С. 107.

²² Подьяпольская Е.П. Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 512.

²³ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8. С. 136.

Войско Кубанское. За его неприкосновенность, самостоятельность они 30 лет вели ожесточенную вооруженную борьбу с русским самодержавием, втягивая в нее народы Кубани. П.П. Короленко, первый историк некрасовского движения, писал: «Жившие на Кубани некрасовцы были весьма вредны. Они мало того, что принимали к себе беглых из России раскольников, а особенно выходцев из Донского края, но еще волновали против русского правительства все азиатские народы, в Кубанском крае находившиеся... Более всего политическое значение некрасовцев того времени известно было начальствовавшему над русскими войсками... бригадиру Бринку»²⁴. Продолжая характеристику, автор добавляет: «Кульбаков (полковник) считал некрасовцев не христианами, а закоренелыми безбожными разбойниками; а Гонбом не находил других средств справиться с ними, как только силою орудия»²⁵.

И.Ф. Некрасов, его близкие сторонники на протяжении 30 лет создавали государственные основы Войска Кубанского. Они сформулировали законы республиканско-демократической формы правления (у потомков они известны под названием *заветов Игната*), регламентировавшие жизнь казачьей республики, оберегая ее членов, их личную и общественную свободу от деспотизма и произвола выборных лиц, эксплуатации одним членом общины другого, внушали идею непокорения царю, запрещали возвращение в Россию при самодержавии²⁶.

В сознании крепостных крестьян России, бедного казачества Дона, Урала, Терека некрасовцы являлись людьми, построившими жизнь без царя, помещиков. Потому Кубань для беглецов оказалась подлинной обетованной землей, куда они устремились большими толпами. Игнат Некрасов лелеял мечту — поднять снова восстание на Дону и в Московском государстве. Он систематически направлял вглубь страны своих подговорщиков и распространителей

²⁴ Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 35.

²⁵ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 42. Историки прошлого объявили движение некрасовцев чисто раскольническим. Делалось это с целью затушевывания его политической сущности. К сожалению, такой взгляд повторяется и в наши дни (см.: Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1954. С. 389–390); Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 102.

²⁶ Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы... С. 134–146; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... С. 3–21; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... С. 5–8.

прелестных писем²⁷. Сам вождь Войска Кубанского приглашал в свою «Палестину» всех, кто стремился к политической и религиозной свободе, в том числе и гребенских казаков²⁸.

Успешная агитация посланцев Некрасова на Руси вызвала большой приток на Кубань беглых. Крестьяне, казаки уходили целыми селениями. Петр I, обеспокоенный действиями И. Некрасова, издал в 1720 г. указ, по которому «подговорщики»-некрасовцы, а с ними и те, кто их укрывал, карались смертью²⁹. На походы Войска Кубанского на Русь правительство отвечало карательными экспедициями³⁰, а по отношению к беглецам принимало решительные меры, выставляя на южных границах государства заградительные отряды³¹. По далеко не полным данным, с 1719 по 1741 г. от крепостников бежало 500 000 человек³². Из них немалое число оказалось на Кубани.

Период жизни некрасовцев на Кубани (с 1708 по 1741 г.) является героической эпохой, создавшей условия для появления новых исторических песен, преданий, переосмысления многих произведений общерусского и донского фольклора. Вновь созданные и переосмысленные жанры устной поэзии выражали не только по тому времени прогрессивные чаяния казаков-некрасовцев, но и чаяния трудового крестьянства, казачества.

После смерти И.Ф. Некрасова (1737 г.) походы карательных экспедиций против Войска Кубанского участились, усилились репрессии — все это вместе повлияло на развитие противоречий в некрасовской общине, привело к ее расколу. Казачья республика распалась на три группы, которые и ранее в ней имелись.

Когда И.Ф. Некрасов привел на Кубань около 18 000 участников булавинского движения (а с семьями — до 80 000), они

²⁷ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 22–26.

²⁸ Попко И. Тверские казаки. Исторический очерк. СПб., 1880. С. 102; Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 28. Игнат Некрасов особо был расположен к гребенцам. В одном из походов он был ранен, попал в плен к кабардинцам, но гребенские казаки спасли его. Приняв приглашение Некрасова, гребенцы решили уйти, но им помешали правительственные войска.

²⁹ Дмитренко И.И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. I. Екатеринодар, 1899. С. 65–68.

³⁰ Тумилевич Ф.В. Указанные работы.

³¹ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 24.

³² История СССР. Т. I. М., 1956. С. 425, 479.

представляли собой организованную политическую и военную силу³³. Все ранее жившие на Кубани старообрядцы (пришедшие с Левкой Манацким в 1688 г., после подавления раскола на Дону) и казаки, а также последующие выходцы из России приняли их имя и в русских официальных документах назывались некрасовцами³⁴. Поэтому в Войске Кубанском было два противоположных по духу течения. Совместная жизнь зависела от авторитета вождя, его ближайших помощников, воинской силы. По-видимому, И. Некрасов умело использовал кубанских казаков-старообрядцев в борьбе с феодально-абсолютистским Московским государством.

Первая группа — сторонники демократических завоеваний, т.е. собственно некрасовцы. Главная их цель — сохранение политической автономии, заветов Игната и старой веры; вторая — старообрядцы, целью которых было сохранение старой веры, казачьего сословия; третьи — позднейшие выходцы — стремились к мирной жизни. Первые не доверяли царям, манифесту Анны Иоанновны, считали, что дальнейшее пребывание на Кубани приведет к потере политической свободы, потому нужно искать новую обетованную землю, вторые и третьи находили возможным остаться на прежних местах, так как не являлись политическими противниками русского самодержавия.

Последователи И. Некрасова, которых было большинство, уходят в 1741 г.³⁵ на Дунай. К ним в 1777 г. приходят с Кубани представители второй и частично третьей групп. Совместная жизнь продолжалась недолго. После взятия в 1791 г. русскими войсками крепости Измаил сторонники И. Некрасова уходят на Энос

---

³³ Булавинское восстание 1707–1708 гг. Сб. документов. М., 1935. № 132. С. 320; № 137. С. 325; № 138. С. 326; № 139. С. 327; № 140. С. 330.

³⁴ Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 19.

³⁵ В опубликованных работах автора данной статьи указано, что некрасовцы ушли с Кубани на Дунай в 1740 г. Эта дата ошибочна. За последние годы мне удалось найти у некрасовцев книги, на полях которых приводится летописная хронология их истории. Казак-некрасовец В.И. Макаричikov (хутор Новонекрасовский) подарил мне «Церковный устав», принадлежавший семье Ястребовых. В конце книги имеется «Круг солнца» — календарь. На 9-м листе запись гласит: «В лето 7249 (1741 г.) с Кубани кочевало войско в Трапезонъ, Самсонъ, на Дунай от гонения царицы Анны». Точно такая же запись имеется в некоторых книгах у вернувшихся 22 сентября 1962 г. казаков-некрасовцев, проживающих в Легокумском винном совхозе Ставропольского края.

и Майнос. Оставшиеся на Дунае к 50-м гг. XIX в. растворились в массе старообрядцев, позднейших выходцев из России³⁶.

Казаки-некрасовцы на Дунае и на Майносе жили по заветам Игната. Их вождь «сумел не только устроить свое Кубанское войско, но и дать ему прочную организацию, которая, несмотря на всевозможные препятствия», держалась до 1912 г. «в своих главных началах»³⁷. Этот период жизни можно назвать консервацией завоеваний предков, их традиций, культуры, веры. Сохранению национальности, революционных традиций, демократии, основ казачьей общины способствовала та изоляция от чуждого окружения, которую Игнат-казаки соблюдали на Дунае, на Майносе. Последнее место жительства вначале было для Игнат-казаков также обетованной землей.

В. Кельсиев полтора года был у *дунаков* атаманом³⁸. В ноябре 1863 г. он посетил некрасовцев Майноса. Знакомство с дунайскими поселенцами (называвшими себя *липованами*, а не некрасовцами) и действительными потомками некрасовцев дало ему право сделать объективный вывод. Он писал, что в отличие от старообрядцев Дуная «Майнос в полном смысле слова независимая республика, вассальная султану, имеющая свое законодательство, с правом даже смертной казни над своими членами...»³⁹

Консервация не спасла майноскую республику ни от изменений, ни от вторжения в жизнь нового. С каждым десятилетием, отдалявшим потомков от героической эпохи предков, община казаков что-то теряла и что-то приобретала новое. Так постепенно создавались условия для экономического накопления в отдельных семьях, а жизнь вдали от русских границ, царя, бояр, помещиков, с которыми им не приходилось уже сражаться с оружием в руках, чтобы отстоять политическую свободу, наложили свою печать. У потомков некрасовцев ослабевала классовая вражда, они уже в своих понятиях отделяли Россию от царя; возрастало желание сохранить все русское. В связи с этим началось переосмысление

---

³⁶ Тумилевич Ф.В. Указанные работы; *Kozaczyzna w Turcyi...* P. 57–66; Очерк истории старообрядцев в Добрудже... С. 609–610; Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // *Русский вестник*. 1869. Т. 81. Июнь. С. 521–526.

³⁷ Очерк истории старообрядцев в Добрудже... С. 607.

³⁸ Кельсиев В.И. Исповедь // *Литературное наследство*. Т. 41–42. М., 1941. С. 371; *Пережитое и передуманное. Воспоминания В. Кельсиева*. СПб., 1868. С. 106.

³⁹ Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии... С. 432, 434.

некоторых заветов Игната, особенно тех, которые выражали не национальную, а классово-политическую идею. Если их предки считали священным долгом воевать с русскими войсками — *москалями* — как силой царя, то майносы создали новый завет: *«кровь на кровь войной итить не может», «крест на крест итить не может»*⁴⁰. Такой взгляд на русских привел Игнат-казаков к отказу в 1864 г. от участия в войнах на стороне Турции. Тогда турецкое правительство отобрало войсковые земли, вокруг Майноса стало селить мухаджир (переселенцев — мусульман, черкесов), турок. Свободные участки продало казакам-некрасовцам. К 1866 г. 70 семей Игнат-казаков оказались владельцами земли, в общине произошло экономическое расслоение на рыбаков и землевладельцев⁴¹. Из среды первых в 1867 г. выделилось 157 семей, не пожелавших жить в обществе, где появилось неравенство. Они ушли на остров Маду. К 1912 г. мадьеvцы вымерли⁴², в живых осталось 8 семей⁴³.

На Майносе вслед за экономическим разделением членов общины произошел идейный и религиозный раскол. Тот факт, что рыбаки попали в экономическую зависимость от землевладельцев, говорил о нарушении основного завета Игната: *«казак на казака не работает»*. С 1872 г. они приняли единоверие, посвящали своих кандидатов в священники в Москве, землевладельцы признали белокрыницкое священство. В их среде началось переосмысление заветов, песен, преданий об Игнате. Так, в песнях и особенно в преданиях появился религиозно-фанатический взгляд на вождя. Его стали обвинять в святотатстве: стрельбе в знамя, крест, Богородицу, литье пуль из крестов, ядер из колоколов. Сами бывальщины на эти темы нами не записаны от землевладельцев, а рыбаки все мотивы, обвиняющие И. Некрасова, приводят в своих бывальщинах, но трактуют их в его пользу.

Нам думается, что бывальщины об обетованной стране вызваны к жизни следующими причинами: 1) появлением экономического неравенства на Майносе в 60-х гг. XIX в.; 2) нарушением заветов

⁴⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 55.

⁴¹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 39, 41; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 55, 57.

⁴² Смирнов Я.И. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 3–31.

⁴³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 50–53.

Игната; 3) чуждым национальным окружением; 4) желанием сохранить заветы Игната и ту республиканскую основу жизни, что была на Кубани, Дунае и до 60-х гг. XIX в. на Майносе; 5) стремлением к объединению всех некрасовцев, которые, как рассказывают предания, когда-то ушли за Пешаное море (Аравийская пустыня).

Хотя в общине Майноса появились землевладельцы и на них часто работали некоторые семьи рыбаков, власть оставалась в руках последних. Они составляли большинство в Майносской республике. Атаман, есаул, старики выбирались из них, круг проводил решения этой группы, держался заветов Игната. Рыбаки не могли отобрать землю, запретить владеть ею 70 семьям, так как собственников поддерживала турецкая власть, хотя во внутренние дела общины она еще не вмешивалась. Продолжалось это до начала XX в.

Социальные противоречия оказали активизирующее влияние на сознание рыбаков, они же поддерживали и мечту, получившую художественное воплощение в преданиях о *царстве* некрасовцев, *городе Игната*. В них противопоставляется идеальная жизнь реально существующей в общине. Первоначальными источниками для разных сюжетов о *городе Игната* явились бывальщины о разделении Войска Кубанского на три части⁴⁴. В преданиях это деление не всегда получает исторически точное освещение, и часто деяния позднейшего времени⁴⁵ входят как составные компоненты

⁴⁴ Первая часть — последователи Игната — уходят в 1741 г. на Дунай; в 1762 г. из оставшихся на Кубани выделяется вторая группа, которая уходит в Ададу (Самсун). Она впоследствии распалась на синопскую ветвь и чаршамбовскую (устье реки Кизыл-Ирмак — восточное побережье Черного моря). Синопская ветвь перешла на Дунай, а чаршамбовцы ассимилировались с местным населением; в 1777 г. третья, последняя группа бывшего Войска Кубанского переселяется на Дунай.

⁴⁵ В 1791 г. последователи И. Некрасова уходят вглубь Турецкой империи. Одна группа — на Энос (берег Эносского залива, устье реки Марицы), вторая — на Майнос (озеро в 25 км от портового города Бандерма на Мраморном море; селение Бин-Эвле, т.е. 1000 домов, или, как турки называли, Эски-Казаклар), третья осталась на Дунае. В ее составе оказались в основном выходцы с Кубани 1777 г. В свою очередь они в 1828 г. разделились на две группы: одна по приглашению Николая I переселилась в Россию (живут в селах Старая Некрасовка, Новая Некрасовка в Измаильском районе Одесской области); вторая осталась на Дунае (Короленко П.П. Некрасовские казаки... С. 59–63). Они охотно принимали беглых из России, преимущественно старообрядцев, и к 50-м гг. XIX в. растворились среди них. Но и в этой среде в 1846 г. произошел раскол в связи с образованием белокрыницкой иерархии.

в сюжеты более раннего происхождения, а многие ранние факты являются достоянием преданий, появившихся в XIX и даже XX в. Тема о разделении войска на три части — одна из центральных в некрасовских бывальщинах, потому что вся история Войска Кубанского насыщена различного рода расколами, делениями, отпочкованиями от основного массива (последователей Игната) малых групп, попутчиков. Судьба их трагична — они все погибли. И только основное ядро — «*кость некрасовская*», как говорят Игнат-казаки, вопреки различным препятствиям, времени, сохранила себя, донесла до наших дней традиции предков, заветы, замечательное устно-поэтическое наследие.

Предания о разделении некрасовцев на три части сюжетно разнообразны, хотя в художественном отношении неравноценны. Имеются три главные версии сюжета, каждая из которых проявляется в вариантах, а последние устанавливают разные причины, обусловившие деление Войска Кубанского. Сам же мотив о разделении входит как один из популярных во многие бывальщины.

Первая версия появилась не ранее 1741 г. Ее варианты немногочисленны, но они более соответствуют самим историческим событиям и фактам. Все они выражают одну точку зрения на раскол Войска Кубанского: «*Когда был с нами Игнат, он не делил казаков и на Дон и против Катярины* (в других вариантах “против царя Ерохи”, т.е. Петра I — Ф.Т.) *ходил. А как не стало его, тут и пошло деление*⁴⁶. *Вот тогда и пошли одни на Дунай, другие на Енос*

Часть жителей селений Сары-Кей, Малые и Большие Дунавцы не приняла белокриницкого священства. Их стали называть раздорниками. В 1877 г. раздорники, тяготевшие к социальному устройству общинной жизни, уходят в Азиатскую Турцию. Одна часть поселилась в 5 км от некрасовцев на озере Майнос. Их турки называли ени-казаклар. Другая группа раздорников — на озере Акшехир (Акчаир) и тяготела к мадъевцам. Некрасовцы раздорников называют *дунаками*, потерявшими «*некрасовскую кость*», т.е. заветы, язык, предания и песни об Игнате. Всех же других старообрядцев Румынии, Болгарии называют *липованами*, т.е. старообрядцами.

⁴⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 34; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 35, 37, 44, 50. В одних вариантах Некрасов умирает, в других его убивает Екатерина выстрелом из пушки, в третьих он гибнет в бою. Имя Екатерины в преданиях этой версии позднейшего происхождения. Погиб И. Некрасов в царствование Анны Иоанновны. Образы цариц: Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II — слились в один образ Екатерины.

и Майноз, а третьи-то в Расею... Которые в Расею пошли, так они все и погибли⁴⁷: нельзя было до царицы идти. Игнат знал, когда завет свой оставил: “Царизме не покоряться, при царизме не возврататься”⁴⁸. В других говорится: как убили пушечным ядром «Некрасу-сударя», осиротело Войско. «После Игната осталось три брата. Они пошли в Турцию... тут меж них раскол получился. Одни в Расею побегли, и все погибли... Два другие брата, Гольый да Драный⁴⁹, пошли на Дунай. С Дуная Драный повел на Еноз и Майноз, а Гольый за Пещаное море. Так и разошлись некрасовцы по всему свету белому»⁵⁰.

В вариантах данной версии мотив об уходе одной части казаков «за Пещаное море» постоянен. Он имеет прямое отношение к сюжетным образованиям преданий о чудесном городе. Правда, ушедшие все погибли, как повествуют бывальщины, но сам мотив остается неизменным, определяющим в дальнейшем развитие темы об *обетованной* стране, указывает место, куда пошли казаки, и даже утверждает, что ими построен город.

В этом плане интересно предание «Игнат засватал Катярину», записанное от А.Л. Зайцевой, напечатанное в 1941 г. В нем говорится: И. Некрасов

«...увел сорок тыщ. Сорок тыщ молодых ребят, окрамя старыва и окромя малыва. И растерялись они по свету. Разделились они на три части. Одна часть пошла назад в Расею и не вернулась. Другая пошла за Аталию (за Анатолию), кто знает куды. Слыхали мы за них, что они в диких мястах живут. И будто бы, они шалками занимаются. Город, говорят, они свой построили, облажили его стеной и живут. Правда ли, бряхня ли, не знаем. А на этих стенах будто бы трубы наведенаи. А когда ветер потянет, трубы загудят. А они кричат: “Аляксандр гонить Никидонской”. И вот, говорили: молодежь образумитца наперва старых, пойдет, раскидает стены и пройдет. Так и разошлись они»⁵¹.

⁴⁷ Речь идет, по-видимому, о дунайских некрасовцах, переселившихся в Россию в 1928 г.

⁴⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 34. С. 199; № 32. С. 195.

⁴⁹ И.С. Драный, Н. Гольый с И. Некрасовым не уходили на Кубань, они были убиты, но, по-видимому, их родственники или однофамильцы были, т.к. у некрасовцев фамилия Драный и теперь имеется, а Гольый превратился в Гоголева. Имя третьего брата не называется.

⁵⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 47, № 37.

⁵¹ Тумилевич Ф.В. Фольклор некрасовцев... № 33. С. 85.

Приведенная бывальщина — одно из первых произведений, рассказывающее о существовании города некрасовцев за Пещаным морем. Впервые в нем говорится о шелководстве как основной экономической деятельности казаков. Предположение наше не лишено основания. Во-первых, в 8 вариантах предания (рукопись), близких между собою, нет трактовки города как обетованной страны некрасовцев; во-вторых, его жители погибают; в-третьих, приведенный сюжет пропагандирует идею, что всякое отделение от Войска Кубанского приводит к гибели отколовшихся. Только тогда можно сохранить «некрасовскую кость», когда некрасовцы будут жить вместе. Сказание, по-видимому, возникло после раскола на Дунае. И т.к. для майносовцев дунайская ветвь была потерянной, они на протяжении 37 лет (с 1791 по 1828 гг.) добивались переселения с Эноса на Майнос⁵².

Мотивы о «городе некрасовцев за Пещаным морем» и о «шелководстве» стали основными для многих сюжетов преданий о *городе Игната*. Мотив о сватовстве Екатерины к Игнату вошел во многие бывальщины некрасовцев⁵³.

Вторая версия позднейшего происхождения. Появилась она в начале XIX в., но самой популярной стала только в 1860-е гг., в период социального расслоения майносовской общины, усиления противоречий, идейной борьбы между рыбаками и землевладельцами. Во всех вариантах речь идет о приходе с Кубани на Майнос всего Войска с И. Некрасовым. «40 тысяч сердовых⁵⁴ казаков, кроме малого, кроме старого и жещин привел Игнат-сударь». Когда же были построены станицы, обнесены стеной, начался раскол на три части⁵⁵.

Для этого цикла рассказов характерна тенденция объяснить раскол жизненно-реальными причинами. К ним относятся: 1) желания братьев Игната быть самостоятельными атаманами⁵⁶; 2) большая

⁵² Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии... С. 421–422.

⁵³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 33; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 25, 27, 31, 34, 47.

⁵⁴ Сердовые казаки — среднего возраста, т.е. служивого. В некоторых бывальщинах слово «сердовые» заменяется словом «кавалерия».

⁵⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 34, 36, 40; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 32, 35, 37, 43, 44.

⁵⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 43, 53.

смертность на Майносе — *гнилая земля*⁵⁷; 3) нарушение братьями заветов *Игната*⁵⁸; 4) попрание веры И. Некрасовым⁵⁹; 5) суеверное отношение религиозных фанатиков к проклятию некрасовцев царицей⁶⁰.

Последняя причина культивировалась и распространялась в мистическо-образном освещении ревнителями старой веры. Бывальщины рыбаков не отрицают *«проклятья Екатерины»*, но говорят, что Игнат-батюшка его не боялся⁶¹. Все рассказчики преданий приводят его. В одном повествовании читаем: *«Известное дело, Игнат-то знал ее (царицыны) подлые дела и решил с Кубани уйтить»*. Тогда царица сказала: *«Идите в чужую землю и чтоб вы там не прибавлялись, а убавлялись. Будьте вы прокляты!»*⁶² В трактовке религиозных фанатиков *«проклятия»* превратились в змею, преследовавшую казаков, но ее убил Игнат-сударь⁶³. Именно этой причиной они объясняют вымирание некрасовцев на чужой земле.

В противовес религиозным фанатикам рыбаки старались успокоить общественное мнение и разъяснить Игнат-казакам несостоятельность причины, объяснявшей вымирание. По их мнению, *«только Иван Дранный да поп Иван Грозный правду гутарили»*. Дранный говорил: *«На чужой земле обязательно убавляться станешь. Все чужое: земля, люди, язык, климант — не тот»*⁶⁴. В заключение рассказчица М.М. Гоголева добавила: *«Верные слова. Сами теперича видим. Как пришли на родину, так мы стали прибавляться. Все свое: земля своя, неподморная, кругом живут свои. Куда не пойдешь — язык один, врагов нет, климант хороший...»*⁶⁵ Священник Ивануткин, прозванный Иваном Грозным за твердый, решительный характер (90-е годы XIX в.), на вопрос: *«Правда ли, что Катярина прокляла нас?»* отвечал: *«Заключатье Катярины — пустое, небожественное»*⁶⁶. Политическое и религиозное объяснение

⁵⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 44.

⁵⁸ Там же. № 32, 37, 38, 43, 50.

⁵⁹ Там же. № 35.

⁶⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 33, 37; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 28, 34, 43.

⁶¹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 43.

⁶² Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31.

⁶³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 43.

⁶⁴ Там же. № 34.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

«проклятья» рыбаками утверждало непогрешимость всего, что делал И. Некрасов и его сторонники.

По мнению фанатиков, раскол Войска на три части произошел в результате попраiania Игнатом веры. Бывальщина, хотя и единственная на эту тему, очень выразительна. В ней рассказывается: когда Игнат Некрасов пришел в Турцию, султан не разрешил ему со своим народом войти в страну, потребовал клятвы, что Некрасов не будет завоевывать турецкую землю. Игнат дал клятву, султан не поверил, потребовал подкрепить ее выстрелом в знамя. Следом за некрасовцами шла с войсками царица. Деваться некуда, тогда «сударь» выстрелил. После клятвы два его брата сказали:

«Чего это ты, Игнат, делаешь?! От чего мы уходили, до того пришли?»

— *А от чего мы уходили? — спросил Игнат братьев.*

— *От того, что царица гонение делала на нас и нашу веру. Крест наш попирала, знамя прострелила, а ты в крест сам стрельнул, клятву басурману дал. Ты попираешь веру. Вот мы и пришли с тобой до того, от чего уходили. Не уйдешь, Игнат, от себя и своей крови. Надо на Дон возвратиться»⁶⁷.*

Как видим, политическая основа борьбы Игната и его последователей подменяется исключительно религиозной. Эта же группа сторонников веры обвиняла вождя в святотатстве: стрельбе в знамя⁶⁸, крест⁶⁹, Богородицу, литье пуль из крестов и ядер из колоколов⁷⁰, в сожжении церкви, их ограблении⁷¹. Рыбаки упорно, последовательно доказывали, что обвинения являются пустыми, так как вождь делал все это во имя спасения народа, потому «на Игнате вины нет»⁷², а теми «пулями, ядрами в царицыно войско, князьех да боярох стрелял Игнат»⁷³. Больше того, «раскольщики», последователи религии, уйдя от Некрасова, гибнут; одни — от царицы, другие — во время шторма⁷⁴.

⁶⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 35.

⁶⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 34; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 33, 34, 35.

⁶⁹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 33, 34.

⁷⁰ Там же. № 29, 31.

⁷¹ Там же. № 29 и с. 252–253.

⁷² Там же. № 34.

⁷³ Там же. № 29.

⁷⁴ Там же. № 35.

В преданиях второй версии развивается идея о бессмертии вождя⁷⁵. И только в некоторых из них высказывается сомнение в бессмертии И. Некрасова. Найди он обетованную страну, *«беспремненно пришел бы»* за майносами, *«может, умер Игнат-сударь... Был ба живой — объявился»*⁷⁶. Во всех указанных бывальщинах И. Некрасов уходит за Пещаное море на поиски казаков, ушедших с одним из братьев. Не найдя их, строит свой город. Этот мотив становится главным для создания различных сюжетов о городе Игната. На него некрасовцы ссылаются как на реалистическую основу.

Варианты третьей версии также многочисленны в общем прозаическом наследии казаков. Она особенно развивается во второй половине XIX в. В одном из опубликованных вариантов утверждается, что раскол на Майносе произошел после ухода И. Некрасова за Пещаное море. С этого времени начали ходить *«слухи, будто он живет за Пещаным морем. Город свой построил, автономию имеет»*⁷⁷.

Вопросы об автономии, сохранении республиканского общезжития, жизни майносцев по заветам Игната особо волновали рыбаков-некрасовцев.

По своему содержанию, идее, социальному звучанию предания о городе Игната представляют особую группу устнопоэтических произведений в общерусском фольклоре и не имеют себе подобных. В них выражена не только мечта о счастливой жизни в обетованном городе и стремление отыскать его как место царства справедливости, но и горечь по утрате такого счастья. Прообразом города Игната является Майносская республика с ее демократическим правлением⁷⁸.

Бывальщины, характеризующие жизнь на Майносе до социального раскола, осуждают изменников Войску, заветам Игната, в них выражено восхищение демократическими свободами, порядками, установленными вождем, прославляется его мудрость. Идеальный строй правления, по мнению старшего поколения, жившего еще на Майносе по традициям предков, предусмотрен заветами

---

⁷⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 31, 36, 38, 39; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 34, 37, 42, 43, 44, 48, 49.

⁷⁶ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 35.

⁷⁷ Там же. № 53.

⁷⁸ Там же. № 27, 33, 37–41.

Некрасова. Они определяли жизненные принципы республики, права ее членов.

Вся власть принадлежала кругу, управление было свое, к туркам не обращались, атаман избирался на год. Без воли круга он ничего не мог делать, за нарушение заветов его могли *поучить* (посечь плетью) или отстранить от атаманства⁷⁹. Для этого стоило только позвонить в колокол, и все знали, что собирается «*Игнатов круг*» — круг справедливого суда над атаманом. На него приходили все от мала до велика. После наказания атаман должен был поклониться кругу на все четыре стороны и сказать: «*Спаси Христос, что поучили, атаманы-молодцы*»⁸⁰. Если он так не говорил, его еще раз секли, после чего объявляли за нарушение завета Игната бунтовщиком, а бунтовщика мог убить всякий. Самый лучший по своим делам атаман мог избираться только до трех раз. По тем же заветам вождя в четвертый раз один и тот же человек не мог быть избран, потому что власть, считали некрасовцы, портит человека.

Наиболее характерный из заветов Игната: не держать тюрем. С 18-летнего возраста юноша считался казаком, он был обязан принимать участие в решении в кругу, за неявку били плетью. С 30-летнего возраста казак мог занимать воинские должности (есаул, полковник); в 40 лет мог быть избран походным атаманом; с 50 лет — в войсковые атаманы, старики, члены *синада*, т.е. сената⁸¹. Запрещалось выставлять в поход заместителя, а тех, кто нанимал его за деньги, казнили смертью. Виновность члена общины устанавливал круг. За измену Войску — расстрел. За убийство члена общины виновника закапывали по шею в землю; за попытку убить члена общины виновного били артелью, если он выживал — выдавали кругу, а круг — голову тому, на кого он покушался. Пострадавший мог убить виноватого, но мог и простить. За воровство били батогами до смерти. «*Валяйся на своей земле мешок червонцев, нельзя брать ни одного*»⁸². Никто не имел права общаться с турками. За брак с иноверцами нака-

⁷⁹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... С. 14–15 и № 38; Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии... С. 440–443.

⁸⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 38. С. 175; Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии... С. 446.

⁸¹ Чайковский М. (Садык-Паша). Записки // Киевская старина. 1892. № 10. С. 110–111.

⁸² Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии... С. 443.

зывали смертью⁸³. Одну треть заработка казак отдавал в войсковую казну. Доход казны тратился на школу, на помощь престарелым, больным, вдовам и сиротам, на вооружение Войска. Казак на казака работать не должен. Бедным помогал явно только круг. Тайно помогал всякий, чтоб глаз человеческий не видел; кто подал тайно да разгласил — били плетью до смерти⁸⁴. Младшие обязаны почитать старших.

Особый интерес представляют заветы об образовании: некрасовцу без учения нельзя. Учить казаков и женщин грамоте. Учителей назначает и платит им круг. Попы учат безденежно, если они берут плату — учить плетью. О религии заветы немногочисленны: держаться старой веры. Попов никонианского и греческого рукоположения не принимать. Попа, не исполняющего волю круга, можно убить как бунтовщика, еретика. Поп не должен вмешиваться в дела круга и общины, за нарушение — смерть.

В общем законодательстве майносцев имеются заветы Игната, оберегающие права женщины. В предании «Игнат запретил казакам обижать жен» говорится: когда Некрасов уводил свой народ, он сказал: *«Глядите, казаки, идем с вами в чужую землю, в Турцию. Соединяться с турками — не соединяйтесь, на турецких женщинах не женитесь, а кто нарушит мое слово, того казнить смертью. Своих женщин берегите. Что будете делать, когда их не убережете? Весь корень наш пропадет»*⁸⁵.

Оберегая «некрасовский корень», заветы оберегали права женщин. Муж должен относиться к жене с уважением. Женщина — мать, обижать ее нельзя. Мужа, обижающего словом и действием жену, бить плетью. Круг дает развод, и жена может выйти замуж за любого, кто посватает. За *ученого* казака никто не выходил замуж. За изнасилование женщины преступника бить плетью до смерти⁸⁶. Измена мужа жене, как и жены мужу, каралась смертным наказанием. Некрасовке разрешалось даже входить в алтарь, она существо чистое⁸⁷. Даже этот факт опровергал ограничения женщины христианской религией.

⁸³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 37 и с. 14–15; Чайковский М. Записки... С. 114.

⁸⁴ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 38, 39, 40; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 39.

⁸⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 40.

⁸⁶ Там же; Чайковский М. Записки... С. 111.

⁸⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... С. 15–16.

После 1864 г. идеальные основы общественной и экономической жизни начали разрушаться. Отсюда вполне закономерное стремление последователей заветов задержать этот процесс. Но жизнь шла вперед, отодвигая и разрушая государственные нормы Майноской республики. Тогда рыбаки всем нарушениям стали противопоставлять прежний образ жизни. И, чтобы внушить молодому поколению мысль о незыблемости государственных основ, данных И. Некрасовым, они утверждали, что существует обетованная земля Игната, его город.

Счастливую жизнь в *городе Игната* они не представляли себе без творческого труда. Игнат Некрасов и его последователи превращают пустыню в цветущий сад, общественной жизнью управляет круг, в котором принимают участие мужчины и женщины; атаман, есаул избираются на один год; мальчики и девочки совместно обучаются в школе. Жители города равны в политическом и экономическом отношении; бедных, нищих, воров у них нет; браки заключаются по любви; женщины мужья не обижают. Если атаман нарушает существующие законы, его лишают атаманства и *учат*; тюрьмы нет, нет рабства, казак на казака не работает; занимаются рыболовством, шелководством, садоводством⁸⁸.

Тематически эти предания представляют следующие сюжеты: 1) предания о расколе некрасовской общины на три части; 2) об уходе Игната Некрасова с небольшой группой казаков за Пешаное море для отыскания свободной земли; 3) о волшебном корабле Игната; 4) о постройке города на берегу моря; 5) о жизни некрасовцев в *городе Игната*; 6) поиски майносцами *города Игната*; 7) поиски жителями *города Игната* некрасовцев, проживающих на Майносе и Маде; 8) о гибели *города Игната*.

Все бывальщины этого цикла — сюжетные произведения. Чудесные мотивы — неотъемлемые компоненты повествования.

Возвращение в Россию немислимо, царь может всех казнить, жить на Майносе нельзя — рушатся устои, и только в *городе Игната* сохранилось социальное равенство. И потому, чем сильнее росли противоречия в майноской общине, чем больше нарушались заветы Игната, чем быстрее распадался республиканско-демократический образ жизни, тем настойчивей было желание его сохранить. Но удержать общину от распада рыбаки были не в си-

⁸⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 36; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 42–46.

лах. Именно в это время получают распространение бывальщины о *городе Игната*. В сознании казаков *страна Игната* такой должна быть, какой был Майнос до социально-экономического расслоения.

Последовательное развитие темы первоначально уходит в предания, рассказывающие о разделении Войска на три части. Игнат Некрасов привел свой народ на Майнос, осушил болота, построил 10 станиц, обнес их стеной, *«а сам пошел с 300 казаках и жєницин за Пещаное море искать землю для некрасовцев. В пустыне он построил город, насадил леса, сады»*.

Это предание, на наш взгляд, является первоначальным источником, породившим во второй половине XIX в. у некрасовцев различные сюжеты и их версии о *городе Игната*.

Героическая эпоха в истории казаков-некрасовцев окончилась еще на Кубани в XVIII в. Она привела Войско Кубанское к завоеванию политической автономии, осуществлению социальной справедливости в тех понятиях, которые присущи были крестьянству и казачеству в то время. Это был «золотой век» в жизни Игнат-казаков, получивший всестороннее освещение в устной поэзии. Начиная с 40-х гг. XIX в. майносцы постепенно теряли приобретенное предками в борьбе. Потери завоеваний с каждым десятилетием, отдалявшим потомков от «золотого века», с большей силой пробуждали, активизировали желание вернуть прошлое, задержать от утраты сохранившееся. Желание получало соответствующую форму выражения сознания — противопоставление действительности лучшего минувшего. Но вернуть его они были не в состоянии. Тогда действительному стали противопоставлять обетованную землю, якобы существующую где-то за Пещаным морем. Так родилась социальная утопия о *городе Игната*.

Первым по времени своеобразным художественным произведением (в смысле развития логической последовательности темы), повествующим о конкретных деталях построения *города Игната*, следует считать полумифическое предание «Игнат змею убил». Оно имеет генетическое значение в изучении общего становления темы об обетованной стране некрасовцев и ее проявлении в конкретных сюжетных формах, составивших впоследствии особый цикл бывальщин у некрасовцев Майноса и Мады.

Предание «Игнат змею убил» синкретично по мотивам, темам отражаемой действительной, вымышленной и чудесно-сказочной истории. Сюжет бывальщины состоит из 9 самостоятельных частей,

логически связанных между собой главным героем — И.Ф. Некрасовым: 1) уход И. Некрасова и его последователей с Кубани на Майнос; 2) проклятие некрасовцев царицей; 3) измена О. Гончарова⁸⁹; 4) раскол Войска Кубанского на три части; 5) превращение проклятия царицы в черную змею, преследующую некрасовцев; 6) заселение Майноса; 7) уход И.Ф. Некрасова за Пещаное море; 8) построение чудесного города; 9) забота И.Ф. Некрасова о майносах⁹⁰.

Каждая часть самостоятельна, встречается в других бывальщинах в виде мотива, эпизода или как тема сюжетного повествования. 8–9-я части имеют непосредственное отношение к нашей работе.

Предание рассказывает о трудном пути, о борьбе Игната с черной змеей. Когда Некрасов привел с собою казаков за Пещаное море, он приглядел место, начал строить город.

«Кругом ни кустика, ни травинки, один мертвый песок. Время идет. Построил Некраса город, а потом начал стену округ города строить. Кладет он с казаками стену, а тут — черная змея появилась. Ползет она через стену, норовит в город попасть. Ни Игнат, ни казаки не замечают ее. Только слышат — змея шипит резко. Глянули, а это серая змея (добрая чудесная помощница. — Ф.Т.) бросается на стену, а на стене черная змея. Серая ударила хвостом, черная упала на землю. Тогда Игнат выхватил из ножен невольданую⁹¹ шашку да разрубил черную змею пополам. Перегнулась половина черной да как ударит хвостом серую, она и претворилась [превратилась] в большую кучу разноцветных зернышек, одна только голова от нее осталась».

Некрасов изрубил черную змею, казаки ее сожгли, пепел по пустыне развеяли. Игнат ударил шашкой по голове серой змеи, а из нее выпал чудесный рубин. Поглядел он в него и увидел Майнос. И. Некрасов тогда сказал казакам, чтоб они собрали разноцветные зернышки.

⁸⁹ Образ анахроничен. Осип Семенович Гончаров — лицо действительное (1796–1879 г.) — родился на Дунае в селе Сары-Кей, дед его украинец. С 1830 по 1870 г. был атаманом у дунайских поселенцев, т.е. липован. См. о нем: Очерк истории старообрядцев в Добрудже... С. 613–620; Кельсиев В. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Ноябрь. Т. 84. С. 177–194; Герцен А.И. Былое и думы. Т. 3. Ч. 7. Гл. 2 — «В. И. Кельсиев». М., 1958. А.И. Герцен дает Гончарову отрицательную характеристику, а некрасовцы Гончарова называют изменником.

⁹⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 43.

⁹¹ Невладаная шашка — не бывшая в употреблении.

«Собрали. Идут все, а Некраса наберет в горсть зернушек да бросает их по степу. Все места пустые округ города позасеял. Прошло сколько-то время, глядят казаки, а кругом города лес вырос, цветы. Тютины было в том лесу видимо-невидимо. Посеял те семена Некраса и в самом городе. Выросли сады, а в них разные цветы, деревья: инжир, яблоки, сливы, персики, виноград, пальмы. Вот и стали казаки в том городе шелками заниматься. Живут они хорошо.

Женщины вместе с казаками кругом правят, грамоте учатся. Казаки своих жен любят, обиды им не делают. Некраса и нам на Майноз тех разноцветных зернушек прислал»⁹².

Волшебство-фантастический и реалистический принципы мышления у некрасовцев слиты в единый сплав, он характерен для ранних рассказов о *городе Игната*. Поэтому образы чудесных помощников отражают в преданиях таинственные силы природы, которые уже «приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»⁹³. В сознании Игнат-казаков противники счастливой жизни народа — цари с царицами. И если они сами помешать не могли И. Некрасову и предкам уйти от них, создать свое Войско Кубанское, то царица-еретичка проклинает, а проклятие, превратившись в змею, следует за ними, приносит смерть. Уничтожение черной змеи Игнатом символизирует освобождение потомков от тяготевшего над их умами, психологией проклятия царицы, которое якобы являлось причиной вымирания некрасовцев на чужбине.

Фантастика в предании не бесплодная мечта. Она объясняет занятие жителей чудесного города шелководством, в ней имеются реалистические детали, взятые из жизни, упорно акцентируется внимание на труде И. Некрасова и казаков, на том, что их вождь делал всегда только то, что нужно было для народа, что благословляли старики, круг.

Во втором предании «Уплыл Игнат на корабле» сюжет также использует чудесный мотив о корабле, плавающем по морю, едущем по земле⁹⁴. На нем «*Некраса-сударь*» уплыл, чтоб найти для майносцев обетованную землю. И он ее

«...нашел, царство некрасовцев построил. Город у них обнесен стеной каменной, а округ города ни туркох, ни мухаджир, ни грекох

⁹² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 43. С. 191–192.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XIV. М., 1959. С. 322.

⁹⁴ Сказочный мотив АТ № 513 В.

нет. Земли хорошие, лесов много. Город стоит на берегу моря. Казаки рыбалют, занимаются шелками, ходят на охоту, сады у каждого, и нет у них ни бедных ни сирот, ни хворых. Климат джуде подходящий для человека.

Сказывали греки, что люди того царства ни явно, ни тайно милость никому из своих не подают — нужды в том нет. Женщины на Игнатовой земле с казаками кругом правят».

В заключение рассказчица, обращаясь к слушателям, добавила:

«Вот, мои деточки, как там живут! У нас на Майнозе одни казаки грамоту знают, а женщин старики не учат — отошли от Игнатова слова, в том городе и девки в школу ходят...»⁹⁵

И в первом, и во втором рассказах отправным моментом для повествования об *Игнатовой земле* является собственная история, жизнь на Майнозе, и ей противопоставляется царство некрасовцев, копирующее «золотой век» Игнат-казаков, их республиканский строй. И это, конечно, не консервативная и не бесплодная романтическая мечта, потому что политическая автономия труженников и демократия в крестьянско-казачьем понимании продолжала оставаться более прогрессивной формой жизни, в сравнении с тем, что имело крестьянство и казачество в России в XIX в.

Наиболее полно в реалистическом плане изображается бытовая сторона жизни, общественная форма правления, правовое положение женщины в *Игнатовом царстве* в предании «Город Игната»⁹⁶. Во всей этой обрисовке видно повторение того, что когда-то было у майносцев до 40-х гг. XIX в. Их республика явилась прототипом для обетованной страны. Такие бывальщины, как «В городе Игната не признали наших»⁹⁷, «Корабль из города Игната»⁹⁸ дополняют основное представление о том, каким должно быть «царство некрасовцев».

Появление предания «Город Игната»⁹⁹ можно отнести примерно к 1866 г. Определение возраста предания базируется на пока-

⁹⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 42. С. 187–188.

⁹⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 34.

⁹⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 44.

⁹⁸ Там же. № 45.

⁹⁹ Версии, варианты разбираемых бывальщин, новые сюжеты мы не приводим по той причине, что все они не опубликованы, да и сама наша работа по своим целям исключает их анализ. Подробное изучение дается в работе: Тумилевич Ф.В. Предания о «городе Игната» (Рукопись).

зании рассказчицы Т.И. Капустиной¹⁰⁰, которая подчеркивает, что повествование она слышала от странницы, когда была молодой. Конечно, в этом сообщении немало домысла, внесенного и самой Капустиной, но он не выходит за рамки представлений казаков-некрасовцев об *Игнатовой земле*. Обращаясь к слушателям — казачкам Майноса, странница сообщила:

«Живут такие люди, похожие на вас, на берегу большого озера (в вариантах “на берегу моря”. — *Ф.Т.*). Город у них большой, пять церквох в нем, обнесен он высокой стеной: четверо ворот — на запад, восток, север, юг. Ворота все закрыты. Только восточные открыты бывают днем. На воротах стоят оруженные часовые, а ночью и по стенам часовые ходят. В город свой те люди никого не пускают. Живут богато. У каждого каменный дом с садом, на улицах и в садах цветы цветут. Такая красота кругом!

Занимаются те люди шелками, обиды ни людям чужим, ни друг другу не делают. Женщины у них красавицы, разноряжены: носят зеньчуг, рубены, золотые монисты, лестовки янтарные. Носят они сарафаны из серебряной и золотой парчи; а рубашки из лучшего шелка. Живут там женщины, как царицы. Мужики их любят, пальцем не трогают (на Майносе к этому времени уже нарушались “заветы Игната” о правовом положении женщин. — *Ф.Т.*). Не дай господь, какой мужчина обидит свою жену — его за то смертью наказывают. Слышала я — женщины и на круг ходят, и грамоте обучаются с дьячками¹⁰¹ вместе.

В город свой те люди мужчин не принимают и не пускают, а женщин принимают. Кто ни пройдет, того накормят, напоят, оденут и проводят ласковым словом: “Спаси те Христос”»¹⁰².

По словам странницы, ее в тот город приглашали жить. Ее даже впустили в него, тут-то она и «увидала, как они богато живут».

Т.И. Капустина уверяла, что после ухода странницы «пошли разные слухи о том городе». Но и до нее, оказывается, они были, и старики ходили по разным странам, разыскивая *город Игната*¹⁰³. Два других предания, по мнению некрасовцев, подтверждают¹⁰⁴ существование города.

Проблема равенства женщины волновала казачек Майноса и Мады. И, конечно, не без их участия в предания внесены детали,

¹⁰⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 36. С. 203.

¹⁰¹ Некрасовцы школьников называют дьячками. Дьяк — писец.

¹⁰² Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 36. С. 203–204.

¹⁰³ Там же. № 36. С. 204.

¹⁰⁴ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 44, 45.

говорящие о совместном управлении кругом, обучении, о подлинной любви мужчин к женам и о наказании их за обиды, причиненные женам.

Из рассказов представителей старшего поколения, да и из самих преданий видно, что жители Майноса и Мады разыскивали обетованную землю. Круг на Майносе и Маде вменил в обязанность казакам, уходившим на рыбный промысел, не только отыскивать места хорошего рыбного лова, но и *город Игната*. Несомненно, поиски приводили к рождению различных рассказов, версий, вариантов. Они-то и свидетельствуют о новом взгляде на социальную утопию отыскивающих, о рождении ими новых идей, образов и, наконец, о разрушении идеи об обетованном городе. Варианты как раз характеризуют те пути, которые прошла социально-утопическая мечта некрасовцев Майноса за целое столетие.

Вся вторая половина XIX в. прошла в поисках обетованной земли¹⁰⁵. Многие из путешественников, не найдя ее, при возвращении уверяли, что им встречались греки, арабы, цыгане, которые бывали в *городе Игната*, они даже указывали путь к нему... И только некрасовцам не удавалось его найти. Время шло. На смену этим вымыслам приходили другие: *«Игнат прячет свой народ от майносокских и мадьевских казаков, потому что они нарушили завет»*¹⁰⁶.

Неудачи не пошатнули веры в существование *«некрасовского земного республиканского рая»*. Одним из неутомимых искателей был Егор Иванович Семутин (1825–1923). Он 40 лет отыскивал чудесный город. Побывал в Африке (Египте, Эфиопии), странах Ближнего и Среднего Востока, вплоть до Индии и Китая¹⁰⁷. Исходив безрезультатно многие страны, Семутин не хотел разубеждать своих людей. Таким ответом явилось предание, несомненно, созданное им, *«В городе Игната не признали наших»*¹⁰⁸.

Поиски города удерживали некрасовцев от возвращения на родину. Но в начале XX в., не позднее 1910 г., старшее поколение рыбаков-некрасовцев убедилось в бесплодности поисков *Игнатово царства* и ушедших с Некрасовым казаков. Майносоцев ничто уже не связывало с Востоком. Но примириться с мыслью, что *царства*

¹⁰⁵ Мотив о счастливом городе стал достоянием сказок. См. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 7.

¹⁰⁶ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 45.

¹⁰⁷ Там же. С. 259.

¹⁰⁸ Там же. № 44.

Игната не было, они не могли. В их сознании рождаются различные объяснения. Одно из них получает форму предания «Некрасовцев разбойники вырезали»¹⁰⁹. Раз некрасовцев в *городе Игната* вырезали и их больше нет, следовательно, больше нет и республиканского города, поэтому незачем оставаться в Турции.

Предания о *городе Игната* — важная социальная тема в устной поэзии казаков-некрасовцев. Они, в отличие от утопических сказаний, рассмотренных нами, более реалистично выражают идеи о республиканском общежитии, политической автономии народа, живущего без царя, бояр, помещиков. Им чужды религиозно-мистические мотивы как идеал, присущий легендам о Беловодском царстве, граде Китеже, «Сказанию об Индийском царстве».

У нас нет доказательств о прямой и даже косвенной связи социально-утопических идей некрасовцев с такими работами, как «Государство» Платона¹¹⁰, «Город Солнца», Кампанеллы¹¹¹, «Утопия» Томаса Мора¹¹². Правда, некоторые начетчики Майноса, как, например, С.Ф. Шашкин¹¹³ и другие, знали латинский, греческий языки, и можно бы предположить, что им эти работы могли быть известны. Но такое предположение опровергается самими преданиями о *городе Игната*.

Платон в своем «Государстве» разделил всех граждан на три категории: простолюдинов, воинов, философов. В руках последних должна быть сосредоточена власть. По усмотрению власть руководит даже половыми связями; государство отбирает детей у родителей, воспитывает их в нужном для него направлении. Все делает, чтобы родители в дальнейшем не могли узнать своего ребенка¹¹⁴. Ничего подобного в *городе Игната* нет. Жители все равны в труде, образовании, управлении общиной, и каждый может быть избран руководителем — атаманом, но только на один год.

В «Городе Солнца» Кампанеллы верховный правитель — священник, при нем состоят три соправителя: мощь, мудрость и любовь. У жителей этого города все общее. Должностные лица следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем ему следует; виновных

¹⁰⁹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 46.

¹¹⁰ Рой М. История индийской философии. М., 1958. С. 87–91.

¹¹¹ Кампанелла. Город Солнца. М., 1954. С. 3–225.

¹¹² Мор Т. Утопия. М., 1954. С. 5–222.

¹¹³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... С. 244–245.

¹¹⁴ Рой М. Указ. соч. С. 87–91.

лишают в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами; должностные лица получают большие и лучшие порции; женщины статные и красивые, соединяются только со статными и крепкими мужчинами; имеются и презренные женщины, не способные к деторождению. Они используются для наслаждения подрастающих молодых людей¹¹⁵.

О таком «равенстве» некрасовцы не мечтали. Они не признавали вмешательства духовенства в дела общины, круга, а если священнослужитель вмешивался, его объявляли еретиком. Такого попа, по завету Игната, можно убить. Общее между «городом Солнца» и *городом Игната* имеется в двух пунктах: и у тех, и у других нет тюрьмы и всех приходящих не впускают в свой город, кормят посторонних на общий счет три дня. Такое совпадение еще не говорит о заимствовании у Кампанеллы.

В «Утопии» Мора имеются люди, которые из религиозных побуждений обрекли себя на самые неприятные работы. Имеется особая социальная категория — «рабы» — люди, приговоренные к пожизненным принудительным работам, или пленные¹¹⁶. Такой категории людей в *городе Игната* нет. Общее между платоновским «Государством», «Городом Солнца» Кампанеллы, «Утопией» Мора и преданиями о *городе Игната* — это совместное образование, равноправие мужчин и женщин в управлении городом. Но, в отличие от них, в преданиях о *городе Игната* женщина пользуется большим уважением, доверяем, любовью и действительным равноправием. Она охраняется заветом «*Обижать женщину нельзя, она мать. От нее род идет*».

Отличие преданий некрасовцев о *городе Игната* от указанных философских сочинений очевидно. Первые создавались самим народом и выражали его мировоззрение, идеалы, рожденные борьбой с русским самодержавием за политическую автономию, за республиканско-демократический образ жизни. Они являются художественными произведениями.

Вторые — созданы для народа, без учета его действительного желания и представляют собой теоретические изыскания, и поэтому известны только узкому кругу образованных читателей.

Мы не можем отрицать влияния восточных народов на формирование утопии у некрасовцев. Те же предания говорят, что

¹¹⁵ Кампанелла. Город Солнца... С. 61–63.

¹¹⁶ Мор Т. Утопия... С. 167–180.

Игнат-казаки часто слышали рассказы от греков, арабов, странниц и странников о людях, похожих на них, которые живут в своем городе, имеют равенство. Возможно, эти свидетельства достоверны и не являются художественным приемом мотивирования сюжетов. Даже в этом случае слышанное переосмыслено майносцами и мадъевцами. Переосмысление шло в соответствии с существовавшими у них порядками, заветами Игната, господствовавшими в «золотой век» некрасовской республики.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. Предания о «городе Игната» и их источники // Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г. Ростов н/Д, 1963. С. 315–345.

Ф.В. Тумилевич

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕСНИ ОБ ИГНАТЕ НЕКРАСОВЕ

Игнату Федоровичу Некрасову, одному из видных атаманов Булавинского восстания (1707–1708), а затем руководителю некрасовского антифеодального движения на протяжении 30 лет (1708–1737) не посчастливилось в дореволюционной исторической науке. В официальных документах царя Петра I, карателя В.В. Долгорукого, в исследованиях дворянско-буржуазных историков, в том числе и донских: Броневского, Савельева, Сухорукова, Ригельмана — И.Ф. Некрасов — «бунтовщик», «вор», «изменник царю и отечеству», «богоотступник», «заклятый враг русских». А его последователи-некрасовцы «не христиане, а закоренелые безбожные разбойники»¹, «изменники». Полковник Гонбом, расстреливавший из пушек некрасовцев в ноябре 1777 г. на Тамани, «не находил других средств справиться с ними, как только силою оружия»². Само же движение Игнат-казаков умышленно объявлялось не политическим, а «религиозно-раскольничьим, старообрядческим».

Нечто подобное можно было читать и слышать совсем недавно. Традиция прошлого официозного отношения и к И. Некрасову и некрасовцам в условиях культа личности сказалась в некоторых исторических и фольклористических работах. Так, в «Большой советской энциклопедии» довольно странно звучит такое сообщение: «Некрасовцы — секта донских казаков раскольников»³. В фолькло-

¹ Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 42.

² Там же. С. 42.

³ Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1954. С. 389–390.

ристическом исследовании М.Я. Парижской читаем: «Некрасов... увел свои отряды, порвавшие с “голытьбой”, на Кубань, затем за границу»⁴. Нарушая историческую правду, автор пишет: «Некрасов принадлежал к тем казачьим кругам, которые предпочитали уйти под протекторат Турции, но не отступить от тех прав, благодаря которым “голутвенные” казаки, бывшие беглые крестьяне, оказывались в их руках объектом эксплуатации»⁵. Таким образом, если верить написанному, то И. Некрасов и некрасовцы принадлежали к зажиточной верхушке казачества, цель их восстания сводилась только к защите донской самостоятельности, к защите прав эксплуатировать бедноту. Тогда становится непонятной тридцатилетняя вооруженная борьба с русским самодержавием, с теми же старшинами и домовитыми, предавшими Булавинское движение, а потом вместе с карательной армией князя В.В. Долгорукого чинившими расправу над булавинцами и некрасовцами.

Даже в фольклоре казаков-некрасовцев М.Я. Парижская видит не народную антифеодальную, антицаристскую тенденцию, подчеркивающую остроту классовой борьбы, а только «противомосковские настроения», осуждающие действия «московского правительства, которые клонились к уничтожению привилегий Войска Донского»⁶. Дело не в осуждении московского правительства, а в том, что оппозиция феодализму со стороны булавинцев и некрасовцев выразилась не в виде мистики или открытой ереси, а в виде вооруженного восстания. Именно эта сущность выступления некрасовцев получила наиболее полное художественное отражение в их устной поэзии.

Особо крайнее антинекрасовское суждение мы находим у М. Кочнева. Он в своей статье, предпосланной сборнику «Песни боевых походов», цитирует стихи из песни, созданной домовитым казачеством:

Мы отрубим Игнатке буйную голову,
Пойдем опять служить царю Петру Первому⁷.

---

⁴ Парижская М.Я. Исторические песни и предания начала XVIII в. // Русское народное поэтическое творчество. Т. I. М.; Л., 1953. С. 481.

⁵ Там же. С. 497.

⁶ Там же. С. 497.

⁷ Савельев А.М. Сборник донских народных песен. СПб., 1866. Песни исторические. № 12.

Желание классовых врагов Булавинского восстания и движения некрасовцев автор выдает за мнение русского народа и патетически восклицает: «Изменщика постигает заслуженная кара — смерть от руки обманутых им сообщников, которые поняли всю тяжесть совершенного им преступления перед родиной»⁸. В действительности И. Некрасова не постигала такая «кара», о которой пишет фольклорист.

Все рассуждения подобного характера и направления — следствие незнания ни самого некрасовского движения, ни подлинной народной поэзии о нем. Народный взгляд на И. Некрасова и некрасовцев противоположен взгляду правящего класса и историков.

И. Некрасов в народной поэзии о вождях антифеодалных крестьянских войн стал третьим поэтическим лицом. Но как в фольклоре (преимущественно в легендах, преданиях) о С. Разине, Е. Пугачеве, так и в песнях о Некрасове отражены два классово противоположных взгляда на его личность и деятельность: положительный и отрицательный.

Песни об И. Некрасове создавались в России⁹ и за ее пределами, у казаков-некрасовцев¹⁰. Наша работа преследует одну цель — рас-

⁸ Кочнев М. Народная военная песня // Песни боевых походов. Иваново, 1943. С. 7.

⁹ Всего напечатано за XIX и XX вв. 16 песен: Сахаров И.П. Песни русского народа, СПб., 1838–1839. Ч. 4. С. 277 — 1 песня; Железнов И.И. Уральцы: очерки быта уральских казаков. Т. 3. СПб., 1910. С. 17–19 — 1 песня; Савельев А.М. Сборник донских народных песен... № 12 — 1 песня; Пивоваров А.Н. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885. № 51 — 1 песня; Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков. I. Песни исторические. Оренбург, 1904. С. 32–39 — 6 песен; Соколов М.Е. Былины, исторические, военные, разбойные и воровские песни, записанные в Саратовской губернии. Петровск, 1896. № 11 — 1 песня; Баранов Ф.Н. Песни оренбургских казаков с напевами. В 3 вып. Вып. II. Оренбург, 1913. № 5 — 1 песня; Терские ведомости. 1868. № 51 — 1 песня; Акимова Т.М. Фольклор Саратовской области. Саратов, 1946. № 16 — 1 песня; Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 1. Ч. 2. М., 1949. № 116 — 1 песня; Панкратов Ф. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895. № 51 — 1 песня. Некоторые из указанных песен перепечатывались в различных сборниках.

¹⁰ Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1947. № 34–46 — 13 песен; Тумилевич Ф.В. Фольклор некрасовцев. Ростов н/Д, 1941. С. 29, 33–34, 51, 91, 92 — 6 песен; Тумилевич Ф.В. Хранители песен казаков-некрасовцев // Дон. 1957. № 3. С. 185–188 — 4 песни; Тумилевич Ф.В. Фольклор казаков-некрасовцев. Краснодар, 1948. № 9, 12 — 2 песни, остальные перепечатаны из сборника «Песни казаков-некрасовцев»; Русские народные

смотрение еще не обнародованного в печати песенного фольклора, записанного на территории нашей страны до революции и в советское время. Часть текстов извлечена из государственных архивов (4 песни)¹¹, 3 песни получены от разных собирателей¹², остальные 74 песенных текста записаны нами на Дону (с 1937 по 1961 г.).

81 песенный текст освещает только четыре темы: 1) убийство И. Некрасовым князя Ю.В. Долгорукого; 2) уход И. Некрасова на Кубань с казаками (в вариантах — за Дунай); 3) выборы Некрасова в атаманы; 4) Иван Грозный спрашивает Петра I о том, куда он «дел» Донское войско.

Все темы раскрываются в десяти сюжетах, каждый из которых проявляется в версиях и вариантах. Некоторые мотивы: «Воскрутился, возмутился тихий Дон», «Уход казаков с И. Некрасовым», «Его измена службе царской», «Увел сорок тысяч» встречаются во многих текстах, но по-разному трактуются.

Содержание напечатанных и неопубликованных песен об Игнате Некрасове говорит о том, что они первоначально создавались в России в среде непосредственных участников Булавинского восстания, близко знавших И. Некрасова, его последователей.

сказки казаков-некрасовцев / Собраны Ф.В. Тумилевичем. Ростов н/Д, 1958. № 34; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. С. 6, 142–144, 146, 157–158, 162, 168, 170–171 — 9 песен. Всего — 35 песен.

¹¹ Пономарев С.М. (коллекция). Архив Географического общества СССР. Ф. 12. Оп. 2. Тетр. № 7. Текст № 15 — «Воскрутился же, возмутился же да славный тихий Дон». Песня записана от оренбургских казаков в 1880 г.; Пономарев С.М... Ф. 12. Оп. 2. Тетр. № 4. Текст № 27 — вариант указанной песни записан в Оренбургском крае на казачьей линии в середине 1880 г.; Пономарев С.М... Ф. 12. Оп. 2. Тетр. № 4. Текст № 10 — «Кто из нас, братцы, был на тихом Дону». Песня записана Пономаревым в 1880 г. от крестьян переселенцев из села Ломовка Богородицкого уезда Тульской губернии. Архив С.М. Пономарева находится в Институте Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Все эти песни любезно предоставлены мне П.Г. Ширяевой 25.04.1958; четвертая песня «Кто бы, кто бы нам сказал» извлечена из рукописи Х.И. Попова, хранящейся в Государственном архиве Ростовской области. Ф. 73. Оп. 1. Д. 728. Л. 45.

¹² Песни: «Славный тихий Дон» записана в Оренбургской области в 1935 г. Л.С. Отваловым в ст. Яман от А.П. Белоделкина, 1892 г.р.; «Кто бы, кто бы из нас, братцы» записана студентом Ростовского университета в 1956 г. Г.Ф. Иловлевым в ст. Белая Калитва от казака-старообрядца Е.П. Юдина, 1890 г.р.; песня «Эй, кто бы, кто бы нам сказал» записана студентом Ростовского университета А. Филипповым в 1948 г. в х. Солонцовском от П.А. Козлова, 1884 г.р.

После подавления антифеодального движения на Дону, Волге, центральных уездах страны и слободской Украине песни хранились, варьировались в лагере сочувствующих борьбе казаков-некрасовцев. Одновременно, когда песни о Некрасове только что появились, некоторые из них переосмыслились классовыми противниками и как самостоятельные антинекрасовские версии получили распространение не только на Дону, но и за его пределами. И те и другие были политически актуальными, современными художественными произведениями и только со временем, перейдя к потомкам, превратились в исторические.

В последующие эпохи песни, конечно, подвергались художественной и идейной обработке. Ее направленность зависела от социальной природы групп населения, условий, в которых песни бытовали. Время что-то выветрило из текстов, что-то в них привнесло нового. Но при всех изменениях основа сюжета многих версий оставалась такой, какой она была усвоена потомками от предков. Такая стабильность подтверждается сравнительным анализом текстов, опубликованных в 40–60-х годах XIX в. (тексты И. Сахарова, А. Савельева, А. Пивоварова) и записанных нами на Дону.

Поэтому антинекрасовские версии песен об Игнате Некрасове и варианты — не результат творчества позднейших поколений, а процесс первоначального образования сюжетов, их трансформации в различных условиях.

Песенный текст, раскрывающий конкретный сюжет, будучи раз созданным, ставшим достоянием устного репертуара, сразу же в исполнении других лиц, а тем более представителей иной социальной среды, порождает противоположные версии, варианты. Даже в одних исторических условиях, в одной среде первоначальное произведение воспринимается двояко. Одни певцы строги к тексту, заучивают его слово в слово, так, как слышат, и точно так же передают другим. Если они даже что-то забывают, то не стремятся это восполнить, чтобы не исказить произведения. Другие охотно вносят изменения, сообразуясь со своим мировоззрением, личным поэтическим вкусом, дарованием, временем и, наконец, со слушателями. Первые оберегают наследие предков, передают потомкам в таком виде, в каком они получили; вторые развивают наследие, варьируют, делают его многоликим.

Антинекрасовские песни, бытовавшие у казаков и частично крестьян, — плод переосмысления сюжетов, созданных сторон-

никами И. Некрасова в России. Спрашивается, какие же причины вызвали к жизни враждебные песенные версии об И. Некрасове? Почему именно о нем создавались такого рода произведения? Почему живут они так долго (254 года)? Ведь ни о Разине, ни о Пугачеве аналогичных песен не пелось (по крайней мере они нам неизвестны), хотя в то же время в народе имели хождение легенды, предания, рассказывающие о них как о великих грешниках, недобрых чародеях, колдунах, разбойниках-душегубах¹³, обреченных на вечные страдания, однако открыто враждебных песен о них нет.

Нам думается, длительная жизнь таких песен об Игнате Некрасове у русского крестьянства, особенно у казачества, объясняется следующими причинами: 1) своеобразной историей некрасовцев; 2) художественной силой песни в отличие от прозаических рассказов; 3) преднамеренной и настойчивой пропагандой правящим классом антинекрасовской песни.

Ни Степан Разин, ни Емельян Пугачев не осуществили при жизни задуманную ими программу хотя бы частично. Не осуществив, были казнены, не оставив после себя потомков как организованных групп.

И.Ф. Некрасов до булавинского восстания был атаманом Есауловской станицы. Примкнув к движению, он вскоре выдвинулся как один из наиболее видных руководителей. Ему и его полкам Булавин поручал самые серьезные операции против правительственных войск. Он вместе с С. Драным взял 1 мая 1708 г. Черкасск, подавил сопротивление домовитых, пленил Л. Максимова, Е. Петрова и других старшин, доставил их в станицу Рыковскую, где находился Булавин¹⁴. С 1 по 9 мая Некрасов проводил в Черкасске круги, подготавливал почву для выбора в войсковые атаманы Булавина¹⁵, в конце мая 1708 г. успешно сражался на Хопре против полков Бахметьева, взял Камышин, ходил на Саратов¹⁶, затем пошел на Царицын, который занял вместе с И. Павловым 7 июня 1708 г. Расправившись с воеводой,

---

¹³ См.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Вступ. статья, редакция и примечания А.Н. Лозановой. Л., 1935. 418 с.

¹⁴ См.: Булавинское восстание 1707–1708 гг. Сб. документов. М., 1935. № 66. С. 238.

¹⁵ Там же. № 60. С. 233.

¹⁶ Там же. № 93. С. 276.

боярами, прибыльщиками, ввел казачье самоуправление¹⁷. Оставив И. Павлова в Царицыне, он направил свои отряды под Тамбов и Пензу, узнав о смерти Булавина в Черкасске, отправил И. Зершикову грозное письмо с требованием прислать «отповедь за какую вину убили Булавина»¹⁸.

Азовский губернатор И.А. Толстой считал И. Некрасова «первым в замыслах с Булавиным». Это он, Некрасов, настаивал на том, чтоб «черкасских казаков всех побить и пожитки их разграбить»¹⁹. Ему принадлежит мысль, принятая и К.А. Булавиным: в случае неуспеха народного движения во взятии Азова, похода на Москву поднять донское казачество и уйти на Кубань²⁰.

Князь В.В. Долгорукий в письмах к царю Петру Алексеевичу именовал Некрасова «первым в воровстве», самым «пущим заводчиком»²¹ в среде восставших, которого следует опасаться не менее Булавина.

И. Некрасов не только смог спасти 18 000 воинов (а с семьями более 80 000), уведя их на Кубань, но и умножить свое войско за счет беглых из России²², создать устойчивую республиканско-демократическую общину, дать ей заветы, политическую и религиозную автономию. Он и его последователи 30 лет с оружием в руках не только отстаивали свою независимость, но и вели активную классовую борьбу с русским самодержавием, домовитыми донскими казаками, старшинами; не один раз делали попытки поднять восстание на Дону, подговаривали крепостных крестьян к уходу на Кубань, засылали подговорщиков с воззваниями и *прелестными* письмами вглубь страны. Войско Кубанское было реальной политической угрозой крепостническому государству, а для народа являлось символом свободы.

Петр I до конца своей жизни проявлял повышенный интерес к И.Ф. Некрасову, но вернуть его, обезглавить некрасовцев не смог²³. Царь, «боясь иметь близкими соседями бунтовщиков, ушедших под начальством Некрасова в пределы Турции, поруча-

¹⁷ Булавинское восстание... № 122. С. 311.

¹⁸ Лебедев В.И. Булавинское восстание 1707–1708 гг. М., 1934. С. 95. № 13.

¹⁹ Булавинское восстание... № 66. С. 239.

²⁰ Там же. № 70. С. 244; № 75. С. 250; № 80. С. 270.

²¹ Там же. № 84. С. 267.

²² История СССР с древнейших времен до 1861 г. Т. 1. М., 1948. С. 424, 479.

²³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. XIV. М., 1842. № 973. С. 603–604.

ет Ивану Толстому хлопоты перед царьградским правительством о воспрепятствии Некрасову на Кубани»²⁴, которая была турецкой территорией. В одном из писем Петр I писал И. Толстому: «...о Некрасове, как возможно, домогатца, и писать в Царьград, чтоб ево и протчих воров на Кубань не принимали, и к нам взаимно прислали... и ежели они наших всех отдадут, то и их все будут отданы...»²⁵ В специальном донесении царю от 12 января 1709 г. И.А. Толстой сообщал: «О Некрасове в Царьград к брату своему писал я прежде сего, и с присланным ис Константинополя Копычи-башею Алеем Агою о том, о всем говорено ж довольно. А ныне по письму Вашего величества домогатца того стану всячески, чтоб оного вора отдали»²⁶.

Русское правительство систематически посылало войска на Кубань против некрасовцев. В ответ на походы царских войск И. Некрасов воеводил свои полки и жителей Кубани на Дон, южные окраины России, вешал князей, бояр, воевод, старшин, домовитых казаков. Во время таких походов с ним уходили на Кубань крестьяне, голутвенные казаки.

Даже после смерти И. Некрасова (1737 г.) Войско Кубанское продолжало сохранять демократические основы жизни и оставалось для крепостного крестьянства идеалом государственных форм общежития. В свое время Кубань привлекала Е.И. Пугачева. Он думал усилить некрасовскую общину яицкими казаками²⁷.

Когда оказалось, что русское самодержавие не в состоянии уничтожить некрасовцев, тогда правительство, начиная с Анны Иоанновны и кончая Николаем II, усиленно стало приглашать некрасовцев вернуться в Россию²⁸. Но и после того как основная часть казаков-некрасовцев Майноса вернулась в 1912–1913 гг. на родину, правительство вынуждено было предоставить им привилегии: сохранило за ними казачье звание, построило им дома, на каждую семью отвело 10 десятин леса, не вмешивалось в их внутренние дела, хотя на Дон и не пустило.

²⁴ Толстой П.С. Иван Андреевич Толстой // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 134.

²⁵ Там же. С. 250.

²⁶ Булавинское восстание... № 163. С. 360.

²⁷ Щебальский П. Начало и характер пугачевщины. М., 1865. С. 33–36, 38–39, 81.

²⁸ Короленько П.П. Некрасовские казаки... С. 29–37.

Русское самодержавие, начиная с Петра I, вынуждено было искать особые формы борьбы с И. Некрасовым и некрасовцами. Если их нельзя было уничтожить физически, то скомпрометировать в сознании русского народа оно считало вполне возможным. Такой формой явилась антинекрасовская песня. Пропагандисты прекрасно понимали ее действенную силу, знали отношение народа к этому виду поэзии: *«песня-быль»*, это не какая-нибудь сказка или побасенка, *«в песнях вся правда»*, *«из песни слово не выбросишь»*. И все, о чем она рассказывает, народ принимает как истину.

Песни, порочащие И. Некрасова, специально были созданы и получили распространение не только в открыто враждебном некрасовцам лагере, но и среди населения, которое не имело к ним вражды. Такие произведения пелись открыто, за них не преследовали, а напротив, поощряли. Например, песня «Кто бы, кто бы нам, братцы, рассказал про батюшку Тихий Дон» (антинекрасовская в различных вариантах) официально разучивалась в казачьих полках²⁹. В силу социальной неоднородности казачества и крестьянства, незнания ими действительной истории некрасовцев, личности Игната такие песни находили благоприятную почву для своего бытования и распространения. Большинство из поющих не были по своим настроениям противниками народной борьбы с царизмом, но объяснить им, что песня клеветает на историю, трудно. Обычно певцы из различных районов Дона, да и некрасовцы заявляют: *«Разве в песне может клевета быть?»* А чаще всего исполнители на такое заявление отвечают: *«Может, и так, да я другой ня знаю. Как слышал от родителя, так и Вам играю, слова не выкидываю. Слова в песне всегда к месту»*. Такие исполнители относятся к строгим ревнителям, оберегающим наследие в таком виде, в каком его получили.

В соответствии с хронологией событий Булавинского движения первым сюжетным произведением об Игнате Некрасове нужно считать песню «На заре-то было, да на утренней» (об убийстве

---

²⁹ В 1958 г. в июле месяце во время работы фольклорной экспедиции в станции Романовской я записал от казака Е.П. Кольцова 1885 г.р. песню «Кто бы знал да рассказал про батюшку тихий Дон?», порочащую И. Некрасова. Кольцов сообщил: *«Я до революции служил в казачьем полку капельмейстером. Песню эту я разучивал в полку с казаками. Начальство, когда казаки ее пели, хвалило их и меня»*.

И. Некрасовым князя Ю.В. Долгорукого в 1707 г.). Но с точки зрения исторической логики считать это первым появившимся сюжетом нельзя, нельзя не потому, что имеется художественный вымысел, приписывающий факт убийства князя Некрасову, а не Булавину, о чем говорят все имеющиеся документы, а потому что такое переосмысление возможно было только после гибели К.А. Булавина, когда авторитет Некрасова в сознании создателей песни затмил Булавина. Такая замена имен в народном сознании обусловлена многими причинами, и в первую очередь той, что К. Булавин, по-видимому, не был последовательным выразителем чаяний народа. Некрасов же опирался на голутвенное казачество, крепостных крестьян, рабочих людей, вел длительную борьбу. Его действия больше отвечали интересам участников событий и их сторонникам, кроме того, он создал Войско Кубанское. Но все равно, переосмысление действительного факта — плод фантазии, сердечного, идеального отношения к Игнату.

В решении этого вопроса имеются два пути: или песня создана первоначально некрасовцами и от них попала на Дон, или она отражает не вымысел, а реальное участие И. Некрасова в убийстве Ю.В. Долгорукого. В последнем случае песня могла возникнуть на Дону до ухода булавиновцев на Кубань. Историкам следует заняться разысканием документов, возможно имеющихся в архивах, которые могут подтвердить настойчивое утверждение устной поэзии о том, что Долгорукого убил И. Некрасов. Я держусь мнения, что не все кажущееся вымыслом в фольклоре является таковым. Свидетельство поэзии часто бывает действительным документом.

Песня «Да, на заре было, братцы, да, вот, на зорюшке» записана нами в 4 вариантах (в станицах: Голубинской, Нижне-Чирской, Есауловской и на хуторе Упразднокагальницком Константиновского района). Один из них, наиболее оригинальный, приводим:

Да, на заре-то было, братцы, да, вот, на зорюшке,
Ой да, на заре-то было, да, вот, ранней утренней,
Да, на закате-то было, братцы, светлыва месяца,
Ай ну, и на восходе-то было, да красной солнышки
Да, не из-за гор-то она, туча грозная, выкаталася,
Ой, она, туча грозная, братцы, да выкаталася,
Ой, выкаталося, собиралося, братцы, Войско Донское.
Ой да, собиралися они донские казаки во единая круг,

Ой, во единай-та круг да на единай, братцы, они луг.
 Все ко тому было, братцы, дому князя Долгорукова,
 Выходил-то он, братцы, князь Долгорукий, на высок крылец.
 Да, он читал-то, читал все указышки государевы:
 — Да вы, послушайте, донские казаки, царскую грамоту —
 Стариков-то сторожилых, да всех казнить-вешать,
 Молодых казаков-донцов, всех в солдаты брать,
 Молодых-то жен, всех на боярский двор, малых деточек...
 Он да, малых деточек, а вот в тихий Дон бросать.
 А житье-то, бытѣ, все казачьи да именьицы — огнем попалить.
 Посередь-то круга, ну, да казачьего ходит, а он, сын Некрасов,
 Во кругу-то он ходит да как сокол, братцы, летает.
 Он, Некрасов сын, как сокол летает, на вострую шашечку...
 Ой, на вострую шашечку, а он, донец, упирается,
 Подходил он, Некрасов сын, братцы, ко князю Долгорукому,
 Он срубал-то ему, срубал, братцы, да буйну голову.
 Возмутился, воскрутился тут наш тихий Дон,
 Ой да, наш тихий Дон от вершинушки до устьяца,
 Ой да, до устьяца да до самого города Черкасского.
 Ой да, как ушел-то Некрасов на Кубань-речку.
 Ой, ушел-то, увел, братцы, сорок тысяч казаков³⁰.

В остальных трех вариантах³¹ нет стиха «*А житье-то бытѣ, все казачьи да именьицы — огнем попалить*», не встречаются мотивы о «бритье усов и бороды», о «молении Богу» Некрасова после переправы через Дон или Кубань. Зато в тексте второго варианта, записанного от И.Т. Попова, имеется строчка: «*Молодых-то жен, молодушек во постелю брать*». Причины, побудившие казаков, работных людей, беглых крестьян к убийству Ю.В. Долгорукого, в сюжете указанных вариантов воспроизводятся с исторической достоверностью. Один из многих документов булавинцев гласит: «А нашу братью казаков многих пытали и кнутами били и носы и губы резали напрасно, и жон и девиц брали на постели насильно

³⁰ Записана 23 июля 1957 г. от казака Голубинской станицы С.П. Трунина, 1881 г.р., большого знатока исторических песен. От него записаны две народные драмы: «Царь Максимилиан» и «Атаман».

³¹ Первый вариант этой песни записан 18 июля 1959 г. от казачки старообрядки хутора Упразднокагальницкого Е.М. Кукановой, 1889 г.р., второй вариант записан 9 июля 1956 г. от казака, уроженца Есауловской станицы И.Т. Попова, 1892 г.р. — коммуниста, председателя Тормосинского сельсовета Нижне-Чирского района; третий вариант записан 4 июля 1956 г. от казачки Т.И. Сухаревой, уроженки Нижне-Чирской станицы, 1905 г.р.

и чинили над ними всякое ругательство, а детей наших младенцев по деревьям вешали за ноги»³².

Художественная сила песни заключена не только в картинном воспроизведении фактов, чувств, мыслей участников восстания, крика народной души, но и решительности, с какой они расправлялись с мучителем. Поэтическая трактовка образов-характеров дана по законам искусства слова. Оба образа сочетают в себе типическое и индивидуальное. Долгорукий — насильник, каратель, прелюбодей, высокомерен, хозяин Дона по воле царя. И. Некрасов — выразитель воли коллектива, казачьего круга, собравшегося у дома князя, защитник народных интересов, волевой, решительный. Он, как сокол, по кругу летает, на острую шашечку упирается и только ждет, когда закончит Долгорукий читать «царскую грамоту», чтоб сразу же покончить с ним. А грамота царя — указ о сыске беглых на Дону, и тем более о расправе с восставшими³³, — была жестока, но *Некрасова-сокола* не смущает царский авторитет, он «срубает» Долгорукому голову.

Конечно, при такой характеристике не может ужиться сентиментальность, и потому в разбираемых донских вариантах нет стиха, который показывает Некрасова слезливым. Между тем у уральских казаков, оренбургских и даже у некрасовцев он сохранился. Некрасов на шашечку упирается, «горючей-то слезой заливаются»³⁴. Исчезновение этого стиха делает образ соответствующим своему прототипу.

Данный сюжет не был объектом переосмысления у противников И. Некрасова. Из опубликованных четырех вариантов³⁵ не имеется антинекрасовских. Попутно следует заметить, что четвертый вариант, напечатанный В.И. Лебедевым, нужно считать скрытой перепечаткой из сборника А.И. Мякутина. Если у Мякутина в первом варианте 37 стихов, то у В.И. Лебедева — 33. 4 стиха опущены (стихи 29, 33, 36, 37), кроме того, имеются по сравнению с оригиналом разночтения в написании отдельных слов. В оригинале: «казаченьков» (стих 11), «во кругу» (стих 15), а у В.И. Лебедева — «казаченниов», «по кругу». В примечании к песне В.И. Лебедев

³² Булавинское восстание... № 243. С. 457–458.

³³ Там же. № 7. С. 113–114; № 40. С. 193.

³⁴ Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков... С. 32–34.

³⁵ Там же. С. 32–35 — 3 варианта; Лебедев В.И. Булавинское восстание... С. 77–78.

говорит: «Записана в ст. Рассыпиной в 1840 г. Н. Бухариным», А.И. Мякутин пишет: «Записана в станице Рассыпиной войсковым старшиною Н.К. Бухариным», дату записи не указывает (по всем данным она записана не ранее 1903 г.).

Для донских, оренбургских, некрасовских песен об Игнате Некрасове рассматриваемого сюжета используется один зачин, правда, с некоторыми вариациями. Он встречается в исторических песнях XVI–XIX вв., в частности, о Ермаке³⁶, Разине³⁷, удалых молодцах³⁸, а также в служивых и лирически-бытовых.

Для всех вариантов приведенного текста постоянны мотивы: «Возмутился, воскутился наш тихий Дон», «Он увел силы сорок тысяч». Встречаются эти мотивы в песенных текстах об Игнате Некрасове, как печатных³⁹, так и неопубликованных. Но они имеют и самостоятельное сюжетное развитие. Всего же неопубликованных текстов 10⁴⁰, напечатанных — 5⁴¹. Очень любопытен текст в записи С.М. Пономарева, в нем хотя и говорится о Некрасове, что он вор-Игнашка, но дается уточнение: «*по прозванию вор-Игнашка*». В общем песня не антинекрасовская:

Воскутился же, возмутился же да славный тихий Дон,
Он с вершинушки воскучается да вплоть до устьяца,
До славного-де города до Черкасского.

³⁶ Путилов Б.Н., Добровольский Б.М. Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. № 380, 381.

³⁷ Чулков М.Д. Собрание разных песен. Т. 1. Ч. 1. № 134. СПб., 1913; Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 1. Ч. 2. № 101.

³⁸ Чулков М.Д. Собрание разных песен. Т. 1. Ч. 1. № 165. Ч. 2. № 135.

³⁹ Железнов И.И. Уральцы... Т. 3. С. 17; Сахаров И.П. Песни русского народа... С. 277; Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков... С. 32–34, 36–37, 37–39.

⁴⁰ 2 песни находятся в архиве С.М. Пономарева (Тетр. 4. Текст № 27; Тетр. 7. Текст № 15); 1 песня записана в 1935 г. в Оренбургской области Л.С. Отваловым от А.П. Белоделкина, 1892 г.р.; 7 песен записаны Ф.В. Тумилевичем: в 1937 г. от казака станицы Пролетарской Е.Т. Дейкина, 1867 г.р.; в 1940 г. от казака станицы Раздорской А.А. Тестина, 1878 г.р.; в 1948 г. от казачки хутора Лебяжьего А.Т. Максавой, 1880 г.р.; в 1956 г. от казачки станицы Нижне-Чирской М.Е. Кочергиной, 1899 г.р.; в 1948 г. от казачки станицы Еланской А.И. Кривошлыкковой, 1896 г.р.; в 1958 г. от казака станицы Романовской А.Е. Николаева, 1888 г.р.; в 1959 г. от казачки хутора Упразднокагальницкого Е.М. Кукановой, 1889 г.р.

⁴¹ Сахаров И.П. Песни русского народа... С. 277 — 1 песня; Железнов И.И. Уральцы... Т. 3. С. 17–19 — 1 песня; Баранов Ф.Н. Песни оренбургских казаков... № 5 — 1 песня; Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков... С. 37–38, 39 — 2 песни.

Воскутил его, возмутил его Долгорукий князь.
Перевозил с Москвы указушки скорописные, все облыжные,
Как старых-то старинушек — казнить-вешати,
Молодых ребят — во солдаты брать.
Еще жон ихих и детей ихих — на фабричный двор.
Еще тут наши казаченьки испугались,
Повесили головушки до могучих плеч,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Как один из них казаченька не задумался,
По прозванью вор-Игнашка, Некрасов сын.
Закричал он громким голосом:
— Кому из нас, казаченьки, за Кубань реку?
Накидалось, наметалось тысяч до сорок.
Переправушку имели трое суток,
На четвертые суточки переправился.
— Спасибо тебе, батюшка, славный, тихий Дон.
Не спасибо тебе, матушка-государыня.
Не умела ты владеть крылом правым, Катеринушка,
Войском Донским⁴².

Второй вариант у С.М. Пономарева не имеет существенных изменений в трактовке сюжета. Отличие сводится к иной графической форме написания отдельных слов и выражений, последовательности стихов в строфическом построении, дополнительной характеристики образа Игната (он называется *раздушечкой*), вносятся детализация в описание казачьего круга: «*собиралось собрание не малое*».

Введение в текст ласкательных определений, например: «*собрание*», «*раздушечка*», «*переправушка немалая — тысяч до сорок*», создает своеобразное идейное звучание песни, подчеркивающее симпатию народа к «бунтарю» Некрасову. Все это нейтрализует официальный эпитет «вор», присутствие которого дало право исполнителям (песня записывалась от казаков на линии) легально петь песню и выразить свое душевное отношение, восхищение к «вору».

Конец обоих вариантов подчеркивает чувство достоинства покинувших «*матушку-государыню*». Исполнители песни явно любят ими, их решительностью, достоинством, с которым они говорят «*спасибо*» Дону, что он «*умел воспитать, воскормить, в люди вывести*» и «*не спасибо матушке-государыне*», не умевшей «*владеть крылом правым, Донским войском*» (второй вариант). Этот мотив

⁴² Пономарев С.М... Тетр. 7. Текст № 15.

характерен только для песен оренбургских казаков, встречается он еще в песнях, записанных А.И. Мякутиным (в 4 вариантах). По нашему убеждению, он внесен в данный сюжет в конце XVIII столетия уральскими и оренбургскими казаками после подавления пугачевского восстания и выражает их восхищение И. Некрасовым, ушедшими с ним казаками как людьми сильными. Конечно, такая концовка несет в себе затаенную мечту оренбургского и уральского казачества, у которых *«наша матушка-государыня»* (титул Екатерины II, данный ей вельможами) отняла обещанную им царем Петром III (Е. Пугачевым) свободу, счастье (употребление местоимения *«наша»* в значении определения звучит в тексте иронически). Они питают уважение к И. Некрасову, оказавшемуся сильнее государственной власти, понимаемой позднейшим поколением казаков в конце XVIII в. как власти *«матушки-государыни»*. К тому же продолжительное время царствования на русском престоле цариц выветрило из сознания поколений действительный факт ухода некрасовцев при Петре I. Анахронизм вполне объясним и логичен. И поэтому приурочивание ухода И. Некрасова при *«матушке-государыне»* имеет свой политический подтекст — были люди и сильнее *«матушки-государыни»*. Такая мысль не могла не удовлетворять не только оренбургских, уральских казаков, а и трудового народа всей России.

В варианте, записанном в той же Оренбургской области в 1935 г. Л.С. Отваловым (вариант близок к песне, опубликованной Ф.Н. Барановым), не имеется этой концовки, но в нем очень развита психологическая сцена раздумья казаков после того, как они прослушали указ царя, прочитанный кн. Долгоруким:

... Уж как думали добры молодцы
 Думу крепкую, думу крепкую,
 Добры молодцы все единую,
 Что повесили буйны головы
 Ниже плеч своих,
 Что потупили они очи ясные
 Во сыру землю...

Только один *«добрый молодец, свет Игнатьюшка, млад Некрасов сын»* головы не вешает, он уверенно обращается к донцам со словами, но, к сожалению, кроме *«Уж вы гой еси, добры молодцы, все Донское войско»* нет дальнейшего его рассуждения. По-видимому, исполнитель знал песню не до конца.

Положительный вариант сюжета впервые обнаружен И. Сахаровым (его песня перепечатана П.В. Киреевским, А. Савельевым, А. Пивоваровым. По оценке Некрасова, к нему близки тексты Л.С. Отвалова, Ф.Н. Баранова. Все три варианта восходят не к оренбургским и уральским, а донским. В них нет и концовки о «*матушке-государыне*»).

Рассмотренный нами сюжет не стал достоянием переосмысления противников некрасовского движения, и потому нет антинекрасовских песенных текстов. Из неопубликованных донских вариантов особенно интересен записанный нами в хуторе Упразднокагальницком Константиновского района Ростовской области от Е.М. Кукановой.

Ой, возмутился да наш батюшка Дон, возмутился,
Да он от самой было вершинушки до самой устюжи,
До самой устюжи, да до острова было Черкасского.
Возмутил же батюшку тихий Дон Иванович, братцы,
А он донской казак Игнатьюшка Некрасов,
А он, братцы, Игнатьюшка, да сын Некрасов.
Ой да, он собрал-то вот казаков сорок тысячей,
Окромя малого, окромя старого, толичка одних служивых,
Собирал он донцов-казаков, братцы, во единый круг,
Ой да, во единый-то, было круг, да на единый луг.
Ой, со вечерней-то зари они, казаки, собиралися,
А на утренней зорюшке они, братцы, во поход пошли,
Да, переправившись, они, донцы, через Дон батюшку,
Ой да, во поход-то они пошли да на Кубань речку.
Как во чистом степу они, братцы, становились,
Становилися они, братцы, во казачий-то круг,
Ой, посреди-то круга казачьего стоит, стоит знамя,
Ой да, стоит знамя, она, братцы, развивается,
Позади-то стоит, а он вот, раздвижной стул,
А на ем-то сидит, а он, да молодой атаманушка,
Молодой атаманушка Игнатушка, а он сын, братцы,
Ой да, а он сын, братцы, Некрасов — донской казак.
Перед ним-то стоят они все ды полковнички,
А за ними-то стоят, они, удалые сотники.
Тут писал-то писал он, братцы, Игнатьюшка,
Ой, он писал письма да все скорописные,
Он писал, братцы, письма шельме царю беламу,
Царю беламу, князю не верному, шельме Долгорукову:
— Ай спасибо тебе, царь белай, что поил нас, что кормил,

Ой да, берег нас, дюже жаловал Войско Донское,
Ты в одном-то, царь белай, нас дюже не жаловал:
Ты прислал на тихий Дон шельму посылщика,
Ой да, все посылщика шельму князя Долгорукова.
Ой да, он прибег-то на Дон, да разорять нас стал,
Нашу братию донских казаков без вины казнил-вешал.
Ой, малолеточков наших он в солдаты брал,
А малых детушек наших, а он в тихий Дон бросал,
Стариков-то наших, а он батогами бил.
Уж мы бросили свое житье-бытье, свои именицы⁴³,
Да оставили тебе, царь, Дон со всеми притоками.
Ой, пошли мы все казаки на Кубань-реку.

Остальные варианты, записанные мной, отличаются некоторыми лексическими деталями, не во всех прикрепляется к царю эпитет «*шельма*», вместо Кубани Некрасовцы уходят на Дунай, не всегда упоминается количество ушедших «*сорок тысяч*».

В четырех песнях Дон-батюшку возмутил князь Долгорукий своим насилием, в двух, не считая приведенного ранее текста, Дон возмутил И. Некрасов, возмущение показывается как следствие той же причины — насилия.

Но ни в одной из песен не говорится о сыске Ю.В. Долгоруким беглых, высылке их с Дона на прежние места жительства. Это умолчание — не забвение действительного факта, а преднамеренное. Оно идет, несомненно, от первых творцов песни. Кличка «беглый» дана правительством и значение имела юридическое. Такой человек считался преступником, его разыскивала власть, наказывала строго. Поэтому для бежавшего на Дон крестьянина, солдата она была обвинением в преступлении перед государством. Очутившись на Дону, беглые именовались удалцами, добрыми молодцами, казаками и эпитет «беглый» считали уже для себя оскорбительным. Казаков не мог вернуть на Русь даже сам царь. Неписанный закон, ставший традиционным, — «с Дона выдачи нет», «с Дона не выдают» — впервые нарушил Петр I. Признать требования царя законными — значит, из вольного казака превратиться в ответчика перед правительством, лишиться свободы. Именно это обусловило, что одна из основных причин восстания Булавина (высылка беглых с Дона) оказалась вне поля зрения песен. Ее отсутствие — упрек в адрес правительства, которое неза-

⁴³ Слова «имение», «именнице» в XVIII в. обозначали «имущество».

конно расправлялось с казаками, а раз это так, то вполне законным является восстание, уход Некрасова с вольными казаками, не захотевшими быть крепостными или физически уничтоженными.

Тема ухода И. Некрасова на Кубань с донскими казаками — самая популярная, она разрабатывается во всех сюжетах песен об Игнате Некрасове. В сознании создателей песен уход означал сохранение воли, свободы. Этой теме посвящается третий, самый популярный песенный сюжет «Кто бы, кто бы нам сказал про башошку тихий Дон» (название песен варьируется).

Зачин в песне эпический, восходит к былинной традиции, его прототипом нужно считать зачин былины об исцелении Ильи Муромца:

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромец, сын Иванович,
Он в сиднях сидел тридцать три года...⁴⁴

Исцелившись чудесным образом и приобретя силу *«могутную»*, Илья служит родине, сражается за нее с врагами, недолюбливает купцов, *«бояр кособрюхих»*, князя. Его образ воплощает в себе лучшие качества русского народа — любовь к отечеству, ненависть к захватчикам, уважение к вдовам, сиротам, правде. Он не помнит личной обиды, нанесенной ему князем Владимиром, посадившим его в земляную тюрьму, в час опасности идет защищать не князя, а Киев, вдов и сирот, божьи церкви. Образ Ильи Муромца создан в период формирования Киевского государства. Поэтому при всей нелюбви, даже ненависти к купцам, боярам, князю ни сам богатырь, ни народ еще не сравнивали и не отождествляли их с врагами — пришельцами на русскую землю. Об этом величавом периоде русской истории петь нужно было с пафосом. Бывалое, прошлое поучительно, рассказывали о нем с уважением. К такому повествованию только и подходил такой зачин.

Народные певцы обращаются к этому зачину и в другое время — в эпоху образования Московского государства зачин становится достоянием исторической песни о взятии Казани Иваном Грозным:

⁴⁴ Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 7. Песни былевые, исторические. М., 1868. С. 1.

Кто бы нам сказал про царев поход,
Про Грозного царя Ивана Васильевича?
Как он, Грозен царь Иван Васильевич,
Скоплял силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года...⁴⁵

Поход Ивана Грозного на Казанское царство был решающим в истории образования Московского государства. Недаром в других песнях акцентируется внимание на том, что победа Грозного положила начало существованию Московского царства:

Он царской костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалась,
И с тех пор великая слава⁴⁶.

Время формирования государства окончилось, а вместе с ним и героическая пора. Поэтому и зачин в общерусских эпических и исторических песнях не получил своего дальнейшего распространения. Стабильность абсолютной монархии оказалась неизбежной. К началу XVIII в. в сознании народа правящий класс в лице помещиков, бояр, князей, царя воспринимался как самый жестокий враг. Нашелся человек, посмеявшийся поднять руку на царя, увести из его государства большое число людей на Кубань, сохранить им жизнь, дать возможность обрести обетованную землю, в которой нет бояр, князей и царя. Конечно, такой человек в сознании народа и его певцов был героем. И. Некрасову посвящаются многочисленные песни, начинающиеся зачином «*Кто бы, кто бы нам сказал...*», а впоследствии он становится популярным для многих донских исторических и даже бытовых произведений песенного фольклора.

Булавинское, а затем Некрасовское движение характеризует новый этап в развитии крестьянско-казачьей классовой борьбы с самодержавием и крепостничеством. Песни об И.Ф. Некрасове говорят не о защите государства помещиков, царя, а о его разрушении, и потому в них классовая идея, идея трудового народа получает свое осознанное выражение.

⁴⁵ Путилов Б.Н., Добровольский Б.М. Исторические песни XIII–XVI вв. ... № 58; зачин встречается в одной из песен о Кострюке, но только в виде одного первого стиха (№ 139).

⁴⁶ Там же. № 47.

Песни об уходе И. Некрасова на Кубань типа «Кто бы, кто бы из нас, братцы, побывал на тихом Дону» или «Кто бы, кто бы из нас рассказал про батюшку тихий Дон» и другие варианты — самые распространенные на Дону. Сюжет их имеет три версии, которые в свою очередь проявляются во множестве вариантов (из неопубликованных нам известно только 27⁴⁷).

Песня, оправдывающая уход И. Некрасова от царя, бояр на Кубань-реку, по нашему глубокому убеждению, появилась в лагере повстанцев или по крайней мере в среде сторонников и сочувствующих восстанию, действиям И. Некрасова. Таких песен зафиксировано 5 номеров. Один из доброжелательных вариантов впервые напечатан И. Сахаровым⁴⁸. Перепечатывая его при издании исторических песен П.В. Киреевского, редактор сборника в примечании высказал мысль, что текст — «сомнительного происхождения»⁴⁹. При общем существующем критическом отношении к И. Сахарову в фольклористике как человеку, обрабатывавшему народные песни, перепечатывавшему из различных изданий фольклорные произведения, не указывая источников, мы в данном случае не можем обвинить его в фальсификации или в сочинении песни. Такое подозрение несправедливо, потому что ее варианты живут до сих пор в репертуаре донского казачества. Конечно, текст подвергся с его стороны правке, но сама песня не результат сочинительства Сахарова.

Один из вариантов, записанных 21 июля 1957 г. в станции Голубинской от казака С.П. Трунина (слепой), знатока донской исторической песни, народных драм («Царь Максимилиан», «Атаман» и др.), обращает на себя внимание эпически спокойным, объективным повествованием о совершившихся невиданных событиях на Дону, об уходе казачьего войска с И. Некрасовым:

Ой, кто бы из нас, братцы, да побывал-то на тихом Дону,
Да, кто бы, вот, братцы, да рассказал жа нам,
Да, рассказал жа нам про батюшку славный тихий Дон?
Ой да, все про батюшку-то славный тихий Дон?
Да, про славный тихий Дон, да про того жа казака,
Ой, про того жа казака-донца, про сына Някрасова?

⁴⁷ 25 вариантов записано нами; один извлечен из архива С.М. Пономарева, второй — из архива Х.И. Попова.

⁴⁸ Сахаров И.П. Песни русского народа... С. 277 (перепечатана А. Савельевым, А. Пивоваровым).

⁴⁹ Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 7. М., 1870. С. 73.

Ой, про того ли, братцы, да казака Игната Някрасова?
 Он донской-то казак, сын Някрасов, да прос...
 Он да, прослужил жа, а он вот на тихом-то Дону,
 Прослужил он, братцы, ровно тридцать лет и три года,
 Да и здумал жа он, сын Някрасов, от царя, боя...
 Да, от царя бояр на Куба... ой на Кубань итить.
 Не один жа здумал на Куба... на Кубань итить, а со...
 Ой, а собрал жа он силы войска сорок тысяч.
 Ай, ровно сорок тысяч, да, толичко одной кава...
 Ой, одной жа, братцы, было, да одной кавалерии.
 Переправившись они, донские казаки, через Дон-реку,
 Ой, переправившись они, братцы, во круг становилися,
 А посреди круга стоял он, атаманушка, Някрасов сын.
 А он речи, братцы, говорил казакам-донцам:
 — Не видать нам, казакам-донцам, Дона тихова,
 Да не слышать нам, казакам, звону колокольныва.
 Он да, увел, увел, братцы, Войско Донское на Ку...
 Ой да, на Кубань-то реку увел Войско Донское⁵⁰.

С некоторыми изменениями зачин повторяется еще в одном варианте⁵¹. В трех остальных⁵² песня имеет формулу зачина *«Кто бы, кто бы нам сказал про батюшку тихий Дон»*. Содержание также варьируется. Рассказывается не о тридцатилетней службе И. Некрасова, а о возмутившем Дон насилием князе Долгоруком, вследствие чего казаки уходят на Кубань или за Дунай-реку. К имени возмутителя тихого Дона прикрепляется эпитет *«шельма»*. Обычно после зачина спрашивается: *«Да, кто бы, кто бы рассказал про казачье житье? Ой да, про казачье-то житье-бытье на тихом Дону?»* Песни построены по принципу антитезы: князь насилием возмутил Дон сверху донизу, а Некрасов уводит казаков. Ни в одном из текстов нет и намека о «воровстве», «измене» И. Некрасова.

Поэтический прием умолчания, т.е. неназывание имени главного виновника совершившихся событий — царя, давал право на

⁵⁰ Первая половина песни близка к некрасовской. См.: Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев... № 39–40. Ростов н/Д, 1947. По-видимому, для них источником являлся один текст.

⁵¹ Записан в 1958 г. от казачки станицы Нижне-Чирской П.С. Танюшиной, 1883 г.р.

⁵² Записаны в 1959 г. от казачки хутора Кастырка станицы Богоявленской В.А. Павловой (старообрядки), 1891 г.р.; в 1959 г. от казака хутора Камышин С.А. Ларина, 1879 г.р.; в 1960 г. от казака станицы Николаевской Г.З. Маркова, 1888 г.р.

легальное бытование песни. Художественный прием композиционного построения сюжета и не требует от песни, ее исполнителей называть имя царя, оно подразумевается. А так как во второй части открыто не подчеркивается симпатия к И. Некрасову, то текст не обращает на себя внимания и не является крамольным. Это-то и дало право ему на существование.

В отличие от опубликованного И.П. Сахаровым варианта, в наших нет мотивов о написании Некрасовым письма царю или Долгорукому с объяснением причин ухода, о приеме казаков турецким «ханом» (султаном), пожаловавшим их «конем», «седельцем черкасским».

Какой из вариантов положительной версии явился прототипом для переделки в среде противников антифеодального движения, установить не представляется возможным. Но что эта версия была первой, подтверждается двумя другими. Рождение антинекрасовской песни относится ко времени жизни казаков на Кубани, когда они приобрели политическую автономию, защищали ее и продолжали ходить в походы против русского самодержавия. Именно в этот период жизнь казаков-некрасовцев особенно привлекала внимание как их сторонников, так и врагов.

Московскому крепостническому правительству нужно было развенчать в сознании народа политический ореол И. Некрасова и его последователей. Прямым откликом на эту идею явилась вторая версия. Она повторяла сюжет положительной песни, но в ней организатор ухода казаков на Кубань из «донца-казака», «Игната Некрасова» превращен в «изменника царю и отечеству», «вора Игнашку Некрасова», «сына вора Некрасова», принуждающего «неразумных малолеток бросить веру христианскую, а принять бусурманскую».

В печати впервые такого рода песня и ее варианты обнародованы А. Савельевым, А. Пивоваровым, Ф. Панкратовым, М.Е. Соколовым, А.М. Листопадовым, Т.М. Акимовой⁵³. Антинекрасовская версия имеет большое распространение на Дону. Мы располагаем

---

⁵³ См.: Савельев А.М. Сборник донских народных песен... № 12; Пивоваров А.Н. Донские казачьи песни... № 51; Панкратов Ф. Гребенцы в песнях... № 51; Соколов М.Е. Былины, исторические, военные, разбойные и воровские песни... № 11; Листопадов А.М. Песни донских казаков... № 116; Акимова Т.М. Фольклор Саратовской области... № 16. Вариант А. Савельева перепечатан у П.В. Киреевского (Песни, собранные П.В. Киреевским... Вып. 8. С. 73–75) и А. Пивоварова (№ 54).

десятью неопубликованными текстами: два извлечены из архивов Х.И. Попова⁵⁴, С.М. Пономарева⁵⁵, восемь записаны на Дону.

В песне Х.И. Попова И. Некрасову дается враждебная характеристика. Он изменил службе царской, украл царское знамя, бежал за Дунай, увел «малолетчиков», «шельма во корчму зашел», говорил казакам, что не бывать им на тихом Дону, не видать отцов, матерей, «не держать веру христианскую»:

... Как и все-то казаки приужаснулись,
Все-то они призадумались,

заключает песня.

В варианте С.М. Пономарева, записанном от крестьян-переселенцев из села Ломовка Богородицкого уезда Тульской губернии в 1880 г., Некрасов называется «шельмой», «изменищиком»:

Изменил он, подлец, службу царя белого.
Он пролил-то слезы нашей государыни.

Наиболее полно дана отрицательная характеристика И. Некрасову в песне «Ой, кто бы нам, братцы, да сказал», записанной нами в 1948 г. от казака станицы Еланской П.И. Мельникова (священника). Она интересна тем, что представляет один из тех вариантов, в котором наиболее всесторонне отражено отношение противников к «бунтовщику», возмущившему тихий Дон, «извергу» и «преступнику против государя», «веры православной».

Ой, кто бы нам, братцы, да сказал
Про батюшку славный, эй да, вот слав...
Ой да, славный тихай Дон.
Эй, про батюшку, ой да, славный тиха...
Вот славный тихай Дон.
Эй про шельму вот казака,
Эй да, вот про шельму Нярасова.
Да про шельму вот казака Нярасова.
Эй да, вот про Нярасова.
Эй, про шельму казака Нярасова?
Эй, задумал шельма Нярасов
А он, братцы, за Дунай, эй-эй, да,
Вот, да за Дунай бжать.
Вздумал, шельмец, а он за Дунай,
Эй, вот, за Дунай бжать.

⁵⁴ Государственный архив Ростовской области. Ф. 73. Оп. 1. Д. 728. Л. 45.

⁵⁵ Архив Географического общества СССР. Ф. 12. Оп. 2. Тетр. 4. Текст № 10.

Ой, украл-унес, а он знамя цар...
Да, вот, знамя царскую.
Ой, переправился да за Дунай реченьку
Ой да, на самом на мел...
Эй, на мелком броду.
Ни один да он-та бязал, эй-эй, ни да,
Ой, вот он бязать пошел.
Эй, с собою он, эй да, вот, казаков,
Казаков, эй да, он, вот, забрал
И-и забрал с Дону, а он малолече...
Ой да, вот все малолеточик.
А с Дону малолеточик, самых, а он,
Ой да, братцы, самых глупых,
Ой да, братцы, самых глупых деточек.
Собирал он их во... во едина...
Ой да, во единай круг.
Собирал он их, да и приказывал,
Ой да, собирал же да и приказывал:
— Ой, ни слыхать вам, братцы, звону коло...
Эй да, вот звону колокольныва!
Бросайтя вы веру правосла...
Эй да, веру православнаю!
Да принимайтя вы веру магметан...
Эй да, а вы веру магметанскую.

Исполнитель сказал, что эту народную песню выучил в духовной семинарии. На вопрос, от кого он слышал песню, ответил: *«Когда я учился в духовной семинарии, нам, казакам, рассказывали о богоотступничестве И. Некрасова, его измене царю и о том, что народ правильно осудил изменника и отступника от веры, сложив про него песню. Мы ее тогда и заучили»*. Песня эта была популярна среди казаков на Дону, пели ее на беседах, в компаниях, на службе. О разучивании антинекрасовской песни говорил и Е.П. Кольцов, бывший капельмейстер в казачьем полку. Но в его варианте нет стихов, рассказывающих о приказе Некрасова, чтобы малолетки бросали веру православную.

Отказ от православной веры, призыв принять веру магометанскую (в вариантах *«бусурманскую»*) «довершают характеристику Некрасова как изменника, отказ от христианской веры, по понятиям того времени, был равнозначен отказу от родины»⁵⁶.

⁵⁶ Соколова В.К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М., 1960. С. 239.

Если в положительных песнях зачин подчеркивает величие Дона, совершенных И. Некрасовым поступков, то в вариантах второй версии содержание выступает как антитеза, и потому снижается эпическо-возвышенное значение запева. Дон уже не «славный», а просто «тихий», присмиривший. Да и как он может быть славным, когда он породил такого страшного «преступника», «изменника» царю и вере православной?! Для крестьянских и казачьих масс не только в XVIII в., но даже и в XX столетии измена царю и вере отождествлялась с изменой родине. Правда, в отдельных вариантах встречается эпитет «славный тихий Дон», но он уже звучит в плане противоположного значения.

В остальных вариантах⁵⁷, как и в приведенном, тенденциозное отношение противников к И. Некрасову доходит до гротеска. Так, песни усиленно подчеркивают незначительность авторитета его у взрослого населения. С ним не уходят служивые казаки, а идут только «глупые малолетки», да и тех ему пришлось спаивать: «Напаял-то он, братцы, глупых малолеточков, да напоил жа он их, шельма, зельем пьяным»⁵⁸. Прием нарочитого снижения достоинства личности И. Некрасова замечен в умолчании в песнях количества казаков, ушедших с ним. Даже обманутых «вором» «малолеточков» уходит «малое число». И только в двух вариантах, записанных в станицах Старочеркасской от А.Х. Булохова и в Белой Калитве от Е.П. Юдина, указывается число ушедших с «изменником». В первой песне говорится: «увел сотню казаков», во второй — «увел взвод казаков». И ни в одном из имеющихся у нас текстов не говорится о сотне тысяч. Ко второму тексту в примечании студент Г.Ф. Иловлев пишет: «По преданию, передающемуся от отцов к детям в станице

⁵⁷ Записано нами 7 вариантов: в 1938 г. от казачки хутора Обуховка Азовского района Ростовской области А.П. Демидовой, 1848 г.р.; в 1940 г. от казака станицы Раздорской А.А. Тестина, 1878 г.р.; в 1947 г. от казака хутора Сенгин Базковского района И.И. Томилина, 1882 г.р.; в 1948 г. от казака хутора Моховского Вешенского района М.А. Исаева, 1892 г.р.; в 1948 г. от казачки хутора Моховского М.Е. Власовой, 1893 г.р.; в 1955 г. от казака станицы Старочеркасской А.Х. Булохова, 1876 г.р.; в 1958 г. от казака хутора Возновского Цимлянского района Е.П. Кольцова, 1885 г.р.; восьмой вариант записан студентом Ростовского университета Г.Ф. Иловлевым в 1956 г. от казака станицы Белая Калитва Е.П. Юдина, 1890 г.р.

⁵⁸ Мотив о «пойле пьяном» см. в кн.: Соколов М.Е. Былины, исторические, военные, разбойные и воровские песни... № 11; Акимова Т.М. Фольклор Саратовской области... № 16.

Белая Калитва, говорится, что когда-то в одном из полков служил казак Некрасов, который был достоин офицерского чина, но он не был в него произведен, потому что был старообрядцем. Начальство предложило Некрасову отречься от старой веры. Некрасов не согласился и, подговорив взвод казаков, ушел в Турцию. Кто с ним ушел, стали называться некрасовцами. Жили они в туретчине долго, женились на русских пленницах или, может, болгарках, которые были под властью Турции. Некрасовцы сохранили свою веру, обычаи. Говорят, что Некрасов договорился об этом с турецкой властью».

О старой вере в песенном тексте ничего не сказано, в предании же религиозный мотив является главным. Он отражает действительное положение, в котором находились на Дону старообрядцы. Их дискриминация в правах оставалась в силе до 1917 г. Никто из них не мог быть возведен в офицерский чин до тех пор, пока не принимал православия. Акцент на то, что И. Некрасов покинул Россию, но не изменил старой вере, имел в среде старообрядцев воспитательное значение и лишний раз указывал на их бесправие при самодержавии.

В десяти неопубликованных песнях, враждебных И. Некрасову, нет мотива, раскрывающего желание обманутых «малолетчиков» отрубить «Игнатке голову» и пойти «служить царю Петру Первому». Он встречается только в варианте А. Савельева⁵⁹.

Особо обращают на себя внимание песенные варианты третьей версии данного сюжета. Они разрабатывают ту же тему об уходе И. Некрасова на Кубань или за Дунай, называют его «вором», «изменником», но с соответствующими оговорками, сводящими на нет все обвинения враждебного лагеря И. Некрасова в измене. Даже измена уточняется. Оказывается он «толечко изменил царю белому», «говорят, украл знамя», «вроде изменил службе царской». Типичными оговорками для всех 12 песен, записанных на Дону, являются слова: «толечко», «говорят», «вроде», «как бы вот». Этот небольшой запас типичных формул, встречающихся вообще в казачьих песнях, примененный сторонниками и сочувствующими для раскрытия образа «бунтаря», перерождают антинекрасовскую версию в положительную. Кроме того, ушедшие с Некрасовым называются служивыми казаками, «добрыми молодцами», и неизменно повторяется, что ушло их «сорок тысяч» или «многое-многожество». Сам Некрасов называется «Игнатом», «Игнатушкой».

⁵⁹ Савельев А.М. Сборник донских народных песен... № 12.

Для примера приводим текст, записанный нами в 1956 г. в станице Нижне-Чирской:

Эй кто бы, кто бы нам да вот, сказал
 Да, про батюшку, про батюшку, тихой Дон?
 Эй да, вот про того же, скажем, казака
 Ой да, про того, говорят, шельму изменщичка,
 Да про того Игнатьюшку Некрасова?
 Ай да, вот изменил он толечко служить,
 Ой, вот служить, говорят, царю белому.
 Вот он ушел, толечко ушел да ушел он,
 А ушел он да на Кубань, да на Кубань речку.
 Эй да, вот не один он толичко ушел-то,
 Да, он сорок тысяч казаков с собой увел.
 Переплыли они, да, братцы, вот через Дон,
 Ай да, переплыли они через тихий-то Дон,
 Да вот, становились-то они во единый круг,
 Да, посреди-то, вот, круга стоял, а он сам,
 Ой да, стоял сам, а он вот все Игнатьюшка,
 Ай, посреди круга, говорят, стоял сам Некрасов.
 Ой да, ну, стал же он им приказ-то давать:
 — Да вот вы живитя, братцы, а вы не тужитя,
 Ой да, вот, а вы не тужитя да ни об чем.
 Ай, ну, живите, а вы вольной волею, казаки,
 Аи, живите, да вольной волею, да ни об чем не тужитя.
 А если будет дюже скучно да дюже горько вам,
 Ой, а вы, да приходится все, братцы, да ко мне,
 Да, я всягда с вами буду говорить, разговаривать⁶⁰.

Ни в одном варианте⁶¹ не говорится о приказе И. Некрасова, чтобы казаки бросали веру православную и принимали басурман-

⁶⁰ Записана в 1956 г., от казака хутора Пресновского, проживающего в станице Нижне-Чирской, И.П. Семашкина, 1877 гр.

⁶¹ Записаны нами в 1956 г. от казака станицы Нижне-Чирской П.И. Крюкова, 1897 гр.; в 1956 г. от казака станицы Есауловской С.Ф. Кирьянова, 1887 гр.; в 1957 г. от казака хутора Ильевского П.А. Сафонова, 1883 гр.; в 1948 г. от казака хутора Солонцовского П.А. Козлова, 1884 гр.; в 1960 г. от казака станицы Обливской И.С. Лагутина, 1875 гр.; в 1940 г. от казака станицы Кобылянской И.З. Плешакова, 1882 гр.; в 1956 г. от казачки станицы Пятиизбянской М.Е. Кочергиной, 1899 гр.; в 1956 г. от казака станицы Есауловской М.Г. Загудаева, 1913 гр.; в 1958 г. от казачки станицы Романовской Л.С. Васильевой, 1878 гр.; в 1945 г. от казака станицы Верхне-Кундрюченской В.У. Мордасова, 1886 гр.; в 1948 г. от казака хутора Лебяжинского Вешенского района В.Т. Жаркова, 1873 гр.

скую, не упоминается о бритье усов и бороды, хотя мотив печали о родине встречается часто, и он выражен формулой «не слышать нам звона колокольного», «не видеть нам казакам Дона тихого», «отцов, матерей», «малых деточек».

В тексте, записанном от казака-старообрядца хутора Ильевского Пятиизбянской станицы П.А. Сафонова, уход И. Некрасова объясняется не государственными и политическими соображениями, а семейными:

Ай, ой, эй да, вот, он схотел-то только загрозить,
Да, загразить своему отцу с ма... а, вот, с матерью.
Эй да, он еще хотел досади... досадить-то своей шельме.
Ой да, своей шельме, моло... ой, молодой жане.
Эй да, вот, а еще-то он хотел загро... ой, загрозить, вот,
Ой да, своим он малым дето... ой, вот, малым деточкам.

Такой конец в песне имеет цель доказать непричастность к государственной измене И. Некрасова, и тем более измене родине, что утверждалось в антинекрасовских песнях.

Все попытки реабилитации вождя антифеодального движения вызваны симпатией к нему народа. Его сторонники вносили во враждебные тексты оговорки, сохраняя в них официальные эпитеты «вор», «изменник», благодаря чему песни получали, таким образом, право на легальное исполнение. Многочисленные варианты говорят именно об этом. Первая и третья версии дают возможность сделать вывод о том, что процесс развития сюжета протекал в том порядке, о котором мы говорим.

Четвертый сюжет имеет пять вариантов. У них один зачин «Ой, что не две тучи грозные соходилися». Песни рассказывают о сражении двух армеешек — царя белого и донских казаков. Они билися, рубилися четверо суток, на пятые И. Некрасов увел войско⁶², за что его царь называет «злодеем». Во всех текстах бранное слово вкладывается в уста царю. Такой художественный прием делал песню легальной, позволяя беспрепятственно ее исполнять и распространять. Один из вариантов, записанный нами в станице Романовской от капельмейстера Е.П. Кольцова, разучивался им в казачьем полку:

Ой, что не две тучи грозные
Да ва чистом поле они соходилися.

⁶² Мотив о сражении «двух армеешек» входит у казаков-некрасовцев в сюжет песни, рассказывающей о смерти К.А. Булавина. См.: Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 26.

Ва чистом поле соходилися, соезжались
 Что не две-то славных армеюшки.
 Они билися да рубилися трое суток.
 На четвертые сутки они билися-рубилися,
 Ой, они рубилися, братцы, до бялой зари.
 До бялой жа зари, а он, атаманушка,
 Да атаманушка Някрасов-сын.
 А он бился да рубился со армеюшкой царя белого.
 А наш импяратор белой царь дюже,
 А он дюже на коне-то своем резко бегаёт.
 Он журит-бранит шельму Някрасова:
 — Ой, зачем ты, шельма, Някрасов-сын,
 Да, зачем жа измену, измену сделал?
 Ой, измену сделал злодей Някрасов?
 Да почему, ты, злодей, Някрасов-сын,
 Да почему баталию со мной совершил?
 А еще почему, ты, злодей, увел Войско Донское?

В тексте, записанном в той же Романовской станице от казачки А.К. Носовой, песня заканчивается насмешкой И. Некрасова над руганью царя белого:

... А Някрасов-то, братцы, казак, а он да насмехается.
 Ой да, а он, вот, все да насме... ой, насмехается,
 Со полками казаков, а он, братцы, на Кубань,
 Ой да, вот, на Кубань-то речку убирается⁶³.

Эта концовка встречается в двух песенных вариантах.

Тема ухода на Кубань или Дунай развивается в пятом сюжете, представленном четырьмя вариантами, также с единым зачином *«Ты кормилец, ты наш тихий Дон»*. В них рассказывается, что про Дон летит слава добрая, речь хорошая, что Дон раньше *«бы-стер»* был, а теперь возмущен стал. Возмутили его реки быстрые, кровь казачья, а *«еще возмутил тебя, Доночек, казак Некрасов»*. В других текстах добавляется: *«Возмутил тебя атаманушка есауловский Игнатьюшка Некрасов»*. Песен о возмущении Дона *«водой полой»*, *«генералами»* без указания имени И. Некрасова на Дону очень много. Они бытуют в различных версиях и вариантах и в наше время. Решить вопрос о том, какая из них является

⁶³ Записана в 1958 г. от казачки А.К. Носовой, уроженки станицы Романовской, 1902 г.р. По ее словам, песню она слышала от своего отца еще в молодости.

первоначальной, очень трудно, во всяком случае, вопрос требует специального исследования. Если даже имя Некрасова введено в традиционную версию, то и в этом случае можно сказать только одно — личность есауловского атамана была популярной в среде казачьей бедноты.

В шестом сюжете освещается та же тема ухода с Дона. Но все внимание в трех вариантах направлено на картинное изображение войска донских казаков во главе с И. Некрасовым, которое остановилось во поле широком на донской степи. В степи стоит *«белтонкой шатер, шатер парусный»*, а в нем стоит стол дубовенький, *«а кругом стола стоят стулья славные»*, за столом сидит казак Некрасов, он пишет царю письмо, *«благодарит»* его за *«хлеб-соль»*, за *«царево жалование»*⁶⁴. Начинаются эти песни зачином *«Ой да, как во поле, поле, ой да, широком»*.

В письме к царю чувствуется ирония, а не выражение благодарности И. Некрасовым. По народным представлениям, письмо Игната объясняет не только причину ухода, но и нежелание больше оставаться на Дону, где царь распоряжается как в своей вотчине.

Теме ухода посвящается и седьмой сюжет *«Ой да, во издалека было во чистом поле»*. Все варианты (их четыре)⁶⁵ рисуют психологически тягостную картину расставания с родной землей. Казаки идут по *«неширокой дорожке»*, которой нет конца. Идут в неизвестность, не знают, что их ожидает, но возвращаться на Дон не желают, собравшись в круг, решают идти на Кубань. Эти песни не подверглись антинекрасовской переделке, и в них очень явно подчеркнута мысль — не *«бунтовщик»* на Кубань сманил, а сами казаки по доброй воле решают зимовать на неведомой реке. Вот текст, записанный от В.И. Мордасова, казака станицы Верхне-Кундрюченской:

Ой да, во издалека было во чистом-то поле,
Там пролеживала дороженька она не широкая,
Ой да, долиною она, дороженька, а ей конца нет,

⁶⁴ Мотив о письме Некрасова к царю, Долгорукому, к матушке-государыне встречается в напечатанных песнях у И.И. Железнова, И.П. Сахарова, А.И. Мякутина.

⁶⁵ Записаны: в 1940 г. от казака станицы Верхне-Кундрюченской В.У. Мордасова, 1886 г.р.; в 1956 г. от казака станицы Нижне-Чирской П.И. Крючкова, 1897 г.р.; в 1956 г. от казака Есауловской станицы С.Ф. Кирьянова, 1887 г.р.; в 1956 г. от казака Есауловской станицы И.Т. Попова, 1892 г.р.

Да, никто по ней, по дороженьке, не хаживал,
 Ой, никто по дороженьке не хаживал, не езживал.
 Только шел-прошел по дороженьке Некрасов сын,
 Ой да, только, шел-то вот сын Некрасов.
 А он шел-прошел со своими братцами со служивыми,
 Да, с братцами служивыми, донскими казаками.
 Ой да, вот с донскими казаками на Кубань речку.
 Ой, пристигала казаков темна ноченька,
 Да, вот, темна ноченька все осенняя.
 Он сзывал, сзывал сын Некрасов своих молодцев,
 Он сзывал братьев-товарищей во единый круг:
 — Ой, и где мы, братцы-товарищи, будем зиму,
 Ой, будем зиму, а мы, да вот зимовать?
 — Зимовать будем, а мы, сын, да Некрасов,
 Вот зимовать будем на Кубань речке.

Традиционна в песенном фольклоре тема «выборы в атаманы». Она не только присуща песням о Ермаке, Разине, но и об И. Некрасове⁶⁶. Эта тема стала восьмым сюжетом, представленным четырьмя записанными вариантами. Отличаются варианты немногими деталями от указанных произведений: выборы происходят «за быстрой Кубанью», выбирают не гребенские, яицкие и запорожские казаки, а донцы-некрасовцы. Но и на Кубани оказывается «построена редуточка», казаки задают тот же вопрос: «Кто у нас будет атаманишкой?» Ответ дается в таком же плане: «Атаманишкой будет сын Некрасов, по прозванию Игнатьюшка». Все тексты имеют один запев «Ой, за Кубанью было, да было за быстрой».

Тема «выбора атамана» в песнях донского казачества была очень популярной и актуальной не только во времена Ермака, Разина, но и после подавления Булавинского восстания, когда атаманы войска стали назначаться царем. С выборами атамана связывалось понятие о воле, свободе казачества; если этого права не было у донцов, то оно сохранялось еще у некрасовцев. Петь об этом — значило тешить казачье сердце. У самих же казаков-некрасовцев песен о выборах в атаманы Игната нет.

Традиционная общерусская и донская песня, рассказывающая о добром молодце, которого занесла неволя на чужую сторонушку,

⁶⁶ Записаны: в 1956 г. от казака станицы Есауловской П.Л. Басакина, 1875 г.р.; в 1956 г. от казачки станицы Нижне-Чирской М.С. Потаповой, 1910 г.р.; в 1940 г. от казака станицы Раздорской С.Ф. Фролова, 1867 г.р.; в 1957 г. от казачки станицы Голубинской П.Г. Евсеевой, 1889 г.р.

явилась прототипом для девятого сюжета песен об Игнате Некрасове. Песня «Сторона ль ты, да вот, моя прежняя» записана в пяти вариантах. По-видимому, думы об Игнате Федоровиче Некрасове, сложившем свою головушку на чужой стороне, тревожили его почитателей на Дону. Один из вариантов так рассказывает о сердечной тоске И. Некрасова:

Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонущка,
Сторона да ты, вот, все чужая, вот да ты чужая.
Да, никто ж то про нее, да про эту сторонущку,
Ой да, никто ж не знает, вот и да не знает.
Только знает про нее, про эту сторонущку
Сердечко мое ретивое, вот и ретивое.
Да не сам-то я сюды на Кубань зашел,
Ой да, я не сам на Кубань зашел, да заехал,
Ой, ну и вот занесла меня неволя царская,
Ой, занесла меня ды, казака Некрасу, все неволя,
Ой да, неволя царская, вот да государская.
Ну прости, прости ж ты меня, сторонущка,
Ой да, прости, прости все да тихий Дон,
А еще ж меня прости весь и род-племян⁶⁷.

У казаков-некрасовцев имеется вариант песни, но он относится не к виду песен об Игнате, а «под Игната», и в нем не упоминается имя вождя.

Последний песенный сюжет «Ой да, вот, на вешний было на праздничек» записан в восьми вариантах⁶⁸. В нем освещается тема «Иван Грозный спрашивает Петра I о том, куда он дел Донское

---

⁶⁷ Песня записана в 1956 г. от казака станицы Кобылянской (ныне Суворовская) А.Е. Болдырева, 1899 г.р. (пел вместе с казаком станицы Есауловской П.Л. Басакиным); остальные четыре варианта записаны: в 1957 г. от казачки станицы Пятиизбянской Е.Т. Евтюхиной, 1887 г.р.; в 1957 г. от казака хутора Новая Золотовка Семикаракорского района П.Ф. Кирьянова, 1893 г.р.; в 1959 г. от казака хутора Камышин Константиновского района Е.И. Селиванова, 1899 г.р.; в 1962 г. от казачки станицы Усть-Быстрианской А.Ф. Изотовой, 1910 г.р.

⁶⁸ Записаны: в 1940 г. от казака станицы Раздорской И.М. Бондарева, 1887 г.р.; в 1956 г. от казачки хутора Средние Салы А.М. Куприяновой, 1884 г.р.; в 1957 г. от казака станицы Пятиизбянской И.М. Турченкова, 1900 г.р.; в 1957 г. от казака станицы Пятиизбянской И.Р. Недождогина, 1883 г.р.; в 1957 г. от казака станицы Голубинской И.К. Одинаева, 1889 г.р.; в 1957 г. от казачки станицы Голубинской Е.В. Макаровой, 1876 г.р.; в 1948 г. от казака хутора Солонцовского Вешенского района Н.М. Кочетова.

войско». В ответах царя Петра Алексеевича Игнат Некрасов называется «шельмой», «злодеем». В одном из текстов, записанном 22 июля 1957 г. от старообрядца станицы Пятиизбянской И.М. Турченкова, нет этих эпитетов:

Ой да, вот на вешний было да на праздничик
 Да, вот на праздничик было Благовещение.
 Эй да, вот стоял-та, стоял, а он да правос...
 Да он, православнай царь, стоял у заутрени.
 Эй, ни один-та бы он стоял православнай царь,
 Ой, стоял он со князьями да с боярами.
 Эй, на всех-та князьях да на боярах
 Было платье кручено темным гарусом.
 Эй да, на самом-то царе вот Петре
 Платье на нем было все шелковое.
 Вот и взяли-то царя под бялые руки,
 Да повели-та бы его, раздобрыва молодца,
 Ой, повели его к самому Ивану Грозному.
 Ой, посадили его, царя Петра Первого,
 Да посадили его перед очи царя Грозного.
 А он царь-государь Иван Грозный стал спрашивать:
 — Ты скажи же, скажи мне, раздобрай молодец.
 Скажи всяю правду, где ты дел Войско Донское?
 — Я скажу, скажу тебе, царь Иван Грознай,
 Скажу всяю тебе правду, всяю истину:
 Как увел, увел всяю войску донскую,
 Увел казак Некрасов, на Кубань-речку.

Независимо от оскорбительных кличек, прикрепляемых царем к имени И. Некрасова, песни эти не антинекрасовского направления. Они говорят о сокровенной думе донских казаков, о том времени, когда им был пожалован Дон, как об этом утверждают предания и песенный фольклор. Их не смущает анахронизм, и, конечно, поющим эти произведения известно, что Петр I жил после Ивана Грозного. Важно другое — и на разорителя Дона есть управа. Его допрашивает сам Иван Грозный, который беспокоится о войске.

У казаков-некрасовцев бытует другая версия: царь Петр обвиняет князей и бояр в уходе И. Некрасова⁶⁹.

Рассмотренные сюжеты об И. Некрасове отражают политические события и взгляд на них двух противоположных классовых групп. Эти сюжеты и своеобразная поэтическая форма их проявле-

⁶⁹ Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев... № 38.

ния в основном характерны только для песен, отражающих некрасовское движение и отношение к нему сторонников донского казачества. Поэтому образ И. Некрасова имеет индивидуальные черты, отличающие его от других руководителей крестьянско-казачьих войн в XVII–XVIII вв.

Сюжеты песен о Некрасове строятся на реальных и вымышленных фактах. Последние освещаются так, что не противоречат народному сознанию, т.е. раскрываются по законам художественной правды. В силу этого некоторые песни являются метафорами. Уметь раскрывать их — значит понять народное отношение к «*возмутителю*» Дона и те выразительные и изобразительные компоненты, при помощи которых передается народное сознание.

В образе И. Некрасова имеются собирательные, типические черты, присущие народным борцам с феодализмом и крепостничеством. В рассмотренных сюжетах и вариантах он трактуется в плане социально-политическом.

Некрасов как историческое лицо, видимо, не придавал большого значения религии. Но в своей борьбе с самодержавием он как дипломат и политик сумел привлечь на свою сторону и православных, и старообрядцев. Каждая из этих групп по-своему трактует его образ. В преданиях и песнях у некрасовцев и донцов не говорится о его набожности. Его политика в религиозных делах — в «безрелигиозности» для себя и религии для тех, кто был привержен до фанатизма к старой вере. Видимо, он все-таки держался мысли: все равно кто его сподвижники в борьбе: раскольники или никонианцы, лишь бы они принимали идею борьбы за свободу. И если правительство устраивало гонение на старообрядцев, он узаконивал их веру.

Нам думается, вывод, сделанный В.К. Соколовой об идейной ограниченности песен об И. Некрасове, как донских, так и некрасовских, не аргументирован. Признать суждение, что в песнях говорится «только о казаках, которые борются не за вольную жизнь, как разинцы, а за сохранение своих привилегий против превращения их в солдаты, против бритья усов и бород»⁷⁰, будет ошибочно.

Мотив о бритье усов, бород встречается только в двух песнях: у И.П. Сахарова⁷¹ и Б.Н. Путилова⁷². Мотив о святости

⁷⁰ Соколова В.К. Русские исторические песни... С. 241.

⁷¹ Сахаров И.П. Песни русского народа... С. 277.

⁷² Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948. № 41 (перепечатка из «Терских ведомостей». 1868. № 51).

имеется в песнях у Б.Н. Путилова и А.И. Мякутина (Некрасов Богу молится)⁷³, т.е. в песнях, бытовавших в старообрядческой казачьей среде. У некрасовцев также упоминается о святости: «*наперед пойдут церква Божиш*»⁷⁴. Считать на основании этого, что некрасовцы боролись только из-за религиозных причин, нельзя.

Действительно, в песнях имеется мотив о нежелании казаков быть солдатами. Мотив по тому времени актуальный, так как слово *солдат* — синоним слову *крепостной*. И Степан Разин, и Емельян Пугачев обещали крестьянам казачью, т.е. вольную жизнь. И уж никак нельзя противопоставлять борьбу разинцев борьбе некрасовцев. Понятие воли у разинцев не тождественно некрасовскому. Второе идейно более осмысленно и осуществлялось в конкретных формах общественного устройства Войска.

Донские неопубликованные варианты песен об Игнате Некрасове вносят много нового, что скрыто было от фольклористики. И, нам кажется, пришло то время, когда наука о народном поэтическом творчестве должна пересмотреть свое отношение к песням об И. Некрасове и казакам-некрасовцам, как и наука история.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове // Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г. Ростов н/Д, 1963. С. 125–156.

⁷³ Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков... С. 32, 38.

⁷⁴ Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев... № 35, 36.

Ф.В. Тумилевич

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ПЕСЕН КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Некрасовцы, проживающие в хуторе Новонекрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, — потомки донских казаков. Их предки в 1707–1708 гг. под руководством К. Булавина принимали активное участие в антифеодальном движении крепостного крестьянства, голутвенного (бедного верхового) казачества, работных людей, строивших канал между Волгой и Доном, воронежские и азовские верфи.

После смерти Кондрата Булавина народным движением руководили атаманы: Некрасов, Голый, Павлов, Чернец и другие. Под их руководством восставшие продолжали вести борьбу против крепостнической феодальной системы, бояр, прибыльщиков¹ и немцев². Наиболее популярными руководителями были Игнат Некрасов и Никита Голый.

Хорошо обученная карательная царская армия под командованием князя В.В. Долгорукого совместно с домовитым казачеством нанесла восставшим поражение. Чтобы спасти от поголовного уничтожения участников народной антифеодальной войны, Игнат Некрасов после поражения 22–23 августа 1708 г. (под станицей Есауловской) переправился со своими отрядами на левый берег Дона и ушел на Кубань. С этого времени начинается Некрасовское движение, которое не угасает до 1737 г., т.е. до смерти Игната Некрасова. С Некрасовым на Кубань ушли люди сильные,

---

¹ Налоговых чиновников.

² Иностранцев.

убежденные в правоте своей борьбы с царем, боярами, прибыльщиками.

На Кубани казаки-некрасовцы расселились от устья реки Лабы до Таманского полуострова (и сейчас еще сохранилась станция Некрасовская в устье Лабы). Игнат Некрасов и его община на Кубани для крепостного крестьянства, голутвенного казачества оставались оплотом борьбы за вольность. Поэтому к ним на Кубань бежали от крепостного гнета крестьяне, бедное казачество, работные люди, старообрядцы. За время с 1709 по 1727 гг. число всех беглых из России превысило 200 000 человек³. Из них немало число бежало на Кубань.

Массовое бегство крепостного крестьянства на Урал, в Сибирь, а особенно к некрасовцам, сильно беспокоило Петра I, который издал ряд указов о создании заградительных отрядов на Юге России против беглых, о смертной казни лиц, помогающих некрасовцам, о поимке некрасовских «шпионов». Кроме того, Петр I начиная с 1709 г. неоднократно обращался к турецкому султану с просьбой о выдаче Некрасова.

После смерти Игната Некрасова его последователи (некрасовцы) продолжали жить общиной на Кубани по его заветам. Одним из главных заветов их был: *«царизму не покоряться, при царизме в Россию не возвращаться»*⁴.

В 1736–1739 гг. во время войны России с Турцией, Анна Иоанновна издала указ о возвращении из-за границы некрасовцев и других раскольников. По указу некрасовцам прощались все их вины, «измена царю и отечеству»⁵. Однако амнистию и приглашение царицы они отвергли, усмотрев в этом желание заманить их на родину и расправиться с ними за их активную борьбу с правительством. Тогда Анна Иоанновна послала против них войско и повелела донскому атаману Фролову наказать ослушников, что Фролов и сделал⁶. После разорения и ограбления селений некрасовцев

³ История СССР. Т. 1. М., 1956. С. 421.

⁴ Заветы Игната Некрасова записаны со слов самих казаков-некрасовцев в количестве 150. Они составляли своеобразную конституцию некрасовской общины, жившей вдали от Родины.

⁵ Северная пчела. 1828. № 126; Московский отдел архива Главного штаба. Опись 47. Свиток 53. Дело № 18. По каталогу № 125.

⁶ Московское отделение архива главного штаба. Дело графа Дукласа. Опись 212. Свиток 107; Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. П. Екатеринодар, 1900. С. 25.

Фроловым они вынуждены были перейти на левый берег Кубани, а оттуда в большинстве своем уйти в турецкие владения. Переплыв Черное море на лодках, они остановились в устьях Дуная, в Добруджинской области (Румыния). Меньшая часть некрасовцев оставалась на левом берегу Кубани. В 80-х гг. XVIII в. они также переселились в Румынию. Но после того как русские вступили в Крым, Измаил и подошли к Дунаю, оставаться на Дунае было небезопасно. Большая часть некрасовцев — ревнителей заветов Игната («царизму не покоряться») — покинула Добруджинскую область и перешла на побережье Эгейского моря в устье реки Энос и на озеро Майнос (Малая Азия — Турция в 25 км от портового города Бандерма на берегу Мраморного моря).

В 20-е гг. XIX в. с Эноса некрасовцы также переселились на Майнос. С этого времени образовалось две ветви некрасовцев: майноская и дунайская.

Некрасовцы дунайской ветви принимали к себе всех, кто бежал от царской помещичьей неволи, вплоть до начала XX в. Эти некрасовцы ассимилировались с позднейшими выходцами из России. Они утратили обычаи и традиции своих предков, фольклор, предания о борьбе с царем, боярами, песни об Игнате Некрасове. Изменение произошло и в жизни их общины, быте, одежде, языке. Султанская Турция причислила их к общей *райе* — земледельцам.

Майноская ветвь некрасовцев жила вдаль от русских границ в чуждом национальном окружении, изолированно, замкнуто. Это создало условия для сохранения общественно-демократического устройства общины, какой она была на Дону до их ухода на Кубань.

Они ревностно оберегали заветы Игната, культуру своих предков, не принимали к себе беглых даже из дунайских некрасовцев, хотя бывали случаи, когда они женились на их женщинах.

Вся их жизнь на Майносе строилась на заветах Игната. Высшая власть в общине принадлежала кругу, исполнительная — атаману, который избирался на один год. Заработок казаки сдавали в войсковую казну; из нее казак получал в свою пользу две трети, а одна треть шла в войсковой доход и расходовалась на школу, церковь, помощь престарелым, сиротам и больным, на вооружение войска. Ни один член общины не мог отлучиться из нее без разрешения круга или атамана. Каждый член общины должен был трудиться. Сиротам, престарелым обязано помогать только Войско, личную

же помощь надо хранить в тайне. В общине не должно быть нищих. Брак с иноверцами карался смертью. Муж должен был относиться к жене с уважением. Если он обижал жену, она с разрешения круга покидала его, а мужа наказывали. Каждый член общины обязан строго держаться старой веры; попа, не выполняющего распоряжения круга, можно было изгнать и даже убить как бунтовщика, еретика. Существовали и другие запреты; не соединяться с турками; не держать в станице шинков; не заниматься казаку в своей общине торговлей и др.

Заветы Игната ревностно оберегались майносскими некрасовцами.

Основным занятием некрасовцев Майноса было рыболовство, охота; работали они по найму и в сельском хозяйстве (в свободное время от рыболовства — летом) у греков, турок, болгар, сами же земледелием не занимались.

Отказ некрасовцев в 60-е гг. XIX в. от службы в турецкой армии, во время войны поставил их общину в невыносимо тяжелые условия. На них наложили непосильный военный налог, большие подати. Турецкие власти стали вмешиваться во внутреннюю жизнь некрасовского селения, лишив их права самостоятельного суда над членами общины, свободного передвижения, расселили вокруг Майноса «мухаджиров» (переселенцев-мусульман с Кавказа), которые устраивали набеги на некрасовцев с целью грабежа.

Живя в заболоченных местах, некрасовцы вымирали от чумы, лихорадки. Поэтому к 60-м гг. XIX в. от селения в 1000 домов осталось около 350 (турки называли селение некрасовцев Бин-Эвле, что значит «селение в 1000 домов»). В 1865 г. из Майноса 157 семей переселилось на остров Маду (Бейшеирсксе озеро, Конийской области — юго-восточная Турция). К 1910 г. на острове Мада в живых осталось лишь 8 семей, остальные вымерли от чумы и лихорадки. И чем больше невзгод на чужбине переносили некрасовцы, тем крепче цеплялись они за все русское, храня свое национальное лицо и революционные традиции своих предков.

К 1910 г. на Майносе оставалось около 250 семей. Введение воинской повинности в начале XX в., усиление политического национального угнетения со стороны Турции, экономическое расслоение (на рыбаков и землевладельцев), религиозный раскол внутри самой общины на единоверцев московского рукоположения (рыбаки) и австрийского (земледельцы) — все это вынудило большую

часть некрасовцев (рыбаков) вернуться на родину еще в дореволюционное время, вопреки завету Игната «царизму не покоряться...»

В 1912–1913 гг. 150 семей некрасовцев вернулись с Майноса в Россию. Их поселили на станции Натанеби (Уэюретский уезд, Кутаисская губерния), не пустив на Дон и Кубань.

С установлением советской власти некрасовцы были поселены на Кубани в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края, где они образовали хутор Новонекрасовский. В 1921 г. с Дуная на родину прибыло еще 120 семей, поселившись в хуторе Новопокровском в пяти километрах от Новонекрасовского хутора. В 1924–1925 гг. из азиатской Турции (селение Гамидия на озере Майнос, созданное из дунайских некрасовцев в 1878 г.) приехала третья партия некрасовцев в количестве 80 семей. Поселились они рядом с Новопокровским и образовали свой хутор — Потемкинский (хутор назван так в честь Потемкина, бывшего полпредом в Турции, затем министром просвещения РСФСР, он принял участие в их переселении).

После Великой Отечественной войны в 1946 г. из Румынии в Советский Союз прибыло более 2000 некрасовских семей. Часть их поселилась в Приморско-Ахтарском районе в названных хуторах. Другая часть образовала хутор Некрасовский около г. Кизляра, третья часть поселилась в Одесской области.

Песни записывались как от некрасовцев Майноса, так и от некрасовцев Дуная. Анализ поэтических особенностей дается по песням некрасовцев Майноса (проживающих в хуторе Новонекрасовском), т.к. они сохранили образцы русской и донской песни XVII–XVIII столетий.

* * *

Песенное наследие некрасовцев (хутора Новонекрасовского) очень значительно как в количественном, так и в идейно-поэтическом отношении. Оно привлекает внимание собирателей, исследователей народной поэзии, лингвистов, композиторов, писателей и любителей народного творчества. Сами песни, их историческая судьба, содержание, идейная направленность, поэтическая форма, жанровое своеобразие, мелодия — все это представляет большой интерес, как и сама история казаков-некрасовцев.

Собирание и изучение некрасовских песен имеет свою историю. Первые записи, их публикация появились во второй половине

XIX в. Сделаны они случайно любителями старины, посетившими Майнос. Всего за XIX и начало XX вв. было записано и опубликовано 2 легенды⁷, 8 песен и 4 отрывка песен⁸. Систематическая запись песен от некрасовцев начата мною с 1938 г. Собранные тексты песен, их мелодии подтверждают точку зрения, высказанную композитором Т.И. Сотниковым, о том, что некрасовские песни одноголосны в отличие от донских песен.

В фольклорных экспедициях к казакам-некрасовцам Ростовского-на-Дону пединститута и Ростовского-на-Дону государственного университета принимали участие⁹ А.М. Листопадов¹⁰, компо-

⁷ Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 414–451. В статье приведены 2 легенды: «Об Игнате Некрасове и его ссоре с царицей Еленой» и «Заселение некрасовцами Майноса».

⁸ Смирнов Я.И. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31. В статье приводятся 2 песни («Зри ета песня Игната Некрасова»), «Песня Игната Некрасова») и 2 отрывка песен, записанных для Смирнова казаком-некрасовцем Исааком Петровичем; Минорский В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 31–86. Опубликовано 2 песни («Ты взойди, взойди красное солнышко» и «Плывет, плывет лодочка приукрашенная») и 2 отрывка; Ганько М. Майноские казаки и их земля // Буковина (г. Черновцы). 1899. № 14, 15. Опубликовано 4 песни. Запись сделана на украинском диалекте. Ганько утверждал, что некрасовцы говорят на украинском диалекте, но это не отвечает действительности. Некрасовцы говорят на чистойшем русском языке времен XVII–XVIII вв.

⁹ Тумилевич Ф.В. Фольклор казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1941. В сборнике опубликовано 163 песенных текста и свадебный обряд. Песни расположены по исполнителям; сборнику предпосланы статьи о песнях и о языке некрасовцев. В ноябре 1941 г. сборник был сожжен в типографии немецко-фашистскими захватчиками. Всего сохранилось три оттиска. Один хранится в библиотеке им. Ленина (г. Москва), второй — в библиотеке им. К. Маркса (г. Ростов-на-Дону). Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев / Под ред. проф. П.Г. Богатырева. Ростов н/Д, 1947. В сборнике опубликовано 179 песенных текстов. Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947. Опубликовано 18 песенных текстов; Фольклор казаков-некрасовцев. Краснодар, 1948. В сборнике опубликовано 25 песенных текстов; до 25 текстов песен опубликовано в газете г. Приморско-Ахтарска за различные годы.

¹⁰ А.М. Листопадов принимал участие в фольклорной экспедиции в 1940 г. и записал 24 песни с мелодиями от индивидуального исполнения некрасовских певцов. См.: Листопадов А.М. Песни донских казаков. В 5 т. М., 1949–1954.

зитор Т.И. Сотников¹¹, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Э.В. Гофман-Померанцева¹² и поэт Г.Н. Оболдуев.

В подавляющем большинстве песни некрасовцев — крестьянские и донские — сохранились в таком виде, в каком они пелись на Дону в момент ухода некрасовцев на Кубань, а затем в Турцию. Но в репертуаре некрасовцев имеются также песни позднейшего происхождения, занесенные к ним из России в XIX и даже начале XX в. как ими самими, так и дунайскими некрасовцами.

Начиная с 1938 и по 1957 гг. мною записано 1640 песен, из которых 800 являются самостоятельными по своим сюжетам, остальные — варианты на эти сюжеты. Из общего количества песен около 900 очень близки (почти адекватны) по своим темам, образам, изобразительным средствам, а до 200 песен тождественны даже по тексту с песнями, зафиксированными в песенных сборниках, изданных в XVIII в. Около 200 некрасовских песен не нашли своего прямого прототипа в русских и донских песнях. Они созданы некрасовцами на чужбине.

Основными хранителями песни является старшее (от 60 до 100-летнего возраста) и среднее (от 40 до 60 лет) поколения некрасовцев. Молодое поколение от 15 до 30 лет поет чаще песни современные.

Из всего песенного наследия (1640 записанных текстов песен) опубликовано до 420 песен. Это количество дает право и возможность сделать анализ их поэтики. Вопрос о песенном наследии некрасовцев в тему данной статьи не входит, т.к. ему посвящены работы в указанных сборниках¹³, а также рукописи: «Песенное наследие казаков-некрасовцев», «Лирические песни казаков-некрасовцев» (диссертация) 1946 г. и др.

* * *

Система художественных приемов, законов построения песен у казаков-некрасовцев, кроме общих основ поэтики русских

¹¹ Т.И. Сотников был в экспедиции в 1946 г. и записал 65 песен с мелодиями в хоровом и индивидуальном исполнении. См.: Сотников Т.И. Русские народные песни казаков-некрасовцев. М., 1950. 31 с.

¹² Э.Ф. Гофман-Померанцева была в экспедиции в 1946 г., ею записано около 100 песен.

¹³ Тумилевич Ф.В. Песни об Игнате Некрасове // Дон. 1948. № 12. С. 156–169; Тумилевич Ф.В. Хранители песен казаков-некрасовцев // Дон. 1957. № 3. С. 180–191.

и донских песен, имеет и свои особенности. Она представлена жанровой структурой, не совпадающей с принятым принципом жанрового деления в фольклористике, своеобразием изобразительных средств, формами композиции, строфического, ритмического, синтаксического и звукового построения.

Все свое песенное богатство сами некрасовцы разделяют на следующие виды:

1. **Песни об Игнате** — это исторические песни. Они повествуют о самых сокровенных надеждах и чаяниях их создателей. В них освещается жизнь некрасовцев на Кубани, в Турции, личность Игната Некрасова, его деятельность и его борьба с царем, боярами, с Ю. Долгоруким. Большая часть их рассказывает об уходе некрасовцев на Кубань, о желании Игната вернуться на Дон и поднять казаков и крестьян на восстание против крепостников, взять царя в плен, а царицу сослать в монастырь; о борьбе с турками, о несоединении с ними, о необыкновенной силе, красоте и душевных достоинствах Игната Некрасова. Их разрешалось петь даже во время Великого поста.

Песни об Игнате заслонили у некрасовцев все другие исторические песни, потому что в них отражалась собственная история, а другой истории они не знали. Создавались они в России (на Дону, Волге, Урале, Тереке) и самими некрасовцами. Наибольшее количество песен (75) о Некрасове создано самими некрасовцами.

2. **Песни «под Игната»** близки по темам и идейным мотивам к песням об Игнате, хотя в них и не упоминается его имя. В них раскрывается душевная трагедия людей, оказавшихся в чуждом окружении, рассказывается о скитаниях некрасовцев по чужой земле, о подневольной жизни, об их мечте вернуться на Родину. В песни «под Игната» входят многие песни о Степане Разине, разбойничьи, некоторые солдатские, но уже переосмысленные, художественно переработанные некрасовцами, приспособленные ими к своей жизни, интеллектуальным и духовным интересам.

Песни об Игнате Некрасове и «под Игната» — это политическая лирика казаков-некрасовцев, отражающая идеи их непримиримой борьбы с крепостническим феодальным строем и стойкого сохранения своей национальной самобытности в условиях чуждого окружения. В то же время они дополняют репертуар русских народных песен о крестьянских революционных антифеодальных войнах и их вождях XVII–XVIII вв. Они проливают подлин-

ный свет на мысли, чувства, политические идеалы участников Булавинского и Некрасовского движений.

3. **Служивые песни** рассказывают преимущественно о военных походах, морских и конных, о смерти казака на поле брани, о плене, о грусти по родине, по дому, детям, жене, отцу и матери. Сюда же относятся некоторые солдатские песни.

4. **Беседные.** К беседным, или компанейским, песням некрасовцы относят былины (ставшие у них хоровыми лирическими песнями), некоторые (русские) исторические песни (об Иване Грозном, о графе Чернышеве, о Степане Разине, Пугачеве и др.), разбойничьи, солдатские, тюремные и др. Это песни лирические, глубоко раскрывающие внутренний душевный мир человека. Их поют в любой обстановке, при любом случае: на работе, в компании, на пиру (беседе).

5. **Женские песни** — песни о женской доле, о семье, муже, свекре, свекрови, о неравном браке, о сердечном чувстве, о тоске по милому, о расставании с милым, о ревности, об обмане любимого.

6. **Свадебные песни** — это причитания невесты, песни подруг, *обыгрывающих* невесту, дружку, свата; песни, исполняемые гостями на пиру.

7. **Курагодные** — исполняемые в хороводе, ритмически убыстренные, плясовые.

8. **Сердцебитные** — исполняемые с приплясом, юмористические, шуточные на бытовые, личные темы, иногда с эротическим оттенком.

9. **Причитания** — похоронные, крестильные, родильные.

10. **Уличные** — сложенные самими некрасовцами о членах своей общины, совершивших какой-нибудь недостойный проступок морального и бытового характера. Цель таких песен — ославить нарушителя и тем самым предупредить других членов общины от подобных поступков. Пелись они на улице вечером.

11. **Пригудки** — по своим мелодиям, содержанию соответствующим русским колыбельным песням.

12. **Игровые песни** — исполняются девушками и юношами на Масленицу и ранней весной, особенно на Троицын день. Песни хоровые с протяжной мелодией, иногда речитативные с элементами драматической игры, имеющие диалогическую форму типа: «Ах бояре, ах бояре», «А мы пашню пахали», «Сидор Поликарпо».

13. **Считалки** — игровые речитативные песенки, исполняемые детьми во время игры. После исполнения такой песни дети или прячутся, или выходят из игры: «Шишел-вышел».

14. **Пародии**. Стишки пародийного характера — переделки некоторых духовных стихов с включением в них бытовой темы. Они в своей основе сатирические, речитативные, исполняются в унисон, на мотив церковной службы.

15. **Прибаутки-скороговорки** — ритмические скороговорки на бытовые темы, шуточного характера, речитативные.

16. **Духовные стихи**. Лирические и лироэпические песни, чаще всего они исполнялись во время Великого поста, иногда по рукописным сборникам. В них отражены демократические тенденции, направленные против официальной господствующей церкви, ее канонов, несправедливости княжеской и царской власти, о святых. Мелодия речитативная.

Все названные песни по своему мелодическому строю разбиваются как бы на три типа: 1) *долгие*, протяжные (это песни об Игнате, «под Игната», большая часть служивых, беседные, женские, свадебные, семейные; 2) ритмические, быстрые, частые. К ним относятся часть служивых песен (позднего происхождения), *курагодные*, *сердцебитные*, уличные, частично игровые; 3) речитативные с неразвитой мелодией — это причитания, пригудки, некоторые игровые, пародии, духовные стихи.

Некрасовская классификация, конечно, условна, не все их жанры совпадают с принятой классификацией в фольклористике. Так, например, исторические, разбойничьи, солдатские песни, былины некрасовцы объединяют в одном жанре — в песнях беседных. Песни же об Игнате Некрасове, по своему существу исторические, выделяются ими в особый жанр. Песни «под Игната», скорее всего, можно бы отнести к беседным, разбойничьим, семейным, но некрасовцы выделяют их также в самостоятельный жанр. Разбойничьи и солдатские песни в одних случаях относятся к песням «под Игната», в других — к беседным. Такое же явление можно наблюдать и в отношении других некрасовских жанров.

Рассмотрение поэтики некрасовской песни следует вести в соответствии с некрасовской классификацией по трем основным разделам: 1) композиционное построение песни; 2) ритмико-метрическая и звуковая организация песни; 3) изобразительные средства.

Самыми распространенными приемами композиционного построения являются: 1) двухчастный принцип; 2) трехчастный принцип; 3) принцип психологического параллелизма и его разновидности в песнях некрасавцев; 4) монолог, диалог как способы композиционного построения.

Ритмическое и метрическое построение представлено: 1) строфикой; 2) ритмикой и метрикой песен; 3) эфонией (звуковые повторы, рифма, способ рифмовки).

Художественные средства изображения: 1) роль пейзажа в системе художественного изображения; 2) тропы.

* * *

Двухчастный принцип построения — это такой, когда песня состоит из двух частей: в первой дается тема, во второй она развивается последовательно, в виде сопоставления или объясняется боковыми, косвенными характеристиками.

Такой вид построения присущ многим песням различных жанров. Он раскрывает содержание песни, но не делает вывода, заключения, не подводит итога, поэтому песня кажется незаконченной. Примером такого построения может быть некрасовская песня о Степане Разине:

Вдоль по решке, вдоль по быстренькой
Поднималась волна верховая.
Ничего-то в волнах да не видно.
Только видно черную лодашку.
Черная лодочка она защернелася,
А тонкие паруса они забелелися,
На гребсах¹⁴ шляпы они зажелтелися.
На корме-то сидит атаманушка,
Атаманушка да Степанушка.
Приставали жа они к беряжощику,
Что ко желтому они да ко пясотику.
Выходила душа да Татьянашка
В одной тоненькой да во рубашечке,
В одних тоненьких чулошиках.
Выносила она вина склянису¹⁵,
Подносила она атаманушке,
Да атаманушке все Степанушке.

М.М. Гоголева, 10.08.1946

¹⁴ Гребсах — гребцах.

¹⁵ Склянису — склянницу.

В 1-й части песни (первые 11 строк) дана тема: плывет лодка с гребцами во главе с атаманом и пристает к берегу. Во 2-й (последние 6 строк) — тема развивается — атамана встречает Татьянушка и угощает его вином. Конца, т.е. заключения, вывода в песне нет. У слушателя (читателя) создается впечатление незаконченности, незавершенности темы и образов.

Широко используется двухчастный принцип построения у некрасовцев в былинах. Т.к. их былины — хоровые лирические песни, то в них не дается окончательного развития темы: она только ставится, частично объясняется, но завершения в своем развитии не получает. Такой способ построения вызывает недоумение. Например, в былине «Шел по дороженьке Илья Муромец».

Ой, воздолийка да далеко же во раздолийка
Там пролегивала да широкая степ-дорожунька.
Ой, шириною она, степ-дорожунька, неширокая,
Долиною она, да дорожунька, конца-краю нет.
Ой, никто ж по той, по дорожуньке, да не хаживал,
Только шел по дорожуньке Илья Муромец.
У чикменика да рукавчики призатяканы,
А легки его, легки полоски призатяканы,
А и сам-то он, да Илюшенька, как ясен сокол.
Да и шел по дорожуньке, а все во Киев-град,
Что во Киев, было, град, ко князю Володимиру.

А.Л. Зайцева, 06.08.1946

Зачин былины повторяет зачины песен об Игнате, «под Игната», беседных, служивых. В 1-й части этой песни (в 9 строках) дается тема: по широкой дороженьке идет Илья Муромец, описание его кафтана. Во 2-й части (в последних 2 строках) тема развивается — Илья Муромец идет в город Киев. Конца в песне нет.

Такой художественный прием построения несет в себе определенную эмоциональную выразительность, пробуждающую у слушателя недоумение, вопрос: «А что же дальше?» Взаимоотношения атамана и Татьянушки развития не имеют, как не имеет развития тема об Илье Муромце. Читатель не знает ни намерений Ильи, с которыми он идет к князю Владимиру, ни того — пришел он или не пришел в Киев. Эта недоговоренность вызывает к жизни новые мысли, чувства, желание угадать конец (см. песни такого же вида

№№ 1, 4, 8, 16, 23, 32, 41, 69, 79, 87 и др.)¹⁶. Этот прием построения характерен для народных русских и некрасовских песен. Его не следует рассматривать как результат ошибки памяти некрасовских исполнителей или искажения, в связи с тем что некрасовцы прожили вдали от родины более 200 лет.

Трехчастный принцип построения — такой, когда в 1-й части дается тема, во 2-й она развивается, а в 3-й дается эмоциональное заключение, вывод. Песня, построенная таким образом, кажется законченной и не вызывает никаких сомнений. Подавляющее большинство песен (различных жанров) строится трехчастным способом. Например (см. №№ 1, 3, 34–77 и др.), служивая песня (№ 66):

Ой да, в чистом поле груша,
 А под грушаю могила глубока,
 Да в могиле стоять гроб-то дубовый,
 Во гробу жа лежить хозяин молодой.
 Перед ним стоять его конь вороной.
 Ой да говорить ему хозяин молодой:
 Ты заржи, заржи, мой конь вороной.
 Ты проснись, проснись, хозяин молодой,
 Надоело мне пред тобой жа стоять,
 Ой да, надокучило мать сыру землю топтать.

И.Н. Винтовкин, 01.02.1945

В первых 3 строках выражена тема, в следующих 5 строках она получает развитие, а в последних 2 ей дано эмоциональное заключение.

Принцип трехчастного построения (как и двухчастного) не зависит от размеров песни, их жанровой принадлежности.

Психологический параллелизм осуществляется в двухчастном и трехчастном способах построения. Психологический параллелизм (тематический параллелизм) строится по принципу сопоставления развивающихся тем и их психологического соответствия, т.е. вначале дается тема об объекте (природе, птицах, животных), потом тема о человеке (субъекте). Композиционно психологический параллелизм у некрасовцев имеет три формы своего проявления:

1) тема об объекте (природе, птицах, животных, растениях);

¹⁶ Песни казаков-некрасовцев... Ссылка на номер в скобках означает номер песни в сборнике. Песни приводятся как неопубликованные (под ними стоят имя и фамилия исполнителя), так и из указанного сборника.

- 2) тема об объекте и субъекте;
 3) тема об объекте, субъекте и дополнительная тема как связующее звено между двумя первыми темами.

Первая форма раскрывает только тему о природе, но по которой можно судить о душевном состоянии человека, о его настроениях. Такая песня другой тематической параллели не имеет. О ней можно догадываться, в результате создается символ, который как художественный образ не имеет в себе конкретного определенного понятия. Эта форма встречается в песнях более раннего происхождения: служивых, беседных, женских. Например, в беседной:

Ой, по морю, ой, по морю Черному,
 Ой да, по синему, все по синему,
 Ой, по синему да по Хвалынскому
 Да плывет лебедь со лебедушкаю.
 Ой, со малыми лебедятошками.
 Ой да, отколь взялся, отколь взялся,
 Отколь взялся да стар-сизый орел?!
 Ай, убил-стребил¹⁷ лебедушку белую.
 Да хватил орел, хватил орел,
 Хватил орел за крылушку правую,
 Ой да, за белую, за белую
 Ой да, за легкую, за легкую перышку.
 Ай да, пустил перья, пустил перья,
 Пустил перья по синю морю,
 Ай да, по синю морю по Хвалынскому,
 Аи да, мелкий пух по чисту полю.

С.Ф. Шашкин, 25.02.1941

Образ лебедя, лебедушки с лебедями, стар-сизого орла — символы. Установить конкретное значение этих символов не представляется возможности. Символ лебедя, лебедушки можно истолковать как образы мужа и жены, символ орла как образ насильника. Но это объяснение не будет точным. Можно предполагать в стар-сизом орле символ образа Степана Разина, его походы по Волге, Хвалынскому морю, но и такое толкование сомнительно. Неопределенность в таких символах — результат отсутствия параллельной темы о субъекте (человеке). И в то же время эта неопределенность — содержательная метафора. Искать символическому

¹⁷ Стребил — истребил.

образу точное объяснение, конкретное соответствие, тождество с каким-либо жизненным фактом — это значит сужать метафорическую содержательность, разрушать его художественную природу.

Символ опирается на множество жизненных ассоциаций. В приведенной песне (и ей подобных) насилие, несчастье так изображены, что они могут быть связаны с различными несчастьями и обстоятельствами, начиная от семейно-бытовых, личных, кончая социальным несчастьем. Такая широта содержания символа делает песню применимой ко многим случаям человеческой жизни, и в этом причина живучести такого рода песен в народном сознании, в репертуаре народных песен. Присутствие же в песне второй параллели конкретизирует и вместе с тем в какой-то мере ограничивает, суживает ее тему и идею. Ритмическая убыстренность, звуковые повторы приведенной песни, символичность образного изображения и выражения темы делают песню выразительной, запоминающейся.

Второй форме построения психологического параллелизма присущи две параллельные темы о природе и о человеке. Развиваются они последовательно, в сопоставлении друг с другом. Вначале описывается природа, символ (объект), потом человек (лирический герой — субъект). Песня «Селезень, мой селезень» (№ 147) четко выражает вторую форму построения психологического параллелизма:

— Селезень мой, селезень,
Что же ты невесел,
Чем же ты нерадостен?
— Ой и как мне веселому быть?!
С вешеру была утиса моя,
Теперь не моя, простреленная.
Как бы далеко — не жалко было,
В одном во лужку, на желтом песку
Пясощик ела, водису пила.
— Ой, чем, молодес, чем не весел?
Ой, чем да ты не радостен?
— Ой, и как же мне веселу быть?
С вешеру была невеста моя,
Теперь не моя — просватанная.
Как бы далеко — не жалко было,
А то двор с двором, окошко с окном,
Окошко с окном, терем с теремом.

И.В. Господарев, 28.09.1945

Приведенная свадебная песня (исполняется жениху перед отъездом его за невестой) имеет две части: первая часть рассказывает о селезне, который потерял «утушку»; другая часть рассказывает о молодце, который потерял невесту. В таком построении чувствуется второй композиционный принцип психологического параллелизма или тематического. Вторая часть строится в соответствии с первой в отношении темы и образа. Но этот принцип построения дополняется другими видами параллелизма:

а) лексический параллелизм:

1. Теперь не моя, простреленная
2. Теперь не моя, просватанная

б) синтаксический параллелизм:

1. — Ой, и как мне веселому быть?
С вечеру была утиса моя,
Теперь не моя — простреленная.
2. — Ой, и как мне веселу быть?
С вечеру была невеста моя,
Теперь не моя — просватанная.

в) звуковой параллелизм виден из двух уже приведенных примеров (теперь — теперь, с вечеру — с вечеру, моя — не моя и т.д.);

г) интонационный параллелизм можно видеть также на этих примерах. Синтаксическое и смысловое соответствие, на которое указано в пункте «б», требует и интонационного соответствия;

д) строфический параллелизм можно видеть на тех же примерах. Сама песня состоит как бы из двух строф, находящихся себе свое полное соответствие. По этой форме построены исторические, беседные, служивые, женские, свадебные и другие песни (например №№ 55, 86, 91, 99, 117 и др.).

Третий вид (форма) психологического параллелизма представлен песней «Елочка, елочка». Песня эта также свадебная, поется она подругами невесты на девичнике, исполняется и самой невестой. В песне две темы. Развиваются они параллельно, последовательно. В начале развивается тема о елочке (об объекте), потом о невесте (субъекте). Между этими темами вклинивается третья — о боярах. Параллель — бояре — объединяет две первые темы. Третья параллель становится в композиционном отношении на второе место, а вторая (тема о девушке) на третью. Например:

— Елушка, елушка,
Ракитовый кустик.
Что же ты, елушка,
Не зелена стоишь?
— Как же мне, елушке,
Зеленькой быть?
Сверху меня, елушку,
Красна солнушка печеть,
Посередь меня, елушку,
Дробным дождищком сечеть,
Под самими корешошками
Быстра рещушка¹⁸ течеть.
Ехали бояре из нова-города,
Подрубили елушку
В три-то топора.
Ой и сделали из елушки
Да все два весла.
Два весла весельца,
Третью лодощку нову.
Сели да поехали
На рещушку быстру.
Взяли да с собою
Красну девочку-душу!
— Ой девочка, девочка,
Соколушка ясная,
Что же ты, девочка,
Невесело сидишь?
— Как же мне, девочке,
Веселенькой быть?
Сватають меня, девочку,
Люди чужия,
А багюшка с матушкой
Неправдой живутъ,
Меня, дочку меньшую,
Вперед замуж отдают!..

Т.И. Капустина, 06.08.1944

Развитие тематических параллелей идет по линии соответствия (согласованности) и сопоставления жизни елочки с жизнью девушки-невесты. Елочка — метафора, символ просватанной девушки. Образ очень выразителен, создан он приемом олицетворения

¹⁸ Рещушка — речушка.

(т.е. придания елочке человеческих качеств, свойств), потому елочка выступает как живое, разумное существо. Она жалуется на свою судьбу: на солнце, дробный дождичек, на речку. Это первая тема. Вторая — о горькой доле просватанной девушки. Она жалуется на родителей, чужих людей и сестер. Все против нее, как и все в природе против елочки. Первая тема помогает лучшему уяснению второй и одновременно объясняет опущенный мотив во второй теме, т.е. жениха-мужа, о котором ничего не говорится. Форма раскрытия параллельных тем выражена в виде вопросов и ответов на них елочки и девушки.

Каждой из тем даны свои противоположные силы. У елочки — солнце, дождик, река. У девушки — чужие люди, родители, сестры. Эти противоположные силы параллельны друг другу, поясняют друг друга. Без введения в песню третьей параллели — бояр — драматический конец елочки и девушки не был бы раскрыт. Они ее сгубили, сделав из нее два весла и лодочку; они же берут девушку у родителей и отвозят в дом мужа, ее губителя. Боярам-губителям в песне не дается параллель, о ней догадываешься — это жених, муж. Как елочка послужила боярам, так и девушка должна служить своему мужу. Третья тематическая параллель — бояре — связующее звено двух тем: о елочке и о девушке.

В песне четко выражены другие композиционные принципы параллельного построения: синтаксический, строфический, лексический, интонационный, звуковой.

Синтаксический выражен формой вопросов и ответов:

Форма вопросов:

1. — Елушка, елушка,
Ракитовый кустик.
Что же ты, елушка,
Не зелена стоишь?

2. — Ой девощка, девощка,
Соколушка ясная.
Что жа ты, девощка,
Не весело сидишь?

Ответы начинаются с повторения вопросов:

1. — Как жа мне, елушке,
Зеленькой быть?
Сверху меня, елушку,
Красна солнушка печеть,
Посередь меня, елушку,
Дробным дождичком сечеть,
Под самыми корешочками
Быстра рещушка течеть.

2. Как жа мне, девощке,
Весельной быть?
Сватают меня, девощку,
Люди чужия,
А батюшка с матушкой
Неправдой живутъ,
Меня, дощку меньшую,
Вперед замуж отдають.

Приведенные примеры говорят о едином синтаксическом, лексическом, интонационном, звуковом и психологическом параллельном построении.

* * *

Разнообразие форм композиционного построения песни дополняется формой монолога и диалога, что создает стройность, гармоничность, художественную завершенность песни.

Для некрасовских беседных, служивых, женских, свадебных и песен об Игнате и «под Игната» характерна монологическая и диалогическая форма. Монолог и диалог как принцип композиционного построения делают песню предельно выразительной, драматизируют ее. Например (№№ 19, 21, 29, 39, 40, 41, 42, 46, 47, 48, 58, 64 и др.), в песне беседной:

Во том во корабличку грозен атаман.
Возговорит молодсам грозен атаман:
— Гребите, ребяташки, не робейте,
Свои белы рученьки не жалеите.
Свезите меня, атаманушку, на желты пески.
За мною, за молодсом, три погонюшки:
Первая погонюшка — офицеры;
Другая погонюшка — гарнадеры;
Третья погонюшка — донские козащки.
Гребуть, погребают в кораблике молодсы.
Погребают молодсы, не робеютъ,
Свои белы рученьки не жалеютъ.
Возговорит молодсам грозен атаман:
— Гребите, ребяташки, погребайте,
Свои белы рученьки, а вы не жалеите.

Т.И. Капустина, 08.07.1940

В песнях об Игнате монолог звучит не только в форме приказа, но указывает, что следует делать его сподвижникам и сторонникам:

— Не видать вам, донским казакам, Дону Тихого,
Ой, не слышать вам, донским казакам, звону колокольного.
Забывать вам, донским казакам, веру христианскую.
А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,
Ой да, привыкать вам нападать на царевы полчища.
— Да мы царю же не сдадим вольной вольницы,

Ой да, за Булавина отдадим свои бойны головы.
 Да, не убить-то царю, да славный род людской,
 Ой да, постаим же за правду грудью-кровью мы.

А.В. Ивануткина, 10.10.1939

Во многих беседных песнях монологи бывают лиричными, в них раскрываются чувства и мысли героя. Часто герой в таких монологах сетует на несправедливость судьбы, выражает сомнение и недоверие к любимой или, наоборот, восторженно говорит о своих чувствах к ней.

В песнях, где монолог является основой, ему предпосылается зачин, в котором говорится о природе или месте, где находится герой. Иногда песня начинается и кончается монологом, как например: «Не туманы мои, да туманушки». В ней тема раскрывается на фоне природы. Природа тесно слита с судьбой героя. Использование монолога и пейзажа типично для песен некрасовцев. Например:

Ой да, не туманы мои, да туманушки,
 Ой, да не по вас, мои туманушки, ночушка пришла.
 Да я лежу-то, лежу ведь, добрый молодес,
 Ой, да лежу я во травушке ль, в камышу:
 Ой, да скрозь мои-то ведь суставушки,
 Ой, да она, камыш-травушка проросла,
 Ой, да над моей-то бойной головушкой,
 Ой, да птичка гнездышко себе свила.
 Ой, да ты не вей-ка птичка-лебедушка,
 Ой, да над моей-то бойной головушкой,
 Ой, а ты теплое свое гнездышко.
 Да ты полети, полети, птичка-лебедушка,
 Ой, да ты на родимую сторонушку,
 Да на родимую сторонушку, к отсу-матери.
 Ой да, понеси ты, птичка-лебедушка,
 Ой, да понеси ты батюшке поклон,
 А еще ты понеси, птичка-лебедушка,
 Птичка-лебедушка да родной матери,
 А еще понеси, птичка да лебедушка,
 Птичка-лебедушка, молодой жене,
 А еще понеси ты, птичка-лебедушка,
 А ты, птичка-лебедушка, малым детушкам.

И.В. Господарев, 18.08.1944

Диалог в песнях используется больше и чаще, чем монолог. Потому диалогические (см. №№ 35, 36, 37, 44, 85, 86, 100, 103, 107,

108, 109, 110 и др.) произведения более драматизированы. Четкость мысли и чувств в этих сценах, заключенных в рамки лирической песни, дает возможность исполнять их по ролям. Это свойственно как песням об Игнате, так и беседным, семейным. Например, в песне «Игнат расспрашивает о пути на Кубань» (№ 37):

...— Уж вы, гоясы, а вы, донские козащки,
Соходитесь, соезжайтесь во единой круг,
Во единой круг, на единой луг.
Да, уж думайте, э-э, думу крепкую,
Думу крепкую, а все заединую.
У-у-у, и кто ж из вас был на Кубань-рещке?
Ой, и кто слыхал про Кубань-рещку?
Как один-то гворит: Я и не был там.
А другой-то гворит: От людей слыхал.
А и третий-то гворит: Я и сам там был.
Я и сам там был и коня поил,
А кубанские частые острова,
Часты острова — желты песощки.
Как текеть-то Кубань из-под Шаб-горы... и т. д.

В семейных, свадебных песнях диалог более драматизирован. Их герои выступают перед читателем (слушателем) и с внешней, и внутренней определенностью. Например, семейная песня:

Разгоралось во молодце сердце
На свою жену — шельму угрюмую:
— Почто ты, жена, да слезно плачешь?
Или у нас с тобой хлеба-соли не довольно?
— Почто ты, жена, да слезно плачешь?
Или у нас с тобой цветной платгы недостаток?
— Ты почто же, мой муж, чужие пашни пашешь?
А своя пашня, она травой зарастает?
Ой да, ты почто, мой муж, чужие сени кроешь?
А свои сени, с дождю они промокають.
Ой, да ты почто, мой муж, чужую жену любишь?
А свою женую ты, жену ненавидишь?
— А своя-то жена, она шельма угрюмая.

Т.И. Капустина, 10.08.1946

Принцип диалогического построения используется и в песнях игровых, хороводных. При их исполнении участники делятся на две партии или на два действующих лица, которым вторит хор, также разделенный на две партии. Это песни типа «Ах, бояре, ах,

В некоторых свадебных, *курагодных* (хороводных), *сердцебитных* песнях также встречается двухстрочная строфа, создающаяся за счет повторения второго полустушия первого стиха и постоянного рефрена. Но мелодия этих песен не имеет веселого, убыстренного ритма, как это видно в служивых. Для примера смотри свадебную песню (№ 151):

Не ясен сокол по улице летаеть,
Раным-ранешенько летаеть.
Черную галочку за крылушки хватаеть.
Раным-ранешенько — все хватаеть.

Рефрен «раным-ранешенько» в сочетании с концом первого стиха придает грустную окраску мелодии песни. В *сердцебитных* песнях рефрены оживляют их мелодии, делают их частыми, плясовитыми. Первый пример представлен четырьмя ударениями, второй — двумя.

Встречаются строфы трехстрочные или терции с параллельной рифмовкой, т.е. парной, когда первый и второй стих рифмуются между собою, а третий стих повторяет второй стих и тем самым создает так называемую тавтологическую рифму и рефрен. Например (№ 99):

Соловьешек маленький,
Голосистый, мой, бравенький.
Голосистый, бравенький.
Не пой, соловьюшка, шибко
Во зеленом во саду,
Во зеленом во саду.

Или трехстрочная строфа создается из двух стихов и повторения второго стиха, например:

Пойдем, пойдем, королевич,
На высок курган,
На высок курган.

В приведенных трехстрочных строфах наглядно выражен синтаксический и строфический параллелизм.

Более ритмически четкие четырехстрочные строфы с перекрестной рифмовкой. Так, в песне «Ты молись Богу, вор Панин»:

— Ты молись Богу, вор Панин,
Что мне не попался.
Я бы снял бы шкуру с пят
До самой до головы.

Что ни сильных, ни могущих,
 Да всех порубили.
 Что ни главных иналаров
 Да всех показнили.

В песнях имеют распространение пятистрочные строфы с равноударными стихами. Например (№ 6):

Княгиня по сеньюшкам похаживала,
 Крутыми бедрами поворачивала
 И часто в окошечку заглядывала,
 Ждала-поджидала к себе милого дружка,
 Того-то дружка — Змея Тугаринина.

В таких строфах рифма параллельна. Первые три стиха имеют точную рифму, четвертый и пятый стихи с неточной рифмой, в которой совпадают последние послеударные гласные. Способ рифмовки параллельный.

Самыми распространенными строфическими построениями являются двухстрочные, трехстрочные (терции) и четырехстрочные строфы. В протяжных песнях, или, как их называют, долгих, строфическая организация не выделяется, но в своей ритмической внутренней основе она может быть выражена одним из приведенных видов строфической организации. Типичны двух- и трехстрочные строфы, т.к. каждая строка в «долгих» песнях повторяется два или три раза с некоторыми изменениями.

Разнообразие строфической организации зависит и от различного рода лексического параллелизма.

Первым типичным примером лексического параллелизма в некрасовской лирике надо считать анафору (единоначатие), когда каждый смысловой период начинается с одних и тех же слов:

На заре-то было ранней утренней,
На заре-то было да на зорюшке.
На закате было да светла месяца,
На восходе было красной солнушки...

А.И. Ивануткина, 25.07.1947

Или, более сложное единоначатие — строфическое, т.е. каждая строфа имеет свою анафору и свою эпифору (единое окончание), например (№ 123, 124, 126):

Ой, на горке калина, ой на горке **калина,**
Ой, на горке, молоденький, **калина,**

**Ой, на горке, середенький, калина,
Я калину ломала, я калину ломала,
Я калину, молоденький, ломала,
Я калину, середенький, ломала,
И пучочки скидала, и пучочки скидала,
И пучочки, молоденький, скидала,
И пучочки, середенький, скидала.**

Е.А. Абашкина, 28.01.1940

Песни протяжные — *долгие* (былины, исторические, беседные, служивые, женские) — построены по первому типу лексического параллелизма, т.к. они все имеют единое начало, выраженное междометиями: «Ой, да», «Ай да», «Эй да», «Ох да». Но очень часто встречаются анафоры более сложные, когда одним и тем же словом начинается не одна строфа, а несколько. Например:

**Ой, ты, друг мой, да родимай,
Ой, почто же ко мне в гости не ходишь?
Хоть и ходишь, со мной не гостюешь?
Хоть и гостюешь, со мной не ночуешь,
Хоть ночуешь, со мной не ложишься?
Хоть ложишься, меня не целуешь?
Хоть целуешь, меня не обнимаешь?
Хоть обнимаешь, да к серсу не прижимаешь?** и т. д.

Е.А. Абашкина, 29.01.1941

Второй разновидностью лексического параллелизма надо считать рефрен и кольцо. Кольцевое построение строф — очень частое явление в отдельных строфах различных песен. Рефрен как припев после каждой строфы или как повторение стиха — очень частое явление, типичное для всех песен, например, рефрен в каждой строфе частично обновляется, к нему дополняется последнее слово стиха, образуя кольцевое построение строфы, т.е. строфа начинается и кончается одним смысловым периодом, стихом, словом. Например, в былине «По Черным было, по морю Черному» (№ 3, 5):

По Черным было, по морю Черному.
Ой, здалиною,
Ой, да Черному,
Там бягуть-выбягаютъ тридцать кораблей,
Ой, здалиною,
Тридцать кораблей.

и т. д.
М.Г. Волкова, 10.08.1946

Рефрен бывает и неизменным, повторяющимся после каждой строфы. Иногда он придает ритмическую учащенность, переходящую в плясовитость, так, например, припев «люли, мои люли» и одновременно каждая строфа имеет кольцевое построение, т.е. рефрен берется в кольцо, например, в четырехстрочной строфе:

Ой ты, матушка Расея.
 Всему свету голова,
 Люли мои, люли,
 Да всему свету голова.   и т. д.

А.Л. Зайцева, 30.09.1944

Или в пятистрочной строфе (№ 110). Или (№ 119):

Как приехал Витюшка
 Ко Фенюшке в гости.
 Ай, вий, вий, ай, гуз-гуз,
 Ай, губ-губ, фасолинка,
 И к Фенюшке в гости.

М.М. Гоголева, 04.08.1946

Если рефрен из двух стихов привлекает к себе после каждой строфы стих, то в результате образуется пятистрочная строфа, композиционно законченная в смысловом и ритмическом отношении, о чем свидетельствует приведенная строфа.

В песнях, в которых строфа состоит из одного стиха, рефрен превращает ее в терцию (трехстрочную строфу, №№ 174, 179) например:

Пошел козел на бахчу,
 Чирики, мухи, комары,
 Жила-была, бай-говори.
 Поел козел лук-чеснок,
 Чирикни, мухи, комары,
 Жила-была, бай-говори.   и т. д.

Ф.И. Варичева, 10.07.1948

Третий вид лексического параллелизма выражается в цепевидном построении строф, внутри которых имеется рефрен. Этот вид построения — цепевидно-рефренный, кольцевой. В такой песне последний стих строфы является началом новой. Встречается он в *курагодных* (хороводных), в *сердцебитных* (ритмически-частых, веселых, шуточных) песнях. Такие строфы имеют опоясывающую рифмовку. Исполнение таких песен сопровождается пляской. Например:

По три бани в день топила,

По три щелька варила.

Раз, два, три, люли,

По три щелька варила.

По три мылицы взмывала.

По три мылицы взмывала.

Раз, два, три, люли,

По три мылицы взмывала.

По три платки надевала.

Раз, два, три, люли,

По три платки надевала. и т. д.

А.Л. Зайцева, 11.08.1946

Кроме рефрена (припева), переходного единоначатия (анафоры), создающего в ритмическом отношении цепевидное построение (см. выделенные жирным стихи), имеется еще постоянная анафора, дающая начало каждому стиху, кроме рефрена, например: «*По три, по три, по три*». Эта поэтическая форма делает песню в звуковом варажении звучной, стройной. Или:

Была Хима молодлица

Сама худенькая,

Ой, лей, любо да люли,

Сама худенькая.

Сама худенькая,

Задом крутенькая.

Ой, лей, любо да люли,

Задом крутенькая. и т. д.

Ф.И. Варичева, 01.07.1944

Четвертый вид лексического параллелизма представлен кольцевым построением песен, т.е. когда песня начинается и кончается одной и той же строфой, стихом. В чистом виде таких песен не очень много, но они эмоционально выразительны (см. № 58). Поэтому и среди других песен они обращают на себя внимание. Например, беседная песня «Пойдем, пойдем, королевич»:

Пойдем, пойдем, королевич.

На высок курган,

На высок курган,

Разобьем, разобьем, королевич,

Свой тонкой шатер,

Свой тонкой шатер.

Под шатерочкой под беленькой

Ложился крепко спать.
Во сне ему приснился
Его дивный сон.
Из-под правой из-под ручки
Соколик вылетывал.
Из-под левой из-под белой —
Серая утиса.
— Пойду, спрошу бабусеньку
Про свой дивный сон.
— Скажу, скажу, королевич,
Про твой дивный сон.
Жена твоя Марусенька
Сына родила,
А на третий день на зореньке
Сама померла.
А широкие воротнички
Расперты стоять,
Хрустальные окошечки
Побиты лежать,
Жена твоя Марусенька
Во гробу лежить,
Дитя твое возлюбленно
Во люлечке спать.
Пойдем, пойдем, королевич,
На высок курган,
На высок курган.
Разобьем, разобьем, королевич,
Свой тонкой, шатер,
Свой тонкой шатер.

А.Л. Зайцева, 05.08.1941

Первые две строфы (первые шесть стихов) замыкают песню. Такое построение создает повторение печальной мелодии, чем особенно подчеркивается лиричность темы и образа.

Пятый вид лексического построения анафоро-тавтологический. По этому принципу песня строится в виде повторения одних и тех же строф, которые разделяются рефреном (припевом). Сам рефрен после каждой строфы наращивается новыми добавлениями. Например, в *сердцебитной* песне, исполняемой на свадьбе, «Было у батюшки десять сыновей».

Было у батюшки десять сыновьех,
А я-то ведь дочушка одиннадцата.

Стал меня батюшка замуж отдавать,
Стал мне ведь первый брат придано давать:
И быка, и козла,
И парошку козеныт¹⁹,
Доморщаннаих.
Было у батюшки десять сыновъех,
А я-то ведь дочушка одиннадцата.
Стал меня батюшка замуж отдавать,
Стал мне ведь другой брат придано давать:
Двух быкох,
Двух козлох,
И быка, и козла,
И парошку козеныт,
Доморощаннаих.

Повторяется это до десяти раз. В десятый раз дочь поет:

Было у батюшки десять сыновъех,
А я-то ведь дочушка одиннадцата.
Стал меня батюшка замуж отдавать,
Стал мне десятый брат придано давать:
Десять быкох,
Десять козлох,
Девять быкох,
Девять козлох,
Восемь быкох,
Восемь козлох,
Семь быкох,
Семь козлох,
Шесть быкох,
Шесть козлох,
Пять быкох,
Пять козлох,
Четыре быка,
Четыре козла,
Трех быкох,
Трех козлох,
Двух быкох,
Двух козлох,
И быка, и козла,
И парошку козеныт
Доморощаннаих.

Т.И. Капустина, 08.02.1940

¹⁹ Козеныт — козлят.

При перечислении приданого рефрен строится по принципу ступенчатого снижения от большего к меньшему, но после каждой строфы с наращением.

* * *

По вопросу о метрике народного стиха Жирмунский в своей работе «Введение в метрику» пишет:

«Русский народный стих есть стих песенный, т.е. его ритмический характер определяется прежде всего ритмическим строением напева; однако вместе с тем музыкальные ударения располагаются в соответствии с ударениями словесными (или фразовыми), не насылая языкового материала и только широко пользуясь существующими в народных говорах акцентными дублетами. При этом постоянным в стихе является только число метрических ударений; число неударных остается величиной переменной. В этом смысле мы вправе определить народный стих как стих музыкально-тонический»²⁰.

Указание Жирмунского о народном стихе как о стихе музыкально-тоническом справедливо. Разбирая метрику и ритмику некрасовских песен, мы наблюдаем, что в своей основе они музыкально-тонические и в этом повторяют основу музыкально-тонического строя русской песни. Но в зависимости от жанра метрика некрасовских песен очень различна. Так, в былине о Садко (былина у некрасовцев стала лирической песней) имеются по два ударения в нечетных строчках и по одному в четных, число же безударных слов остается величиной переменной. Но закономерное чередование двух ударных стихов с одноударными делает песню мелодичной:

Вай у молодса да голова болить,
 __ / _ _ _ _ / _ _
 Голова болить.
 __ / _ _
 Да у залетныва болить бойная,
 __ _ / _ _ _ _ / _ _
 Болить бойная.
 __ / _ _

Распространенными являются двухударные стихи. Приводим пример, когда в былинах имеется по три ударения в строке. Количество безударных непостоянное:

²⁰ Жирмунский В. Введение в метрику. Л., 1925. С. 243.

Из-под славного, славного было города
 ___/___/___/___/___
 Выязжал жа молодец Дюк Степанович,
 ___/___/___/___/___
 Как и конь-то под ним будто лютай зверь.
 ___/___/___/___/___

В некрасовских былинах преимущественно имеется по три или по два метрических ударения. Размер часто тяготеет к анапесту с дактилическим окончанием. В том же случае, когда между ударными больше двух неударных слогов, былины имеют все то же число ударений с дактилическим окончанием:

Толька шел по дорожуньке Илья Муровец,
 ___/___/___/___/___
 У чикменика да рукавщики призаметаны.
 ___/___/___/___/___

В песнях об Игнате наблюдается две метрические особенности. Первая из них состоит в том, что большинство песен имеет по три ударения в стихе, преимущественно с дактилическим окончанием. Например (см. № 41, 44, 45, 46 и др.), песня «Воспородился Игнат-сударь»:

Ой да, как взошло-то, взошло солнса красная,
 ___/___/___/___/___
 Да над горой она взошла же над високаю,
 ___/___/___/___/___
 Ой да, над полями она взошла над широкими.
 ___/___/___/___/___

Вторая особенность: четыре ударения в строке с мужским окончанием (№ 39, 40 и др.) за исключением первого стиха, в котором пять ударений, но окончание также мужское. Мужские окончания придают песне твердость, решительность, четкость в выражении темы.

Кто бы, кто бы из нас, братсы, побывал на Тихом Дону,
 ___/___/___/___/___/___
 Ой да, кто бы, кто бы из нас, братсы, да рассказал,
 ___/___/___/___/___/___
 Ой да, про батюшку-то да вернай Тихой Дон.
 ___/___/___/___/___/___

Протяжные лирические песни (беседные, семейные, служивые, женские) строятся по тем же метрическим законам и имеют по два,

по три и четыре ударения. В тех же случаях, когда в протяжных песнях строфа состоит из двух строк при усечении второй строки, в первой строке имеются два ударения и во второй — одно с дактилическим окончанием, как мы видели это на примере былины о Садко.

Хороводные, *сердцебитные* песни имеют ускоренный ритм с двумя ударениями в строке, с мужским и женским окончаниями. Например, в песне «Сударушка ты моя» (№ 74):

Сударушка ты моя,
 _ / _ _ _ _ /
 Вечор я был у тебя,
 _ / _ _ _ _ /
 Не спознала ты меня,
 _ _ / _ _ _ /
 Не спознала, обознала.
 _ _ / _ _ _ / _

Песни с ускоренным ритмом, помимо определенного количества ударений, имеют постоянное число слогов в строке, что редко бывает в песнях протяжных.

Большое место в некрасовской песне занимают хореические размеры при восьмисложном, шестисложном и четырехсложном стихах с пиррихией на первой стопе (№ 165), например:

Ой, по морю,
 / _ / _
 Ой, по морю,
 / _ / _
 Морю Черному
 / _ / _ /
 Подуй ветер,
 _ _ / _
 Подуй ветер,
 _ _ / _
 Со востоцику.
 _ _ / _ /

Или пример четырехстопного хорей:

Провожала мати сына
 / _ / _ / _ / _
 Во чужую сторону.
 / _ / _ / _ /

В хореических размерах бывают чаще всего окончания женские, мужские и реже — дактилические.

Рифма в широком смысле — это всякий звуковой повтор, организующий благозвучие, ритмическую и композиционную завершенность песни, стиха. В узком понимании школьной поэтики рифмой обычно называют созвучие в конце стихов. В таком смысле рифма в народной поэзии — довольно позднее явление. Она начинает применяться в народных песнях с начала XIX столетия, хотя ее появление не вытеснило другие, ранее существовавшие виды звуковой организации ни в русских песнях, ни у казаков-некрасовцев.

Благозвучие в песнях некрасовцев выражено звуковыми однообразиями, которые достигаются путем повторения фонем, т.е. звуковыми повторами. Звуковые повторы могут быть в начале, в середине и конце стиха. Поэтому повторение одних и тех же звуков в стихе, песне создает благозвучие (не только эфонию, но и полифонию), художественную выразительность. Звуковая форма песни способствует четкому выражению содержания; она усиливает эстетическое совершенство песни и вместе с тем является средством изображения жизни. В ее основе имеются ассоциации, которые мы связываем непосредственно с самыми фонемами, со словами, выражающими понятия.

Звуковое единообразие в песнях казаков-некрасовцев, как и в песнях русских, наблюдается в повторении гласных (ассонансов), согласных (аллитераций), консонансов (несовпадение ударных гласных, при более полном совпадении окружающих согласных в конце стихов). Звуковые повторы бывают однозначные, двухзначные, трехзначные, четырехзначные, т.е. простые и сложные. Отличаются они количеством повторяемых звуков.

Звуковая организация песен казаков-некрасовцев имеет три типа построения.

1. Первый тип — это песни, не имеющие постоянной рифмы в конце стихов. Если же иногда встречаются совпадения (точные, неточные), то это или случайное явление, рожденное звуковыми повторами, или бывает как исключение, но не как закономерность. Благозвучие такого рода песни создается путем повторения одинаковых фонем на протяжении всего стиха. По времени своего возникновения они относятся к более раннему периоду развития русской народной песни (XVII–XVIII вв.).

Для данного типа характерен и поэтический принцип развития тем и образов. В нем показ чувств и мыслей человека дается не прямо, а только через природные явления (вещи, предметы, растительный, животный мир и т.д.), которые являются символами. Поэтому в таких песнях вначале дается символ, а потом — человек (см. приведенные песни: «Елушка, елушка», «Шел по дороженьке Илья Муромец», «На заре-то было ранней утренней» и др.).

Примером песен, в которых концевая рифма не является определяющей закономерностью их развития, могут быть в большинстве своем: беседные, служивые, женские, свадебные, об Игнате, «под Игната», былины.

Для иллюстрации звуковой структуры, поэтического принципа в раскрытии тем, образов при помощи олицетворения приводим служивую песню некрасовцев. Ее тема, поэтический прием, благозвучие говорят и о ее происхождении не позднее начала XVIII в.

Ой да... не со нашей ли сторонушки,
 Эй-эй потянулись ветры бойные,
 Ветры бойные над зеленою дубравою,
 Эй, она, мать-дубравушка, зашумела
 Эй да, сверху листушки, они сопадали.
 Ой да, мать сыру землю укрывали.
 Мать сыра-то земля застонала:
 Э-эй, и как же мне не стонать?
 Ай по мне идуць все казащеньки,
 Да все казащеньки молодые,
 Эй-эй, ой вот неженатые холостые.
 Эх-эх, они идуць же, слезно плачуть.
 — Ой, об чем же вы, казащеньки, слезно плачете?
 — Ой, и как же да нам-то не плакать?
 Ой да, наши стороны, они запустели,
 Ой да, вот отсы-матери застарели,
 Ой да, а молодые жены, они удовели.

И.В. Господарев, 02.07.1944

2. Песни второго типа строятся на звуковых повторах и рифме в конце стиха. Правда, рифма еще не вытесняет аллитерации и ассонанса из песни, но в известной степени организует ритмико-мелодическую и смысловую сторону в стихах и в песне в целом, превращаясь уже в закономерность. В таких произведениях встречаются холостые (не зарифмованные) стихи, тавтологические

созвучия. Они-то и делают эту песню промежуточным звеном между первым и третьим типами.

Как новая ступень в развитии, второй тип разнообразит звуковую сторону русской народной песни во второй половине XVIII в. и особенно в начале XIX в.

Поэтическая подача темы также видоизменяется. Обращение к природе не исчезает в песне, но зато делается упор уже не на символ, а на человека, на его поступки, мысли, на конкретные факты.

Примером такого построения является значительное число тех же песен: беседных, служивых, женских. Например (незарифмованные стихи выделены жирным), служивая песня (№ 69):

И ой да, тянут ветерки, ветры со горы,
И ой да, со восточной же было слободы,
И ой да, шла девшечка, а очень хороша,
И ой да, во руках вела ворона коня,
И ой да, за три повода, за шелковые,
И ой да, за три колечка, эй, серебряные,
И ой да, проводила коня к мать **Дунай-реке**,
И ой да, привязывала коня за **чумбуренку**,
И ой да, конь воды не пьеть, конь травы **не ест**,
И ой да, конь копытою бьеть о сыру **землю**.

Не вдаваясь в содержание песни и ее историю, ограничимся лишь упоминанием, что она относится к периоду жизни некрасовцев на Дунае (начало второй половины XVIII в.).

3. К третьему типу относятся песни, которые в своей звуковой основе построены на концевой рифме. В них ярко выражена ритмическая четкость. Поэтому на первом месте стоит ритм, доходящий до плясовитости, заглушающий напевность. Если в них кроме концевой рифмы встречаются различного характера звуковые повторы, то они только подчеркивают ритмическую сущность и не имеют самостоятельного значения, подчиняясь концевым рифмам. Их звуковые функции тождественны. Развитие песни такого типа относится к XIX в., она-то и была, несомненно, предшественницей частушки. У некрасовцев некоторые хороводные, служивые (занесенные к ним в конце XIX в.) и особенно *сердцебитные* (шуточные, сатирические, плясовые) строятся по этому принципу. Например (№ 169), хороводная:

Ай цвели, цвели цветочки,
Стали отцветати.

Любил меня сердечный друг,
 Стал он спокидати.
 Да меньшую-хорошую
 Стал он возлюбляти.

Встречаются и холостые стихи, но очень редко. Этому типу присущ хореический размер, перекрестная рифма, плясовитость. Он новый шаг в развитии народной песни в новых исторических условиях.

Основной принцип благозвучия песен некрасовцев заключен в звуковых повторах: аллитерации и ассонансах, звукоподражании, в звукописи.

Аллитерация — это стилистический прием усиления звуковой выразительности при помощи повторения одинаковых звуков, преимущественно согласных, например (№№ 9, 34, 36, 39, 40, 41, 42 и др.), смотрите на выделенные прописными буквами согласные звуки:

1. ой, Во РазДоЛийКа, Да ДаЛеКо было Во РазДоЛийКа,
 ой, там ПрОЛегивАла Да шиРоКая стеП-ДоРоЖуньКа,
 ой, ШиРиНою оНа Да ДоРоЖуньКа была НеШиРоКая.
 ой, Да, ДолиНою оНа, Да ДороЖуньКа, КоНца-Краю Нет.
 эй Да, НикТо Ж-то по ДороЖуньКе Не хаживал.
 ой Да, НикТо по ДороЖуньКе-То Не еЗживал...
2. ой, Да Не ТуМаНы-То, Да ТуМаНушки
 ой, да Не По вас, Мои ТуМаНушки, Ношушка ПриШла и т. д.
3. По ЧерНЫМ, было По МоРю ЧерНоМу
 ТуРчаН СидиТЬ буСуРмаНиНиН,
 ТюТюН куриТЬ и в Нос ТяниТЬ и т. д.
5. РодилаСя кРаСная ДевоЩка РазбеЩаСная,
 Ой да вСе РазБеЩаСная. и т. д.

Повторение согласных звуков в песнях создает мелодию благозвучия. Наряду с аллитерацией, случайной рифмой являются два последних стиха первого примера и два стиха пятого примера. Все песни беседные, былины, об Игнате, «под Игната», женские строятся на аллитерации и ассонансе.

Ассонанс — совпадение гласных на протяжении всего стиха. Например, смотри гласные звуки, выделенные прописными буквами:

1. Ой, вОздОлика дАлекО жА вО рАздОлийКа.
 Ой, тАм прОлегИвАла дА шИрОкАя степ дОрОжунькА и т. д.
 А ИлюшА пО кОрАблИчку сАм пОхАжИвАл. и т. д.

Ой, хлЕб-сОль на стОлЕ, бОлЕсть на двОрЕ.
 Ой, И вдарИл шуриИн через семь стОлОх,
 чЕрЕз сЕмь стОлОх, сЕмь дубОВЕньких. и т. д.
 4. кАк УшЕл, УшЕл ИгнАт-сУдАрь,
 Он и сАм УшЕл кАзАшкОх УвЕл. и т. д.

Ассонанс как совпадение гласных звуков в конце стихов в песнях некрасовцев (что именуется неточной рифмой) — явление очень частое.

1. Ой, из-под славного, славного городА,
 Эй-ей, да вот ЕлисоветА,
 Там да пролеживала широкая дорожкА,
 Эй да, вот и степ-дорожкА.
 2. Асаулушки в круг закликалиИ.
 Атаманушку в кругу поставилиИ.

Но чаще всего в песнях некрасовцев органически сочетаются одновременно аллитерация, и ассонанс, и звуковые повторы:

Ай, ЗАШУМИ, беРеЗА, ЗАШУМИ, кУдРявА.
 Ай ЗАболЕЛА тЕЛА БУрЛАцкая БЕЛА.

Довольно частым явлением при использовании аллитерации и ассонанса во многих песнях являются звуковые повторы, создающие внутренние рифмы:

Ай заболЕЛА ТЕЛА бурлацкая БЕЛА.

Концевые рифмы встречаются в протяжных (старых, более ранних) песнях и в ритмически организованных. Во-первых, она только усиливает благозвучие; во-вторых, она уже организует это благозвучие; а в-третьих, она представляет собой главное, закономерное явление в песнях XIX в.

Рифмы точные и неточные применяются попарно или параллельно, когда рифмуется подряд два стиха. Например:

1. Что да не пьешь, не ешь, что да не **кушаешь**,
 Что да не кушаешь, белой лебеди не **рушаешь**. и т. д.
 2. Над горой, а ты взойди, над **высокаю**,
 Над поляною, а ты взойди над **широкаю**.
 3. Черная лодочка она **зачернелася**,
 А тонкие паруса они **забелелися**.

Встречается способ рифмовки более сложный, когда следуют рифмы подряд до трех, четырех и более раз. Рифмы в таких случаях

могут быть самостоятельными по смысловому значению и тавтологическими. Например, песня конца XVIII в. «С вechop торгом торговали»:

С вechop торгом **торговали**,
 Свинцу-пороху **накупали**,
 Свинцом пушечки **заряжали**,
 Со поляками **воевали**,
 Со поляками воевали,
 Красну девочку **воспоймали**.

Концевые рифмы, следующие друг за другом и имеющие однотипное звучание (например: «*торговали — накупали — заряжали — воевали — воспоймали*»), но разные по смысловому значению, создают учащенный ритм в песне.

Примером тавтологической рифмы, повторяющейся два–три раза, могут быть многие *сердцебитные*, женские и даже беседные песни. Тавтологическая рифма фиксирует внимание на определенной мысли и задерживает, замедляет ее ритмическое движение. Например:

Постель мягку постелю, постель мягку **постелю**,
Постель мягку, молоденький, **постелю**,
Постель мягку, середенький, **постелю**.

В этой песне слово, которое является концевой рифмой, в то же время является и начальной. Такое построение создает кольцевую рифму. (Кольцевая рифма — такая, когда первое слово стиха рифмуется с последним словом этого же стиха.) В приведенном примере имеется и стыковая рифма (когда последнее слово стиха рифмуется с первым словом другого стиха).

Песни старые встречаются с перекрестной рифмой, но гораздо реже, чем с параллельной. В песнях XIX и XX вв. перекрестный способ рифмовки — более распространенное явление. Например, в песне беседной:

Как да вечернею порой
 Туман споднимается.
 Ой да, как и утришней порой
 Туман расстилается.
 Ой да, как повадился лебедь
 По ночам лятать,
 Как да повадился лебедь
 По зорям кричать.

В данном примере имеется точная рифма перекрестного характера, т.е. нечетные рифмуются с нечетными, четные — с четными. В перекрестной рифмовке, как и в параллельной, тавтологическая рифма очень часто применяется в некрасовских песнях. Следует отметить, что этот смысловой вид рифмы имеет первостепенное значение.

Иногда двухстрочная строфа благодаря рефрену, мелодической организации перерастает в четырехстрочную, а парная рифмовка — в опоясывающую. Первый стих (строка) рифмуется с четвертым (внутри два стиха между собой не рифмуются). Второй стих рифмуется с первым и четвертым, а третий имеет внутри себя звуковые повторы. Введение рефрена в строфу ритмически оживляет ее, а однообразное ее содержание становится более выразительным. Например:

Его дочь была **Наташка**,
На ней красная **рубашка**.
Раз, два, три, люли,
На ней красная **рубашка**.

Неточная рифма наряду с аллитерациями больше всего используется в песнях долгих, протяжных. Например:

Эй да, красота моя очень горькая,
Очень горькая, да все бесчастная.

Но неточные рифмы — только дополнение к звуковым повторам в песне. У некрасовцев нет песен, которые были бы построены только на конечных неточных рифмах, без других звуковых повторов.

Звуковая организация песни у некрасовцев создает иногда очень сложные рифмы и способ рифмовки: стыковые, внутренние, кольцевые параллельные, перекрестные, и все это может быть в одной песне.

Пример сложной внутренней рифмовки.

Ой да скушно-трудно пташешки во кЛЕТКЕ.
А рыбощки все во сЕТКЕ, да все во сЕТКЕ,
Ой да, вспомню, вспомню, мальщик, СОЖАЛЕЮ,
Да где я, маленький, родИЛСИ,
Где я, маленький, родИЛСИ, да все родИЛСИ.
Ой да, еще вспомню, мальщик, я СОЖАЛЕЮ,
С кем я гулял, веселИЛСИ,
С кем я гулял, веселИЛСИ, да все веселИЛСИ.

И.В. Господарев, 10.07.1944

Приведенные примеры песенных текстов, разбор их ритма и метра дают понятие о внешнем построении. Рассмотрение звуковых повторов, рифмы, их смысловое значение, способ и характер сочетания дают наглядное представление об эфонии, т.е. о внутреннем строении и благозвучии некрасовской песни как песни тонической, которой присущи общие законы русской народной песни.

* * *

Пейзаж в некрасовских песнях занимает видное место. Нет почти ни одной старой песни (беседной, служивой, об Игнате, «под Игната», женской, свадебной), в которой не было бы описания природы в органической ее связи с содержанием. Пейзажное изображение — один из важнейших компонентов композиционного построения песни. Поэтому присутствие природных картин в ней не только фон, на котором совершаются события, раскрываются мысли, чувства, психология человека, но являются мотивировкой их, доказательством и в то же время это поэтический прием.

Обращение к явлениям природы, растительному и животному миру осуществляется тремя способами, в зависимости от способа подачи пейзажа в произведении формируется художественная основа песни. Первый способ изображения природы характеризуется психологическим соответствием состояния, поведения природы и человека. Второй способ выражается контрастом, когда поведение и состояние природы не отвечают поведению человека, т.е. когда, например, на светлом фоне природы совершается трагедия в жизни человека. В третьем способе подачи пейзажа наблюдается соединение первых двух способов. Самыми распространенными являются первый и третий способ изображения и подачи пейзажа в некрасовских песнях. Второй менее употребителен. Все три способа естественны, жизненны и потому приемлемы народной поэзией.

В разборе поэтических особенностей уже приводились песни, построенные по принципу соответствия в развитии тем о природе и человеке, например: «Елушка, елушка», «Ой да, не со нашей ли сторонушки» и другие. Примером контрастного использования пейзажа по отношению к содержанию песни может быть песня «В небе чистом светит солнце красное» (более полный вариант):

В небе чистом светит солнца красная,
Ой да, она яркая да вот прекрасная.
Ой, во чистом-то поле цветут все сады,
Ой, они да цветут сады разноцветные.
Ой, а во тех-то садах разноцветных
Растет вот она груша зеленая.
А на груше зеленой сидит, а он соловьюшек,
Ой, а он соловьюшек да все песни грает.
А под грушею могила глубокая,
Во могиле стоять гроб дубовой,
Во гробу лежить хозяин молодой,
Ой да, вот перед ним-то стоять конь вороненький.
— Ты заржи, заржи, мой конь вороной.
— Ты скажи, скажи, хозяин молодой,
Надоело мне перед тобой стоять,
Надоело мне мать сыру землю топтать.

М.Г. Волкова, 02.07.1956

В этой служивой песне тема состоит из двух противоположных частей. В первой части (первые семь строк) природа рисуется светлыми красками, подчеркивающими торжество жизни. Во второй рассказывается о смерти. Такое контрастное сопоставление передает трагический характер безвременной смерти казака и в то же время подчеркивает торжество жизни как диалектическую истину, состоящую из противоречий. Контрастный прием создает художественную выразительность темы, в которой образно раскрывается человеческое отношение к жизни и смерти.

Наглядным пояснением третьего способа изображения (соединение в одном произведении психологического соответствия и контраста) пейзажа дано в песне «На заре-то было ранней утренней».

На заре-то было да вот ранней утренней.
Ой да, на заре было да все на зорюшке,
На закате да вот было светла месяца,
На восходе было да красной солнушки.
Ой да, собирались же они, донские казацки,
А вот во единой круг, да единой луг,
А вот во единой круг, да единой луг,
Да все ко дому-то было князя-бояра,
А вот было князя-бояра да Долгорукова,
Ой да, выходил-то а он князь-бояр,

Да выходил-то он все на высок крылец,
 Ой да, выносил-то он все царску грамоту:
 — Вы послушайте да все донские казашки,
 Вы послушайте да царску грамоту:
 Как стариков да всех казнить-вешать,
 Молодых-то казацкох всех в солдаты брать,
 Молодых-то жен да на боярский двор,
 А малых детошек да в Тихий Дон бросать.
 По кругу ходить да сам Игнат-сударь,
 Ой да, все Игнат-сударь, а он, как сокол, летать,
 Да на вострау шашечку, а он упирается,
 Сам горячей слезой, а он умывается:
 — Ты прости, прости, весь и род-племян.
 Ох да, подходит он, Игнат-сударь, к князю-бояру,
 Да он срубил-то ему князю-бояру бойну голову.
 Ой да, вскружился, возмутился вот батюшка.
 Ой, а он батюшка, да славный Тихий Дон.
 Воскружился от самой да вот вершинушки,
 Ой да, от вершинушки до самых устюжей.
 Да ушел он, Игнат-сударь, со Тиха Дона
 А вот было со Тиха Дона на Кубань-рещку.
 Да не сам-то ушел — казацкох увел²¹.
 Ой да, одних только сердовых сорок тысяч будет.

С.Ф. Шашкин, 04.02.1941

На утренней заре, на закате светлого месяца, на восходе красного солнца собираются казаки к дому князя. Картина природы говорит о наступлении рассвета, яркого светлого дня. Но эта картина омрачается чтением царского указа о том, чтобы «казнить-вешать» стариков, молодых казаков брать в солдаты, жен их — отправлять на боярский двор, детей бросать в Тихий Дон, т.е. лишить казаков свободы. Мрачность обстановки усугубляется горем казаков и слезами Игната Некрасова. Напряжение присутствующих доводится до предела: Игнат убивает Долгорукого. Убийство это является поворотным моментом в обрисовке природы и поведении людей. Тихий Дон возмущается и волнуется от вершины до самого устья. Возмущение символизирует развитие восстания, приносящее освобождение от насилия князя Ю. Долгорукого. Подъем

²¹ У некрасовцев записано 4 варианта этой песни; один из них опубликован (№ 34); близка к этим вариантам песня, напечатанная В.И. Лебедевым в работе «Булавинское восстание 1707–1708 гг.» (М., 1934. С. 77–78).

радостных чувств, уход на Кубань изображается как наступление в жизни радостного дня, что отвечает первоначальной картине пейзажа. Своеобразие этого способа пейзажной живописи в песне художественно, правдиво раскрывает и показывает психологию, сознание участников Булавинского и Некрасовского движений.

Поэтика художественной выразительности своеобразна и в зачинах песен. Большинство их обращено к природе, животному и растительному миру: солнцу, заре, ветру, туману, широкому раздолью, лесам, морю, горам, садам, коню и т.д. Они символичны и, как символы, создают повышенное внимание, пробуждают интерес и желание у слушателя разгадать их. Зачины эмоциональны. Например: «*Взойди, солнушка, а ты взойди, красная*»; «*На заре-то было да на зорюшке*»; «*Ой, да не туманы мои, да туманушки*»; «*Во раздолийка, да далекого было, да во раздолийка*»; «*По Черным было, по морю Черному (или Верейскому)*»; «*За лесами да за темными, ой да, было дремовыми*»; «*Ой, вы, горы мои, да все Майноские*»; «*Не шуми, мать-дубравушка*»; «*Ты мой конь, ты мой конь, конь вороненький*» и т.д.

Но немало и таких зачинов, которые обращены непосредственно к человеку, например: «*Ой ты, Маша*», «*Ой ты, девочка прекрасная*», «*Где ты ходишь?*», «*Акулина, Акулинушка*» и др. Подавляющее большинство их обращено к природе. Зачины определяют характер изобразительных средств в песне и ее возраст.

Пейзаж в лирической песне — неотъемлемый принцип художественного воспроизведения жизненного многообразия и субъективного человеческого душевного мира. Раскрывается же полностью душевный мир человека поэтическим языком.

Изобразительные средства языка представлены тропом — изменением основного значения в слове. Троп (метафора, сравнение, эпитет, синекдоха, метонимия) разрушает логическое значение слова, но за счет этого создается поэтическая выразительность и в восприятие вступают вторичные признаки слова. Такой прием метафоризации мертвое превращает в живое, в результате чего создается олицетворение, например: «Елушка, елушка» и др., а также в песне «В небе чистом светит солнце красное», где конь начинает говорить, обращаясь к хозяину:

Ты скажи, скажи, хозяин молодой.
Надоело мне перед тобой стоять,
Надоело мать-сыру землю топтать.

Или в песне «Как да вечернею порой туман поднимается» (№ 85), где орел отвечает на вопрос:

Я ж летал-то, орел, да все по дикой степи,
Я да видал-то орел, да все чуду велию,
Ой да, телу, телу белую.

Олицетворение — один из распространенных способов различного воспроизведения жизни, одна из основ художественной выразительности в песнях. Наряду с олицетворением используются ирония и гиперболы. Пример своеобразного гиперболического освещения горя дается в *курагодной* песне «Я пушу стрелу». Например (гиперболизация выделена жирным), № 164:

Как по молодцу плакать некому.
О да, мати старая, сестра малая,
Жинка глупая, да не разумная.
А где мати плакала, там сине море,
А где сестра плакала, там река быстрая,
А где жена плакала, там роса пала.
Солнце блеснуло, роса высохла.

Часто используется гипербола в служивых песнях для подчеркивания силы, храбрости казака (№ 65 и др.):

Я сам, казак, да два полка турок побью,
А третий-то полк во плен же возьму.

Поэтическая изобразительность и выразительность языка песен проявляется в метафоричности. Метафора — излюбленное средство изображения. Она часто выражается в сложной развернутой форме. Например (№ 47):

Во слезах пути-дорожунки не видят,
Во рыдании словечушка не скажут...
...Ой, не смочить вам сыру землю горячими слезами.
Ой, да наша долюшка, казачушек, несчастная,
Да бесчетная она, братсы, нерадостная,
Ой да, на чужой земле как горюн-трава,
Ой, как горюн-трава, трава горькая,
Ой, по чисту полю она разрасталася.

Большое применение имеет метафора простая (неразвернутая): «...*Спородили горы да бел-горюч камень*»; «*Ой да, а мы горе мыкали*»; «*Они караблечки за един бягутъ*»; «*Красота моя очень горькая*».

В песнях некрасовцев имеется много метафор, показывающих человеческое горе, тоску, безысходное положение. Минорный характер метафор обусловлен той психикой, чувствами, мыслями, которые рождены были их собственной трагической судьбой, жизнью в изгнании. Встречаются целые песни такого рода. Например, песня женская:

Сады мои, садошки,
Сады зеляные,
Не по вам ли, мои садошки,
Ляжали следошки.
Проторил-то мой милый дорожку
Ко моей кровати.
Ой, и вот кровать, моя кроватушка,
Кровать тесовая.
Из чего же моя кроватушка,
С чего же построена?
Построена моя кроватушка
С бесчастного древа —
Со горькой осины,
Что со горькой осины,
Со самой вершины.

С.Ф. Шашкин, 24.06.1940

В служивых песнях, *курагодных*, *сердцебитных* метафора не имеет мрачной окраски, например:

1. Мы соъем ему венец
От казачьих всех сердец...
2. Ой, мы гуляли ровно три часочка,
Да про нас знают небеса.
3. Ой, воспроиздила его, добра молодца, земля русская,
Ой да, воспоил-воскормил, добра молодца, Тихий Дон,
А взлелеял добра молодца, а он млад светел месяц.
Разгорелось во молодсе сердце.
А кипит-горит сердце молодецкая.
Ой, ты, сын мой, сыночек,
Ясный соколочек. и др.

Вслед за метафорой особенно часто употребляется сравнение, как в положительном, так и в отрицательном плане. Например:

1. Мы не воры, мы не разбойники,
Сеньки Разина, а мы все работнишки...

2. Не сахарная эта ествица, они гуси-лебеди.
3. Ты ворона, ты ворона, ты залетная карга.
4. Что не сильные сугробы
То наши постели;
Не трескущие морозы —
То наши одежды. и т. д.
5. По кругу-то ходить все Игнат-сударь,
Все Игнат-сударь, как сокол, летает...
6. Как при вышнем было, при высоком да было,
Было при кургане.
Не сизы-то орлы со чиста поля, орлы солеталися,
Да солеталися.
Ой да, соходилися, соезжалися они десять инаралох.
7. Не сады стоят, да не зеленые,
Не светы светут да разносветные.
Как во тех садах да тюрьма вырыта...
8. Не две тучушки они выходили,
Два родные брата выезжали и т. д.

Эпитет как поэтическое определение качества и свойства (явлений, предметов, действий) — основа метафоры, сравнения. Песня немислима без эпитета. Он представлен во всем многообразии своих оттенков. Встречаются эпитеты постоянные, эмоциональные, окаменелые, эпитеты типа оксюморона (т.е. с противоположным значением). Но зато синекдоха, метанимия менее распространены в поэтическом языке песен некрасовцев.

Вопросы поэтики некрасовской песни не могут быть исчерпаны в рамках данной статьи. Чтобы их осветить более полно и вскрыть сущность поэтической структуры некрасовской песни, нужно специальное исследование.

Некрасовские песни дают ключ к разрешению очень важных проблем в области изучения возраста русской песни, устойчивости тем, образов и текста русской народной песни.

Одной из таких проблем является проблема о возникновении многоголосия, истории ладового развития. Песня некрасовцев одноголосна, в отличие от донской. Многоголосие донской песни возникло только после ухода некрасовцев.

Записи мелодии некрасовской песни композитора Т.И. Сотникова дают существенный материал для музыковедов. Исследование некрасовской песни и особенности ее музыкального звучания теснейшим образом связано с изучением песенно-

музыкального прошлого русского народа. Предки некрасовцев унесли с собой песню и мелодию, какой она была в России и на Дону. Некрасовцы-потомки сохранили текст песен и мелодию. Мелодия оказалась одноголосной. Даже 45-летнее пребывание на родине после возвращения из Турции не оказало влияния на старшее поколение некрасовцев в отношении усвоения ими многоголосия, характерного для донской песни.

Песни казаков-некрасовцев представляют весьма большую ценность как с точки зрения исторической, филологической, так и поэтической и эстетической. Они ценны и как подлинные документы о чувствах, мыслях, психологии людей многих поколений, проживших на чужбине больше двухсот лет и все же сохранивших полностью свой национальный облик. Песенное наследие некрасовцев дает богатейший материал для изучения возраста русской народной песни и песни донской. Она несет в себе познавательный элемент, дающий возможность судить о сознании и чувствах русского народа, участвовавшего в антифеодальном движении под руководством Булавина и И. Некрасова.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета. Т. LXIV. Труды историко-филологического факультета. Серия филологическая. Вып. 5. Ростов н/Д, 1957. С. 155–196.

Ф.В. Тумилевич

ХРАНИТЕЛИ ПЕСЕН КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Устнопоэтическое наследие казаков-некрасовцев, особенно песенное, заслуживает внимания собирателей, исследователей народной песни, лингвистов, композиторов, писателей, любителей народной поэзии. Сами песни, их историческая судьба, особенность содержания, поэтическая форма, жанровое разнообразие, мелодия — все это представляет подлинный интерес, как и сама история казаков-некрасовцев.

Некрасовцы — потомки донских казаков. Их предки в 1707–1708 гг. под руководством Кондрата Булавина принимали участие в антифеодальном движении крепостного крестьянства, голутвенного (бедного — верхового) казачества, рабочих людей, соорудивших канал между Волгой и Доном. После смерти К. Булавина движением руководили атаманы: Некрасов, Голый, Павлов, Дранный, Чернец и др. Под их руководством участники антифеодальной народной войны вели борьбу против бояр и прибыльщиков¹. Наиболее популярными были Игнат Некрасов и Никита Голый.

До Булавинского восстания Игнат Некрасов был атаманом Есауловской станицы. Булавин высоко ценил военные способности Некрасова и поручал ему отряды для борьбы с царскими войсками. Район его действия распространялся по Среднему и Верхнему Дону, по Хопру, Медведице и другим «запольным» рекам. Со своими отрядами Некрасов взял Царицын, Камышин, подходил к Саратову, Пензе, Воронежу.

7 июня 1708 г. Игнат Некрасов вместе с Иваном Павловым осадил Царицын и взял его приступом. Расправившись с воеводой,

¹Налоговых чиновников.

боярами, прибыльщиками, он ввел казачье самоуправление. Возвратившись с Волги на Дон, Некрасов узнал о смерти Булавина и послал грозное письмо в Черкасск, требуя ответа от атамана Ильи Зерщикова: «За какую вину... убили Булавина... и есть ли вы не изволите оповестить за какую его вину убили и его стариков не освободите... то мы всеми реками и собранным войском будем немедленно совокупясь к вам итти в Черкасск ради оговорки и публичного розыску...»²

Навстречу Некрасову шли карательные войска. Собрав силы, Игнат Некрасов в начале сентября начал сражение с правительственными войсками под станицей Есауловской. Хорошо обученная царская армия наносила Некрасову серьезные поражения. Чтобы спасти от поголовного уничтожения свои отряды и жителей верховых городков, участвовавших в народной войне, Игнат Некрасов переправился с ними на левый берег Дона и пошел на Кубань. С этого времени началось некрасовское движение, которое не угасало до 1736 г., т.е. до дня смерти Некрасова.

С Некрасовым на Кубань ушли люди сильные, убежденные в своей правоте, в идее борьбы с самодержавием.

Расправа карательных отрядов В. Долгорукого с участниками восстания (одних повешенных, пущенных на виселицах-плотах по Дону, было 7 тысяч) вызвала бегство жителей верховья и Среднего Дона к Некрасову на Кубань.

Побеги крепостных крестьян из Центральной России и казаков с Дона (1708–1725) сильно обеспокоили Петра Первого. Игнат Некрасов и его община на Кубани были знаменем вольности. Петр Первый хорошо это понимал и вынужден был издать указы о создании заградительных отрядов на Юге России против беглых, о смертной казни лиц, помогающих некрасовцам, о поимке некрасовских шпионов. Кроме этого, Петр Первый, начиная с 1709 г., неоднократно обращался к турецкому султану с просьбой о выдаче Некрасова.

Некрасовцы продолжали жить по заветам Игната и после его смерти. Одним из главных заветов атамана был «Царизме не покоряться и при царизме в Расею не возвращаться»³. Поэтому некрасовская община, или, как называли себя некрасовцы, «Войско

² Лебедев В.И. Булавинское восстание 1707–1708 гг. Письмо атамана Некрасова в Черкасск. М., 1934. С. 95.

³ Заветы Игната Некрасова записаны со слов казаков-некрасовцев.

Кубанское», оставалась на Кубани. В 1740 г. царица Анна Иоанновна издала указ о возвращении из-за границы в Россию всех раскольников и казаков-некрасовцев. По указу некрасовцам прощались все их вины. Но они отвергли приглашение и амнистию царицы. Тогда Анна Иоанновна послала против них войско.

Некрасовцы вынуждены были перейти на левый берег Кубани, а оттуда они, в большинстве своем на лодках, переплыли Черное море и остановились в устье Дуная, Добруджинской области (Румыния), где основали селения: Большие Дунавцы, Малые Дунавцы, Слава Черкасская, Слава, Сары-Кей, Журиловка и др.

Другая часть некрасовцев оставалась на Кубани. В 80-х гг. XVIII в. они также переселились в Румынию. Но после того как русские вступили в Крым, Измаил и подошли к Дунаю, большая группа некрасовцев покинула Добруджинскую область и перешла на побережье Эгейского моря в устье реки Энос. Вторая часть переселенцев ушла на озеро Майнос (Малая Азия — Турция, в 25 км от портового города Бандерма на Мраморном море). В 90-х гг. XVIII столетия с Эноса некрасовцы переселились на Майнос. С этого времени образовались две ветви некрасовцев: майноская и дунайская. Некрасовцы дунайской ветви принимали к себе всех, кто бежал от царской помещичьей неволи. Эти некрасовцы ассимилировались с позднейшими выходцами из России и утратили язык своих предков, обычаи, фольклор — предания и песни об Игнате.

Майноская ветвь некрасовцев жила вдали от русских границ в чуждом окружении, изолированно, замкнуто. Это создавало условия для сохранения общественно-демократического устройства общины, какой она была на Дону, и культуры своих предков.

Высшая власть в общине принадлежала кругу. Осуществлявший исполнительную власть атаман избирался на один год. Ни один член общины не мог отлучиться из нее без разрешения круга или атамана. Никто не имел права общаться с турками. Весь заработок отдельных казаков сдавался в войсковую казну, из нее казак получал в свою пользу две трети, а одна треть шла в войсковой доход и расходовалась на школу⁴ и церковь, на помощь престарелым и больным и на вооружение войска. Брак с иноверцами карался смертью. Муж должен был относиться к жене с уважением. Если он обижал жену, она с разрешения круга покидала его, а муж наказывался; каждый член

⁴ Мужчины-некрасовцы почти все были грамотны. По заветам Некрасова, казака должны обучать грамоте.

общины обязан строго держаться старой веры; попа, не выполняющего распоряжения круга, можно было изгнать и даже убить как бунтовщика; не соединяться с турками; не держать в станице шинков...⁵

До 60-х гг. XIX в. зависимость некрасовской общины от турецкого правительства выражалась в уплате налогов. Отказ некрасовцев от службы в турецкой армии поставил их в трудное положение. На них наложили военный налог и большие подати. Турецкие власти стали все чаще вмешиваться во внутренние дела некрасовцев, да и в самой общине произошло расслоение казаков. Появились земледельцы, которые в экономическом отношении стали сильнее. Прежде все некрасовцы занимались только рыболовством и охотой.

Введение войсковой повинности в начале XX в., усиление политического и национального угнетения со стороны Турции, экономическое расслоение, религиозный раскол внутри самой общины на единоверцев московского рукоположения и австрийского — все это вынудило большую часть некрасовцев (рыбаков) вернуться на родину еще в дореволюционное время, вопреки завету Игната «*царизме не покоряться...*». В 1912–1913 гг. 150 семей некрасовцев вернулись с Майноса в Россию.

В 1921 г. на родину возвратились дунайские некрасовцы. Сейчас некрасовцы Майноса живут в хуторе Новонекрасовском, а некрасовцы с Дуная («дунаки») — в хуторе Новопокровском. В 1924–1925 гг. из азиатской Турции (селение Гамидия)⁶ приехала третья партия некрасовцев. Поселились они рядом с Новопокровским и образовали свой хутор — Потемкинский.

После Отечественной войны в 1946 г. из Румынии (из дунайских некрасовских селений) на родину вернулось более двух тысяч семей. Часть из них приехала к некрасовцам в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края, другая часть образовала хутор Некрасовский вблизи Синявки (Ростовская область), третья поселилась в Одесской области.

Некрасовцы также живут в колхозе имени В.И. Ленина Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. Их колхоз — один из передовых в районе, является участником ВСХВ.

---

⁵ От некрасовцев записано около 150 законов Игната.

⁶ Селение Гамидия образовалось из дунайских некрасовцев, переселившихся в Турцию на озеро Майнос в 1878 г. Они обосновали селение на противоположном берегу озера. Их переселению на родину способствовал советский полпред в Турции Потемкин. Его именем они назвали свой хутор.

Лучшие молодые некрасовцы стали комсомольцами, коммунистами. Многие из них окончили среднетехнические школы и вузы.

Впервые в своей жизни казаки-некрасовцы почувствовали себя полноправными хозяевами на свободной советской земле.

* * *

В свое время, уходя с Дона, некрасовцы унесли с собой национальную культуру: язык, обычаи, фольклор, музыку, костюмы. Вернувшись на родину, потомки некрасовцев сохранили почти все то, чем владели их предки. И в то же время они создали на чужбине новые произведения устной поэзии: бытовые песни, песни об Игнате Некрасове, песни «под Игната».

Начиная с 1938 и по 1956 г. от некрасовцев записано 1640 песен, 375 сказок (всех жанров), 90 легенд-преданий и 75 песен об Игнате Некрасове, Драном, Никите Голом, 40 былин и 1100 современных частушек. Но из всего этого поэтического богатства опубликовано только 420 песен и 30 сказок.

* * *

Направляясь к некрасовцам впервые, я имел о них скудные сведения, взятые из очень бедной справочной литературы и воспоминаний путешественников, посетивших Майнос в XIX в. Мне было известно, что некрасовцы — старообрядцы, что они недоверчиво относятся к людям «со стороны», видят в них недоброжелателей.

И со стороны отдельных местных жителей чувствовалось предвзятое отношение к некрасовцам. В пути мой новый знакомый, говоря о некрасовцах, сказал:

— Чужому человеку напиться воды не дадут из своей посуды. В дом не пригласят...

Разговоры о замкнутости, нелюдимости, настороженности некрасовцев при обстоятельном знакомстве с ними оказались ошибочными. Они предстали гостеприимными, общительными русскими людьми и ревностными хранителями своей истории и устного народного творчества.

Говоря о хранителях и исполнителях некрасовской песни, живущих в Новонекрасовском хуторе, прежде всего хочется сказать об Анне Васильевне Ивануткиной (1847–1939). Среди хуторян она пользовалась большим уважением. Стоило заговорить с кем-либо

об истории казаков-некрасовцев, об их жизни на чужбине, о песнях, как сейчас же собеседники давали совет:

— А вы подите к Анне Васильевне. Она вам расскажет все как было.

Анна Васильевна, высокая, стройная, говорила с достоинством. Ее слепота оставалась незаметной: глаза серые, с синеватым оттенком. Вернулась она на родину с Майноса вместе с первыми переселенцами. Как и все казачки-некрасовки, была неграмотна.

Память у Анны Васильевны была необыкновенной. Историю переселения казаков-некрасовцев (конечно, с известным художественным вымыслом), их жизнь в Турции она знала в мельчайших подробностях, как будто была очевидцем.

Любила Анна Васильевна исполнять исторические песни, преимущественно об Игнате Некрасове, «под Игната»⁷. К лирическим, хороводным, сердцевитным (шуточным) песням она относилась снисходительно, не считая их серьезными.

Говоря о песнях Ивануткина заметила:

— *Я уже старая и не охотница «играть» веселые песни. А вот старину об Игнате, бывальщину про Некрасова рассказать — это можно.*

Песни про Игната она исполняла с большой любовью и теплотой. Каждую песню сопровождала пояснениями, рассказывая, о каком событии в ней идет речь и когда это было. Петь песни полузабытые не любила.

Она говорила:

— *Что же будет, — я же забыла песню, ряду ей не найду... Ты не пиши в книжку, а то люди читать будут... Что они на это скажут?! Обманищиками нас назовут. Песня — это правда. Что в жизни было, о том она и гутарить. Песни об Игнате всегда можно играть. Мы их и в пост великий играем. Их играть не грех.*

В песнях, которые Анна Васильевна исполняла, гневно осуждались царь и бояре. Эта антицаристская тенденция характерна для песен некрасовцев и их устной поэзии в целом.

Другим знатоком истории некрасовской жизни, песен об Игнате, «под Игната», беседных и служивых был Семен Фотиевич

---

⁷ Песни «под Игната» близки по идейным мотивам и темам к песням о Некрасове, хотя в них и не упоминается его имя. Они рассказывают о тяжелой подневольной жизни казаков-некрасовцев на чужбине, о стремлении их вернуться на родину.

Шашкин (1847–1946), или, как его называли казаки, дед Шашка. Это — худой, болезненный старик с большой белой бородой, с открытым лбом, добродушным лицом, с неподвижными глазами. Его рослая фигура, крупные черты лица, осанка говорили о твердости характера. Он сидел во дворе под навесом на маленькой, низкой скамеечке. Заслышав наши голоса, спросил:

— *Кто пришел?*

Семен Фотиевич принял нас, членов фольклорной экспедиции, довольно радушно. Нам принесли такие же низкие скамеечки, предложили присесть. Поставили круглый стол — тоже на низких ножках. Узнав о цели нашего прихода, Шашкин спросил:

— *Для чего записываете?*

Мы объяснили, что записываем для науки и что песни и рассказы Некрасовцев будут напечатаны. Выслушав, Семен Фотиевич начал рассказывать о том, как их предки переселились на Кубань, затем в Турцию.

Садом проходил сосед Галанов — 90-летний старик. Услышав, что кто-то идет, Семен Фотиевич, насторожившись, сказал:

— *Бяда, не вижу, глазухи болять. Кто это?*

Галанов ответил ему и стал прислушиваться к нашему разговору. Когда Шашкин умолк, Галанов пытался было рассказать:

— *Есть такие люди на свете — гоги и магоги они прозываются. А еще есть люди с одной рукой и одной ногой, схватываются они один с другим и бягут резко.*

Семен Фотиевич поморщился. Не замечая недовольствия Шашкина, Галанов продолжал:

— *Наш Игнат увел наших предков⁸ из России при царице Елене. Не хотел он на ей жаниться. Об этом и в старых книгах написано...*

Шашкин возмутился:

— *А ты их читал?*

— *Нет.*

— *А раз не читал, то и брехать нечего. Вот человек какой: что на ум взбредет, то и гутарить, а сам же слепой — читать не умеет. Какие там гоги-магоги, какая царица Елена?! Игнат-то с царем Петром воевал, а ушел на Кубань при царице Катярьине. Не хотел он народ под царицу отдавать, да и вера другая*

⁸ Некрасовцы произносят имена существительные множественного числа в родительном падеже с окончанием «ов», «ев» как «ох», «ех», «их» — быкох, коних.

у царицы была, она еретичка. Гонение устраивала на старую веру и на казаках. Игнат не подчинился Катярине. Она войско послала и, как завоюет станицу, так казнит казаках, вешает их. Ну, Игнат и увел народ свой на Кубань.

Все это Семен Фотиевич высказал с ожесточением. И тут же добавил:

— Люди для науки пишут, а ты побаски рассказываешь.

Галанов, присмирив, поднялся и ушел.

Об «Игнатовой книге» Семен Фотиевич рассказал:

— В «Игнатовой книге» сказано, чтобы церкви не закрывались в Турсии, чтобы звон не запрещался, чтобы с турками мы не соединялись, не жанились на мусульманках, чтоб султан против нашей воли казаках на службу не брал, чтоб шинков в селении не держать. Сказано в ней, чтоб в Россию при царизме не возвращались, царизму не покорялись; да чтоб держались друг друга и без разрешения круга и атамана не уходили из станицы.

В следующие дни Семен Фотиевич встречал нас, как старых знакомых, угощал фруктами, молоком. Беседы наши затягивались на несколько часов. Он играл одну песню за другой про Игната. Было и так, что обращался за помощью к 60-летней своей дочери:

— Пелагея, а ну, подоби мне сыграть эту старинку. Мне одному-то тяжело, зубох-то у меня нет.

В марте 1946 г., когда я привез книжку «Сказки казаков-некрасовцев» (изданную Ростиздатом), Семен Фотиевич лежал в постели. Его еле-еле приподняли. Он попросил книгу, прижал ее к груди.

— Были бы глазухи, поглядел бы и почитал, а теперича нема их. Не вижу, — сказал он, ощупывая книгу пальцами...

Семен Фотиевич обладал тонким поэтическим чутьем и любил рассказывать о прошлом некрасовцев. Знание некрасовской истории, грамотность, сила воли — все это выделяло его среди хуторян на Майносе, где он был долгое время атаманом и много лет учителем. Он вдохновил и организовал переселение некрасовцев на родину.

Сын Семена Фотиевича в годы гражданской войны был красным комиссаром и в борьбе за советскую власть сложил голову на Кубани. От Семена Фотиевича записано 54 песни, 5 сказок, 10 преданий, 68 законов — заветов Игната. Будучи атаманом, он знаком был с «Игнатовой книгой»⁹.

⁹ «Игнатова книга» — свод законов некрасовской общины селения Майнос. Найти эту книгу не представляется возможным.

Третий знаток некрасовской жизни и устной поэзии — Татьяна Ивановна Капустина (1849–1949).

Татьяна Ивановна — настоящая поэтесса. Она с большим лирическим чувством исполняла песни об Игнате, «под Игната», беседные, женские и другие.

При исполнении песен или сказок она все непонятное для слушателей старалась объяснить. Так, после исполнения песни «Загоралась ковыль-травушка» она заметила:

— *Эта песня о нас, некрасовсах, гутарить. Завел нас Игнат в Туретчину, и мы были там, среди туркох, как это сокол на камушке среди воронох.*

Исполнив песню «Граф Чернышев в темнице», она пояснила:

— *Сам расийский грах и тот в зоключевнице сидел.*

Татьяна Ивановна хранила в своей памяти множество преданий. Но, как и все другие старики, в последние годы жизни часто жаловалась на память. Чтобы вспомнить песню, она тихо напевала мелодию и потом говорила:

— *Ага! Нашла ряд, —* и начинала петь.

К игре песен Татьяна Ивановна относилась чрезвычайно серьезно, строго, особенно когда исполняла песни исторические — об Игнате. Слов из песни не выбрасывала, даже если они были для записи неприемлемыми.

В исполнении бытовых, женских лирических, хороводных песен Капустина — подлинная поэтесса-импровизатор. Она допускала в передаче поэтическую свободу, отчего песня раздвигала художественные границы, становясь своеобразным вариантом подлинника.

Капустина была ласковой, и это чувствовалось во взгляде, в обращении с людьми, в разговоре. Как бы ни была занята по хозяйству, она никогда не отказывалась от исполнения песен, от бесед. Чаще всего вела беседу за шитьем, за перебиранием хлопка. Работая, она рассказала нам вот это предание:

«Мы, некрасовцы, — донские казаки. Увел наших предкох Игнат с Дона при царице Катярине из станиц Есауловской, Голубинской, Чирянской, Кобылянской. Много казакох увел Игнат, сорок тысяч, окромя малого, окромя старого, что на коня сесть. Допреж того казаки на Дону правили сами собой, а царь Ероха¹⁰, царица Катярина были сами по себе, ну и войско свое имели. Царь много воевал

¹⁰ Унизительная кличка, данная некрасовцами Петру Первому.

с Игнатом, да только не победил его. Царь-то умер. Осталась царица Катярина одна. Не нравилось ей, что Игнат войско казаков имеет. Вот она и решила взять под свое владение войско казаков! Мечтала она над всем светом подняться, быть первой царицей в мире. Тут под это дело и религия подошла. Катярина-то была елинской веры — еретичка, а Игнат-то держался старой веры. Вот она и решила в подчинение взять казаков. Ну, а казачество-то не схотело подчиниться ей, да и менять старый закон нельзя было. Пошла, значит, эта борьба казаков с правительницей. Игнат-то и казаки гутарят: “Не желаем тебе подчиняться и веру менять не хотим!”

Катярина в ответ казакам: “А я вас силой заставлю!”

Ну, казачества-то было меньше России, да и среди казаков разных мнений были. Часть-то за царицей и боярами пошла, а больше за Игнатом. Сколько уж там годов воевали, сказать трудно мне, только много воевали. Видит Игнат, как царица с войском своим станицы забирает. Которую возьмет, там казаков казнить. Плоты по Дону с виселицами пускает.

Вот Игнат-сударь и собрал казачий круг. Поклонился кругу да и гутарить: “Атаманы-молодцы! Все славное Войско Донское, слушайте сюды, что гутарить стану. Царица Катярина под себя нас взять хочет. Что будем делать, атаманы-молодцы?”

Зашумел круг, ну и гутарять все: “На Кубань веди!”

Тогда и сказал Игнат речи грозные, они и в песнях наших играютя:

Не слышать вам, казакам, звону колокольного,
Да не видать вам, донским казакам, Дону Тихого,
Забывать вам, донским казакам, веру христианскую,
Ой да привыкать-то донским казакам, к бою-подвигу,
Ой к бою-подвигу супротив царя да супротив бояр.
Ой да, мы царю не сдадим вольной вольницы,
Ой да, за Булавина отдадим свои бойны головы.

Тут круг порешил на Кубань всем итить. Собрал Игнат свое войско и повел на Лабу. А войско царицы за ним. Видит Игнат, что воевать трудно, и решить утить в чужое государство. Узнала об этом деле Катярина, приехала к Некрасу с убеждением. Пришла она к нему в бел-танкой шатер да один на один просила: “Не ходи, Игнат-сударь, в чужую землю, а лучше возьми меня замуж. Соединим казаков с моим войском, сильнее нас во всем свете найти нельзя будет”.

Наш Игнат-то был дебелый, статный, красивый атаман. У его два ряда зубов было. Увидала это царица и гутарить себе: “Вот не женится на мне Игнат и Расею разорит!”

Ну, послушал Некрас ее речи да и гутарить: “Не хочу под тебя казакох отдавать и воли решать. Веру не могу изменить и жениться не могу на тебе”.

Известное дело, Игнат-то знал ее подлые дела и решил с Кубани утить. “Идите в чужую землю и чтоб вы там не прибавлялись, а убавлялись. Будьте вы пркляты!” — так и сказала царица.

Ну, посажал Игнат сорок тысяч сердовых казакох на корабли и побегли они в Турсию¹¹.

Приставали корабли к турецкому берегу, а салтан со своим войском стоял и не пускал к себе. Боялся салтан казакох и думал, что войной Игнат идетъ.

Игнат стал просить салтана, чтоб разрешил он народу на его земле поселиться. Гутарить салтан: “Дай клятву, что войной на меня не пойдешь”.

Игнат дал клятву. Только салтан не поверил этому и сказал: “Поклянись, Игнат. Стрельни в свое знамя”.

Думал-думал Игнат, грех ведь в знамя и святой крест стрелять, а потом для спасения народа решил стрельнуть. Стрельнул Игнат в знамя, только не в крест, а ниже креста¹². Веру у народа не хотел убивать. Увидал это салтан, поверил в клятву Игната и дозволил ему поселить народ, где он пожелает¹³.

У Игната были два брата — Дранный и Гольий¹⁴. Вот они и стали просить, чтоб Игнат разделил войско на три части. Разделил Игнат войско на три части, и разошлись они в разные стороны: одна часть пошла в Расею и там сгинула, другая — пошла за Песчаное море¹⁵; а третья с Игнатом на Майнозе осталась. Потом Игнат пошел искать казакох, что за Песчаное море ушли. Когда уходил, книгу свою оставил и завет: “Царю не покоряться, при царизме в Расею не возвращаться”.

---

¹¹ У некрасовцев вместо буквы «ц» произносится «с»: цветы — светы, отец — отес, сердце — сердсе и т.д.

¹² Знамя некрасовцев действительно пробито пулей. Но когда оно было пробито и кем, установить трудно.

¹³ Некрасовцы переселились в Турцию после смерти Игната. Здесь налицо поэтический вымысел создателей преданий.

¹⁴ Никита Гольий погиб в последней битве с царскими войсками в конце 1708 г. Семен Дранный погиб в разгар Булавинского восстания. Но, по сведениям краеведа П.П. Короленко, в битве за Есауловскую потерпев поражение, к Некрасову на Кубань ушли атаманы Чернец и Иван Дранный. Был ли это родственник или брат Семена Драного, установить нельзя. Но в преданиях некрасовцев имя Драного сохранилось. Больше того, из рода Дранных на Майнозе были атаманы.

¹⁵ Аравийская пустыня.

Некрасовцы мерли на Майнозе, а не возвергались. А уж когда турка задумал казаках на службу брать, круг порешил переселить нас в Расею.

Приехали мы на Кавказ, оттуда на Дон и Кубань нас не пустили.

Пришла советская власть, и дозволили нам поселиться на кубанской земле».

В легенде много поэтического вымысла, но в то же время в ней есть верные исторические факты.

Имени Петра Первого некрасовцы не упоминают. Большинство преданий говорит о царе Ерохе, о Екатерине, о царице Елене.

В песне, записанной от Ивана Васильевичча Господарева, рассказывается о царе Ерохе и царице Екатерине:

Ой да, за лесами, да за темными,
Ой да, братцы, было дремовыми,
Вот и за горами было за крутыми,
Ой, за горами, братцы, было снеговыми.
Ой да, там стояла да крашенная
Ой, братцы, как бы царская палатушка,
Ой, а под той-то было под палатушкой,
Братцы, они донские казачки собиралися.
Ой да, собиралися донския казачки,
Да они все соезжалися ко Игнагову
Ой, все жа было ко бялу шатру.
Ой да, есаулушка круг закликивал,
А Игнатиюшка, а он ставил круг.
Ой, а донские казачки речи говорили:
Мы пойдём, братцы, разобьем армеюшку,
А мы, армеюшку все царя белого,
А царицу же Катяринушку,
Ой, братцы, а мы в монастырь сошлем.
Ой да, а Ероху-царя да царевича
А мы, братцы, во полон возьмем.

Песенное наследие хутора Новонекрасовского состоит из песен, занесенных некрасовцами в Турцию, песен, созданных ими на чужбине, а также русских и донских песен, заимствованных некрасовцами в XIX и XX вв. от беглых людей.

Песни об Игнате особенно характерны для репертуара некрасовцев. По своей поэтической форме и содержанию — это исторические песни, освещающие жизнь некрасовцев в Турции, личность Игната Некрасова, его деятельность. Большая часть их рассказывает

о борьбе Игната с царем, боярами, Долгоруким, об уходе на Кубань, о желании Игната вернуться с Кубани на Дон и поднять казаков на восстание против бояр, прибыльщиков, крепостников. Эти песни бережно хранятся старшим поколением.

Помимо Капустиной, Ивануткиной, Шашкина, среди некрасовцев известны как знатоки песен об Игнате и «под Игната»: Агафья Лукьяновна Зайцев (1865–1949), Иван Васильевич Господарев (1873–1947), Матрена Макарьевна Гоголева (1886), Матрена Григорьевна Волкова (1880) и др.

В песнях об Игнате Некрасове (как и в песнях о Степане Разине, Емельяне Пугачеве) отразились два классово противоположных взгляда, две принципиально разные оценки его личности и его деятельности: взгляд его сторонников и взгляд его противников. Создавались песни в России (на Дону, Волге, Урале, Тереке) и самими некрасовцами.

Сторонники Игната Некрасова — это голутвенное казачество, крепостное крестьянство, работные люди, а противники — домовитые (зажиточные) казаки.

Наибольшее количество песен о Некрасове создано самими некрасовцами. От них записано 75 песен (из них 32 песни самостоятельные по сюжетам, а остальные — варианты этих сюжетов).

Не лишне отметить, что до Октябрьской социалистической революции Киреевским, Сахаровым, Железновым, Пивоваровым всего опубликовано лишь 8 песен об Игнате Некрасове. Судя по содержанию, они были созданы и сторонниками, и противниками Игната Некрасова.

Песни некрасовцев об Игнате стали в ряд других исторических песен. Они интересны тем, что повествуют о самых сокровенных надеждах и чаяниях их создателей.

Песни об Игнате — это политическая лирика некрасовцев, отражающая идеи их непримиримой борьбы с крепостническим строем и стойкого сохранения своей национальной самобытности в условиях чуждого окружения. Они проникнуты горячим желанием некрасовцев возвратиться на Дон. Личность Игната в них обрисована светлыми тонами. Ему народ приписывает (вопреки историческому факту) убийство Ю. Долгорукого и организацию восстания на Дону. Это говорит о том, что Игнат Некрасов в сознании народа был и остался выразителем чаяний людей, боровшихся с феодализмом. Одна из песен, записанная от Анны Ивановны Ивануткиной, говорит об этом:

На заре-то было ранней утренней,
На заре-то было, да на зорюшке,
На закате было да светла месяца,
На восходе-то было красной солнушки,
Да собирались они, донския казачки,
Собирались же они да во единый круг,
Ой, во единый круг да на единый луг.
Ой да, все ко дому князя-бояра-а-а.
Ой, да, князя-бояра да все ж Долгорукова,
Как выходил же а он, князь-бояр,
Выходил же он да на высок крылец,
Выносил же он царску грамоту:
— Вы послушайте, донские казачки,
Вы послушайте да царску грамоту:
Как старикох — казнить, вешать,
Молодых казачкох — все в солдаты брать.
По кругу-то ходить всё Игнат-сударь,
Все Игнат-сударь, как сокол летаеть,
Да на острую шашечку он упирается,
Ой да, горючей слезой он заливается:
«Ты прости-та, прости, весь и род-племян...»
Да подходит он, Игнат-сударь, к князю-бояру —
Ой да, он срубил-то ему бойну голову.
Воскрутился же, возмутился батюшка,
А он батюшка да славный Тихой Дон,
Ой да, как от самой-то от вершинушки,
Ой да, от вершинушки до самой до устюжи.
Как ушел-то, ушел да Игнат-сударь,
Ой да, а он ушел, братцы, со Тиха Дона,
Ой да, со Тиха Дона на Кубань-речку...¹⁶

Еще когда некрасовцы жили на Кубани, когда недалеко от них был Дон, когда свежи были воспоминания, о нем была создана одна из лучших в поэтическом и идейном отношении песня «Кто бы, кто бы из нас, братцы, побывал на Тихом Дону». В ней рассказывается об уходе Некрасова с Дона, о его призыве казаков к борьбе с царем и боярами:

Кто бы, кто бы из нас, братцы, побывал на Тихом Дону,
Ой да, кто бы из нас, братцы, да рассказал,

¹⁶ Варианты этой песни записаны от А.И. Ивануткиной, Т.И. Капустиной. Один из них в записи Н. Бухарина от 1840 г. в ст. Рассыпной напечатан в книге: Лебедев В.И. Булавинское восстание... С. 77–78.

Ой да, про батюшку-то да верный Тихой Дон,
 Ой да, кто бы, кто бы из нас, братцы, рассказал
 Да про того-то всё казачка про Некрасова.
 Ой прослужил-то а он не три года и не три дня, —
 Прослужил-то а он ровно тридцать лет.
 Отслужил казак Некрасов на Тихом Дону,
 Да и вздумал он от царя да бояр бежать,
 Вздумал наш казачок с Дона Тихого бежать,
 Да с Дону Тихого за Кубань-реку бежать.
 Ой да, он собрал же с Дону Тихого казачкох,
 Ой казакох молодых да все было сердовых¹⁷.
 Ой да, он собрал же их, Некрасов, во единый круг,
 Ой да, во единый круг, да на единый луг.
 Ой да, и начал он говорить донцам речи грозные:
 — Не видать вам, донским казакам, Дону Тихого,
 Ой да, не слышать вам, донским казакам, звону колокольного,
 Ой да, не бывать вам, донским казакам, на земле донской.
 Ой да, забывать вам, донским казакам, веру христианскую,
 А привыкать вам, донским казакам, к бою-подвигу,
 Ой да, к бою-подвигу супротив царя да супротив бояр,
 Ой да, привыкать нападать на царевы полчища.
 Ой да, мы царю же не сдадим вольной вольницы,
 Ой да, за Булавина отдадим свои бойны головы.
 Да не убить же царю да славной род людской,
 Ой да, постоем же за правду грудью-кровью мы...

А.В. Ивануткина

Мысль о борьбе с царем и боярами особенно ярко выражена в песне «Воевать давай, Игнат-сударь». Но, в отличие от песни приведенной, в ней не Игнат призывает к борьбе против бояр, а сами казаки, пришедшие к нему с Дона на Кубань. Они просят его пойти на Дон:

— А вы-то, два казаченьки да тиханския,
 Ой да, как зачем же вы, казаченьки, да приехали?
 — А мы да приехали, Игнат-сударь, к твоей милости:
 Воевать давай, Игнат-сударь, супротив царя да боярох,
 Ой да, супротив царя да бояр за Тихой Дон.

Т.И. Капустина

Песня является отражением чувств, желаний и настроений людей, бежавших к Игнату Некрасову на Кубань после подавления

¹⁷ Сердовых — среднего возраста.

Булавинского движения на Дону. Недовольные часто оставляли жен, детей ради того, чтобы спасти свою жизнь и попытаться уговорить Игната Некрасова пойти снова войной против царя и бояр.

В песне «Не покоряйтесь, казачки, царю русскому» Игнат, обращаясь к казакам, говорит им:

Занесла вас, ой да, все неволя во землю турецкую,
Ой да, не слышать-то вам, казачки, звону колокольница,
Ой да, не покоряйтесь, а вы, казачки, царю русскому.

А.В. Ивануткина

Попав в чуждое окружение, некрасовцы стойко охраняли все свое, русское. Сторонники Некрасова и за пределами родины старались сплотить своих последователей. Поэтому религиозные законы, а также заветы Игната Некрасова, служившие своеобразной конституцией казаков, запрещали некрасовцам браки и духовное общение с турками.

В одной некрасовской песне («Он ушел, Игнат-сударь») повествуется:

Он пришел. Игнат-сударь, во чисто-поле,
Ой да, разбивал он бел-танкой шатер,
Ай, он да приказ давал своим казачкам,
Ай да, приказ давал своим сердовым:
— Ой да, вы не соединяйтесь с турками,
Ой да, а вы с ними не сообщайтесь,
Ой, они сами враги наши и преступники...

С.Ф. Шашкин

Некрасовцы не забывали завета Игната Некрасова о том, что турки являются их врагами, а потому никакой связи с ними не имели.

Эти традиции строго соблюдали и последующие поколения некрасовцев. В различных своих песнях (в беседных, служивых и особенно в песнях «под Игната») некрасовцы отобразили любовь к родине. Но они не хотели покориться царю русскому, мечтая вернуться на Дон не как «преступники» и «воры»¹⁸, а как свободные и полноправные русские люди.

Наряду с песнями, рассказывающими об Игнате Некрасове как руководителе антифеодальной борьбы, как основателе некрасов-

¹⁸ Политические противники царя.

ской казачьей общины имеются и такие песни-оды, в которых народные певцы с приподнятым чувством повествуют о внутренней и внешней красоте Игната Некрасова.

Анна Васильевна Ивануткина с необыкновенной теплотой живописует образ своего вождя:

То не солнца, братцы, взошла она, красная, —
 То воспроиздился да казаченька, добрый молодец,
 А он же добрый молодец, да по имени Игнат-сударь,
 Ой да, Игнат-сударь, а он ведь сын-то Некрасовец.
 Ой, сын Некрасовец, а он наш родный батюшка.
 Ай, и кто ж то его, доброго молодца, воспроиздил?
 Ай, и кто ж то его, доброго молодца, вспоил-вскормил?
 Ай, и кто ж то его, доброго молодца, возлелеял?
 Ой да, как и личушка у добра молодца она снегу белого,
 А румянец у добра молодца он будто маков цвет.
 Ой, да и бровюшки у добра молодца они соболиные,
 Ой, и глазюшки у добра молодца соколиные,
 Ой да, и сам-то он, добрый молодец, орел быстрый,
 Ой да, а он орел быстрый, сокол же ясный,
 Ай, и кто же то его, добра молодца, да воспроиздил?
 Ой, воспроиздила его, добра молодца, земля русская,
 Ой да, вспоил-вскормил добра молодца Тихой Дон,
 А взлелеял добра молодца, а он млад светел месяц,
 Ой да, украсила добра молодца солнца красная.

Личность Игната опозитизирована, потому что он для некрасовцев был и после смерти выразителем их интересов, их родным батюшкой, образцом в личной и общинной жизни.

Игнат Некрасов, как Степан Разин и Емельян Пугачев, широко воспет в народном творчестве. Песни о нем представляют большой интерес как по своим художественным качествам, так и познавательной ценности. Жаль, что до сих пор наша фольклористика не обращала на них внимания.

Достаточно сказать, что песни об Игнате не включены ни в специальные издания исторических песен о народных вождях антифеодальных движений, ни в учебные пособия о народной поэзии.

К песням об Игнате примыкают песни «под Игната». Они близки по идейным мотивам и темам. В них раскрывается душевная трагедия людей, оказавшихся в чуждом окружении, рассказывается о скитаниях некрасовцев по чужой земле, о подневольной жизни, об их дорогой мечте вернуться на родину. В песни «под

Игната» входят переосмысленные, художественно переработанные сказания о Степане Разине, о разбойниках.

Расставание с родиной — горькое чувство. Особенно сильно оно в некрасовских песнях, потому что их, людей, любящих свободу, родину, вынудили покинуть землю, на которой они родились и которую защищали от внешнего врага, в том числе от турок. В песне «Что по питерской, да славной дорожке» рассказывается, как молодые казаки, покидая родину, обращаются к своим отцам и матерям со словами:

... Да вы вернитесь, отсы-магушки родные,
Не исходить вам по белу свету за нами,
Да по белу свету за нами, за донскими казаками.
Ой, не смочить вам сыру землю горячими слезами.
Ой да, наша долюшка, казачушек, она бесчастная,
Ой да, наша долюшка, казачушек, она бесчастная,
Ой да, на чужой земле, как горюн-трава,
Да, как горюн-трава, трава горькая,
Да по чисту-то полю она разрастается.

И.В. Господарев

Другая песня передает настроения бездомных сирот, которые обращаются за помощью к природе, солнцу («Ты взойди, взойди, красная солнушка»):

Ты взойди, взойди, красная солнушка,
Над горою взойди, над високою,
Над польяною взойди над широкою,
Обогрей-ка нас, красная солнушка,
Обогрей ты нас, да людей бедненьких,
Добрых молодцев, сирот бегленьких,
Сирот бедненьких, да нас бездомненьких.

Т.И. Капустина

Эта песня у старшего поколения некрасовцев занимает одно из почетных мест. Они очень часто обращаются к ней как к документальной иллюстрации, когда рассказывают об уходе предков с Дона. «Эта песня гутарить о наших предках», — поясняют они.

На чужой земле жить было невыносимо тяжело. Майносская земля заболоченная, ее некрасовцы называют *подморной землей*, поэтому селение казаков нередко посещала чума и постоянным бичом была лихорадка. Об этой земле они в песнях говорят:

Уж ты клятая да распроклятая
Майносская земелька.

Этим же чувством проникнута песня «Вдоль по речке, по реке»:

Мать Расея, мать Расея,
 Да мать Расейская земля...
 Ой, чужедальная старонка,
 Да ты Майноская земелька,
 Ой да, все Майноская земелька
 Да много горя принесла,
 Ой да, много слез же пролила.

И.В. Господарев

Одиночество — тема многих песен «под Игната». Она имеет своеобразную цель: передать мысль о том, как тяжело жить вне родины, в чуждом окружении. Ярче всего эта тема раскрывается в замечательной песне «Загоралась ковыль-травушка». В ней рассказывается о соколе, сидящем на камушке в окружении злых воронов. У сокола обгорели крылья, ноги и нет выхода из окружения. Ему только и остается мечтать, чтобы отросли крылья, исцелились ноги. Сокол обращается к природным силам и просит:

Эй да, вы подуйте-ка со синя моря, ветры сильные,
 Эй да, наднесите вы над залетным тучи грозные,
 Да, воспролейте вы над соколиком дожди сильные,
 Эй да, отмочите вы у соколика желтые ножульки,
 Да, отрастите вы у залетного острые крылушки...

А.Л. Зайцева

Недаром эту песню некрасовцы приводят для пояснения своей жизни на чужбине:

— *Эта песня о нас, некрасовсах гутарит. Завел нас Игнат-сударь в Туретчину, и мы были там, как этот сокол на камушке с обгорелыми крыльями среди воронох.*

Песни «под Игната» дополняют репертуар русских народных песен XVII–XVIII столетий о крестьянских и казачьих войнах.

* * *

Служивые песни некрасовцев рассказывают о военных походах, о смерти казака на поле брани, плене, о грусти по дому, детям, жене. Казак прежде всего воин, и военные походы, битвы с неприятелями составляли главное его занятие в жизни. Воспоминания об этих походах, битвах и отражены в служивых песнях. Эти песни у некрасовцев, как и у донских казаков, весьма популярны. Они составляют своеобразную поэтическую летопись казачьей жизни.

Сама жизнь на чужбине заставляла казаков-некрасовцев сохранить военную организацию своих предков. Поэтому на рыбный промысел они шли, как в поход, ватагами в 20–25 человек во главе с атаманом. Вот почему старые донские казачьи песни о морских походах были песнями и для некрасовцев:

По Черным было по морюшку, по Верейскому,
Бягуть, выбегают тридцать кораблей.
Они все кораблички за ядин бягуть,
Лишь один корабличик наперед бяжить,
Во том во корабличку грозен атаман.
Возговорит молодцам грозен атаман:
— Грябитя, рябятюшки, не робейтя,
Свои белаи рученьки не жалейтя...

М.Г. Волков

С начала XVIII в. служба на коне приобретает для казака решающее значение. Некрасовские отряды, ушедшие на Кубань, в своем большинстве были конными.

Близость некрасовских служивых песен к донским походным понятна. Отличаются они только некоторыми художественными подробностями. В них все те же степь, ковыль, конь гнедой, шашка острая, ракивов куст, сине море... Только место жительства не Тихий Дон, а Туретчина.

Казак без коня — невольник. «Без коня казак сирота», «Казака кобыла родила», — гласят казачьи пословицы. Потерять казаку коня — это попасть в неволю. Об этом рассказывает песня «На моем коню турчин сидит», созданная некрасовцами и отражающая душевное состояние казака, потерявшего коня. Песня иронизирует над таким незадачливым казаком и передает чувства смятения, беду:

... Он спал, не спал — спрокинулся,
Очнулся он — коня нету,
Коня нету, узда ляжить.
— На моем коню турчан сидить,
Турчан сидить, басурманин,
Тютюн курить и в нос тянить...

М.М. Гоголева

Некрасовцы, находясь за пределами родины, чрезвычайно живо воспринимали всякое новое проявление жизни в России. Они гордились успехами русских в войне со своими врагами. Из чувства национального патриотизма они отказались идти

с турками на Россию в 1877 г. Им было приятно слышать песни об Отечественной войне 1812 г., о войне с турками в 1877 г. Новые патриотические песни — служивые, военные солдатские — к ним заносили беглые из России.

* * *

Знатоками песен беседных, женских, хороводных и других в Новонекрасовском хуторе считают Агафью Лукьяновну Зайцеву (1865–1949), Ивана Васильевича Господарева (1873–1947), Матрену Макарьевну Гоголеву (1886), Марию Григорьевну Волкову (1880) и других.

Агафья Лукьяновна Зайцева была бодрой и крепкой старухой, резкой и прямолинейной в своих суждениях. При разговорах с другими за словом в карман не лезла. Хуторяне побаивались ее острого языка и держали себя настороже в отношениях с нею. Когда я с Зайцевой знакомился, она долго прислушивалась к моей речи и потом заметила:

— *А ты говоришь чисто! У тебя разговор нашинский. Так чисто говорят и на Дону — была я там и слышала.*

При исполнении песен она могла остановиться и заговорить о том, что ее в данный момент занимает.

Зайцева знала песни беседные, служивые, сердцебитные, шуточные. Песни о сердечных чувствах не пользовались ее уважением. Агафья Лукьяновна держалась правила, если хоть что-то забыла в песне, то уже ни за что не хотела исполнять ее и обычно говорила:

— *Чего путлять без толку. Раз не знаю, то врать незачем.*

Если же песня твердо держалась в памяти, она уверенно и задумчиво исполняла ее. Зайцеву можно было слушать по нескольку часов, да и сама она любила играть подолгу. От нее записано 250 песен, 60 сказок, 10 легенд об Игнате, 6 былин и много других произведений.

Иван Васильевич Господарев был грамотен *по старинке*, как все мужчины-некрасовцы. Он писал, смешивая полуустав с гражданским письмом. Природный ум, сноровка, широкая гостеприимная натура, склонность к путешествиям (он побывал в Турции, Греции, Болгарии, Румынии, Аравии, Египте и в других странах), знание греческого, турецкого, болгарского языков — все это заметно выделяло его из общей массы казаков-некрасовцев. Он любил песни об Игнате, «под Игната», служивые, беседные. В его исполнении они

приобретали особую ритмичность, напевность. Кроме того, он владел даром рассказывать легенды (предания) об Игнате Некрасове. В этом жанре он — настоящий художник слова, импровизатор. Господарев был большим знатоком истории некрасовцев и хранителем заветов Игната. Его рассказы о Великой Отечественной войне и импровизация легенд об Игнате заслуживают особого внимания. Он сохранил единственную копию знамени Игната Некрасова, изготовленную некрасовцами на Майносе в 1908 г.

* * *

Мария Григорьевна Волкова родилась в селении Майнос в 1880 г. Приехала на родину в 1912 г. с первой партией переселенцев. Она является одной из замечательных хранительниц песен-старинок: былин об Игнате, «под Игната», о Пугачеве. Восприняла их Мария Григорьевна от песенницы и знатока преданий — Анны Васильевны Ивануткиной и Егора Ивановича Семутина. В 1946 г. вместе со своей подружкой Гоголевой исполняла песни для композитора Т.И. Сотникова, который от них записал несколько песенных мелодий.

Манера исполнения песен у Марии Григорьевны своеобразная. Она смотрит не на слушателя, а куда-то в сторону и, если замечает на себе чей-либо взгляд, опускает голову и умолкает. Бывали случаи, когда она при «игре» вдруг останавливалась и говорила:

— *Ряду не найду. Слово выпало. А тачать их, как другие, не умею, да и нельзя этого делать... Не просто одной играть — песни-то... забываются. Вот если бы с Гоголевой, друг перед дружкой, так песни сами игрались бы.*

Ссылку на плохую память можно объяснить только большой скромностью Марии Григорьевны. Она никогда не *ославила* ни одного исполнителя, никогда не намекнула, что знает песню лучше других. От нее записано 72 оригинальных и своеобразных песни.

Матрена Макарьевна Гоголева — знаток старинной некрасовской бытовой песни (женских, служивых, свадебных, хороводных). Она истинная любительница *играть* песни. Ее не нужно просить, чтобы она спела. При встрече она сама заводит разговор об *игре* и даже справляется:

— *А эту песню вам играли?*

Матрена Макарьевна живет в Ахтарях, в 25 км от Некрасовского селения. Исполнение ее живое, четкое. Трудно сказать, какому

жанру она отдает предпочтение. Матрена Макарьевна с одинаковым подъемом исполняет былины, исторические песни, служивые, беседные, сердцебитные. Но бытовые — *частые* — ей больше нравились. Она их пела с задором, с приплясом.

Глядя на нее, думаешь: «Вот она — живая песенная душа, настоящая народная поэтесса-импровизатор».

* * *

К беседным, или компанейским, песням некрасовцы относят былины, исторические песни, бытовые, разбойничьи, солдатские, тюремные и др.

Беседные песни можно петь в любой обстановке, при любом случае, в отличие от песен хороводных, свадебных. Они могут исполняться одним или группой певцов на работе, на беседе, на пиру.

Некрасовская былина — беседная хоровая песня о богатырях с очень развитой и богатой мелодией. В отличие от северных былин она меньше по объему, чаще всего состоит из 11, 12, 25 стихов.

Некрасовские песни на былинную тему по своему поэтическому строю больше примыкают к донским былинам.

Превращение у казаков былины в лирическую хоровую песню объясняется особыми историческими и социально-бытовыми условиями.

По всему укладу их походной жизни им близки были героические былинные образы. Богатыри служили примером храбрости, подвигов. Петь на походе многострофные эпические песни казаки не могли, и былина эпическая сокращалась, становилась походной песней.

Вот как выглядит былина о Дюке Степановиче:

Из-под города, славныа города
Выязжайт там Дюк Степанович.
Ой да, как под ним-то ведь конь,
Ой да, как и лютая зверь.
Ой, и он ведь на коню,
Да всё, как степная копно,
Ой да, при боку-то ведь у него
Да все колчан стре-ел.
Ой да, сорок две-та стрелки.
Как и делали их сорок мастеров,

Сорок мастеров, сорок персидских.
И-и, опушали их красны девицы,
Эй, как и день-то стрелять,
Ой, а ночью-то собирать.
Эй, как и день-то стряля летить,
Она летить, как и мухаю,
Как и ночью летить, будто жар горить.

И.В. Господарев

В былинном наследстве некрасовцев интересна былина «Илья Муромец и Самсон-богатырь». Как и в беседной песне, в ней есть рефрен, замыкающий строфу и служащий связью с другой строфой. Зачин в ней напоминает беседную песню:

По Черным было по морюшку, морю Черныва,
Эй, здалиною.
Моря Черныва.
Там бягутъ, бягутъ, выбягають тридцать кораблей.
Эй, здалиною.
Тридцать кораблей.
Ой, они все-то бягутъ ведь, кораблички, как один бягутъ.
Эй, здалиною.
Как один бягутъ.
Лишь один у них корабличек наперед бяжить.
Ой, здалиною.
Наперед бяжить.
Как во том было корабличку Илья Муромец.
Ой, здалиною.
Илья Муромец.
А кормюю-то владаить сам Самсон-богатырь.
Ой здалиною.
Сам Самсон-богатырь.
На Илюшиньке кафтанчик разносветныва сукна.
Ой, здалиною.
Разносветныва сукна.
А, и пуговки у няво все серебрянаи.
Ой, здалиною.
Все серебрянаи.
А вярхушачки да все позолоченаи.
Ой, здалиною.
Позолоченаи.
По широкому корабличку сам похаживал.
Ой, здалиною.

Сам похаживал.
А серебряными пуговками сам побрякивал.
Ой, здалиною.
Сам побрякивал.
Все калмыки-то, татары попужались.
Ой, здалиною,
Попужались.
Ой, в сине море все да побрасались.
Ой, здалиною.
Побрасались.

М.Г. Волкова

Во многих беседных песнях темы раскрываются иносказательно: здесь человеческими качествами наделяются травы, солнце, гуси, лебеди:

Как да вечернею порой туман споднимается,
Ой да, как и утренней порой туман расстилается.
Ой да, как повадился лебедь по ночам летать,
Как да повадился лебедь по зорям кричать.
Прикликал лебедь все белаю лебедушку,
Что да не ясную, ясную все да соколушку.

И.В. Господарев

Большое распространение у некрасовцев получили семейно-бытовые песни. Среди них немало таких, которые рассказывают о тяжелой супружеской жизни. В этих песнях осуждается нелюбовь к жене, ссора с нею, увлечение чужой женой:

Ты злодея, моя злодеюшка,
Довела ты меня, б... чужая жена,
Довела ты меня до погибели,
До той было до погибели,
Да, шельма, до повешанья...

С.Ф. Шашкин

Но больше всего в беседных песнях говорится о сердечных влечениях казака к внешней и внутренней красоте любимой.

Беседные песни некрасовцев включают ряд старинных баллад и романсов, как, например, «Ванька-ключник», «Раскладала огни жаркие», «У царя-то дочушка», «Мульвина», «В островах охотничек» и другие.

Самым обширным разделом в песенном наследии казаков-некрасовцев надо считать песни женские.

Казачка-некрасовка Майноса была занята почти исключительно домашним хозяйством, никуда из своего селения не выезжала и об окружающем мире знала только по рассказам и песням.

Сами условия жизни казаков на Майносе создали особую обстановку для некрасовских женщин, с мнением которых мужское население считалось, потому что женщина на своих плечах несла всю тяжесть домашней жизни и хозяйства. Муж уходил на заработки (на рыбную ловлю) на 8–9 месяцев в году. Женщина дома оставалась полной хозяйкой.

И все же порою жизнь молодой женщины в доме мужа складывалась несчастливо, ее обижали свекровь и свекор, а так как браки были и не по любви, то не удивительно, что у некрасовцев встречаются песни о несчастной женской доле:

Сады мои, садочки,
Не по вам ли, мои садочки,
Лежали следочки.
Протарил-то мой милой дорожку
Ко моей кровати.
Ой, и вот кровать, моя кроватушка,
Кровать тесовая,
Из чего же моя кроватушка,
С чего же построёна?
Построена моя кроватушка
С бесчаснова древа,
Что с бесчаснова было со древа —
Со горькой осины,
Что со горькой было осины,
Со самой вершины.

С.Ф. Шашкин

Но больше сохранилось женских песен о сердечном чувстве, о тоске по милому, о расставании с ним, о ревности, об обмане любимого («Призадумавшись, Маша сидит», «При торгу было, при широком», «Высоко сокол летает» и др.).

* * *

Некрасовские песни дают ключ к разрешению ряда очень важных вопросов в области изучения возраста русской песни, устойчивости ее темы, образов и текста.

В отличие от донской песни, песня некрасовская одноголосна.

Записи мелодий некрасовской песни, сделанные композитором Т.И. Сотниковым, дают существенный материал для музыковедов. Исследование некрасовской песни и особенностей ее музыкального звучания теснейшим образом связано с изучением песенно-музыкального прошлого всего русского народа.

Песни казаков-некрасовцев представляют большую историческую, филологическую и поэтическую ценность. Они важны и как подлинные документы о чувствах, мыслях, психологии многих поколений людей, проживших на чужбине больше двухсот лет и сохранивших полностью свой национальный облик, не растворившихся среди инородного окружения. Песенное наследие некрасовцев дает богатейший материал для изучения русской народной песни и песни донской.

Первая публикация:

Тумилевич Ф.В. Хранители песен казаков-некрасовцев // Дон. 1958. № 8. С. 180–192.

РАЗДЕЛ 2

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.А. АРХИПЕНКО

**ФЕДОР ВИКТОРОВИЧ ТУМИЛЕВИЧ.
УСТНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ
ОБ УЧЕНОМ-ФОЛЬКЛОРИСТЕ**

Основная цель статьи — составление обобщенного социального портрета донского ученого-фольклориста на основе устного биографического нарратива. Под биографическим нарративом мы будем понимать исторически и культурно обоснованную субъективную интерпретацию событий жизни человека. В этом случае для нас на второй план отходит событийность повествования (наличие сюжета), а важным становится эмоциональная оценка субъектом содержания нарратива, его «переживание» рассказанного.

Субъектами нарратива (собеседниками, информаторами) в нашем случае стали жители Ростова-на-Дону, лично знавшие Ф.В. Тумилевича или составившие о нем представление по рассказам близких и знакомых. Основанием для беседы были их желание поговорить о Ф.В. Тумилевиче, готовность воспроизводить тексты о нем. В основу проведения интервью был положен принцип свободных высказываний, максимально способствующий, на наш взгляд, сбору материала такого содержания, которое не запрограммировано исследователем. В начале каждого интервью мы просили рассказать о донском фольклористе Тумилевиче. Таким образом, в течение 2010 г. автором статьи было проведено 18 интервью: 14 личных и 4 телефонных. наших собеседников можно объединить в следующие группы: бывшие студенты Ростовского государственного университета (РГУ) и Ростовского государственного педагогического института (РГПИ), обучавшиеся у Ф.В. Тумилевича; преподаватели РГУ и РГПИ, работавшие с ним; сотрудники и члены

Ростовского регионального отделения Союза писателей СССР; друзья семьи.

Всего нами было выделено более двухсот суждений, которые распределились по нескольким тематическим группам. В качестве иллюстраций мы приводим наиболее показательные фрагменты.

В первую очередь наши собеседники отмечают тяжелую, полную лишений жизнь Ф.В. Тумилевича, связанную с арестами и несправедливыми преследованиями во время его работы в Ростовском государственном университете. В устных интервью респонденты рассуждают о том, почему Федор Викторович был дважды арестован (в 1938 г. и в 1948 г.) и имеет ли под собой основания обвинение в нецелевой растрате командировочных средств (в 1965 г.). С одной стороны, его судьба соотносится с другими подобными жизненными историями:

«Ну за что он был арестован? Ну так же, как и многие люди того времени, ни за что»¹.

«Я думаю, что посадили его потому, что у него какой-то враг был и написал на него донос. Вот так и моего папу из-за недоброжелателя одного арестовали, и многие тогда так пострадали — из-за “добрых” людей»².

С другой стороны, профессия фольклориста представляется респондентам относящейся к группе риска, а причиной ареста становится честное выполнение своего профессионального долга:

«Он был арестован за то, что предмет, который он читал, — фольклор — предполагает анализ фольклорных жанров. И вот он рассказал на лекции анекдот, а один студент, я не помню его фамилию, но я его видела, написал письмо в первый отдел, и после этого Федора Викторовича арестовали»³.

«Его арестовали за то, что он якобы на лекциях пропагандировал буржуазную свадьбу»⁴.

Кроме того, вольнолюбие, смелость в оценках официальной действительности выделяют его из круга современников и в какой-то

¹ Полевые материалы автора (далее — ПМА). Информатор женщина, 1960 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

² ПМА. Информатор женщина, 1930 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

³ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

⁴ ПМА. Информатор мужчина, 1964 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове-на-Дону в 2010 г.

степени объясняют респондентам причины не одного, а двух арестов донского фольклориста. Он воспринимается как исключительный человек, не может молчать и соглашаться, когда это делают другие:

«Поразил одной вещью. Первый курс... Мы же поступали через обком партии, и время было такое — в расцвете все: собрания, комитеты комсомола, бесконечные старостаты какие-то. И он, когда начал говорить о специфике фольклора, то сказал: “Не то что нынешние датские поэты”. А мы не поняли, что такое датские поэты. Оказывается, те, которые к датам пишут. Он назвал несколько фамилий, среди них были известные имена — Евтушенко он по этой причине не любил»⁵.

«Тамара Ивановна (супруга Федора Викторовича. — Н.А.) рассказывала, что кто-то из его корешей, знакомых, друзей, которые приходили (она сильно не вникала, стол накроем — и все), они сидели, долго беседовали, “Старку” там пили, и Федор Викторович показывал ему свои стихи. И тот ему говорит: “Порви и сожги, а то еще раз сядешь”. И он эти стихи уничтожил. Тамара Ивановна говорит: “Я не знаю, что там было”. Для нас осталось неизвестным, какой он был поэт. Что-то точно было политическое, очень серьезное. И он все полностью изничтожил, ничего не осталось»⁶.

«По натуре он был вольнодумец, крестьянский сын, рабфак еще закончил, а рабфаковцы все такие»⁷.

Обвинения в нецелевой растрате денег также признаются несостоятельными. Наши собеседники почти всегда аргументируют это заметной бедностью семьи Тумилевичей. В отличие от современных текстов о бедных ученых, суть которых можно передать одной фразой: «Если вы такие умные, что ж вы такие бедные», в текстах о Федоре Викторовиче эта бедность является логическим результатом того, что все свои деньги он тратил на экспедиции:

«Вот еще говорили, что он деньги присвоил государственные. А я вот что своими глазами видела. Федор Викторович и Тамара Ивановна были очень гостеприимными, к ним часто приходили в гости друзья. Но вот мы придем, и я вижу, что Тамара Ивановна прямо переживает, чем же нас угостить, — в доме-то ничегошеньки

⁵ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

⁶ ПМА. Информатор мужчина, 1964 г.р.

⁷ ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове н/Д в 2010 г.

не было. Ну она рыбку какую-нибудь так разложит по тарелочке — ну и ничего, мы все тогда просто жили. А он еще все деньги тратил на билеты и на питание в своих экспедициях»⁸.

«Мне один знакомый рассказывал, что они неожиданно зашли к Федору Викторовичу, а у них даже чаю нет — вот как они жили. Так они быстренько пошли в магазин, и получается, что гости хозяев угощали. Так вот если бы он брал чужие деньги, так разве они бы так голодали? А они голодали — как это еще назвать!»⁹

«Я слышала от кого-то, что даже сам Рокачев-Вешенский, а это же тот человек, который проверку эту финансовую устроил, раз пришел к Тумилевичу, походил по квартире, посмотрел и сказал: “Боже мой, Федор Викторович, как бедно вы живете!” И как потом можно было его травить за якобы украденные деньги. Он одних подарков для своих казаков на тысячи накупал»¹⁰.

Еще одним очень интересным тематическим блоком являются описания внешности Федора Викторовича, в которых устойчиво проводится мысль о том, что он обладал внешностью, которая отражала тяжесть лишений, перенесенных этим человеком:

«Если тогда ему было 65 лет, то выглядел он, ну, знаете ли: изборожденное морщинами лицо, какой-то очень тяжелый взгляд. Вот сейчас бы я ему и 80 лет дала, но мы же истории его жизни не знали тогда, это мы же сейчас знаем»¹¹.

«До того как его посадили, он с палочкой ходил, до войны еще, у него было что-то с ногой. Когда он вернулся, представляете, вернулся без палочки, у него те болячки, дотюремные, прошли, но новые, правда, появились. У него в желудке нашли 30 язв, и он очень сильно болел цингой»¹².

Наличие подобных компонентов в биографическом нарративе показывает важность для респондентов мысли о том, что Ф.В. Тумилевич, несмотря на то что вернулся из заключения, испытал много трудностей и лишений. Это придает ему исключительности, необычности, выделяет из привычного окружения.

⁸ ПМА. Информатор женщина, 1950 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

⁹ ПМА. Информатор мужчина, 1960 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове н/Д в 2010 г.

¹⁰ ПМА. Информатор женщина, 1950 г.р.

¹¹ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

¹² ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р.

Перенесенные испытания, по мнению респондентов, наложили отпечаток на то, как Ф.В. Тумилевич стал воспринимать и оценивать современную действительность: с безоговорочной симпатией относился к тем, кто так или иначе пострадал от массовых репрессий, и проявлял категорическую антипатию ко всем, кто, по его мнению, к этим репрессиям был причастен:

«Я однажды ему (Ф.В. Тумилевичу. — *Н.А.*) сказала, что мой отец тоже сидел. И Федор Викторович мне руку крепко-крепко пожал, и с этого момента мы стали с ним дружить, часто по телефону разговаривали. О лагерях, о репрессиях мы, конечно, не говорили, тогда нельзя было, но разговаривали о литературе»¹³.

«Федор Викторович после второй отсидки недолго был деканом нашего факультета, к нему пришел откинувшийся из лагерей Александр Исаевич Солженицын и говорит: “Я хочу поступать к вам на факультет”. А между теми, кто сидел, братство было, они друг друга понимали с полуслова, они общались. И Тумилевич ему говорит: “У вас уже есть высшее образование (он же мехмат закончил), нафиг вам еще второй факультет. Если вам нужно второе образование, езжайте лучше в Москву, в МГУ поступать, там школа лучше”. И он отговорил Солженицына поступать сюда на филологию. И если бы вот этого разговора не было, то Солженицын бы, возможно, прославил бы и наш факультет»¹⁴.

«Жутко не любил он Жданова, потому что его папа был секретарем ЦК. И из-за этого у них был серьезный конфликт. Он не мог простить этих сталинских лагерей, поэтому ко всем, кто имел к этому прямое или косвенное отношение, он испытывал отрицательные чувства»¹⁵.

Наши респонденты, оценивая профессиональную деятельность Ф.В. Тумилевича и как ученого-фольклориста, и как преподавателя, отмечают необычайную увлеченность всем, что связано с казаками-некрасовцами:

«Сдавали в первую сессию фольклор. И вот очень хорошо помню: панический ужас был перед тем, как это можно сдать. И вдруг кто-то сказал, что он занимается казаками-некрасовцами. И что нужно: нужно что-то знать о них. А где это взять? Ну ума же не хватает, обратились к старшим. Те сказали: идите в библиотеку

¹³ ПМА. Информатор женщина, 1930 г.р.

¹⁴ ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р.

¹⁵ Там же.

и возьмите книжку “Сказки и предания об Игнате Некрасове”. Одна на весь курс была эта книжка. Те, кто был более ушлым, если так можно выразиться, с собой эту книжку на экзамен принесли. Сейчас начинаешь вспоминать, и свой 30-летний педагогический стаж тоже помогает. Ну вот представьте: вдруг кто-то на мой экзамен принес бы мне мою монографию. Ну смешно! А у него реакция была не такая. Он настолько в этом отношении был, видимо, чист душой, что ему в голову не могло прийти, что это можно сделать специально, чтобы хорошо сдать экзамен. И вот мне не удалось эту книжку достать. Что я сделала? В билете у меня 2 вопроса: специфика народной поэзии и предания об Игнате Некрасове. Одну строчку я буквально запомнила из какой-то песни. Сейчас не рискну воспроизвести, но помню только, что я ее каким-то нелепым речитативом стала произносить. И вдруг он вот так вот взялся за голову и стал петь, вот так покачиваясь. Представляете, он оценил этот мой шаг и пытался со мной петь. Я безобразно ответила на вопрос “Специфика народной поэзии”, безобразно. И получила пятерку. И я тогда поняла, что он, видимо, жил всем этим»¹⁶.

Среди подобного рода сюжетов встречаются также следующие: Федор Викторович реагирует на казачью фамилию студента и не только ставит ему «пятерку» на экзамене, но и предлагает ему писать работу по фольклору¹⁷; всячески опекает студентов, заинтересовавшихся научным изучением фольклора¹⁸; во время других лекций все время сбивается на примеры из фольклора¹⁹.

В качестве самостоятельного можно выделить тематический блок рассказов о взаимоотношениях Ф.В. Тумилевича с представителями общины казаков-некрасовцев. Главной этической доминантой подобных суждений является осознание ответственности ученого-исследователя перед носителями культуры. Приведем сюжеты, отнесенные к этой группе: Федор Викторович везет большое количество подарков казакам-некрасовцам²⁰; устраивает их при

¹⁶ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

¹⁷ ПМА. Информатор мужчина, 1944 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове н/Д в 2010 г.

¹⁸ ПМА. Информатор женщина, 1957 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

¹⁹ ПМА. Информатор женщина, 1952 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

²⁰ ПМА. Информатор женщина, 1943 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

необходимости в больницы города²¹; казаки-некрасовцы по несколько дней живут в квартире Тумилевичей²²; девушка из некрасовской общины все 5 лет учебы живет у семьи Тумилевичей²³ и т.п.

Лекторское мастерство также признается результатом увлеченности своей научной темой:

«В 76 году я поступила в пединститут. Это был второй набор спецотделения. Нас принимали через обком партии, и мы там считались чуть ли не элитой. Трудно сказать о первом впечатлении, но, наверное, самое мощное было на первой лекции по русскому языку — читал Малашенко. И когда мы делились друг с другом впечатлениями, кто-то с первого набора нам сказал: “Подождите, у вас еще будет читать лекции по фольклору Тумилевич, говорят, он сидел”. 76 год — это самая что ни на есть середина застоя, когда кто-то там сидел или что-то такое — это же вообще невозможно было произносить. И вот маленький, сухонький, он же небольшого роста был, возраст определить невозможно: ну нам по 18 лет, а он явно пожилой человек. За кафедрой его почти не было видно: он настолько был небольшого роста и щупленький, что казалось, ну как его там увидеть? Аудитория — мертвая была. Он очень интересно читал, у него были карточки библиографические, и он их перелистывал и нам рассказывал»²⁴.

Интересно, что умение интересно читать лекции в случае с Федором Викторовичем — величина переменная. Он может быть прекрасным и увлеченным лектором, владеющим необычными приемами привлечения внимания аудитории, а может не произвести особого впечатления, поскольку не увлечен той темой, с которой знакомит студентов:

«Пришел он, читает лекцию, а студенты разговаривают. А он так повернулся к окну и начинает читать Горького “Легенда о Марко”. И вот они потихоньку, потихоньку, а он ровным голосом читает, все же сначала не слышат. И вот тише, тише в аудитории, а к концу уже все молчат. А он как раз поворачивается и говорит: “А вы проживете на свете, как черви слепые живут”. И это было все, потом каждое его слово ловили»²⁵.

²¹ ПМА. Информатор женщина, 1955 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

²² ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р.

²³ ПМА. Информатор мужчина, 1944 г.р.

²⁴ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

²⁵ ПМА. Информатор мужчина, 1964 г.р.

«Когда я учился, у нас было много блестящих лекторов. На первом курсе Тумилевич у нас фольклор не читал, а вот на пятом стал читать теорию литературы. И меня он как-то не впечатлил, хотя говорили, что фольклор он гораздо лучше преподает»²⁶.

Респонденты часто вписывают Федора Викторовича в ряд наиболее достойных и даже великих людей, определяя таким образом масштаб личности донского фольклориста:

«Сильно же не афишируется, что он сидел в 30-е годы, а он сидел, представь, вместе с Бондарчуком, Виталием Закруткиным, в КПЗ с ним сидел. Об этом никто никогда не говорит, у них был литературный клуб, чуть ли не “Хромая лошадь”, в общем, вольнодумцы, поэты, таланты, молодые гении, они все там варились в этой своей среде соответственно. Ну люди добрые написали, и всех арестовали и посадили. А потом вперед, когда Ежова сняли, а Берия стал, очень многих повыпускали, мой дед тоже полгода отсидел в это время примерно. И вот Федор Викторович и вышел. И вот представь: сидел он, смотри: с Закруткиным, который стал потом известным писателем, с Бондарчуком, который стал великим режиссером, а Федор Викторович стал великим фольклористом»²⁷.

«Он у нас последних читал фольклор. Что с ним потом стало, я не знаю. Когда ушел он, сложилось впечатление, что вот как мастодонты они были, вот эти преподаватели. Его я могу назвать единственным человеком, который такой глубокий след оставил. Вот чем объяснить — не знаю. Вот личностью»²⁸.

Почти всегда в рассказах о Федоре Викторовиче нашими собеседниками упоминается его супруга Тамара Ивановна Тумилевич. Рассказы о ней — очень важная часть исследуемого биографического нарратива. Семантическое ядро сюжетов о «жене фольклориста» можно определить следующим образом: Федор Викторович был великим фольклористом и достойным человеком (или известным фольклористом и достойным человеком), и ему очень повезло с женой; у него была жена, достойная Федора Викторовича. Главный эмоциональный посыл воспроизводимых сюжетов заключается в том, что респондент однозначно одобряет ее поступок:

²⁶ ПМА. Информатор мужчина, 1934 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове н/Д в 2010 г.

²⁷ ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р.

²⁸ ПМА. Информатор женщина, 1960 г.р.

«Я знаю, как Федор Викторович и Тамара Ивановна поженились. Он был доцент — она была студентка. В него были все влюблены, хоть он был и не красавец, он был настолько обворожительный человек, он своим талантом влюблял в себя. Ну и как-то у них так получилось, что он стал за ней ухаживать. Но нашлись добрые люди, доложили, что доцент Тумилевич ухаживает за студенткой Харитоновой. А ректором пединститута был фронтовик, дядька без ноги такой. Вызвал типа Тумилевича и говорит: “Ты что, великовозрастный этот, за студенткой ухаживаешь? Другую не можешь найти?” А Тумилевич: “А где искать? На танцах, что ли? Я знакомлюсь у себя на работе, у меня даже есть мысль жениться”. А потом вызывает ректор Тамару Ивановну и говорит: “Зачем ты, девочка, с Тумилевичем шуры-муры крутишь? Его же скоро посадят”. А Тамара Ивановна, представь, и говорит ему: “Так нужно же скорей замуж выходить, пока его не посадили”. И точно: они поженились, и в скором времени его посадили»²⁹.

«Я работала бухгалтером в Союзе писателей, и Федора Викторовича не очень хорошо знала. Что они? Небожители, редко, когда с нами заговарят. И вот когда Тумилевич умер, она единственная из жен писателей, которая после смерти пришла в бухгалтерию и спросила: “А не должен ли вам что-нибудь Федор Викторович? Я заплачу, потому что иначе вы будете о нем потом плохо думать”. Вот я и не помню, чтобы кто-то еще так хоть раз сделал — только она одна»³⁰.

Финал жизни Ф.В. Тумилевича представляется нашим респондентом закономерным результатом его судьбы: если бы не болезни, то он бы еще много успел сделать как ученый-фольклорист:

«Он с возрастом почти из дома не выходил, болел сильно — еще бы, столько перенести, столько вытерпеть. И как-то тихо он умер»³¹.

«У него туберкулез вроде был, в общем, сильная какая-то болезнь, которую он из лагерей привез. Он работать поэтому не мог и многого не написал»³².

«Я знаю, что он много чего готовил, записи старые разбирал — он же не мог уже ездить, так очень сильно болел. Но ничего не успел»³³.

²⁹ ПМА. Информатор мужчина, 1965 г.р.

³⁰ ПМА. Информатор женщина, 1946 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

³¹ ПМА. Информатор женщина, 1944 г.р., образование высшее, записана в г. Ростове н/Д в 2010 г.

³² ПМА. Информатор женщина, 1955 г.р.

³³ ПМА. Информатор мужчина, 1970 г.р., образование высшее, записан в г. Ростове н/Д в 2010 г.

Таким образом, не претендуя на полноту данного исследования, мы можем сделать ряд наблюдений. Устный биографический нарратив об ученом-фольклористе Ф.В. Тумилевиче складывается из разных по структуре и тематике текстов, объединенных наличием субъективной интерпретации событий жизни конкретного человека и эмоциональных реакций рассказывающего. Для социального портрета донского ученого-фольклориста значимыми становятся такие черты, как невероятная увлеченность изучением культуры казаков-некрасовцев, проявление этой увлеченности во всех сферах деятельности и человеческих отношениях, значимый масштаб личности ученого, его исключительность при одновременной тесной связи со временем и эпохой.

Перспективами данного исследования является расширение круга устных источников (сбор полевого материала от казаков-некрасовцев), а также привлечение письменных текстов (документов из собрания семьи Тумилевичей, хранящихся в ЮНЦ РАН).

Д.В. СЕНЬ

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ

Уход от привычной схемы в изучении кубанских казаков-некрасовцев наметился не теперь. Под «привычной схемой» мы понимаем такое положение вещей, когда история или «движение» некрасовских казаков на Кубани рассматривалось в качестве «эха» Булавинского выступления, как эпизод, имеющий опосредованное отношение к истории донского казачества и даже к истории Кубани. Часто в историографии некрасовцев «выселяли», начиная с событий 1730–1740-х гг., за пределы Кубани, говоря дальше и больше об их пребывании в Османской империи — на Дунае, Майносе и пр. Одним из первых специалистов, внимательно ставших изучать кубанский период в истории указанной группы казаков, стал П.П. Короленко, обративший внимание на их военную и религиозную активность, причины их конформизма по отношению к крымским ханам, отношения казаков с новым, пришлым на Кубань восточнославянским элементом и пр.¹ Весомая заслуга в расширении тематики исследований, в привлечении профессионального сообщества к истории и культуре казаков-некрасовцев принадлежит Ф.В. Тумилевичу². Ученый поднял проблему использования некрасовского фольклора в качестве важного

¹ Короленко П.П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по архивным и печатным материалам. Екатеринодар, 1899. 24 с.

² Приведем некоторые работы: Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. 272 с.; Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Дон. 1958. № 8. С. 134–146.

исторического источника, первым рассмотрел вопрос о сакрализации личности И. Некрасова и пр.

Сегодня, если учесть историографический опыт³ и резко возросший, благодаря усилиям многих специалистов, объем источников, появились возможности для постановки и изучения новых вопросов пребывания некрасовцев в крымском подданстве. В силу ряда причин такие вопросы либо не озвучивались вообще, либо представлялись «малоулавливаемыми» в источниках и, как следствие, менее значимыми, чем, скажем, военная активность казаков-некрасовцев. Кроме того, события «некрасовской эпопеи» все чаще рассматриваются в рамках более общей проблемы, сформулированной нами несколько лет назад, — казачество Дона и Северного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья. Речь идет о необходимости исследования всех исторических практик, реализованных разными казачьими сообществами — казаками-запорожцами, в т. ч. «турецкими запорожцами»⁴, казаками Кубанского (ханского) казачьего войска, казаками-черноморцами. В частности, интересно в будущем сравнить условия реализации «запорожского» (казаки вступили в крымское подданство после 1711 г., но в итоге вернулись в Россию) и «некрасовского проекта».

³ Приведем некоторые работы: Волкова Н.Г., Заседателява Л.Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Сер. 8 (История). 1986. № 4. С. 44–54; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 1996. 264 с.; Мильчев В.И. Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. II. Одесса, 2005. С. 25–30; Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-М., 2010. С. 65–78, 83 и др.; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002. 286 с.; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в.– начало XVIII в.). Ростов на/Д., 2009. 280 с.

⁴ Мильчев В. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах / Відповід. ред. В.А. Смолій. Київ, 2006. Т. 1. С. 587–603; Бачинський А.Д. Дунайські некрасівці і задунайські запорожці // Історичне краєзнавство Одещини. Одеса, 1985. Вип. 6. С. 8–23; Бачинський А.Д. Січ Задунайська. 1775–1828: Іст.-документальний нарис. Одеса, 1994. 121 с.

Это важно и потому, что отношение крымских ханов и султанов Османской империи к своим христианским подданным уместно рассматривать не только на примере миллетных общин армян и греков. Крымско-османский вектор жизни казачьих сообществ Причерноморья⁵ — один из самых перспективных вопросов темы, в которой некрасовцы занимают далеко не исключительное место.

Нет сомнений, что XVIII в. — ключевой период в истории казаков Кубани, больше известных под именем казаков-некрасовцев. Акцент на этом этапе в истории казаков и на указанной географии их проживания сделан потому, что именно здесь в 1710–1770-е гг. складывается группа, ее важнейшие характеристики, включая варианты самообозначения (наименования). Личность Игната Некрасова, «первопредка» группы, наделяется сакральными чертами, складывается в полном объеме войсковая форма социальной организации, а практики отношений казаков с крымскими ханами и султанами перерастают в коллективный опыт. Это время, когда возникают элементы фольклорной традиции некрасовских казаков, когда формируется первый опыт восприятия потомственными некрасовцами коллективного самоописания. И хотя примордиалистский подход к изучению некрасовского сообщества справедливо может быть подвергнут критике (в частности, можно сослаться на почти ритуализированную фразу о 300-летнем пребывании казаков в эмиграции с «культурным багажом» Тихого Дона XVII в.), период 1708–1778 гг. занимает особое место в истории некрасовских казаков. Позволим себе такое суждение: коль скоро это сообщество состоялось в истории казачества, то, прежде всего, потому что оно, поддержанное в полной мере мусульманскими правителями, сформировалось не на Дону, а на Кубани.

В настоящее время историческая наука располагает достаточными основаниями для утверждения о том, что история

⁵ Фаизов С.Ф. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 г.) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 5. Київ, 2005. С. 197–209; Колодзейчик Д. *Tertium non datur?* Турецька альтернатива в зовнішній політиці Козацької держави // Гадяцька унія 1658 року. Київ, 2008. С. 67–81; Сень Д.В. Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008) / Pod. red. Teresy Chynczewskiej-Hennel, Piotra Krolla i Mirosława Nagielskiego. Warszawa, 2008. S. 531–550.

некрасовцев на территории Крымского ханства исследована в ряде случаев достаточно полно. Нам намного больше, чем во времена П.П. Короленко, известно о хронологии и географии некрасовских селений, об участии казаков в русско-турецких войнах, организации ими на Кубани религиозной жизни, об их отношениях с правящими ханами и другими представителями династии Гиреев, соседними народами, наконец, с первыми («старыми») кубанскими казаками. Изучены адаптационные практики казаков в начальный период их пребывания на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.), складывание у казаков Кубани войсковой организации, некоторые аспекты «сманивания» казаками-некрасовцами российских подданных и предложены оценки эффекта такой деятельности.

Существуют, тем не менее, актуальные вопросы, требующие реализации новых исследовательских практик, направленных на поиск и анализ новых источников. Все вопросы не представляется возможным привести в формате настоящей статьи: обозначим лишь некоторые, связанные и с основаниями рамочного поиска, и с частными аспектами. В частности, мы говорим о **поиске источников восточного происхождения**. Особое место (учитывая то обстоятельство, что архив Крымского ханства не сохранился) здесь может занять архивная эвристика в фондах *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, г. Стамбул). Найдено несколько документов об истории «*Ağnad-kazaklar*» в Подунавье, их отношениях с местной администрацией и турецкими запорожцами⁶. Учитывая несомненные контакты казаков-некрасовцев с османским двором, с османскими чиновниками, можно полагать, что со временем число таких источников возрастет. Что касается поисковой работы в российских архивах, то ситуация такова: прошлое некрасовцев как части казачьего населения Кубани может быть представлено широкими пластами источников, изученных не в полной мере. Это, в частности, ф. 233 (Канцелярия адмирала Ф.М. Апраксина) Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 177 (Кабинет министров), ф. 248 (Сенат и сенатские учреждения) и ф. 371 (Преображенский и Семеновский приказы) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), ф. 20 (Секретное повытье Военной коллегии) Российского государственного военно-

⁶ *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* (BOA). C. AS. Dosya 742. Gömlek 31158; HAT. Dosya 233. Gömlek 12997 D; C. DH. Dosya 331. Gömlek 16517.

исторического архива (РГВИА)⁷. Особое место мы уделяем поиску материалов судебно-следственной документации, расспросным речам и т.п. источникам⁸. Исключительно важным представляется значение таких источников при реконструкции повседневной, частной жизни казаков. Из числа незаурядных событий, ставших известными благодаря архивным разысканиям разных специалистов в последние годы, упомянем о вкладной записи в Евангелии 1628 г., содержащей сведения о возведении одной из первых часовен в некрасовском городке Хан-Тюбе в начале 1720-х гг. (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ)); о поездке группы некрасовцев в Стамбул в середине 1750-х гг. (РГАДА); о поездке в тот же период казаков-некрасовцев в Бахчисарай к новому крымскому хану Халим-Гирею (Государственный архив Астраханской области (ГААО)); о разных вариантах нейтрализации некрасовцев в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (ГАРО); о проживании группы некрасовцев в Закубанье и путях их переселения в Анатолию — после событий 1777–1778 гг. (РГАДА, ГАКК). Предстоит работа над списком казаков-некрасовцев, выведенных в Россию старшиной Р. Решетниковым в конце 1770-х гг. (РГАДА. Ф. 16. Д. 797. Ч. 3. Находка А.А. Пригарина). Ждет свое-

⁷ Подробнее об использовании источников из этих и других архивов см.: Мильчев В.И. Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. II. Одесса, 2005. С. 25–30; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 19–112; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2009. Гл. 3, 4. Интересный документ, содержание которого применимо в разных исследовательских практиках (включая изучение войсковой символики казаков Кубанского (ханского) казачьего войска), не так давно был обнаружен в РГА ВМФ. Так, согласно сведениям поручика И. Честихина за октябрь 1711 г., в войске турецкого сераскира Мегмет-паши, направлявшегося с Кубани к Азову, он видел при р. Чумбур «... в том же войске... вора изменника донского казака Игнашку Некрасова, при нем казачей бунчок, да таких же изменников донских казаков со сто человек» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 151–151об. Документ любезно предоставлен автору П.А. Аваковым).

⁸ Подробнее см. статью в настоящем сборнике: Мильчев В.И., Сень Д.В. Расспросные речи как источник по истории некрасовских казаков последней четверти XVIII в. (по материалам РГАДА).

го исследователя ф. 797 (Св. Синод) Российского государственного исторического архива (РГИА) — к изучению вопроса о связях старообрядцев Крымского ханства с российскими единоверцами документы фонда пока не привлекались.

Среди других актуальных вопросов темы назовем **участие некрасовцев в военно-политической жизни Крымского ханства**, связанное не только с их оценками местной обстановки, своего сообщества в пространстве Северного Кавказа, но и внешними оценками роли казаков в жизни региона. Факты говорят о том, что казаки-некрасовцы разбирались в существовавшей системе сдержек-противовесов настолько, что это обеспечивало не только безопасность их жилищ, но устойчивый интерес к казакам со стороны различных сил. В ряде случаев некрасовцы даже пытаются вести «свою игру». Итак, это не только «законопослушные» подданные Гиреев, но и тонкие наблюдатели, умелые переговорщики, активно впитывавшие новую для себя языковую, информационную, политическую среду, конфликты в правящем доме Гиреев и пр. Прежде всего, им пришлось договариваться с крымскими ханами и ногайцами. Вскоре ситуация уже такова, что некрасовцы без боязни посещают османские крепости — Ени-Кале, Очаков, Азов, османские крепости на Тамани⁹.

Из письма капитана О. Врангеля стокгольмскому правительству (от 30 октября 1711 г.) мы узнаем о тесных связях И. Некрасова с ханом Девлет-Гиреем II и шведским послом в Крыму¹⁰. Из разговора запорожских казаков с перекопским «писарем» в январе 1709 г. следует, что от Некрасова и Беспалого «прислано... в Крым человек с 40 прошать на помощь орды, которые де их присланные задержаны в Крыме до приезде из Порты нового хана, и чаёт он, что им хан ни в чем не поверит и из Крыму яко бунтовщиков не выпустит. А о Некрасове и Беспалом он писарь им сказал, что де стоят они ныне в 10 тысячах войска в Темрюке и намерены идти на слободские городы»¹¹. Отметим, что происходит это в то время, когда судьба

⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 3. Л. 210; Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сб. материалов / Изд. подг. В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 181.

¹⁰ Возгрин В.Е. Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978. С. 328.

¹¹ Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. Т. I. Владимир, 1904. С. 1035.

некрасовцев настолько туманна, что они скрываются в Закубанье, тем не менее Некрасов проявляет исключительную активность. И хотя статус казаков окончательно будет определен Адрианопольским договором (1713 г.), специалистам предстоит дополнительно изучить роль начального периода их пребывания на Кубани в формировании собственной системы различных приоритетов¹².

В 1715 г. в разговоре с солдатом В. Петровым, бежавшим из Азова, Игнат Некрасов говорил о том, что пошлет к влиятельному калмыцкому хану Аюке-хану письмо с предложением отогнать табуны от Азова¹³. Интересно, что, по словам Петрова, атаман говорил ему: «...а ныне де у него Некрасова, намерение есть, что де хочет он Великому Государю повелить, то де он Азов возмет и турок вырубит». Далее Некрасов якобы велел Петрову и его товарищам взять три письма с изложением указанного намерения, доставив их «сиятельнейшему адмиралу», в Москве — судье Военного приказа, а также фельдмаршалу Б.П. Шереметьеву¹⁴. И хотя розыск не принес находок писем, можно сказать, что сюжет отражает намерение И. Некрасова вести какую-то свою «игру», напрямую не связанную с участием в ней его сюзерена — крымского хана Каплан-Гирея I. В 1716 г. против кубанского Бахты-Гирея Дели-султана выступил крымский калга Менгли-Гирей, к которому присоединились хатаи-кипчакские мурзы¹⁵. В свою очередь, их поддержали проживающие на Кубани казаки-некрасовцы, также недовольные самовластием Дели-султана¹⁶. Обращает на себя внимание тот

---

¹² Некоторые результаты см.: Сень Д.В. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708–1712 гг.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. 2008. № 4. С. 78–83; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009. С. 234–260.

¹³ Акты о татарских набегах на Землю войска Донского // Труды областного войска Донского статистического комитета. Выпуск второй. Отдел второй. Новочеркасск, 1874. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 15. Одесса, 1889. С. 178.

¹⁶ Батыров В.В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып. 2. Волгоград, 2006. С. 39.

факт, что хатаи-кипчаки обратились с некрасовцам специально — видя в них силу, расположением которой было бы неплохо заручиться. О силе казаков знали и в Кабарде. Известен случай, когда одна из кабардинских группировок привлекла казаков на свою сторону в борьбе с Р. Кайтукиным. В 1720 г. гребенские казаки видели в Кабарде среди «привлеченных» кабардинцами сил (чеченцев, запорожских казаков) 120 кубанских казаков¹⁷.

Другой актуальный вопрос относится к **изучению «пространства знания» о некрасовцах**, о проживании казаков на Кубани, причем к числу форм такого знания мы относим слухи. География такого знания исключительно широка, и здесь науке известно еще недостаточно. Можно, по нашему мнению, говорить о таком последствии ухода казаков на Кубань, как воздействие события на современников, на формируемое в России и за ее пределами информационное пространство знания. Казаками живо интересовались не только власти, но и низы («мир простецов») — казаки, крестьяне, нарушители закона и т.п. лица. «Мирская молва — что морская волна», — гласит пословица. Слухи о некрасовцах, иная информация об удачливых бунтарях, избегнувших казни и заживших на Кубани полной жизнью, проникали далеко за пределы Дона. Не забывали о казаках и в Крыму, причем не только при дворе крымских ханов. Так, Булавиным, Некрасовым и Беспалым интересовался у запорожских казаков «перекопский писарь» в 1709 г. Изучение состава участников подобных коммуникационных связей (которые ведут в Поволжье, на Украину, на Дунай и пр.), информационных каналов — один из перспективных вопросов проблематики.

О некрасовцах в народе становилось известно по разным основаниям. Так, в 1709 г. Г.И. Головкин писал адмиралу Ф.М. Апраксину: «Писал ко мне... из Киева князь... Голицын... о выходе вора и изменника Некрасова к украинным городам, о чем изволите, доложу его царскому величеству, в вашей губернии о престоюге того воровства учинить осмотрение»¹⁸. Приложением к письму послужили показания пленного некрасовца: на допросе казак показал, что в числе 50 человек был послан И. Некрасовым «в малорос-

¹⁷ Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы / Отв. ред. Б. Х. Бгажноков. Нальчик, 2008. С. 353.

¹⁸ Материалы о восстании на Дону и в Центральной России // Материалы по истории СССР. V (Документы по истории XVIII века). М., 1957. С. 554.

сийские города для возмущения и прельщения в народе, чтоб шли к нему, Некрасову, на Берды, а велел сказывать, будто при нем войска 10000»¹⁹. Провокационная риторика налицо — сподвижников у атамана было намного меньше, важнее другое: находясь в Северо-Западном Приазовье (р. Берда впадает в Азовское море), Некрасов инициирует распространение информации о своем появлении на Украине. Частично замысел И. Некрасова удался: действия 12 посланцев (при этом нам пока неизвестно, куда направились остальные) привели к установлению связей с казачьими есаулами в Кременчуге, Голтве и Власовке: «...чтоб они подговаривали людей идти к вору Некрасову. И по их прелестям многие из тех городков обещались итти. А товарищи ево — 38 человек остались на сей стороне для такова же возмущения и прельщения»²⁰. Обратим внимание, что все указанные населенные пункты достаточно далеко находятся от р. Берды. Из письма киевского губернатора Д. Голицына гетману И. Скоропадскому от 1 июня 1709 г. следует, что казацьи «есаулы сказывали ему (пленному казаку-некрасовцу. — Д.С.), что по их прельщению многие обещались к нему, вору, на берда идти, а товарищи его тридцать восемь человек остались за Днепром на сей стороне для такога ж возмущения и прельщения»²¹.

Примечательный, на первый взгляд, человек попал в 1711 г. в застенки Преображенского приказа. Им оказался священник с. Шувар Наровчатовского городища (г. Наровчат в Азовской губернии северо-западнее Пензы) Лукьян Кондратьев, уличенный односельчанами и женой-попадшей в кошунственном поведении, включая поругание икон²². Однажды поп пообещал жене убить ее, а сам заявил, что «уйдет к изменнику Некрасову». После расстрижения Кондратьев, согласно июньскому указу 1711 г., был переправлен из Синода в Преображенский приказ. Примечательно, что в сопроводительной приказной документации вопрос о возможном уходе попа к Некрасову оказывается на первом месте. На очной ставке с женой Кондратьев сказал, что «таких слов... будто он уйдет к изменнику Некрасову он роспоп не говаривал и такова у него умыслу,

¹⁹ Материалы о восстании... С. 554.

²⁰ Там же. С. 554.

²¹ Війскові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упор. С. Павленко. Київ, 2009. С. 484.

²² РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 645. Л. 3об.–4, 4об., 5 и др.

чтоб к тому изменнику утить, ни с кем не было»²³. Однако после пыток расстриженный священник признал правдивость слов об уходе, сказанных, как он уточнял, якобы спьяну²⁴. Попытки продолжились: подтвердив почти всё из перечня обвинений, Кондратьев скончался, не вынеся истязаний; тело несчастного отвезли в «дом убогих», т.е. скудельницу.

В качестве самостоятельного вопроса выделим **изучение религиозной жизни казаков-некрасовцев**, рассмотренной на фоне положения Кубани в системе старообрядческих центров²⁵. Имеющиеся в науке факты позволяют отнести кубанские владения крымских ханов к одному из крупнейших подобных центров XVIII в. Не имеют под собой оснований, противореча широкому кругу источников, заявления о периферийном положении указанного сообщества в истории старообрядчества, о том, что попытки некрасовцев обрести собственное церковное обустройство закончились неудачей²⁶. Напротив, казаки успешно решили и проблему «доставания священников», и проблему постройки храмов²⁷

²³ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 645. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 56–78; Торопыцын И.В. Политика российских властей на Кавказе в отношении казаков-старообрядцев (40-е гг. XVIII в.) // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006. С. 32–52; Сень Д.В. «На Кубани расколщиком жить хорошо...»: Из истории формирования «социальных сетей» старообрядцев России и Крымского ханства (середина XVIII в.) // Фелицынские чтения (X): Материалы межрег. науч. конф. (г. Краснодар, 8–9 октября 2008 г.). Краснодар, 2008. С.136–144; Сень Д.В. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII в. // Российская история. 2009. № 6. С. 141–146.

²⁶ Зудин А.И. Старообрядчество на Кубани: региональная специфика и этапы становления церковной организации (конец XVIII – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. 2009. № 4. С. 26.

²⁷ Источники и их анализ см.: Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 402–462; Сень Д.В. Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и положение Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // Липоване. История и культура русских старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. VII. Одесса-Измаил, 2010. С. 3–22; Сень Д.В. Православие на территории Крымского ханства: Кубань в системе старообрядческих центров (конец XVII в. – XVIII в.) // Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII в. – начало XXI в.): Мат-лы круглого стола (Краснодар, 17 мая 2010 г.). Краснодар, 2010.

и повлияли на развитие старообрядчества в других регионах, например, в Подунавье. Одна из первых часовен была устроена казаками в их войсковом центре — Хан-Тюбе в начале 1720-х гг. В эту часовню сделал вклад старинным Евангелием XVII в.²⁸ старообрядческий архимандрит Иосиф²⁹, бежавший от преследований из России на Кубань. Содержание одной из вкладных записей, сделанной не позже 31 августа 1722 г., уникально: «230 году из леснаго скита врознь бежали от гонения. Аз же архимандрит явись на Кубани, а игумня София умре. И сию книгу дал аз в память по душе ея на Кубань в городок Хандуб в часовню казачью вечно поминать игуменью иноку Софию по церковному чину вовеки». Немаловажная деталь: учитывая, что символика вклада уподобляется договору между местной общиной и делающим вклад, можно полагать, что архимандрит, наблюдая состояние дел в часовне и городке, имел все основания верить — церковный чин здесь будет кому совершать. Принимая точку зрения В.И. Иванова³⁰ о тождестве автора вкладной записи личности архимандрита Иосифа из ветковского Покровского монастыря, заметим, что перед нами один из первых зафиксированных контактов между Веткой и Кубанью. Не закрыт вопрос о старообрядческом монастыре, основанном на Кубани в 1750-х гг. при помощи «лжеепископа Анфима». И даже если новых таких сведений найдено не будет, очевидно, что «миссия Анфима»³¹ оказала влияние на дальнейшее укрепление старообрядческих позиций в регионе, не замеченном российскими старообрядцами. Резидент в Стамбуле А.М. Обресков указывал, что, узнав о новых «попах», организации церковного служения и пр. новостях, люди стали «для того от Дону крымскою областью на Кубань... (уходить. — Д.С.)»³². Вместе с тем предстоит заново найти и дополнительно изучить «дело Священного Синода о раскольническом арх. Анфиме 1757 г.». Подчеркнем, что не последнюю

²⁸ Фонды КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. Инв. № КМ-1723. ПИК-14.

²⁹ Иванов В.И. Кириллическая книжность на Кубани в конце XVII – первой четверти XVIII века // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 4. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 63. Ученому принадлежит первенство в открытии указанной записи.

³⁰ Иванов В.И. Кириллическая книжность... С. 63 и др.

³¹ Мельников П.И. Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. Т. 45. № 6 (июнь). С. 469–473 и др.

³² Там же. С. 485.

роль в налаживании казаками религиозной жизни сыграл султанский двор — причем, скорее всего, данный сюжет не исчерпывается известными нам событиями времен султана Махмуда I³³. Важно подчеркнуть, что в то время казаки-некрасовцы находили окормление не только в лице «своих» священников, но и стараниями Гедеона, будущего главы (епископа) Крымской епархии Константинопольского Патриархата³⁴.

Перспективным выглядит составление сводки данных о лицах «духовного звания», оказавшихся на Кубани, о местных священниках. В марте 1718 г. генерал-адмирал Апраксин сообщал митрополиту Стефану: «... в казачьих донских городках при церквях, монастырях и часовнях во многих местах есть, укрываючись... расстриженные и непосвященные старцы и попы, и чинят многие расколы и возмущения, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань...»³⁵. К середине XVIII в. острота проблемы — поиск кубанскими казаками-старообрядцами священников — сошла на нет, и священники окормляют паству уже в нескольких городках. Когда в 1752 г. речь зашла о том, чтобы отвести от некрасовцев подозрения в причастности их к укрывательству беглых с Дона, то крымские власти предложили Войску Донскому сделать это по своему «закону», обещая заставить присягнуть не только казаков-мирян, но и лиц духовного звания. Ответ донцов был краток и выразителен: «... их присяге верить невозможно. И так когда б оные и действительно присягали, то б они (донцы. — *Д.С.*) и такую их присягою удостоверятца не хотели»³⁶. Указанное сообщество следует признать стратифицированным: здесь и священники, и старцы, и пока неизвестный нам по имени некрасовский «архиерей» — это те, о ком, в частности, говорил в 1777 г. некрасовский писарь А. Алексеев³⁷.

³³ Мельников П.И. Старообрядческие архиереи... С. 471.

³⁴ Фирман, данный турецким султаном Мустафой, по прошению Константинопольского Патриарха Серафима, Митрополиту Гедеону, на Крымскую епархию (Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2 (отделение второе и третье). С. 680).

³⁵ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. С. 305.

³⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3. Л. 7об.

³⁷ Журнал князя Прозоровского о происходящем в Крыму и на Кубани // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/Prisoedinenie/181-200/198.htm> (дата обращения 30.10.2010).

Наконец, немалые перспективы сулит изучение **вопроса о социальных сетях старообрядцев Кубани**, и участвовавших в религиозных спорах со своими собратьями, и быстро узнававших о важных для себя событиях, происходивших, например, на Дунае, и знавших о переправке на Кубань людей другими старообрядцами. Выявленные факты говорят о связях казаков-старообрядцев Кубани с братьями из Донского, Терского, Волжского казачьих войск, а обилие таких фактов требует их сведения воедино и нового анализа. Без изучения налаживаемых и налаженных местными старообрядцами контактов, опыта их знакомства с другими землями / центрами «древлего благочестия» положение старообрядчества на Кубани вряд ли может быть изучено как частный итог договоренности казаков-старообрядцев с крымскими ханами об условиях своего пребывания в регионе. Кроме того, изучение вопроса поможет включению сюжетов в «общий контекст судеб староверия Евразии» и преодолению сложности, часто связанной с отсутствием или недостатком круга адекватных источников, «позволяющих проследить сложные и масштабные перемещения старообрядцев»³⁸.

С предыдущими вопросами связано **изучение бегства всевозможного люда на Кубань**, в т.ч. конкретно к некрасовцам, активно занимавшихся т.н. сманиванием. Речь об изошренной деятельности «шпионов Некрасова» в России, о роли в указанном процессе самого атамана, о мотивации подговариваемых людей к смене места жительства и пр. Конечно, одними религиозными мотивами феномен постоянного притока на Кубань восточнославянского элемента в XVIII в. объяснить проблематично³⁹. Здесь необходимо учитывать несколько факторов и сразу несколько контекстов случившегося: реакции крымских ханов в отношении «ползучей ниточки» на Кубань славян из России; реакции российских властей на возвращение (и даже бегство) с Кубани некоторых казаков; содержание «прелестных писем», призывавших уходить на Кубань⁴⁰.

³⁸ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 35. Имея в виду, что исследователь говорит о старообрядцах Дуная, все же считаем возможным акцентировать внимание на метатерриториальном характере проблемы.

³⁹ Другое дело, что масштабы бегства людей на Кубань переоценивать нельзя, как это, представляется, сделал Ф.В. Тумилевич. В свое время специалист указал, что из 500 тыс. людей, бежавших из России в период с 1719 по 1741 гг., «немало» пришло на Кубань к некрасовцам (Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы... С. 138).

⁴⁰ Об одном из таких писем, хранящихся в РГВИА, см.: Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 59. Документ ждет своего исследователя.

Сведение многочисленных данных, разбросанных по разным источникам и исследованиям, поможет решению более частных (хотя не менее важных), а также смежных вопросов, о ряде которых речь шла выше. Так, вопрос о происхождении казаков, бежавших с Дона на Кубань осенью 1708 г.⁴¹, увязан с вопросом о происхождении некрасовского сообщества (казаки-верховцы). Очевидно и то, что «места выхода» беглецов говорят нам о географии «знания о некрасовцах» (см. выше).

Еще один актуальный вопрос — **выстраивание казаками-некрасовцами «османского вектора» организации своей новой жизни**. Традиционно в науке больше внимания уделялось связям казаков с крымскими ханами, учитывая факт соответствующего подданства и особого стиля в отношениях между Гиреями и казаками Кубанского (ханского) казачьего войска. Обратим внимание на то, что в распоряжении ученых все больше данных о пристальном внимании кубанских казаков к Стамбулу, к зонам османского присутствия и господства, помимо, конечно, Крыма. Особое внимание — свидетельству, подтверждающему опосредованную роль Османов⁴² в процессах адаптации казаков-некрасовцев на территории Крымского ханства. Речь идет о донесении генерал-майора Шидловского от 28 января 1711 г., адресованном Ф.М. Апраксину: «А все ведомости доносятся в Киев что на наши полки Некрасов с ордою будет, так намерены не только наши полки, чтоб весь и Белгородский разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить (т.е. Игнат Некрасов. — *Д.С.*), за что многий презент получил»⁴³. Нельзя исключать попыток казачьего атамана завязать контакты со стамбульским двором. Учитывая активность донских лидеров, первых кубанских казаков на поприще таких практик, полагаем, что такая связь могла иметь место.

⁴¹ Вот что писал в донесении кн. В.В. Долгорукому в сентябре 1708 г. казачий атаман П. Емельянов: «Сего сентября в 30 день ведомо нам войску учинилось, что з Дону Есауловской, Кобылинской и Нижне-Чирской станиц казаки, забыв страх Божий... з женами и з детьми пошли к вору Некрасову на Кубань» (Труды историко-археографического института Академии наук СССР. Т. XII. Булавиное восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 336).

⁴² Речь об участии правительства султана Ахмеда III в судьбе казаков-некрасовцев по итогам русско-турецкой войны 1710–1711 гг. (Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 31–32).

⁴³ Война с Турцией 1711 года (Прутская операция): материалы извлеченные из архивов / Изд. А.З. Мышлаевский. СПб., 1898. С. 40.

Между тем еще в начале XVIII в. первые кубанские казаки, недовольные соседством с ногайцами, приехали в Стамбул, намереваясь вручить султану свое ходатайство. Уникальные сведения на сей счет содержатся в одной из «цидулок» иерусалимского патриарха Досифея царю Петру I за 1700 г. Указывая, что казаки страдали от татар, продававших в плен их детей, иерарх добавлял: «Сего ради в нынешний месяц (в октябре, скорее всего. — Д.С.) приехали некоторые из них здесь к Порте и говорили, что от Московския обиды побежали они от отчизны своей, и дал им хан место и селилися, и ныне... просят иное место»⁴⁴. Просьба ходатаев, судя по всему, отринута не была: турки обещали казакам выделить землю для поселения в «Волоской земле», однако к моменту отправки Досифеем корреспонденции в Россию «ещё не совершился совершенный указ». В истории казаков Кубани такое переселение не зафиксировано, отметим другое: верховная власть Османской империи не была закрыта от контактов с христианскими подданными Крымского ханства.

Важным могло бы стать замечание А.Д. Бачинского о том, что в 1711 г. султанское правительство предлагало кубанским казакам переселиться в пределы Османской империи, точнее, в гирло Дуная⁴⁵. В свое время мы доверились авторитету А.Д. Бачинского, обосновывая рабочую гипотезу о роли крымско-османского фактора в истории казачества⁴⁶. Однако обращение к первоисточнику ссылки историка (труду М.И. Лилеева) потребовало уточнения. Действительно, Лилеев пишет, что Некрасов завязал какие-то контакты с султанским двором, «предложив свои услуги» в ходе русско-турецкой войны (по контексту: войны 1710–1711 гг.). Реакция Стамбула предстает следующей: «Козакам было дано позволение селиться по берегам Дуная при впадении в Черное море и жить по своим обычаям... исправно являясь на службу в военное время»⁴⁷. Но здесь же (с. 261) исследователь пишет, что, отозвавшись

⁴⁴ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье... С. 260.

⁴⁵ Бачинський А.Д. Дунайські некрасівці і задунайські запорожці // Історичне краєзнавство Одещини. Вип. 6. Одеса, 1985. С. 9.

⁴⁶ Сень Д.В. «Преодоление границы миров»: некоторые аспекты формирования кубанского казачества на территории Крымского ханства и новые практики казачества по освоению Северо-Западного Кавказа (конец XVII в. – начало XIX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 97.

⁴⁷ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье... С. 261–262.

на приглашение, Некрасов с казаками ушел с Кубани, что действительности не соответствует. Следовательно, вопрос о контактах «новых» казаков, подданных хана, со Стамбулом в начале XVIII в. далек от окончательного разрешения. И тем не менее связи казаков Кубани с турками-османами ширятся. Вскоре они стали появляться в Азове — в 1715 г. там видели с казаками самого И. Некрасова. Турки привлекают казаков к участию в военных операциях. Еще один интересный момент: в 1737 г. донскому казаку Кульбакову, посланному в Азов под видом купца, довелось разговаривать с одним из некрасовцев — И. Мельником. Казак, не раскрывая подробностей, заявил, что вместе с другими шестью некрасовцами и рабочими он занимается по приказу азовского паши строительством по разным рекам больших мостов, «коими может хотя бы какое войско и тягость в скорости пройтись»⁴⁸. Речь, по-видимому, шла не столько о непосредственном участии казаков в указанном строительстве, сколько об их организаторской роли, связанной с имевшимися у некрасовцев инженерными навыками.

В 1725 г. в России были получены данные о том, что «из Царя Града пошел вейзирь со многими апашами, и мурзами и янычары чрез Анадоль... а из Анadoля от него... прислан апаша чрез море крымскому хану и нагайскому Дерай салтану (возможно, речь о «Дели-султানে» — «бешеном» Бахты-Гирее. — Д.С.) и воров изменником Некрасову с жалованьем, дабы еще хан собрал вольного войска, котораго уже и того при хане в собрании не малое число, а жалованье давать обещают на всякаго человека по пятнадцати золотых, а помянутые Дерай салтан и Некрасов от него паши жалованье приняли и пошли в поход чрез Керчь, мимо Азова и Черкаскова другою дорогою в персидскую область»⁴⁹. Кроме того, добавлял российский информатор, он слышал от некрасовского атамана, приехавшего после получения жалованья «для покупки из Кефы в Керасев на свои полки воровские провианта и прочих припасов», что войска «якобы подлинно пошли к Теркам и Дербени»⁵⁰.

⁴⁸ Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Т. 1. Екатеринодар, 1904. С. 68.

⁴⁹ Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков. Т. II. Владимир, 1904. С. 1117.

⁵⁰ Там же.

Характерная, считаем, для отношений казаков с верховной властью Османской империи история произошла в Стамбуле в 1755 г. Купец из Малороссии И. Васильев (Мелес) встретил в гостях у другого купца, Е. Пирожникова, кубанских казаков, прибывших с письмом на имя султана⁵¹ и просивших брата И. Васильева — Анатолия, «епископа Мелитинского» — о переводе своего послания на греческий язык. Предусмотрительный Анатолий сделал копию некрасовского письма, остающуюся, как и оригинал, пока неизвестной исследователям. Судя по контексту, речь могла идти о переселении казаков с Кубани в пределы Османской империи. В качестве реальной контрмеры российские «доброхоты» предлагали казакам российскую протекцию и милость императрицы Елизаветы Петровны. В разговоре с кубанскими казаками выяснилось, что больше всего они, казаки, беспокоились о «невозбрании» их в старой вере.

Ситуация развивалась таким образом, что в дело оказался посвящен российский резидент в Стамбуле А.М. Обресков, имевший разговор с предводителем казачьей группы Алексеем Аристовым. Любопытно, что, по словам И. Васильева, спустя несколько лет после описанных событий казаки продолжали пребывать в ожидании императорской «резолюции». Очевидны перспективы поиска архивных источников: в фонде № 248 РГАДА можно ожидать находки копии письма казаков, поскольку епископ Анатолий сдал ее вместе со своим доношением в Сенат в мае 1757 г.⁵² Надо думать, что А.М. Обресков тоже не преминул возможностью отозваться о своем участии в уговорах кубанских казаков.

Историю войсковой организации кубанских казаков мы относим к одному из актуальных вопросов темы. Считаем, что современный дискурс лежит уже не в области доказывания/отрицания тезиса о том, что казаков региона правомочно именовать кубанскими, что у них сформировалось войско. С учетом достижений новейшей историографии, новых уникальных архивных находок⁵³ данный вопрос в целом может быть признан решенным.

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 474. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 2об.

⁵³ Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 344–402; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 474. Л. 2–2об.

Войсковые круги казаки собирали до последних лет своего пребывания на Кубани и, конечно, позже в Османской империи. Войсковая организация не просто существует в указанные годы, она организует жизнь казаков, остается весомым звеном, связующим стратифицированное казачье сообщество. В ходе дальнейшего поиска, считаем, будут учитываться частные аспекты темы. Здесь может идти речь об изучении вариантов наименования войска, отдельных событий, характеризующих время и особенности объединения групп кубанских казаков в единое войско, отношения некрасовцев со «старыми» кубанскими казаками⁵⁴, об инкорпорировании войска в систему управления ханами своими кубанскими владениями, об участии казаков войска в русско-турецких войнах и других событиях сферы военной жизни Крымского ханства.

Считаем, что дальнейшее изучение озвученных выше вопросов (которыми, впрочем, перспективы темы не исчерпываются) зависит не в последнюю очередь от обращения специалистов, пожалуй, к одной из ключевых, проблем: исследованию статуса казаков Крымского ханства как подданных ханов, к выяснению их собственного отношения к своим поступкам не как беглецов, скрывавшихся в «кубанских багнах» от власти ханов, но как людей, последовательно следовавших обязательствам перед ханами, что обеспечило им на Кубани в XVIII в. полноправную жизнь.

---

⁵⁴ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. тр. Вып. 2. Тверь, 2000. С. 63–67; Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38.

В.И. Мильчев, Д.В. Сень

РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАДА)

Источникная база о прошлом казаков-некрасовцев все время пополняется. В этом, помимо новых дискуссий, частично актуализованных ЮНЦ РАН, залог успешного развития данного направления казачеведческой мысли. Очевидно, что решение перспективных вопросов темы (роль и место некрасовцев в истории православия на территории Крымского ханства, индивидуальные судьбы казаков Кубани, неоднородность казачьего сообщества, его группы, адаптационные практики казаков в условиях иноэтничного окружения и пр.) связано не только с их постановкой и возможными путями исследования, верифицируемость рабочих гипотез, формирование нового научного знания о казаках Кубанского (ханского) казачьего войска теснейшим образом связаны с поиском аутентичных источников XVIII в. Подлинные документы XVIII в. позволили, на наш взгляд, существенно развить дискуссию о войсковой форме организации казаков Крымского ханства¹, о месте Кубани в системе старообрядческих центров², о начальном этапе

---

¹ Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2010. 280 с.; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2010. С. 344–402.

² Торопицын И.В. Политика российских властей на Кавказе в отношении казаков-старообрядцев (40-е гг. XVIII в.) // Кавказский сборник. М., 2006.

освоения некрасовцами Северо-Западного Причерноморья³, о последствиях «вызовов» казаков-некрасовцев в Россию и географии их расселения в Подунавье в конце XVIII в.⁴ и пр. Возможно, будут найдены документы о судьбе старообрядческого монастыря, основанного «лже-епископом» Анфимом на Кубани в середине XVIII в. Не исключено, что мы получим новые данные о внешности И. Некрасова, а в одном случае наука может посоветовать: почему посадский сын Василий Петров, видевший атамана под Азовом в 1715 г., оказался скуп в своем описании той встречи⁵? По-прежнему актуален вопрос о поиске источников, связанных с попытками российских властей отравить И. Некрасова⁶. Отметим и то обстоятельство, что именно существенный недостаток источников не позволяет до сих пор положительно решить вопрос об основании первых стационарных некрасовских поселений в Подунавье ранее 1750-х гг., несмотря на усилия специалистов⁷.

Т. 3 (35). С. 32–52; Сень Д.В. Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и положение Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // Липоване. История и культура русских старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. VII. Одесса-Измаил, 2010. С. 3–22.

³ Мильчев В.И. Дискуссия о времени появления некрасовцев в Северо-Западном Причерноморье в свете документов Российского государственного архива древних актов // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А. А. Пригарин. Вып. II. Одесса, 2005. С. 25–30.

⁴ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса–Измаил–М., 2010. С. 65–78, 83 и др.; Мильчев В.И., Сень Д.В. Случай Родиона Решетникова: жизнь казака-некрасовца в конце XVIII века // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: Статьи между. электр. науч. конф. (16–17 декабря 2010 г., г. Краснодар) / Отв. ред. А.В. Венков. Краснодар, 2011. С. 37–45.

⁵ Акты о татарских набегах на Землю войска Донского // Труды областного войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2. Отд. 2. С. 19.

⁶ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 88; Усенко О.Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII вв. («субидеологические» представления, установки, стереотипы) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 1. Ростов н/Д, 2006. С. 102.

⁷ Сень Д.В. Переселение кубанских казаков-некрасовцев в Османскую империю в XVIII в.: дискуссия, новые источники, перспективы изучения // Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. 5. Одесса, 2008. С. 34–38; Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 63 и др.

Результаты архивной эвристики связаны с изучением фондов центральных и региональных архивов России: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Государственного архива Астраханской области (ГАОО) и др. В последнее время отечественные и украинские ученые приступили к изучению собраний турецких архивов по указанной теме⁸. Важное место в изучении самых разных вопросов «некрасовской эпопеи», казачества Крымского ханства отводится нами работе с фондами РГАДА, среди которых назовем № 7, 15, 20, 89, 111, 115, 119, 123, 127, 158, 159, 177, 210, 248, 371 и др. Архивное дело «Об арестантах в С. Петербургской крепости содержащихся Некрасовцах, Фадее Дмитриеве, Шаблыкине, Анхварове» (извлечение из которого см. в приложении) хранится в фонде № 7 («Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии») РГАДА. Содержащиеся в нем документы, за малым исключением⁹ в научный оборот не вводились.

Они уточняют и расширяют наши представления о позднейшей судьбе некрасовцев на территории Северо-Западного Кавказа,

⁸ Конечно, поиски источников по истории казачества в архивах Турции не исчерпываются одними «некрасовскими сюжетами», см.: Ostapchuk V. Five documents from The Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // *Journal of Turkish Studies*. 1987. Vol. 11. P. 49–104; Лемерсье-Кельжеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов // *La Russie et l'Europe XVI-e – XX-e siècles*. Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970. P. 38–64; Туранли Ф. Османский документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // *Український археографічний щорічник*. Нова серія. Вип. 5–6. К., 2001. С. 334–340; Мустакимов И., Трепавлов В. Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2009. № 2. URL: <http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2009> (дата обращения: 14.08.2012); Мустакимов И.А., Сень Д.В. Три османских документа XVI века о ранней истории донских казаков // *Україна в Центрально-Східній Європі / НАН України*. Інститут історії України. Вип. 11. Київ, 2011. С. 307–326.

⁹ Сень Д.В. Переселение кубанских казаков-некрасовцев в Османскую империю в XVIII в.: дискуссия, новые источники, перспективы изучения // *Липоване: история и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин*. Вып. V. Одесса, 2008. С. 23–38.

Анатолии, Румелии в конце XVIII в., об участии казаков-некрасовцев в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Расспросные речи как разновидность судебно-следственной документации, рассматриваемые нами как вынужденно актуализированное интервью, имеют первостепенное значение при исследовании истории казачества Крымского ханства. При сопоставлении их с другими источниками либо в ходе других операций внутренней критики выясняются подробности повседневной жизни казаков Кубани конца XVII–XVIII вв., их занятий, воинского быта, антропонимии и т.д. Именно эти источники пробивают брешь в наших представлениях о «монолитности» казачьего сообщества Кубани, на деле представленного «старыми» и «новыми», состоятельными и неимущими казаками, представителями казачьих кланов, старообрядцами-мирянами и лицами «духовного звания» и пр. Подчеркнем, что об отношениях этих и других групп христианского населения Кубани на уровне социальных связей нам и сегодня известно мало. В условиях достаточной полноты научных представлений об основных этапах формирования казачества на территории Крымского ханства перед исследователями встают новые вопросы. К их числу мы относим изучение частной и повседневной жизни казачества Кубани, генеалогии некрасовских родов, антропонимии членов казачьего социума, грамотности и социальной психологии казаков, связанной с их религиозностью и др. факторами. Антропологический подход к изучению истории и культуры казаков Крымского ханства¹⁰ выводит специалистов на поиск и интерпретацию соответствующих источников, исходящих из народной среды. С одной стороны, можно ожидать новых находок документов личного происхождения, учитывая определенный уровень грамотности в среде кубанских казаков и обстоятельства обнародования подобных фактов¹¹. С другой стороны, интересующие нас материалы сохранившейся судебно-следственной документации более многочисленны и не менее интересны: обладая информацией, запрашиваемый заведомо ставился в ситуацию почти неизбежной ее трансляции.

В условиях, когда от содержания речей во многом зависела жизнь и здоровье лиц, презентующих свое знание, детализация

¹⁰ В данном случае авторы сужают содержание термина до характеристик донских по происхождению казаков, поданных Гиреев, оставляя за «скобками» сообщество запорожских казаков.

¹¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3об. – 4об. и др.

исторического факта порой имела для него (а отсюда — для исследователя) первостепенное значение. Недостаток такого рода «эго-источников» часто ощущается, как справедливо полагают специалисты, при изучении запорожских¹², донских казаков, казачества Кубани XVIII в. Уникальны в этом отношении показания некрасовского писаря А. Алексеева конца 1770-х гг.¹³ — времени крушения у казаков старых исторических ориентиров. Показания некрасовского казака А. Мазанова (начало 1790-х гг.)¹⁴ существенно расширили наши представления о выборах некрасовцами разных путей налаживания своей жизни в Османской империи, о жизни их небольшой «закубанской» группы. Конечно, со счетов нельзя сбрасывать лукавство допрашиваемых, их желание выгородить себя. И все же фактографичность таких документов порой так высока, что позволяет по-новому взглянуть на более общие процессы истории казачьих сообществ Причерноморья либо уточнить такие детали, от описания которых зависит реконструкция сложных социальных процессов¹⁵. В среднесрочной перспективе именно такие, информационно насыщенные источники (например связанные с именами Андрея Маляра, Андрея Мазанова, Александра Алексеева) можно использовать при подготовке сборника документов, посвященных пребыванию некрасовских казаков на территории Крымского ханства и Османской империи.

¹² Мильчев В. Соціальна історія запорозького козацтва кінця XVII–XVIII століття: джерелознавчий аналіз. Запоріжжя, 2008. С. 81.

¹³ Журнал князя Прозоровского о происходящем в Крыму и на Кубани // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/Prisoedinenie/181-200/198.htm> (дата обращения 30.10.2010).

¹⁴ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Показания А. Мазанова (готовящиеся нами к публикации в 2012 г.) — часть дела «Малого-Мазанова», которому посвящены десятки листов дела. Подробнее см.: Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в.– начало XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2010. С. 519–528.

¹⁵ Мильчев В.И. Дискуссия о времени появления некрасовцев... С. 30; Мильчев В.И. Запорозці та некрасівці у пониззі Дунаю. 1780 р. (за матеріалами Російського державного архіву давніх актів) // Матеріали Всеукраїнської наукової конференції «Чортомлицька (Стара) Запорозька Січ в історико-культурній спадщині Нікопольського району» (Нікополь, 10–11 жовтня 2002 року). Нікополь-Запоріжжя-Херсон, 2002. С. 167–173.

Приложение

«Об арестантах в С. Петербургской крепости содержащихся Некрасовцах, Фадее Дмитриеве, Шаблыкине, Анхварове»¹⁶ (извлечение)

// Л. 1. Список содержащимся в Санктпетербургской крепости¹⁷ под секретною стражею арестантам!

// Л. 1об. 3) Козаки, называющиеся некрасовцы¹⁸

Карп Решетников — 20 лет.

Кирила Верников — 20 лет.

Герасим Полетаев — 27 лет.

и Артемий Симионов — 28 лет.

Присланы сюда по повелению же графа Румянцова¹⁹ потому, что оне²⁰ // Л. 2. взяты в плен с турецкой стороны против российского войска. О себе же говорят они, что почему деды и отцы их поселились турецкой области на реке Кубани, тому притчины не знают. А после де перешли уже в Анадوليو, где они и родились²¹. И по возрасту употреблены были по султанскому указу в службу во время с Россиею войны с протчими таковыми ж против российских войск. И отправлены были лотками по берегу Черного моря чрез Дунай в Измаил, а из Измаила по обмундированию их командированы в Яссы к крымскому хану²². Но не доезжая до города

¹⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Дело сохраняет нумерацию Государственного архива МИД Российской империи в г. Санкт-Петербурге. Между тем на следующем листе дела, помеченном римской цифрой II, находим другое (первоначальное?) название «О казаках некрасовцах, и о малдаване Фадее Дмитриеве, и обер-провиантмейстере Шаблыкине».

¹⁷ Другое название крепости — Петропавловская.

¹⁸ Косвенно подтверждает бытование этнонима в среде самих казаков.

¹⁹ Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796) — выдающийся российский полководец, граф, генерал-фельдмаршал. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. командовал 2-й русской армией.

²⁰ Связанный по смыслу текст левого столбца на л. 1об. продолжен в левом столбце текста на л. 2. Поэтому сначала (несмотря на наличие другого текста, содержащегося в правом столбце на л. 1об.) публикуется та часть документа, которая содержательно относится к описанию причин и обстоятельств пленения казаков. Ниже этого отрывка публикаторы разместили текст, содержащийся в правом столбце на л. 1об. (тематически освещающий некоторые перспективы дальнейшей судьбы казаков), продолженный в правом столбце на л. 2.

²¹ Между тем фигуранты дела родились на Кубани.

²² Точнее, к «кубанскому хану» Шехбаз-Гирею (1787–1789), назначенному Портой в 1787 г., как пишет В.Д. Смирнов, в качестве «фиктивного владыки

на дороге взяты с российской стороны донскими казаками²³ в плен и тому три года присланы сюда.

// **Л. 10б.** Сии же показуемые от них казаков и молдована истории за истинныя быть не утверждаются, ибо об них, кроме их собственного о себе показания никакого точнаго по экспедиции сведения и дела не имеется. Но как все они // л. 2 кроме молдована, люди молодые, и усердно желают продолжить службу, а к тому же чрез все время были скромны и спокойны, и сей жребий сносят со всяким повиновением, то посему и не благоугодно ли будет распределить их по полкам Финляндской дивизии з замечанием, дабы они от побегу были удержаны. А сверх сего генерал-майор Денисов²⁴ просил здешняго обер-коменданта, чтоб сих казаков буде возможно отдать ему в команду²⁵.

// **Л. 4.** Содержащейся в Санкт Петербургской крепости под стражею козак, называемой некрасовец Карп Решетников объявил: от роду ему 20 лет. Родился в турецкой области на реке Кубани, а после того жительство имел в Анадолии с отцом и матерью, которая назат тому будет лет с пять померли. А... завезен в Бнадолию по малолетству, не знает. А только слышел от отца, что с Кубани реки сколко ни было там поселившихся российския войска разогнали. А как нынешняя российская с Портою Атаманскою война началась, то от них по указу султанскому²⁶ потребовано было про-

Крыма», как и его преемник Бахты-Гирей (Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М., 2005. С. 209). Вероятно, казаки отправились на Дунай вскоре после начала кампании 1787 г.: тогда требуют уточнения их слова о том, что в крепости они содержатся «третьей год», даже при том, что в Киеве их держали еще около года (см. ниже показания К. Решетникова).

²³ Казаки Войска Донского приняли активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Послужные списки казаков, хранящиеся, например, в фонде № 344 ГАРО, — блестящее тому подтверждение. См. также: Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX в. Ростов н/Д, 2009. С. 228–237.

²⁴ Возможно, речь идет о Денисове Карпе Петровиче — генерал-майоре Войска Донского, либо его родном брате Федоре Петровиче, генерал-майоре с 1787 г., впоследствии — графе, представителях известной на Дону старшинской фамилии.

²⁵ Чуть ниже правого столбца текста на л. 2 стоит помета: «в Сибирь».

²⁶ К письму графа П.А. Румянцева-Задунайского от 26 октября 1787 г., адресованному князю Г.А. Потемкину, приложены интересные сведения,

тив российского войска тритцать человек, в котором числе и он, из Анадолии отправлены лотками по берегу Чернаго моря чрез Дунай реку в Измаил.

Некотораго числа семь человек за болезнию возвратились из Ызмаила обратно за Дунай, а последним 23 человекам // **Л. 40б.** в том числе ему выдали в Ызмаиле лошадей, ружье и пистолеты отправили из Ызмаила с тремя татарами к крымскому хану²⁷ в Ясы. Не доехав города Яс наехали на них российского войска донские казаки. Одного татарина убили до смерти, а другога взяли в плен и шесть человек казаков, в том числе и он, а протчие потонули и разбежались. И приведен он в числе семи человек, одного татарина и шести казаков к генералу, а к какому он не знает, а потом к господину генерал-фельтмаршалу и кавалеру Румянцову Задунайскому, а от Задунайскаго – в город Киев. А по приводе в Киев татарина отделили к протчим пленным, а их шесть человек содержали особливо под стражею без двух недель год и с котораго числа трое померли ... отправлены в город Санкт Петербург в числе осми человек в том числе молдован один. И во время к Петербургу, не доезжая до города Магилева, выдумали от страха, якобы по привозе в Петербург с них будут кожи драть, побег учинить, где трое и бежали. И с коих один сам собою у канвойнаго офицера явился. И приведены в числе шести человек в Санкт Петербургскую крепость, где находитца под стражею третей год. Из числа же шести человек по прибытии в Санкт Петербургскую крепость умре один.

3. Содержащийся в Санкт-Петербургской крепости под стражею казак, называемой некрасовец Кирила Верников объявил: от роду ему 20 лет, родился в Турецкой области на реке Кубани. Отец и мать его померли он не помнит. Воспитывался у зятя, сестры двоюродной мужа²⁸. А когда разогнато селение российским

согласно которым «в Адрианополе обнародован фирман, повелевающий всем раскольникам (надо думать, и некрасовцам тоже. — *В.М., Д.С.*) и прежде бывшим запорожским казакам, занимающимся теперь по большей части следовать немедленно на войну; последние из сих выбрали уже себе начальника, называемого кошевым» (Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического 1774–1788 / Изд. Н.Ф. Дубровин. СПб., 1893. С. 156).

²⁷ О некрасовцах «самого хана», т.е. хана Бахты-Гирея, участвовавших в битве под Бабадагом (1791 г.), сообщал некий «турецкий запорожец» своему брату (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–1об.).

²⁸ Как и в другом случае (см. ниже), таких казачат воспитывали родственники либо восприемники, что важно при изучении института семьи и брака

войском²⁹, тогда он помянутым зятем после того на другое лето привезен в Ынадолию³⁰, // **Л. 5.** где жил лет з двенатцать. А как началась турецкая война, то от ушедших с Кубани в Надолию по указу султанскому потребовано было против российского войска тритцать человек, в котором числе и он из Ынадолии отправлен лотками по берегу Чернаго моря чрез Дунай в Ызмаил. Ис котораго числа семь человек за болезнью возвратились обратно из Ызмаила за Дунай, а последним дватцети трем человекам, в том числе и ему лошадей, ружья и пистолеты, отправили из Ызмаила с тремя татарами к крымскому хану в Ясы. Но не доезжая до Яс, напав на них российского войска донские казаки одного татарина убили до смерти, а другова взяли в плен, и шесть человек казаков, в том числе и он, а протчие потонули и разбежались. И приведен он в числе семи человек, одного татарина и шести некрасовских казаков, к генералу, а какому он не знает, а потом к господину генерал-фельтмаршалу и кавалеру Румянцову-Задунайскому, а от Задунайского отправлены в город Киев. А по приводе в Киев татарина отделили х протчим пленным, а их шесть человек содержали особливо под стражею без двух недель год, ис котораго числа трое померли. Ис Киева отправлены в город Санкт-Петербург в числе осми человек, в том числе молдован один. И во время следования к Петербурху, не доезжая города Магилева, вздумали от страха, якобы по приводе в Петербург будут с них кожи драть, побег учинить, где трое и бежали, ис коих один сам собою у канвойнаго афицера явился. И привезены в числе шести человек в Санкт-Петербург, где находятца в Санкт-Петербургской крепости под стражею третьей год. Из шести же человек здесь в Петербурге умре один.

4. Содержащийся в Санкт-Петербургской крепости под стражею казак, называемой некрасовец Артемей Симионов // **Л. 506.** объявил:

у некрасовцев. Фактов о составе семьи у некрасовцев в XVIII в. все больше; без учета такого банка данных трудно говорить о перспективах использования «некрасовского материала» при изучении истории семьи и брака у донских казаков.

²⁹ Речь об экспедиции И. Бринка — К. Ганбома (Гамбома) против некрасовцев, проведенной в сентябре 1777 г., в результате чего массовое их пребывание на Кубани закончилось. Подробнее см.: Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев. Краснодар, 2002. С. 107–109.

³⁰ В Анатолию некрасовцы, уцелевшие после проведенной против них экспедиции И. Бринка и К. Ганбома (Гамбома), отплыли летом 1778 г. через Суджук-Кальскую бухту.

от роду ему 28 лет, родился в турецкой области. Отец и мать его померли. Он остался малолетним и жил в чужих людех. А слышел он от стариков, что дет ево был донской казак, бежал з Дону с протчими казаками со ста тритцать лет тому назад³¹ и поселился на Кубани от города Атамани один день езды, а сколько верст — не знает³². А как по замерению прошедшей россиской с Портою Атаманскою войны, а в котором году он не знает, приблизились два корпуса з двух сторон россиския к их селению. Тогда они, покинув селения, сев в суда и лотки, поплыли разными путями чрез реку Кубань, а из оной в залив, называемой Чубанской³³. А в заливе же, собравшись в одно место, приплыли к горам, где живут черкесы, остановили свои суда и лотки, поделали для житья себе курени и землянки, в которых и он с протчими перезимовав в тех землянках³⁴. А во время зимования черкесы начали их притеснять, жен и детей красть и убивать³⁵, то оне помянутые суда из онаго залива чрез Кубань косу в зимнее время перетащили в Черное море, а весной, сев во оные, пошли Черным морем в Надолию, где дни щетыре пробыв, поплыли тем же Черным морем, а протчие остались в Надолии, к устью Дуная³⁶, где поселившаяся также живут казаки,

³¹ Легендарное известие, указывающее на категорию «давности». Группа И. Некрасова появилась на Кубани в конце августа 1708 г. Вместе с тем обращает на себя внимание актуализация и развитие устной исторической традиции казаков-некрасовцев и роль в этом группы «стариков».

³² В самом деле, большая часть некрасовских городков была основана казаками после 1711 г. между Таманью и Темрюком.

³³ Кубанский.

³⁴ Сведения А. Симеонова не только подтверждают данные П.М. Саковича, которыми пользуются при реконструкции событий 1777–1778 гг. (см.: Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 108–110), но расширяют наши представления о действиях казаков по своему спасению после сентябрьской расправы.

³⁵ Черкесы и абазинцы постоянно напоминали о себе казакам-некрасовцам, которые и опасались их, и время от времени вступали с ними в военные союзы антироссийской направленности. Очередная стычка с абазинцами произошла у казаков уже во время следования их в Анатолию летом 1778 г.: Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 67.

³⁶ В «устье Дуная впадающего в Черное море, называемого по турецки Кидерлес Бугаз», по словам жителя Збурьевского ретраншемента А. Маляра, ездившего р. Дунаец в еще 1779 г., «состоит расколничья слобода, где несколько живет и из числа ушедших ис Кубани некрасовских казаков» (РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 44).

называемые пилипоны дунайския³⁷. И жил он с помянутыми дунавскими казаками лет з двенатцать. И в то время он в том селении женился на девки и прижел с женою одну дочь. А как нынешняя россиская война с Портою Атаманскою началась, тогда от помянутого селения по указу султанскому послан с протчими того селения таковыми же казаками в числе девяносто семи человек против россискаго войска³⁸. Жена же ево с малолетною дочерью осталась в помянутом селении // Л. 6. у матери в доме. А как чрез Дунай переплыли в город Измаил, а оттуда послан он к хану крымскому на Рябую могилу³⁹, а с Рябой могилы по наступлении зимы с помянутым крымским ханом прибыли к местечку к Вокшанам⁴⁰, а оттуда крымский хан послал сына своего для опасения от россиских войск в розъезд⁴¹, с которым их казаков было тритцать человек, да татар до тысячи пятисот человек же. Но по тогдашнему холодному времени расположились оне в селении Гангуре⁴², где несколько времени пробыли. В то время перед вечером, а котораго числа не помнит, напав на них росейское войско конница и пехота⁴³,

³⁷ Интересный пример именованя некрасовских казаков пилипонами (липованами). При этом по тексту нигде не видно, чтобы часть пленных казаков относилась к некрасовцам, а часть — к липованам (филипонам), как это представляется А.А. Пригарину (Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 68).

³⁸ Казаки-некрасовцы и в ряде других случаев замечены в ходе русско-турецкой войны: Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 124–126.

³⁹ Урочище при впадении р. Серет в р. Прут (Энциклопедический словарь. Т. XXVII А / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1899. С. 512), либо курган на западном берегу р. Прут, близ устья р. Калмацуй (Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 460).

⁴⁰ Фокшаны.

⁴¹ См. также сведения «турецкого запорожца» Н. Байды (1791 г.) о том, что отряд некрасовцев и татар содержит пост при Беш-Тепе «близ того места, где расходится Георгиевский Рукав с Сулинским и сии делают ежедневно разъезды до Тулчи» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 22. Л. 25об.).

⁴² Ганкур — населенный пункт западнее Бендер, где в ходе войны 1787–1791 гг. шли ожесточенные бои с турками. Сражение под Ганкуром, закончившееся поражением турок, произошло в декабре 1788 г. «Неподалеку от Бендерской крепости при разбитии татарскаго войска», как сказано в одном из документов дела, казаки-некрасовцы и попали в плен.

⁴³ В боях под Ганкуром («двухкратная схватка») отличились войска М.Ф. Каменского — см. ниже. Турки были выбиты из Ганкура, а Каменский, командовавший тогда 4-й дивизией, награжден орденом св. Владимира 1-й степени.

разбили всех враз, где ханской сын убит⁴⁴. А он в числе пяти человек взят в плен и приведен был к господину генерал-аншефу и ковалеру Каменскому⁴⁵, где продержав их три дни, а потом отправили к господину генерал-фельтмаршалу и ковалеру Румянцову-Задунайскому в город Ясы, где находился же недели с три, а из Яс отправлен был в полское местечко Магилев, где также находился неделю, а из Магилева в Киев, где находился полгода. А ис Киева потом уже отправлен был в Санкт-Петербург в числе осми человек. И во время следования к Петербургу, не доезжая до города Магилева, что ныне в рассиском владении, вздумали по вселившемуся у нас страху, как он слышал от старых от людей, есть ли де в Россию попадемся, то с нас будут кожи драть, побег учинить, где из них трое бежали, одного зовут Иваном Григорьевым, другога — Яковом Полушубиным, третьяго — Герасимом Полетаевым, ис которых Полетаев сам собою на тот же день явился и представлен на другой день к канвойному афицеру, где он под битием батога был и допрашиван, а он Симионов привезен в Санкт-Петербург // **Л. 60б.** с протчими шести человеками в Военную коллегию, а из оной в Санкт-Петербургскую крепость, где находитца третей год. Из шести же человек по привозе в крепость один умре.

5. Содержащийся в Санкт-Петербургской крепости под стражею казак, называемой некрасовиц Герасим Полетаев объявил: отроду ему 27 год, родился в турецкой области, а слышел он от стариков, что дет ево донской был казак, бежал з Дону назад тому со ста тритцать лет и поселился на Кубани от города Атамани один день езды, а сколько верст не знает. Отец и мать ево померли, а в котором году не помнит. Воспитывался он у креснаго отца, зовут ево Гаврилоу, а как прозываетца не знает, которой остался в дунайском селении. А как по замирении прошедшей россиской с Портою Атаманскою войны приблизились два корпуса з двух сторон россиския к их селению. Тогда они, покинув селению, сев в суда и лотки, поплыли разными местами чрез реку Кубань, а из оной в залив, называемой Чубанской. В заливе, собравшись в одно

⁴⁴ Очевидно, речь о старшем сыне Шехбаз-Гирея Мухаммед-Гирее (см.: Смирнов В.Д. Крымское ханство... С. 209).

⁴⁵ Каменский Михаил Федотович (1738–1809) — генерал-аншеф, впоследствии — генерал-фельдмаршал, граф. Видный российский военный. В 1787 г. был назначен в армию графа П.А. Румянцева командовать 2-м корпусом. Немало отличился в ходе войны 1787–1791 гг.

место, приплыли к горам, где живут черкесы, остановили свои суда и лотки, поделали для зимования себе землянки и курени, в которых и он с протчими перезимовав. И во время того зимования черкесы начали их притеснять, жен и детей красть и убивать, то оне помянутые суда из онаго залива чрез Кубань косу в зимнее время перетасили в Черное море. А весною, сев во оныя, пошли Черным морем в Надолию, где дни шетыре пробыв, поплыли тем же Черным морем, а протчие остались в Надолии, к устью Дуная // **Л. 7.** где поселившиеся также живут казаки, называемыя пилипоны дунайския. И жил он с помянутыми дунавскими казаками лет з двенатцать. А как нынешняя россиская с Портою Атаманскою началась, тогда от помянутаго селения по указу султанскому послан он с протчими того селения таковыми же казаками в числе девяноста семи человек против россискаго войска. А как чрез Дунай переплыли в город Измаил, оттуда послан к хану крымскому на Рябую могилу, а с Рябой могилы по наступлени зимы с помянутым крымским ханом прыбыли к местечку к Вокшанам, а оттуда крымской хан послал сына своего для опасения от россиских войск в розьезд, с которым их казаков было тритцать человек да татар до тысечи пяти сот человек же. По тогдашнему холодному времени расположились оне в селе Гангуре, где несколько времени пробывли. И в то время перед вечером, а котораго числа не помнит, напав на них россиское войско, конница и пехота, разбили всех в раз, где ханской сын убит, а он в числе пяти человек взят в плен и приведены были к генерал-аншефу и ковалеру Каменскому, где продержав их три дни, а потом отправил к господину генерал-фелтмаршалу и ковалеру Румянцову-Задунайскому в город Ясы, где находился де недели с три. А из Яс отправлен был в полское местечко Магилев, где также находился с неделю, а из Магилева в Киев, где находился полгода, а из Киева потом уже отправлен был в Санкт-Петербург в числе осми человек. И во время следования к Петербурху, не доежая до города Магилева, что ныне в россиском владении, вздумали по вселившемуся у нас страху // **Л. 7об.** как он слышал от старых людей, естли де в Россию попадемся, то с нас будут кожи драть, побег учинить, где из них трои бежали, в том числе и он. Но того же числа сам собою явился в полском селе, а как называется не знает, а оттуда к канвойному афицеру на другой день представлен, которой под битием батога допрашиван, не знает ли про тех бежавших, но он знать не мог и привезен в Санкт-Петербургскую

крепость, где находилца под стражею третьей год. Из шести же человек по привозе их в крепость один умре.

Комментарии

Полагаем, что тексты, отражающие расспросные речи казаков-некрасовцев, отложившиеся в указанном деле, появились в октябре 1793 г.⁴⁶ Документ, содержащийся на л. 10–11 об.⁴⁷, расширяет наши сведения об обстоятельствах расследования судьбы пленных некрасовцев. Итак, еще в октябре 1792 г. императрица Екатерина II повелела генерал-прокурору Сената А.Н. Самойлову «обозреть» Санкт-Петербургскую крепость⁴⁸. Вероятно, такое поручение можно связать с вхождением нового прокурора (назначение состоялось 7 сентября 1792 г.) в курс дел, доставшихся ему от занемогшего и отправленного в отставку А.А. Вяземского. Письмо А.Н. Самойлова митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу (Петрову) от «...» октября 1792 г.⁴⁹ свидетельствует, что посещение им крепости состоялось не позже 30 октября того же года.

Во время осмотра крепости новым прокурором был обнаружен молдаванин и 4 некрасовца. Выяснилось, что в Санкт-Петербург они были присланы П.А. Румянцевым-Задунайским; «о себе же говорили они, что почему деды и отцы их поселились Турецкой области на реке Кубане, тому притчины не знают, а после же перешли же в Анатолию, где и они родились»⁵⁰. Оказалось, кроме того, что, по сути, неизвестно, почему казаков заключили под стражу, и что находятся они там «без всякаго призрения и содержания». По итогам посещения крепости А.Н. Самойлов сделал доклад императрице Екатерине II⁵¹, вследствие чего была решена судьба и престарелого молдаванина (постричь в монахи), и молодых казаков. Так, казаков-некрасовцев, по их молодости, надлежало отправить в Сибирь, однако без уточнения — «употреблять» их «в службе или в работе».

В октябре того же 1792 г. А.Н. Самойлов сообщил о деле некрасовцев президенту Военной коллегии графу Н.И. Салтыкову, «яко по

⁴⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 10.

⁴⁷ Судя по имеющейся помете, документ составлен не раньше 22 июня 1793 г.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 10.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 10.

⁵¹ Там же. Л. 10 об., 15.

принадлежности до воинской части, чтоб приказал о сих козаках исполнение учинить»⁵². Обосновывая свое решение обратиться к графу по «некрасовскому вопросу»⁵³ («как же оные козаки содержимы были сколько известно по особо данному вашему сиятельству о них повелению»), генерал-прокурор выступал за то, чтобы «оные люди в повеленное место были отправлены»⁵⁴. В ответ граф уведомил А.Н. Самойлова о том, что от исполнения высочайшего повеления он «удержался» по ряду причин. Генерал-прокурор, не имея, в свою очередь, соответствующего повеления, «сам собою в решение сего отзыва сделать ему не может, а спрашивает вашего императорскаго величества соизволения»⁵⁵. Из письма А.Н. Самойлова графу Н.И. Салтыкову от 25 мая 1793 г. узнаем, что некрасовцы все еще пребывали в Санкт-Петербургской крепости⁵⁶. Генерал-прокурор настаивал на исполнении монаршей воли либо предполагал узнать у адресата причины, задерживающие решение судьбы казаков, с тем «дабы я на случай о сих людях от ея императорскаго величества вопроса мог в точности объясниться». 31 мая того же года последовал ответ графа Н.И. Салтыкова, из которого следует, что первого письма от генерал-прокурора за октябрь 1792 г. он не получал. В противном случае, подчеркнул граф, обращаясь к генерал-прокурору, он «не преминул бы... выполнить (монаршую волю. — *В.М., Д.С.*) и не просил бы от вас вторичнаго об оном извещения»⁵⁷.

Возможна, на наш взгляд, определенная воля А.Н. Самойлова к облегчению участи казаков либо, что также вероятно, к наиболее точному исполнению повеления императрицы в целях недопущения «нештатной ситуации». В анализируемом деле содержится записка о разговоре с пленными некрасовскими казаками, состоявшемся согласно императорскому соизволению с участием представителей Тайной экспедиции⁵⁸, по двум вопросам: касательно срока пребывания казаков под стражей и относительно их видения

⁵² Черновик секретного письма А.Н. Самойлова, адресованного графу Н.И. Салтыкову, от «...» октября 1792 г. содержится на л. 15–15об. указанного дела.

⁵³ Обратим внимание на то, что до заключения в крепость казаки побывали именно в Военной коллегии.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 15–15об.

⁵⁵ Там же. Л. 11об.

⁵⁶ Там же. Л. 19.

⁵⁷ Там же. Л. 20.

⁵⁸ Высший орган политического надзора и сыска в России в 1762–1801 гг., действовавший при Сенате.

дальнейшей своей службы⁵⁹. Поскольку, подчеркнем, Тайная экспедиция подчинялась непосредственно генерал-прокурору, очевидно участие А.Н. Самойлова в таком повороте дела. Пав на землю, как живописует документ, казаки-некрасовцы просили «об определении их по склонности в казацкую службу Донского войска; а как де один из них, называемой Решетников (Родион. — *В.М., Д.С.*), имеет у себя дядю родного того войска полковника Решетникова⁶⁰, которой де находится в Таганроге над тамошними казацкими командами начальником, то и препоручить бы их тому полковнику»⁶¹. Полковник Войска Донского Р.П. Решетников оказался крестным Карпа Решетникова, причем крестил он племянника еще во время пребывания некрасовцев на Кубани⁶².

О других казаках-некрасовцах, пребывающих «за Кубанью», пленные сказали, что «по какому случаю они населились, того совершенно знать не могут, а хотя многие и покушались переселиться в Россию, но как есть между ими молва такая, что есть ли кто попадет в Россию, то сдирают с них тамо с живых кожи, и сим де страхом они от выходу оттуда и удерживаются»⁶³. Известную роль в распространении таких сведений среди казаков и, надо думать, других старообрядцев Подунавья сыграли местные старики и «протчие беглецы»⁶⁴. Что же до «манифестов» о возвращении беглых, то, указали арестанты, в их селении «оных никогда... опубликовано не было, да и слыху об них никакого не бывало». Судя по дополнительным данным⁶⁵, известный разговор с некрасовцами состоялся 22 июня 1793 г.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 8.

⁶⁰ Родион Петрович Решетников — по одним данным, некрасовский старшина, по другим — атаман (что сомнительно), перешедший в российское подданство после массового выселения казаков-некрасовцев с Кубани в конце 1770-х гг. Перевел вместе с собой небольшую группу некрасовцев, основавших д. Некрасовка на берегу Таганрогского залива. Подробнее о нем и судьбе деревни см.: Мильчев В.И., Сень Д.В. Случай Родиона Решетникова (в печати); Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае... С. 83; Федотова Т.А. Приазовье между Доном и Еей. Конец XVIII – начало XIX вв. // Большой Ромбит: Сб. статей по истории и исторической географии Восточного Приазовья. Ейск, 2010. С. 32.

⁶¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 8–8об.

⁶² Там же. Л. 12.

⁶³ Там же. Л. 8об.

⁶⁴ Там же. Л. 12.

⁶⁵ Там же. Л. 12.

1 июля 1793 г. А.Н. Самойлов сообщил президенту Военной коллегии о том, что согласно новому решению императрицы казаков надлежало «отослать к правящему должности генерала-губернатора Новгородского и Тверского господину генералу-порутчику Архарову для определения в канвойные при нем»⁶⁶. А.Н. Самойлов известил о том Н.П. Архарова своим июльским письмом. 28 июля Н.И. Салтыков писал генерал-прокурору о том, что он известил обер-коменданта крепости отдать казаков тому, кто прибудет для их конвоирования к месту следования. 3 августа Н.П. Архаров сообщал генерал-прокурору о доставке в Тверь 4 казаков вместе с его письмом от 30 июля, равно как об определении бывших заключенных в конвойные⁶⁷. На указанном документе дело заканчивается. Вероятно, в ходе дальнейшего поиска целесообразно обратиться к фондам Государственного архива Тверской области.

---

⁶⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2801. Л. 21.

⁶⁷ Там же. Л. 24.

А.М. Коломиец

ДНЕВНИК-ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В НАУЧНУЮ КОМАНДИРОВКУ К КАЗАКАМ-НЕКРАСОВЦАМ

**(Подготовка текста к печати, вступительная статья,
комментарии и примечания В.И. Колесова, Д.В. Сенья)**

История некрасовских казаков XX в. изучена более фрагментарно, чем события более ранних периодов их прошлого. Несомненно, такое положение вещей может быть исправлено написанием новых монографических исследований, включая формат диссертационных работ. Более внушительными предстают здесь результаты изучения фольклора и этнографии общин казаков-некрасовцев Краснодарского и Ставропольского края, которые экстраполируются на целые пласты менявшейся культурной традиции некрасовских казаков¹. Перед специалистами

---

¹ Приведем некоторые работы: Аракельян Е.Т. О музыкальной культуре казаков-некрасовцев. Метод. разраб. В помощь лектору. Ростов н/Д, 1973 (1974). 29 с.; Грысык Н.Е. Сказка в этнокультурной традиции казаков-некрасовцев: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1987. 19 с.; Грысык Н.Е. Заимствования в сказочном репертуаре казаков-некрасовцев // Межэтнические контакты и развитие национальных культур: Сб. ст. М., 1985. С. 14–24; Абрамова Т.Н. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев (по материалам историко-этнографических экспедиций РОМК и СИАМЗ 1977–1984 гг.) // Известия РОМК. Вып. 6. Ростов н/Д, 1989. С. 116–125; Абрамова Т.Н. Некрасовские рогатые кички (к проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Памяти А.М. Листопадава: Сб. ст. Ростов н/Д, 1997. С. 82–90; Власкина Т.Ю. Культура материнства и детства у казаков-некрасовцев // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 137–152;

стоит несколько исследовательских задач, включая поиск и публикацию новых источников как по истории исследования казаков-некрасовцев в XX в. (начатую трудами М.А. Полторацкой, Ф.В. Тумилевича и др.), так и по тематике их проживания в СССР. Безусловно, эвристика такого рода может быть организована не только в региональных архивах (прежде всего — в Государственном архиве Краснодарского края и Центре документации новейшей истории Краснодарского края, Государственном архиве Ростовской области, Государственном архиве Ставропольского края), но и в архивах и фондах государственных и муниципальных музеев Краснодарского края, Ставропольского края, Ростовской области. Отдельное внимание стоит уделить биографиям ученых, краеведов-любителей, всем тем, кто занимался «некрасовскими сюжетами», невзирая на трудности и на то, что не всегда можно было рассчитывать на скорую публикацию результатов поисковой работы.

Отдельный вопрос — история формирования музейных коллекций (групп предметов и материалов) по истории и культуре казаков-некрасовцев. Собрание Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына), не очень большое, но интересное, формировалось еще до Великой Отечественной

Власкина Т.Ю. «Вернулись казаки до своего языка»: реэмиграция 1962 г. в устной традиции казаков-некрасовцев // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2010. С. 54–159; Люшин И. Мы пошли к своему языку // Вокруг света. 1980. № 4. С. 40–45; Медведева В. Казаки-некрасовцы на чужбине и в России // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1996. № 1 (4). С. 45–62; Рабчевская А.К. Трансформация духовного облика старообрядцев под воздействием советского образа жизни (опыт конкретно-социологического исследования среди казаков-некрасовцев): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1973; Тумилевич Ф.В. Предания о городе Игната и их источники // Народная устная поэзия Дона (Матер. науч. конфер. по народному творчеству донского казачества 18–23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д, 1963. С. 315–345; Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского н/Д университета. Труды историко-филолог. фак-та. Т. XLV. Вып. 6. Ростов н/Д, 1958. С. 129–158; Чиликин М. Сильны свободой и верой // Рабочая трибуна. 1990. № 219. 25 сентября. С. 4; Карибов Г. Казаки-некрасовцы на Ставрополье. М., 2006. 254 с.

войны². Публикуемый дневник А.М. Коломийца хранится в научном архиве КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына³. В научный оборот источник ранее не вводился. Название публикации дано исходя из содержания текста, представленного самим автором на обложке дневника 1947 г. Соответственно, второй раз, по тексту публикации, оно не дается. Авторы благодарят за ценные консультации Л.М. Есипенко, с.н.с. КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына.

19 8–13/III 47

Краснодар — Ахтари
Ново-Некрасовская.

Коломиец Анатолий Михайлович —
научный работник

Краснодарского историко-краеведческого музея⁴

Краснодар — Ахтари

19 8–9/III 47

// С. 1 Вечер... Второй звонок. В вагоне суета и перебранка. Кто-то потерял чемодан, кричит: «Поднимай ноги, проверю под скамьями». Пахнет рыбой. Поезд совершает ежедневные рейсы в Ахтари, откуда краснодарцы везут рыбу — добычу ахтарских рыбаков. Покупаю свечу и ставлю возле окна. Народ успокаивается, начинает друг с другом знакомиться. Незаметно поезд трогается.

---

² Корсакова Н.А. Некрасовские казаки на Кубани (по материалам фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника) // 350-летие Азовского осадного сидения: Тезисы докл. конференции. Азов, 1991. С. 27–29. Отметим, что еще в 1939–1940 гг. к казакам-некрасовцам в научную командировку ездила Бэлла Михайловна Васькина, зав. отделом колонизации Краснодарского музея. Именно она привезла костюмы, Евангелия и пр. предметы. В одном из Евангелий В.И. Ивановым найдена уникальная запись, относящаяся к проблематике налаживания казаками-некрасовцами религиозной жизни в 1720-х гг. Подр. см.: Иванов В.И. Кириллическая книжность на Кубани в конце XVII – первой четверти XVIII века // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 4. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 53–76; Сень Д.В. Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и положение Кубани в системе старообрядческих центров (XVIII в.) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Вып. VII. Одесса-Измаил, 2010. С. 3–22.

³ Научный архив КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. Д. 58.

⁴ Этими словами заканчивается текст, помещенный на обложке дневника.

Мелькнули огни рабочего городка, пригородных домишек. Вот и Краснодар II... Поезд уходит в степь. Я еду на Ново-Некрасовский хутор⁵, к потомкам знаменитого Игната Некрасова, сподвижника Булавина. Мне надо подробнее узнать об атамане, судьба которого витает в тумане истории. Интересно, кто остался из прежних моих знакомых? Жива ли Симутина? Все также ли увлекательно рассказывает были о прошлом Зайцева? Где Сиротин? Постепенно глаза мои смыкаются, и я просыпаюсь только в Ахтарях⁶. Люди волнуются, спешат выйти. Я выскочил на перрон и застегнул пальто — студеной ветер с дождем и снегом пронизывал меня до костей. Едва светало. Вышел на базар. Рыба, рыба... Сула, тарань, короп. Спрашиваю у местного жителя: «Как пройти к некрасовцам?».

— «Это к каким же некрасовцам?» — отвечает. — «Уж не к курдам ли?»⁷

Я догадался и кивнул головой. Какова судьба! Потомков крестьянского восстания называют курдами, читай — дикарями. Характерно, что и в районном культотделе называют некрасовцев тоже курдами. Вот это уже дикость, настоящая дикость!

Миновав рыбачью пристань с горой ящиков, с байдами у берега и маячившими поодал парусни // С. 2. ками, пошел по железнодорожному полотну. Ветер утих, пригрело солнце. Стало жарко. Сбоку: справа и слева сваленные с полотна немецкие пульманы, изрешеченные нашими снарядами, взорванные бомбами цистерны, скаты, рамы и другая пресловутая вражья техника. Вплотную к пути подходит море и лиман слева. Вода, безбрежные просторы воды. Изредка полотно прерывается мостами, переброшенными

---

⁵ Хутор Новонекрасовский Приморско-Ахтарского р-на Краснодарского края основан казаками-некрасовцами в 1920 г. Вскоре с ним слился х. Старонекрасовский, основанный казаками тоже в 1920 г.

⁶ Имеется в виду ж/д станция Ахтари. Главный населенный пункт района — станция Приморско-Ахтарская, город с 1949 г.

⁷ Очень важно упоминание о дефиниции «курды» по отношению к некрасовцам. Здесь нужно рассуждать о природе указанного явления. Дело могло быть связано либо с «турецким происхождением» казаков, либо с непривычной «цветастой одеждой», либо с моделью поведения казаков, если местному населению казалось, что некрасовцы держались особняком. Массовые стереотипы восточнославянского населения Кубани в отношении некрасовцев, волнами переселявшихся в XX в. в СССР, — отдельная тема исследования. Замечание любопытно и в той связи, что курды в описываемое время не прожигали массово на территории Краснодарского края.

через каналы-путепроводы для нерестующей рыбы, своего рода опреснители (в Азовском море вода пресная). При моем подходе под мосты прячутся браконьеры. Быстро втянув под мост пауки — рыбацьи снасти — с нетерпением ждут моего исчезновения. Дорога вдруг перерезалась шоссе и повернула направо, к Садкам⁸. Я пошел по шоссе. Оно виляет между плавнями и заводит меня все дальше и дальше в тайгу. Издали видны одинокие рыбацьи шалаши, в которых едва ли можно укрыться от непогоды. Возле них, у крутого берега, привязаны лодки. Зеркало воды блестит на солнце, кое-где покрываясь темными пятнами. Это стаи чаек, уток, лебедей и гусей, остановившись на великом пути к северу, отдыхают. Кряканье, свист⁹, гусиный гогот — все слилось в какой-то неопределенный мощный гам. Над дорогой вьются сотни жаворонков, скворцов. Хмурые галки и гордые вороны на могилках, гребнях камышевых бугров, каркают, изредка тяжело взмахивают крыльями и улетают прочь, в лиманы. Давно ли в этих местах бродили полукикие табуны черноморок, этих потомков татарских коней и тарпунов — кубанской дикой лошади. По дороге — колхоз им. Буденного. Следовательно, тринадцать километров пройдено. Спрашиваю, есть ли черноморки на конеферме? «Были, — отвечают. — Сейчас разводим англо-венгерок». Удивительно! Свою, местную, породу забыть, а разводить совершенно непригодную лошадь. Вдали виднеется Ново-Покровка, // С. 3. один из хуторов некрасовцев¹⁰. Сворачиваю ближе к лиманам. Догоняю путника. Старичок низкого роста с окладистой бородой, совсем белой. Догоняю. Он — потемкинский¹¹. Ему 65 лет. Ходил на Садки за рыбой. Разговорились.

— Откуда? — спрашиваю.

— Дальние. В Турции жили когда-то, у озера Майнос¹². Потом на родину вернулись. Да, вишь, беда! Не станем на ноги. Две голо-

---

⁸ Хутор с указанным названием и ныне расположен на территории Приморско-Ахтарского района Краснодарского края.

⁹ Между словами «свист» и «гогот» стоит зачеркнутое «гого».

¹⁰ Хутор Новопокровский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края основан старообрядцами-липованами (но не некрасовцами) в 1922 г.

¹¹ Т.е. житель х. Потемкинского, основанного старообрядцами-липованами в конце 1920-х гг. и названного в честь советского дипломата В.П. Потемкина.

¹² Оз. Майнос (тур. Manyas) расположено в Балыкесирском вилайете Турецкой республики. В настоящее время носит иное название — Куш.

довки пережили... Да и эта весна не из легких. Еле-еле пробиваемся... Чаботовы мы...

— Что же заставило вас уйти из Турции?

— От солдатчины, сынок, бежали да от бедности лихой¹³. Без земли жить невмоготу. Ходили рыбалить, на дороги — терпели. А как стали в аскеры забирать — не вытерпели и махнули в Россию. Оно как не тяжело, а со своими легче.

— Знать, некрасовцы?

— Не... Некрасовцы от нас в пятнадцати верстах жили, по ту сторону Майноса. Из Румынии мы, дунаками зовемся¹⁴.

— А в Румынию откуда пришли? — Не ведаю. Не при нашей памяти. Слыхивал от дедов — с Кубани туда бежали. Будто Сенька Пахомов¹⁵, атаман, стало быть был такой, увел нас. А уж точно ль, нет, не докажу.

Старик умолк. Мы были уже около Потемкинского хутора. Я свернул влево, он вправо. До Ново-Некрасовки осталось пять километров, я пристал, так как прошел уже двадцать. Дорога стрелой легла через степь. Солнце зашло. Быстро темнело. Впереди показалась фура. Я догнал ее. Позади нее шел молодой парень, лет

¹³ О причинах переселения казаков из Османской империи в Россию в начале XX в. и о народном восприятии событий см., напр.: Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. С. 216–227; Сень Д.В. Причины иммиграции некрасовских казаков из Турции в Россию в начале XX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. науч. ст. к 60-летию и 30-летию научной деятельности профессора В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2000. С. 102–113; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002. С. 164–185.

¹⁴ По соседству с майноскими некрасовцами эти липоване из Румынии поселились в 1870-х гг.

¹⁵ Уникальное свидетельство об атамане первых, «старых», кубанских казаков, поселившихся в регионе в конце XVII в. Подробнее о них и С. Пахомове см.: Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–67; Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009. С. 169–203. Факт интересен и тем, что подтверждает разные формы культурного взаимодействия казаков-некрасовцев и других старообрядческих групп, что, возможно, происходило уже на Дунае в XVIII в.

тридцати пяти. Он оказался сыном Зайцевой Агафьи Лукьяновны. Разговор коснулся урожая, общих тем, потом перешел на исторические темы.

Зайцев помнит Турцию, жизнь на чужбине. С любовью говорит об Игнате Некрасове.

— Умный был атаман, — рассказывает Зайцев. — Увел он наших дедов с Кубани, а мы, внуки, через две сотни лет опять в свои края вернулись. Видно никому не разорвать пуповину, что связывала нас с родиной. Земли вот маловато. Ново-покровцы отрезали. Не отвяжемся от них от самой Турции.

— Разве они не ваши? Не некрасовцы?

— Что вы! Дунаки. Подпоили они в Турции нашего атамана, поставили на своих бумагах нашу печать и под нашей фирмой лезут вслед. Мы из Турции, они за нами. Мы из Батума в Прочноокопскую — они тут как тут. Мы в лиманы, осели, укоренились¹⁶.

Глядим, и // С.4. дунаки прицепились сбоку. Так и не отделились от них. А теперь некрасовцами себя величают.

Я спросил, где живет Макей Андреевич Сиротин и попрощался с ним. Сиротина я застал в колхозной кладовой, которой он заведует¹⁷. Он сразу же узнал меня, кого-то попросил провести в его дом, который здесь нарисован¹⁸ и сам обещал прибыть через час. Хозяйка приняла любезно. Чулан или кухня, вход в которую производится через сени, на земляном полу. В углу — плита без духовки с широким отверстием для камыша, которым здесь топят. Посреди задней стены — окно. Оно сидит глубоко в самане, квадратно, имеет четыре шибки¹⁹. Под ним — кухонный стол, ничем не накрытый. Сбоку двуспальная кровать с вырезанными спинками. В правом углу — киот. Он представляет маленькую медную иконку, обрамленную кисейными занавесочками сверху и снизу.

¹⁶ Подробнее о путях казаков-некрасовцев из Османской империи в Российскую империю (Грузия) и на Кубань см.: Сень Д.В. Казаки-некрасовцы после возвращения на Кубань: 1918–1920 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. № 3. С. 3–6; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 178–185.

¹⁷ Еще в 1941 г., как видно из сведений Ф.В. Тумилевича, Сиротин возглавлял местный сельсовет (Тумилевич Ф.В. Сказки и предания... С. 233).

¹⁸ Речь о рисунке дома, расположенного окнами на улицу и обнесенного забором, очевидно, камышовым.

¹⁹ Шибка (напр., в укр. яз.) — оконное стекло.

Над плитой — веревка, протянута навкося от одной стены к другой. На ней висит тряпка. Над топкой, у подпирающего потолок столба, гвоздь. На нем полотенце. У плиты — ворох камыша²⁰. Справа, на кровати — детвора: три мальчика и девочка. Мать смутилась, увидев меня. Я попросил ее заниматься своим делом и не замечать меня.

Вскоре семья успокоилась. Мать налила в чаш // **С. 5** ки рыбий суп, посадила детвору за стол и раздала им ложки. Старший, наиболее словоохотливый, с умными сверкающими глазенками, воровато поглядывал на меня и, между «делом», рассказывал о прошлогодней рыбной ловле.

— Как начнет шаран тереться, мы — на охоту. Палкой по мешку рыбы набивал... крупная. Поверх воды выскакивает, как жуки, копошится.

— А попадался инспектору?

— Попадался, — чистосердечно признался он. — Разок... мешки с рыбой забрал и сказал: «Лови сколько надо, а зачем зазря бьешь?»

Немного погодя Тереша добавил: «А в лиманах у нас одантра есть, зверек такой, на крысу схожий. Позапрошлым летом тысячу штук в лиманы выпустили. Расплодилось ее теперь уйма. По два помета в лето выводит, а в нем 15–18 штук малышей. Хитрый зверек... нырнет, ждешь, ждешь — нет. Пройдет полчаса, покажется головка. Гнездо у него о восьми дверях. Не угадаешь, откуда вылезет».

От усталости у меня слипались глаза. Мать в это время налила в чашки молока, положила кукурузную кашу и заторопила детей. Пришел Сиротин Макей Андреевич. Беседовали с ним около часа, советовались — к кому мне пойти, с кем поговорить по существу вопроса. Сиротин — член ВКП(б), некрасовец. При немцах подвергался репрессиям, но мир не выдал. Серьезный, дотошливый казак. Хороший семьянин и отец. Любит прошлое своего казачества, но сам ничего о нем не может рассказать. Слушать же будет часами. Регулярно читает газеты...

// **С. 6.** 19 10/III 47²¹. Как только рассвело, я поднялся. На дворе выла снежная вьюга. Одиноко и тоскливо кричал в небе гусь. Видимо, отбился от стаи. На юг возвращались лебеди. Они не рассчитали, двинулись на север и наткнулись на зиму. Она настигла их в пути, на водах лиманов, где они сели на отдых.

²⁰ Рисунок комнаты на с. 5 дневника.

²¹ Дата размещена в заставке, представляющей собой часть ствола дерева.

К десяти часам утра «зима» подалась, снег растаял, показалось солнце и вновь стало тепло. Я пошел в правление колхоза «Красное знамя», в котором объединены казаки-некрасовцы. Состав его — 406 человек. Из них непосредственно некрасовцев 306 или 75%. Колхоз организован в 1935 году²² и получил навечно 1700 га земли. Но почти вся она неудобна для обработки: мочари, болота, солонцы. Исключение составляют 440 га пахоты, которые засеваются ячменем, озимой пшеницей, огородными культурами. Несмотря на это, колхозники жили в достатке, зажиточно, отлично справлялись с поставленными перед ними задачами и ежегодно выполняли и перевыполняли хлебопоставки. Колхоз имел до войны, вернее до временной оккупации немцами Кубани, 50 лошадей, голов крупного рогатого скота, овец, пчелосемей.

Помимо того, каждый некрасовец был обеспечен коровой, овцами, свиньями, находившимися в личной собственности. Немцы с исключительной жестокостью отнеслись к некрасовцам. Дело в том, что некрасовцы никого не выдавали, прятали в камышах скот, хлеб, одежду, саботировали распоряжения немецких властей. В результате ухода в армию 61 мужчин, на хуторе остались одни старики и дети. Это, однако, не страшило их, и они самоотверженно работали на полях, управлялись со всеми сельскохозяйственными кампаниями // С. 7. прекрасно, что и было отмечено районным руководством. Во время временной оккупации немцами Кубани, некрасовцы стойко выдерживали невзгоды, хотя часть из них подверглась репрессиям. Так, например, жестоко была избита плетьюми казачка Рыбанина (Чеботарева)²³ София — бухгалтер колхоза «Красное знамя». По образному выражению ее матери: «У Сани кожа полопалась, не спина была, а земля черная...» За что же преследовали немцы Рыбанину? За то, что она была депутатом совета. «Депутат? — говорила она на допросе. — Правильно, не вы же голосовали за меня...». Был также избит Сиротин Макей²⁴

²² Ср. у Ф.В. Тумилевича: «В 1934 г. хутора Потемкинский и Новопокровский организовали колхоз “Красная звезда”, а Новонекрасовский — “Красное знамя”» (Меч правды. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, предисл. и свед. о сказителях Ф.В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1945. С. 5).

²³ Точнее, Рабанина. Указание на девичью фамилию интересно вдвойне: по-прежнему не изучена эволюция «брачных предпочтений» некрасовцев в XX в., менявшихся под влиянием новых условий существования группы.

²⁴ Между именем и отчеством стоит зачеркнутое «Дмитр».

Андреевич, ныне кладовщик колхоза. Расстрелян немцами также казак-некрасовец, живший в Мариуполе. Отступая с Советской армией, он попал под Ново-Некрасовским хутором в плен и, после истязаний, убит палачами. Фамилию его не удалось установить²⁵.

Как только хутор был освобожден от фашистов, некрасовцы принялись за восстановление своего колхозного хозяйства. Вновь созданы МТФ, ОТФ, пчелопункт, СТФ. Пахотный клин полностью восстановлен. Верные своему долгу²⁶, родине, некрасовцы, не покладая рук, трудятся над развитием своего колхоза. Но их мучит малоземелье и оторванность от районного центра (25 км.) Телефонная связь, радио отсутствуют. Школа — четырехлетка. Она не удовлетворяет требований. Тяга к образованию огромна. Назрела необходимость // **С. 8.** открыть 5 класс...

Растет на хуторе партийно-комсомольская прослойка²⁷. 10 человек коммунистов и комсомольцев руководят²⁸ всей политической и хозяйственной жизнью казаков. Значительно, в связи с этим, уменьшилось влияние церкви. Посещают ее в основном старики и люди среднего возраста²⁹. Молодежь уже не носит бороды, курит³⁰. Но уважение к старшим себя по-прежнему³¹ ярко выделяет некрасовцев из общей среды.

Ознакомившись с состоянием колхоза, я, по совету Сиротина, отправился к Дарье Исидоровне Симутиной³². Эта — гостеприим-

²⁵ Великая Отечественная война оказала воздействие на фольклор некрасовских казаков. См.: Меч правды... (там же см. о тяготах оккупации, перенесенных казаками-некрасовцами: С. 5–6); Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, вступ. статья и свед. о сказителях Ф.В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1947. 56 с.

²⁶ Между словами «долгу» и «родине» стоит зачеркнутое «нек».

²⁷ Между «прослойка» и «10» стоит зачеркнутое «Она».

²⁸ Между словами «Руководят» и «всей» стоит зачеркнутое «св».

²⁹ Любопытное свидетельство о существовании церкви в середине 1940-х гг., требующее дополнительного изучения. Согласно другим сведениям, церковь в х. Новонекрасовском была разрушена в начале 1930-х гг. Священнику Ф. Антошину удалось убежать в Грузию. Может быть, церковь в хуторе восстановили после ВОВ.

³⁰ Очевидно влияние антирелигиозной пропаганды и советской массовой культуры.

³¹ Между словами «по-прежнему» и «ярко» стоит зачеркнутое «сущес».

³² Интересную биографическую «справку» о Дарье Исидоровне (Сидоровне) Симутиной (Семутиной) и ее фото см.: Тумилевич Ф.В. Сказки и предания... С. 237–239.

ная, как и все некрасовцы, женщина. Она встретила меня как старого знакомого (я был в ее хате в гостях в 1941 году³³), пригласила к столу (рыбий суп, молочная лапша) и между нами завязалась оживленная беседа. Дарья Исидоровна помнит Турцию, откуда она прибыла в детстве, когда ей было 9 лет. Она все еще «гутарит» на древнерусском языке и в ее лексиконе до сих пор встречаются и старинные обороты речи, и двойственный падеж. До войны меня, как исследователя, интересовала судьба Игната Некрасова, о котором нет никаких исторических данных, кроме указаний о том, что в 1737 году он, вместе со своим сыном Мишкой участвовал в набеге на Дон. Дарья Исидоровна с удовольствием рассказывала об Игнате Некрасове, у которого «зубы в два ряда, и глаза с блюдце...». Образ атамана — любимый образ Дарьи Исидоровны. Она идеализирует его, придает ему особые качества, которых, быть может, он и не имел. Характерно, что в 1941 году легенда о смерти Некрасова передавалась совсем не так, как сегодня. Тогда Игнат Некрасов погиб // С. 9. на Дунае, теперь — на Дону. «Вот и настигла она (Екатерина П), — рассказывает Симутина, — с своей войской. Ну, и начали биться. Билися, билися... Тогда взял сам Некрасов, за пушку сел, а раньше было ругаться, как попало, нельзя, а он сругался и стрельнул. И тут-то его убили возле пушки...»³⁴. Закончив свой рассказ, Симутина сказала, что вообще-то она плохо умеет сказывать старину и лучше позовет свою мать Агафью Лукьяновну Зайцеву³⁵... Я согласился. Мы договорились с ней, что в следующий вечер она пригласит Агафью Лукьяновну к себе. Было уже поздно. На дворе стояла неимоверная темь. Курлыкали

³³ Итак, А.М. Коломиец не в первый раз был в х. Ново-Некрасовском. Как видно из этого и других примеров, он сумел обрести доверие казаков. Заметим, что Ф.В. Тумилевич несколько раньше стал посещать некрасовцев, причем никто из них не упоминает о знакомстве друг с другом. Тем не менее А.М. Коломийца по праву можно признать одним из первых кубанских исследователей в новейшей истории, обративших самое пристальное внимание на историю и культуру казаков-некрасовцев.

³⁴ Ср. вариант предания, записанного у Д.И. Симутиной Ф.В. Тумилевичем: Тумилевич Ф.В. Сказки и предания... С. 198–200.

³⁵ На с. 9 дневника содержится рисованное изображение А.Л. Зайцевой, подписанное: «Зайцева Агафья Лукьяновна, 1865 г.». Поразительно его сходство с аналогичным изображением А.Л. Зайцевой в книге: Меч правды... С. 47. Выскажем осторожное предположение, что это издание 1945 г. могло быть знакомо А.М. Коломийцу.

в небе журавли, где-то крякали утки. Я с трудом, ощупью добрался к хате Сиротина и, сразу же растянувшись на лавке, крепко уснул.

// С. 10. 19 11/III 47. Ровно³⁶ в шесть часов утра меня разбудил громкий разговор во второй половине хаты. К Сиротину пришли колхозники. Я встал. На дворе лежал снег легким налетом. Он покрыл деревья, сараи, хаты и землю. Дул³⁷ северный ветер, порывистый, резкий. Опять вернулась матушка-зима. В общем, март дает себя чувствовать. Позавтракав сухой рыбой (сушится рыба в целом виде, бока надрезываются ножом, очень вкусно, можно есть без хлеба³⁸; говорят, что в Турции этот продукт был основным в питании), часов в одиннадцать пошел к Винтовкину Игнату Никифоровичу³⁹. Ему 45 лет. Он прибыл из⁴⁰ Турции с первой партией. Меня интересовало отношение⁴¹ некрасовцев к ново-покровцам. Хотелось проверить слова Чаботова о Сеньке Пахомове. Винтовкин не знает о нем ничего. Не представляет он откуда появились ново-покровцы и в Румынию. Часть из них ушли в Конюю⁴² и там, «как [нрзб.] спели и умирали. Белоповцы⁴³ они. Нами гнушались, считали безверными. Дунаки они, дикари. Всеми брезгают, а свою ложку с собой таскают»⁴⁴. Потом мне удалось поговорить по этому же вопросу с Симутиной Д.И. Повальная смерть в Конии бесспорно была вызвана определенными причинами. Симутина сказала: «Ездил и наш отец в Конюю. Там казачки вымерли. Подморная там земля. Вишь ты, белый медведь есть там, озер возле⁴⁵. Сдох белый медведь, и с того медведя завелась холера. От семьи осталось

³⁶ Буква «Р» выполнена в стилизованном виде.

³⁷ Между словами «дул» и «северный» стоит зачеркнутое «легкий».

³⁸ Рисунок, изображающий такую рыбу, помещен здесь же.

³⁹ Между словами «Никифоровичу» и «Ему» стоит зачеркнутое «Он». Биографическую справку о казаке см.: Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1947. С. 145–146.

⁴⁰ Между словами «из» и «Турции» стоит зачеркнутое «Румынии».

⁴¹ Между словами «отношение» и «некрасовцев» стоит зачеркнутое «ново».

⁴² Конья (тур. Конуа) — город в Турции в центральной части Анатолии, центр одноименной провинции Конья.

⁴³ Т.е. беглопововцы.

⁴⁴ Яркое проявление культурных стереотипов, характеризующих отношения между некрасовцами и дунаками (липованами), существовавших еще на территории Османской империи.

⁴⁵ Выражение «озер возле» подчеркнуто волнистой линией.

по одному-два человека. В Кониин было восемь церквох⁴⁶, а потом осталось две церкви⁴⁷.

Таким образом, погибло в Кониин шесть церквей, а в каждой из них было по 300–400 дворов, т.е. «подморная земля» поглотила 1800–2000 дворов. При среднедворовом количестве // С. 11. людей в хате и человека это составляет 7200–8000 человек⁴⁸.

Между прочим, Винтовкин сообщил: 1) что часть некрасовцев переселилась в Америку. «Слышали наши люди, что живут они по нашему обычаю и одежду носят такую же»⁴⁹; 2) что царское правительство, продолжая свою традиционную политику нерусских национальностей и использования казачества в качестве карателей, «раздало некрасовцам (по их прибытии в Россию)⁵⁰ винтовки и по шестьдесят патронов каждому и предложило... бить грузин». «Бейте, — сказали нам, — они разбойники, ненавидят русских. Ну мы и усмирили их» — закончил Винтовкин.

— А где еще живут некрасовцы? — спросил я.

— Хапдалы, по вашему цыгане, гутарили, что видели наших людей за Иерусалимом. Живут богато, в середину (к себе) зря никого не пускают, с бородами...

— А куда делся Игнат Некрасов?

— Не скажу. Пушки Некрасова дед Микул, атаман такой был у нас, сдал туркам⁵¹.

Винтовкин взлез на нары (он живет по заведенному исстари порядку — без кроватей), поджал под себя ноги и, оглянув хату, продолжал:

---

⁴⁶ Слово «церквох», окончание которого ярко характеризует некрасовский говор, подчеркнуто волнистой линией.

⁴⁷ Речь, вне всякого сомнения, о «некрасовском выселке» на о. Мада Кониинского вилайета Османской империи.

⁴⁸ Произвольные расчеты далеки от численности казаков-некрасовцев во второй половине XIX в.

⁴⁹ Нам неизвестны другие факты, подтверждающие переселение части некрасовцев в Америку раньше начала 1960-х гг. Вопрос требует отдельного изучения.

⁵⁰ Первая группа некрасовцев отплыла пароходом из Стамбула в Батуми летом 1912 г.

⁵¹ Вероятно, событие имело место в середине 1860-х гг., когда казаки, ставшие райятами, обязаны были сдать туркам-османам все оружие. До этого они пользовались правом его открытого ношения. Впрочем, в другой раз казаки сдавали оружие туркам в начале XX в.

Убого, сынок, жили мы в Турции. [нрзб.] признаку не было. Порастелем рогожки (хаспер) и лежим. А служить у торкам неволей шли. Накинут на нас комир — столько-то человек в аскер, крути не крути — закон. Были, что откупались. Иные в чужедальние земли, в Египет там иль Абиссинию от аскерства убежали, иные в Россию переправлялись. За чужие законы умирать ой как неохотно...⁵²

Вечером я встретился с Агафьей Лукьяновной Зайцевой. Она пришла к Симутиной. Уж очень любит рассказать о старине, приглядеться своими строгими глазами к новому знако[мо]му; в ее словах — сила, серьезность, безусловная уверенность в правоте. Оспаривать ее нет смысла. Если она сказала: «Не знаю» — все. Чего не слышала или не видала — говорить не будет. Поэтому сведения, черпаемые от нее — правдивы, хотя они и оплутаны клубком волшебства, фантазии.

Агафья Лукьяновна была рада моему приходу // С. 12. Она сообщила, что у «Игната Некрасова братьев не было. Сам он — с Дона, из какого городка неизвестно. Женат не был. Гутарили наши родители, предки, что гонение на него было, от царизма ушел. Был, слышала, и Булавин. В податаманенках у Некрасова ходил. Костье ни Некрасова, ни Булавина не осталось (отпрыска рода). Отросток Драного есть. Дранные у нас есть, да и были. Вокруг нас жили⁵³. На Кубани у Игната Некрасова отдых был. Апосля разделись казачки на три части⁵⁴, одна часть вернулась на Кубань сюда, другая часть в Турцию пошла, а третья — куда делась. Где-то есть Адалия. Будто они в Адалию пошли. И живут они там, никого не подпускают, своя государства у них. Красная река возле. Идет пароход — не допускают туда. Живут сами собой. Город у них, который есть, весь огороженный цементовыми плитами — стенами⁵⁵. Возле

⁵² На этой же странице — рисунок ступы с пестиком и подписью: «Ступа — хата Винтовкина».

⁵³ Вопрос о сподвижниках атамана И. Некрасова — Драном, Лоскуте, Беспалом, о лицах, его окружавших, — один из актуальных и крайне слабо разработанных в данной части казаковедения.

⁵⁴ Буква «ч» подчеркнута. На полях текста — «щасть», где первая буква подчеркнута.

⁵⁵ Рисунок А.М. Коломийца, иллюстрирующий рассказ А.Л. Зайцевой, изображающий часть городских укреплений и двух казаков (один из которых сидит в «летающем кувшине»), находится на с. 12 дневника.

дверей сторож стоит. Дувары⁵⁶ понаведены, гудят от ветру. Тогда хорониться. Гутарят — Александра Никыдонский идет. «Александр идет, Александра Никыдонский» — кричат козащки. Они их все время боятся. Придет такое время, соберутся бедовые козащки и посмотрят в дувары, а они пустые. Разломают их, раскидают, да все станут выходить. Все оттуда выплывать, каждый с сечкой (резаком), да все будут в здоровых шапках. Тоды на свете плохо будет. Сядут козащки в кувшин, налетят на пароход. Пароход разобьют, засверкают // С. 13. камнями... А гутарить те казащки не умеют. Будто прилетали⁵⁷ два казашка оттуда в Константинополь, как гуси гогочут. И скрылись, куда делись...»⁵⁸.

Где эта земля Адалия? В какой стране находится? Какая связь этой, ушедшей в неведомую даль, группы казацков с жителями-соседями, несомненными авторами легенды об Александре Македонском, неизвестно. Все это требует дальнейшего изучения, анализа. Агафья Лукьяновна верит в события, о которых рассказывает...

Очень важные данные о комплектовании в/частей у некрасовцев, произведенных в то время Садык-пашей (Чайковским)⁵⁹, сообщает песня, рассказанная Зайцевой. Упомянула она и о некоем Чернышеве Захаре Григорьевиче, историческое лицо которого требует выяснения.

Остается сказать несколько слов о встрече со стариком Пушечкиным. «В турецкую армию, — сказал он, — первоначально не брали. Но слышал я от своего деда, что раньше были свои полки, на своих конях, при своих шашках. Проти русских ходили. Но стреляли козаки вверх, не хотели бить по своим». Факт интересный, хотя и без этого доказано участие некрасовцев в борьбе против царских войск. О таком же факте сообщил мне и Винтовкин.

⁵⁶ Duvar (тур.) — стена.

⁵⁷ Между словами «прилетали» и «два» стоит зачеркнутое «они».

⁵⁸ Оригинальное описание *города Игната*, не зафиксированное в других источниках.

⁵⁹ Подробнее о М. Чайковском (Садык-Паше) см.: Борисенко Ю. Атаман Садык-паша // Родина. 1998. № 5–6. С. 92–95; Пригарин А.А. Русские старобрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-М., 2010. С. 158–167; Волхонский М.А., Пригарин А.А., Сень Д.В. Панславизм Михаила Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 147–160.

Он сказал: «В Севастопольскую войну на стороне турок были и некрасовцы. Часть их в плен к русским попала».

Задача, которую я ставил перед собой, была выполнена. Судьба Некрасова по-прежнему маячит в анналах истории. Но ближе всего к истине легенда, записанная мною в 1946 года в станице Усть-Лабинской. В легенде точно указывается место гибели атамана, дается описание местности, где он погиб.

Я возвратился в Краснодар.

14.03.1947 г.

Коломиец А.М. — научный работник Краснодарского историко-краеведческого музея.

Комментарии

Дневник-отчет А.М. Коломийца — это рукописный текст, написанный в школьной тетради в линию. Выполнен он чернилами, скорее всего, фиолетового цвета. В тетради имеется несколько рисунков, выполненных чернилами того же цвета и карандашом. Вместе с дневником хранятся цветные рисунки казаков-некрасовцев, авторство которых мы гипотетически относим руке А.М. Коломийца. На наш взгляд (вывод базируется на изучении иллюстраций в дневнике), он неплохо рисует, действуя как ручкой, так и карандашом. Язык повествования образный, сочный, выразительный. Грамотность, образованность автора дневника — категории очевидные, почерк мелкий, разборчивый, в тексте почти нет помарок.

Теперь о «загадке Коломийца» и личности автора дневника. Анатолий Михайлович пишет, что является научным сотрудником Краснодарского историко-краеведческого музея, но документальных подтверждений данному факту, кроме надписи на обложке тетради, пока не обнаружено. В то время А.М. Коломиец работал в школе учителем и занимался краеведческой деятельностью, писал небольшие заметки о народном образовании. Позже он стал основателем музея в ст. Елизаветинской Краснодарского края. По словам Л.М. Есипенко, с.н.с. КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, исследователь дружил с директором музея Клавдией Емельяновой Волковой.

Пользуясь случаем, приведем энциклопедическую статью об авторе дневника, содержание которой актуализирует наши даль-

нейшие поиски: «Коломиец Анатолий Михайлович (1903, ст-ца Смоленская Куб. обл. — 1973 г.) — старейший краевед, пред. Краевого клуба туристов и альпинистов. Род. в каз. семье. Окончил КГПИ. Организатор ряда школьных ист.-краеведч. музеев. Автор очерков о Кубани и путеводителей по туристским тропам. Чл. Геогр. об-ва и Всерос. об-ва охраны природы»⁶⁰. Возникает несколько вопросов, в частности: когда и какой факультет Краснодарского пединститута окончил А.М. Коломиец? Удалось обнаружить две брошюры, написанные А.М. Коломийцем. Одна из них — повесть «В родном ауле» (Краснодар, 1962). Это художественное произведение, в котором повествуется о судьбе мальчика-сироты Михаила (Мухтара), взятого на воспитание адыгами из аула, расположенного на берегу реки Шхагуаше, по-русски — р. Белая.

Вторая книга — это «Настоящий друг» (Краснодар, 1958). А.М. Коломиец посвятил свой текст СШ № 34 г. Краснодара, выпуску 800-го номера ежедневной стенной газеты «Вперед». Судя по тексту, Коломиец работал в этой школе, организовывал в ней музей. В школе работал краеведческий кружок, совершались поездки по краю. Для нас главное здесь следующее: примерно в 1957 г. Элла Герценштейн, занимавшаяся в кружке, выступила с рефератом «Казаки-некрасовцы» (С. 57–59). А.М. Коломиец рассказывает, почему Элла заинтересовалась Игнат-казаками. «Это случилось в 1939 г. Ученик восьмого класса средней школы № 31 г. Краснодара Коля Рябина, способный художник и общественник, проходя по Новому рынку, увидел женщину: одета она была так, как никто на Кубани не одевается. На ней был красный сарафан с бубенчиками. Подбородок закрывал легкий платок. Заинтересовавшись, Коля спросил, кто она и откуда. Женщина ответила, что она некрасовка и недавно приехала вместе со своими родными в Советский Союз, что семья ее живет в Приморско-Ахтарском районе, что предки ее — булавинцы и выселились в Турцию, спасаясь от царского гнева».

Школьники организовали поездку к некрасовцам, собрали, по словам А.М. Коломийца, богатый материал, часть которого была опубликована в районной печати, другая в краевой газете «Комсомолец». Э. Герценштейн же частично воспользовались им, а частично собранным ею материалом, выступила с рефератом.

⁶⁰ Лотышев И. Коломиец Анатолий Михайлович // Кубановедение от А до Я. Энциклопедия / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2008. С. 204.

Для нас важно, что, упоминая о некрасовцах, А.М. Коломиец почему-то ни слова не говорит о своей поездке к ним.

Статус поездки 1947 г. к казакам-некрасовцам — научная командировка. Такое наименование показывает понимание автором методики полевой работы — интервью. Но имеет место и полевое наблюдение, ведь А.М. Коломиец проживает в семье Сиротиных. Продолжительность командировки составила несколько дней, причем, как видно из заключительной даты (14 марта 1947 г.), результаты поездки исследователь изложил на бумаге по «горячим следам». Жанр текста обозначен на титуле — «Дневник-отчет». С одной стороны, очевиден неформальный язык повествования, изложение субъективных впечатлений, а с другой — необходимость документально зафиксировать все увиденное и услышанное. Поэтому текст амбивалентен: описание природы личное, интимное, а вот описание людей, их быта идеологически окрашено; язык автора риторически выверен. В научной части присутствует преамбула — описание поездки в поезде, метафора пути. Подобные вступления есть у многих авторов, например, у К. Леви-Строса в «Печальных тропиках» (глава «На корабле»). Конечно, масштабы А.М. Коломийца скромнее. У современных антропологов описание событий, предшествующих сбору материала, называется «вхождением в поле». О них упоминают, чтобы продемонстрировать эмоциональный фон автора.

Цель командировки связана с собиранием фольклорных текстов у казаков-некрасовцев (преданий и легенд о Некрасове и т.д.). Обратим внимание, что А.М. Коломиец едет к казакам не в первый раз, в хуторе у него есть знакомые. Вероятно, что его поездка 1946 г. в ст. Усть-Лабинскую (там исследователь записал легенду о гибели И. Некрасова) также была связана с его интересом к некрасовцам и итогами предыдущих к ним поездок в Приморско-Ахтарский район. Видно, что исследователь был знаком с какой-то литературой по истории некрасовцев, его наблюдения над рассказами собеседников сопровождает здоровый критицизм. Новую для себя информацию автор иногда воспринимает эмоционально, кажется, он тут же увлекается возможностью организации нового поиска. Получив информацию такого рода (например, о С. Пахомове) А.М. Коломиец старается перепроверить ее. Очевидно, что в контакт с людьми он вступает быстро и умело — достаточно сослаться на разговор со стариком из х. Потемкинского.

Мы видим, что Анатолий Михайлович исключительно наблюдателен: он фиксирует жилище, одежду казаков, употребление ими турецких слов. Не ускользнула от него манера старика Винтовкина сидеть «по-турецки», «шипящие» особенности некрасовского говора. Упоминает исследователь о блюдах некрасовцев. Но едва ли не главное: автор дневника демонстрирует многослойную социальную структуру общества, проявляющуюся в жизни советского колхоза, общинного самосознания, курящей молодежи, противопоставлении казаками себя дунакам по различным основаниям и пр.

Тонкий наблюдатель, Анатолий Михайлович уважительно относится к исследуемому им сообществу. Нигде по тексту мы не встречаем пренебрежительного отношения к чужой, казалось бы, ему культуре с элементами «восточной экзотики». Напротив, чувствуется искренняя обида А.М. Коломийца в связи с именованием казаков курдами. Очевидно, что личное отношение автора дневника к казакам формировалось не вдруг и, помимо книжных знаний, большую роль здесь могли играть его предыдущие поездки. И последнее — анализ творчества А.М. Коломийца заставляет думать, что при определенных условиях он мог бы сделать гораздо больше в изучении истории и культуры казаков-некрасовцев. Но и то, что сделал А.М. Коломиец, заставляет говорить о научном складе его ума, умении критически воспринимать тексты информаторов, моделировать новый научный поиск, обеспечивая приращение научного знания.

О.В. МАТВЕЕВ

СЛЕДЫ РАННЕГО КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ СТАНИЦЫ НЕКРАСОВСКОЙ УСТЬ-ЛАБИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

**(по материалам Кубанской фольклорно-этнографической
экспедиции 2008 г.)**

Современная историческая память кубанских станиц, как и этнокультурная память в целом, представляет собой весьма мозаичную картину. Происходит тесное взаимодействие, сближение и в то же время взаимное неприятие разных исторических нарративов. В пространстве исторической памяти присутствуют как стереотипы традиционного сознания, так и элементы, вбирающие материал из современного информационного пространства. Доминирование тех или иных форм зависит от уровня образования информатора, степени его вовлеченности в механизм преемственности исторической памяти станицы, а также от того, какую функцию выполняет фиксируемый текст в современных условиях. Эти срезы отчетливо прослеживаются в ходе работы ежегодной Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

В июле 2008 г. экспедиция под руководством проф. Н.И. Бондаря обследовала населенные пункты Усть-Лабинского района Краснодарского края, в том числе станицу Некрасовскую. Поскольку одним из первых блоков в нашем вопроснике идет топонимический, то выплыло имя атамана Некрасова. Некрасов основывает крепость, от которой якобы и происходит название станицы Некрасовской. Показали нам и остатки самой крепости на высоком берегу Лабы. Расположенные на северной сто-

роне станицы оборонительные сооружения и сейчас выглядят довольно внушительно. В плане городище представляет собой треугольник, вершиной на юг, в сторону Лабы, с изломанным основанием длиной до 4 м. Высокий вал с трапециевидным сильно оплывшим рвом прикрывал городок только со стороны степи, с севера. С остальных сторон городок земляных укреплений не имел, поскольку здесь совершенно неприступные обрывы высотой до 40 м. В правой, западной части вала, виден проем. Вслед за краеведом В.А. Соловьевым можно предположить, что это проем от оборонительных ворот, а цитадель возвышалась со стороны реки¹. Проводивший нас к остаткам крепости местный житель И.И. Бунин накануне так отвечал на вопрос, почему станица называется Некрасовской:

«А тут же крепость есть Некрасова, вот за станицей. Там вал такой и крепость обнесённая, между Усть-Лабинской крепостью и Некрасова. Вот тут стояла. Потом, значит, тут Суворов проходил, с им воевал, с Некрасовым. Он же, Некрасов этот, не подчинился Екатерине. (Он казак был?)² Кто? Некрасов? Вот я не могу сказать. Знаю, что воевод Некрасов. Ну, он же войском занимался, да. Екатерине не подчинился. И ушёл сюда, в станицу Некрасовскую. Так по его имени, Некрасова, и назвали станицу»³.

Другой станичник И.И. Степанов обозначил сразу несколько источников своего знания о происхождении наименования станицы. С одной стороны, «*это всем в станице известно*», с другой — это «*где-то всё написано*»:

«(Не говорил вам отец, почему назвали станицу Некрасовской?) Почему не говорил? Это всем известно. (Расскажите.) Тут же крепость есть. Вот на том краю станицы была крепость. По-над Лабой, и там станица кончается, и там когда-то свинарик был, а так была крепость. (Остатки сохранились?) Там ещё видно. Там вал был. Шпиль гары вот так, а тут вал, канава была глубокая прокопана. А основал эту крепость беглый казак какой-то, Некрасов,

¹ Соловьев В.А. По следам Суворова. Краснодар, 2004. С. 274.

² Здесь и далее в сборнике в круглых скобках в орфографической записи приводятся вопросы собирателя. — *Прим. ред.*

³ Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее — ПМ КФЭЭ). Информатор И.И. Бунин, 1928 г.р., записан в ст. Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края в 2008 г., собиратель О.В. Матвеев. Аудиокассета № 4070.

где-то с центральной России он бежал. Это ж всё написано где-то, в энциклопедии написано»⁴.

Дальнейшая судьба Некрасова раскрывается как на основе живущих в станице исторических представлений о ее происхождении, так и другой информации, усвоенной лично.

«Когда Екатерина начала завоёвывать Кавказ, они ж бежали в Турцию. А потом в Болгарию. А где-то в шестьдесят втором или шестьдесят третьем году примерно они переселились. Им сделали поселок в Ставропольском крае. Некрасовцев. И вот в школе, есть там пластинки, не знаю, целые они или нет. Мой зять в Москве специально купил две большие пластинки такие, две или три. (Хор некрасовских казаков?) Да, да. И вот эта Нина Степановна (учительница. — *О.М.*) попросила у меня, так они где-то там и остались. Поэтому и название. Крепость была»⁵.

В версии И.И. Бунина уход Некрасова из городка происходил так:

«Когда он воевал, сюда приходил Суворов. Он ушёл в Турцию, вот. С войском. И он ушёл в Турцию, их тама, я понаслышке, дед говорил, и эта, которые шли они отседова, эти казаки в Турцию, их там не турэчили. Их там называют курдами. (Как их судьба потом сложилась? Не говорил дед?) Нет, ничего не говорил. А станица эта стала очень яркая»⁶.

Последняя фраза наводит на мысль, что весь рассказ о Некрасове и его судьбе наряду с объяснением происхождения названия станицы служит и для подчеркивания исключительности станицы Некрасовской. Предание, символом которого выступает такой внушительный аргумент, как остатки крепости, включено в характеристику своеобразного статуса станицы, является предметом гордости и самоопределения жителей Некрасовской.

Сама станица была основана лишь в 1843 г., а ее название было высочайше утверждено 10 февраля 1844 г. По мнению кубанского краеведа Виктора Александровича Соловьева, высказанному им в книге «По следам Суворова», версия о некрасовском городке — выдумки. Игнат Некрасов здесь никогда не бывал, никаких селений не основывал. Городок основали казаки-старообрядцы конца XVII в., которые, обнаружив валы древнего городища, заняли его,

⁴ ПМ КФЭЭ. Информатор И.И. Степанов, 1929 г.р., записан в ст. Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края в 2008 г., собиратель О.В. Матвеев. Аудиокассета № 4071.

⁵ Информатор И.И. Степанов.

⁶ Информатор И.И. Бунин.

ожидая разрешения от хана Селим-Гирея I поселиться в здешних местах. Они спланировали заново оборонительный ров, подсыпали вал, сделав его неприступным со стороны степи. Затем, найдя камень в русле реки Лабы, построили по валу стены с бойницами. Соловьев считает, что донские казаки еще во время Азовских походов знали от пришлых с Кубани земляков, что на Лабе есть казачий городок, где живут раскольники. Зная, что жители городка впоследствии влились в общину некрасовцев, донцы посчитали, что жители городка на Лабе и раньше были некрасовцами. Заняв Лабинскую линию в 40-х гг. XIX в., генерал Г.Х. Засс якобы узнал эту легенду от донцов. А узнав, закрепил ее в истории, назвав станицу у валов городка Некрасовской. Так, по мнению В.А. Соловьева, на карте России появилось очередное «историческое недоразумение»⁷.

Думается, что история наименования станицы Некрасовской несолько сложнее, чем это представляется краеведу. Генерал Г.Х. Засс к 1843 г. уже покинул Кавказ и возведением станицы занимался командир Лабинского казачьего полка майор П.А. Волков. Еще П.П. Короленко в 1900 г. писал, что поскольку «русские всех кубанских раскольников впоследствии называли некрасовцами», то и развалины крепости над Лабой были известны «под названием Некрасовского городка»⁸. Видимо, и в 1843 г. остатки городка с укреплениями поддерживали подобные представления. Последние могли повлиять на наименование какого-то временного поста русских войск, а затем уже от него перейти к официальному наименованию основанной рядом станицы. По крайней мере, подобный механизм формирования мемориальной топонимии нарисован в диссертации С.В. Самовтора⁹.

Существует интересная народная версия того, почему станица названа именем изменника:

«(Алексей Николаевич, вроде бы враг России, а в его честь называют станицу, почему?) Но оно там сельское население, по преданию, оно никому не мешало, и назвали. Некрасовцы, они с русскими даже не вступали в прямой бой, то есть сами набеги не

⁷ Соловьев В.А. По следам Суворова... С. 272–273.

⁸ Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. II. Екатеринодар, 1900. С. 13.

⁹ Самовтор С.В. Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. С. 100.

делали, а в основном с горскими народами воевали, которые поддерживали сторону России»¹⁰.

И далее информатор приводит сведения из книги И.Д. Попко, согласно которым, *«когда горцы Наурскую штурмовали, казаки не вступали в бой и своим одобрением поддерживали терских казаков, которые оборонялись от чеченов»*¹¹. Тем самым не только обрисовывается связь истории с современностью, но и закрепляется за некрасовцами статус «своих», российских.

Один из краев станицы до колхозов назывался Пугачевка. И.И. Степанов объяснял его название тем, что в этих местах был Емельян Пугачев. Причем для подтверждения сослался на книгу с одноименным названием:

«Не читали вы “Пугачёв”? (Роман что ли?) Да. Так он тут был, Пугачёв. У нас вот этот края станицы так называется: Пугачёвка. Это шас уже молодые позабывали. А Пугачёв был тут [...] И вот Пугачёв тут был, отсюда поехал он на Ялик (речь идёт о Яике. — О.М.) поднимать восстание там»¹².

Пугачев поставлен в рассказе вместе с атаманом Некрасовым, и память об этом народном герое тоже подчеркивает неординарность, исключительность станицы, закреплённую в микропонимии.

Версия о казаках-старообрядцах, основавших городок на Лабе еще в конце XVII в., активно включена в мифологию местных казачьих организаций, которые, удревняя свою историю, претендуют на исключительное положение в современном Кубанском казачьем войске. Казаки возвели в станице Некрасовской памятник в виде креста и камня, на котором надпись: «Крест воздвигнут в честь первых казаков и атаманов, ступивших на эту землю. Атаманам Петру Мурзенко — 1688, Савелию Пахомову — 1694, Игнату Некрасову — 1709. Казаки ст. Некрасовской 2002 г.». А.Н. Кузнецов, атаман Усть-Лабинского районного казачьего общества, отмечал: *«Первые люди на Кубань пришли сюда, в эту местность я имею в виду, раньше Краснодара, раньше запорожских казаков более чем на сто лет. Это Пётр Мурзенко»*¹³.

¹⁰ ПМ КФЭЭ. Информатор А.Н. Кузнецов, 1948 г.р., записан в ст. Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края в 2008 г., собиратель О.В. Матвеев. Аудиокассета № 4073.

¹¹ Там же.

¹² Информатор И.И. Степанов.

¹³ Информатор А.Н. Кузнецов.

На имя атамана Кубанского казачьего войска сегодня нередко приходят открытые письма некоторых активных членов казачьих обществ Усть-Лабинского района. Их главный смысл примерно такой: по какому праву празднуются юбилеи кубанского казачества (трехсотлетия старшинства Войска или основания первых кубанских станиц), если первые казаки на Кубани появились у нас, в Некрасовской. Скрытый смысл подобных обращений сводился к тому, что юбилейные средства надо переводить сюда, в Усть-Лабинский район. Подкрепляются такие письма часто ссылками на известный «Казачий словарь-справочник», а также на опубликованные в сети Интернет работы Д.В. Сеня о «первом» Кубанском казачьем войске. Так встречается история с современностью. Атаман Усть-Лабинского района дал нам развернутый рассказ о Петре Мурзенко, Савелии Пахомове, Кондратии Булавине и Игнате Некрасове:

«Когда была эта крестьянская война, хто там бунтом называет, хто освободительное движение от москалей, от Москвы. Москва на Дон влезла, как и сейчас лезет. Не нравилось Кондратию Булавину, он и поднял это восстание. А у него помощником Игнат Некрасов. Он в это время штурмовал Саратов, когда Кондраг Булавин застрелился. И он спустился по Волге, захватил Астрахань, списался с Савелием Пахомовым, чтобы на Кубань прийти, и привёл. [...] И в этом же году становится атаманом донского и кубанского казачества. У Игната Некрасова не только здесь, у него были городки по всей Кубани: Копыл, Тамань, как она называется? Станица Голубицкая, он же основал! [...] Они совместно с крымскими татарами воевали, с черкесами в дружбе жили... Набег делали отсюда с Кубани до самого Саратова. На станицы, которые предали Игната Некрасова»¹⁴.

Рассказ подтверждается не только ссылками на литературу, но и на реликвии, якобы лично обнаруженные в детстве:

«А крепость, я ещё пацаном был, много находили там: и черепа находили, пистолеты такие заржавленные, кремнёвые. А что самое хорошо сохранилось — пороховница! Отдали в школу, в музей, там она и пропала»¹⁵.

И.А. Разумова хорошо показала, насколько велика роль вещественных символов для конструирования исторических нарративов. Реликвии связывают поколения и свидетельствуют о глубине исто-

¹⁴ Информатор А.Н. Кузнецов.

¹⁵ Там же.

рической памяти. Как и любая вещь в культуре, реликвия обладает не только актуальным бытием, но и «идеальным бытием в памяти»¹⁶.

Видимо, для того чтобы показать преемственность Новой линии от раннего казачества, в рассказ вводится сюжет о том, что какая-то часть некрасовцев влилась в состав жителей образованной впоследствии кубанской станицы:

«(Некрасовцев отсюда выдавили?) Они сами ушли отсюда. Да есть какая-то история... Словарь... Казачий словарь трёхтомный. И там одно записано: что после упорных боёв с полками Суворова они отступили к Анапе. Вот эта сторона отступила к Анапе, а эти, что здесь, они ушли в Адыгею часть. Балки, леса были, не пройдёшь, терном всё. Даже я помню после войны балки, терны, а представьте себе, сколько лет назад непроходимые места были, болота и балки. Часть расселилась здесь. Но после, когда вторую линию делали, некоторые дополнили население, дополнили жителей»¹⁷.

Для более глубокого анализа необходимы выяснение степени распространённости зафиксированных текстов, более продолжительная работа в станице Некрасовской. Пока же на основании наблюдений 2008 г. можно сделать несколько предварительных и очень осторожных выводов, больше, скорее, на уровне рабочих гипотез. Территориальная периферийность станицы в исторических представлениях ее жителей компенсируется их культурной отмеченностью, претендующей на точку отсчета, первособытия в истории кубанского казачества. Символикой станичного нарратива о раннем казачестве наряду с макро- и микротопонимическими народными версиями выступает так называемый «некрасовский городок», который органично включен в локальное историческое пространство и влияет на самоопределение его носителей. Функция социально-культурной идентификации через трансляцию и монументальное закрепление текстов о первых казаках и атаманах особенно заметна в мифологической картине мира современного казачьего движения. Наконец, наряду с безальтернативным следованием традиции воспроизводства нарратива о «культурном герое» в лице Некрасова, в станице существует осознанное обращение к культурным архетипам, выливающееся во вторичные формы с опорой на идеологические и профессиональные художественные тексты.

¹⁶Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 162.

¹⁷Информатор А.Н. Кузнецов.

Е.Л. Попок

КОМПОЗИЦИОННОЕ СТРОЕНИЕ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Песенное наследие казаков-некрасовцев — одна из ярчайших страниц русского фольклора. Уникальные образцы, дошедшие до нас благодаря удивительной памяти поколений людей, проживших вдали от своей исторической родины в течение двух с половиной веков, поражают поэтическим разнообразием и мелодическим богатством.

Статья посвящена характеристике закономерностей формообразования лирических песен казаков-некрасовцев, анализу типовых композиционных структур, которые позволяют выявить жанровые стилиевые свойства лирических песен некрасовской традиции.

Обозначим основные этапы изучения композиции лирических песен: выявление основных композиционных структур; определение соотношения стихового, ритмического и мелодического уровней в песенной форме; характеристика процесса становления протяжной формы лирической песни.

Исследование основано на экспедиционных материалах Фольклорно-этнографического центра имени А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (далее — ФЭЦ СПбГК)¹, Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (далее —

---

¹ Экспедиция ФЭЦ СПбГК: Ставропольский край, пос. Кумская Долина, участники: Е.Л. Попок, А.А. Мехнецов, С.В. Булкин (2006 г.); Краснодарский край, х. Новонекрасовский и Новопокровский, участники: Г.В. Лобкова, С.В. Подрезова, Е.А. Юрова (2007 г.), С.В. Подрезова, Е.Л. Попок в 2006 г., экспедиция ФЭЦ и СПбГК в Краснодарский край в х. Новонекрасовский и Новопокровский в 2007, 2008 гг.

МГК)², записях, выполненных в 1980-е гг. в Москве от казаков-некрасовцев Левокумского района Ставропольского края (опубликованы фирмой «Мелодия» в 1984 и 1987 гг.³, составитель и автор аннотаций В.Н. Медведева), образцах, опубликованных А.М. Листопадовым и Т.И. Сотниковым⁴. Источниковая база составляет более 100 песенных образцов.

I. Типы композиционного строения лирических песен

Лирические песни казаков-некрасовцев реализуются в одностиховых и строфических формах.

Одностиховые напевы, ранние формы песенной лирики, составляют небольшую реликтовую группу песен казаков-некрасовцев. Такова, например, песня «Там пролёживала степь дороженька», опирающаяся на 15-сложный тонический стих:

Там пра-лѣж-вы-ла степь-да-рѣ-жунь-кя ни ши-рѣ-кы-я.
Дли-ни-но́й а-на́, степь-да-рѣ-жунь-кя, кан-са́ кра́-ю нет.
Ня два со́-кы-ла пи-ря-лѣт-на-и пе-ря-лѣт ля-тять⁵.

Строфические композиции имеют два варианта воплощения: стиховая строка с зачином, представляющим собой точный или варьируемый повтор последнего звена⁶ предыдущей строфы (далее форма будет именоваться как одностиховая с зачином); двухстиховая строфическая композиция.

² Часть архивных записей И.К. Свиридовой, выполненных в 1960-е гг. от казаков-некрасовцев Ставропольского края, передана сотрудниками МГК в ФЭЦ СПбГК для проведения исследовательской работы.

³ Казаки-некрасовцы. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», 1984. С20 20435 009; Казаки-некрасовцы на чужбине и в России. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия», 1987. С20 25931.

⁴ Листопадов А.М. Песни донских казаков: В 5 т. М., 1949–1954; Сотников Т.И. Русские народные песни казаков-некрасовцев. М., 1950. 31 с. По публикациям А.М. Листопадова и Т.И. Сотникова, чьи записи выполнены от казаков-некрасовцев Краснодарского края, к исследованию привлечены варианты напевов, записанных в ходе экспедиционной работы.

⁵ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 910-15. Исполнитель А.И. Рамзаева, 1935 г.р., записана в п. Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин. Здесь и далее для удобства прочтения сняты огласовки, йотирование, гласные, меняющиеся в процессе слогораспева. Поэтический текст дан в виде модели 15-сложных стиховых строк.

⁶ В качестве звена может выступать полустигия в цезурированных формах или последний сегмент в нецезурированных формах.

Схема 1. Виды композиционных структур
(А, В — стиховая строка, z — зачинный раздел)

1) Одностиховая	А	
2) Одностиховая с зачином		
	z	А
3) Двухстиховая		
	А	В

Небольшая группа лирических песен казаков-некрасовцев имеет одностиховую композицию. Такова, например, песня «Там пролеживала степь-дороженька», опирающаяся на 15-сложный тонический стих:

Там пралёживыла степь-дарóжунья а́на ни ши́ро́кья.
Дли́ной-та [а]на́, степь-дарóжунья, а ей канса́ кра́ю нет.
Ня два со́кыла пи́рля́тнаи а́ни да перя́лёт ля́тять⁷.

Строфические напевы организованы следующими способами: цепная строфа, строфа неповторного строения, строфа с совмещением первого и второго принципов организации.

Цепная строфа формируется за счет повтора последней стиховой строки или завершающего звена стиха в начале следующего построения. Например:

– повтор стиховой строки предыдущей строфы:

Ма́тушка, а ты да Утрён-река,
Ѓасуда́рыня, ре́чь да ба́га́тыя.
Ѓасуда́рыня, ре́ч(и) да ба́га́тыя,
 У тибé, ре́щки, ле́жит сла́ва до́брыя⁸.

– повтор последнего звена предыдущей строфы (преобладающий способ строфической организации в лирических песнях казаков-некрасовцев):

⁷ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 910-15. Исполнитель А.И. Рамзаева, 1935 г.р., записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

⁸ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7451-12. Исполнители Е.К. Бандеровский, 1943 г.р., Ф.И. Бандеровская, 1955 г.р., С.И. Милушкин, 1942 г.р., И.А. Милушкина, 1942 г.р., С.Ф. Елесютикова, 1949 г.р., Ф.К. Чижикова, 1948 г.р., записаны в п. Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Ѓóры май, **ѓóры Майно́ские.**
Ѓóры Майно́ские, эх,
 Вы так што же, ѓóры, **ни спарóдили.**
Ни спарóдили, эх,
 Спародили ѓóры бёл ѓарюч камень⁹.

Строфа неповторного строения предполагает изложение текста без повторов.

Старана́ ли ты май, май старóнушка,
 Старана́ ли май шужа́я, эх, всё шужа́я.
 Я не сам-та зашёл на тибé, старóнушку,
 Я ня сам зашёл заéхыл, эй, всё заéхыл¹⁰.

Совмещение цепного и неповторного принципов строения строфы поэтического текста реализуется в наличии строф, организованных и тем, и другим способами.

Калинушка-ма́тушка вадóю ана спанялá,
 Эх, ва ту пору матушка минé радила́.
 Ва шужу́ старóнушку всё ва да́льнюю,
Эх, ва балишúю симéюшку ни в сую́знаю.
Ва бальшú симéюшку ни в сую́знаю,
 Эх, ва шужия́ да людюшки ни в знакóмаи.
 А шужия́ лóдюшки умéють ани́ ущíti,
В адну́ щёку вдáрють, румяны́ вы́стпыють.
В адну́ щёку дáрють, румяны́ вы́стапють,
 В дру́гую щёку дáрють, руда́ патикéть.
 Пасыла́ють дéвыщку да вдóли иé по выдú,
Ах, разбúту, раздéтаю, в лéтних иé башмащкáх.
Разбúту, раздéтаю, в лéтних иé башмащкáх,
 Примярзáли в ней нóжушки ка сéрыму ка ляду́¹¹.

⁹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 888-20. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

¹⁰ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 888-13. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

¹¹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 911-07. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

Одним из важных аспектов организации песенной формы в целом являются способы межстрофных соединений. Связь мелостроф осуществляется на основе двух конструктивных идей: фиксации границ строфического построения и идеи непрерывного движения мелостроф.

Межстрофные границы могут обозначаться: глубокой цезурой — продолжительной паузой между мелострофами; конечным долгим тоном; интонируемыми сбросами дыхания в конце строфы (вниз на квартовый тон или на неопределенный интервал).

Идея непрерывного движения мелостроф реализуется за счет цепного способа организации строфы — повтора звена предыдущей строфы (кадансового оборота, ритмоформулы, стихового звена); краткого мелодического оборота-связки, выполняющего функцию соединения строф (см. приложение, пример 1, песня «Как ведут доброго молодца на казнь вечную»).

Таблица 1

Строфа	Структура	Вариант из Ставропольского края, соляная запись
1	Одностиховая	И в зашла́ ана́ кра́сныя со... кра́сныя со́лнушка.
2	Одностиховая с зачином	Кра́сныя со́лнушка, Над га́рою зашла над висо... над висо́кою.
3	Одностиховая с зачином	Над висо́кою, Што да за ба́лкью зашла над глы́бо... над глыбо́кою.
4	Одностиховая с зачином	Над глыбо́кою, Над паля́ною зашла над широ... над широ́кою ¹¹ .
		Вариант из Краснодарского края
1	Двухстиховая	Взойди солонушка, а ты взойди, красная, Над горой взойди, солнце, над висо... над высокою.
2	Двухстиховая	Над пальяною взойди над широкою, Ой, над речушкой взойди над глубо... над глубокою.
3	Двухстиховая	Ой, обогрей-ка нас, красная солнушка, Ой, сирот летненьких ¹² , да сирот бед... сирот бедненьких ¹³ .

¹² Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 910-13. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 11 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

¹³ Летненьких — в летней одежде.

¹⁴ Сотников Т.И. Русские народные песни казаков-некрасовцев... С. 19.

Сравнительный анализ песенных форм, записанных от разных исполнителей, выявляет возможность воплощения одной песни в разных композиционных структурах. Вариантность структуры одного напева прослеживается при сопоставлении образцов, принадлежащих как одной, так и разным локальным традициям казаков-некрасовцев. Например, напев песни «И взошло оно, красное солнышко» обнаруживает разные композиционные варианты при сравнении записи 2006 г., выполненной в Ставропольском крае в сольном исполнении, и образца напева, опубликованного в сборнике Т.И. Сотникова «Русские народные песни казаков-некрасовцев» по материалам экспедиционной работы в Краснодарском крае (1950 г.).

В Ставропольском крае напев имеет форму одностиховую с зачином, а по публикации Т.И. Сотникова известен как двухстиховой (автором приведен поэтический текст и одна строфа напева).

Напев песни «Ай да ой, на горочке» в традиции казаков-некрасовцев Ставропольского края сохранился в двух композиционных решениях.

Таблица 2

Строфа	Структура	Вариант из Ставропольского края, сольная запись
1	Двухстиховая	Ай да ой, на го́рачки да на кру́тен(и)кий, Э ай да та́м пастро́иная, эх, сла́вныя слабада́.
2	Двухстиховая	Па празва́нию — каминна́ Масква́, Ай да разари́л-та Маскву́, ах, ва́рвар Напалио́н.
3	Двухстиховая	Ай да он би́л-та, стряля́л пу́шкью свинсаво́й, А́й да падава́л-та го́лас, ах, мла́дес на ма́ря ¹⁴ .
		Вариант из Ставропольского края, ансамблевая и сольная записи
1	Одностиховая	О́й(и), на го́рачки, э да на кру́тин(и)кий.
2	Одностиховая	Ай да там пастро́иная, эх, сла́вная слабада́.
3	Одностиховая	Ай да па празва́нию, эх, крими́янна́я Масква́ ¹⁵ .

¹⁵ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 09-11-06(03)-38. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

¹⁶ Архив ФЭЦ СПбГК № ОАФ 09-11-06(03)-37. Исполнитель А.И. Рамзаева, собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин; № ОАФ 7451-09. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 9 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Одностиховая форма напева бытует до сих пор и записана в экспедиции 2006 г. в ансамблевом и сольном звучании. Двухстиховой образец зафиксирован в сольном исполнении от Анны Илларионовны Рамзаевой, 1935 г.р., которая переняла напев от сестер и относит его к более раннему варианту. Интересно, что в ее исполнении прозвучал и одностиховый напев, основанный на попевках, соответствующих зачинной и кадансовой зонам двухстихового напева.

Приведенные примеры композиционной вариантности напевов лирических песен раскрывают принципы развития строфической формы. Структурное расширение музыкально-поэтической строки — ядра напева — происходит посредством ее удвоения или за счет повтора последнего звена.

На примере сольного воспроизведения песенной формы возможно наблюдать процесс варьирования композиции напева¹⁷, когда изменяется временной показатель музыкально-поэтической строфы за счет увеличения количества слогов. Возникают мобильные зоны, где возможно варьирование музыкального времени. К таким зонам относятся предакцентные слоги зачинного, срединного и кадансового иктов.

Например, в песне «Как ведут доброго молодца на казнь вечную»¹⁸ в зоне 2-го икта (вторая 5-сложная ритмоформула) происходит увеличение слогового и временного показателей в анакрузе (см. схему 2).

Схема 2

Стро- фы	Кол-во слов	Муз. время	5 сл.								
1	5 слогов	3 									
			дóб- ра мó- лад- ца								
5	7 слогов	4 									
			хай да б... шу- жá жа- нá								
9	9 слогов	5 									
			хай да шель- ма б... шу- жá жа- нá								

¹⁷ Образцы, связанные с сольным исполнением, зафиксированы в п. Кумская Долина Ставропольского края в 2006 г. от А.И. Рамзаевой.

¹⁸ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7454-16. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 14 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Возможны и более значительные изменения в структуре песенной формы при сольном исполнении, приводящие к возникновению тирадных строфических форм. Подобное явление наблюдается, например, при исполнении лирической песни с балладным сюжетом «Белогуриста собачка всё прокрикнула»¹⁹. Сольный вариант песни имеет импровизационную основу и обнаруживает связь с рапсодическим типом высказывания, характерным для звучания былин, духовных стихов, причитаний.

Схема 3. Кадансовая зона напева песни
«Белогуриста собачка все прокрикнула»²⁰

Строфы	Муз. время																		
1	10																		
8	11																		
13	11+1																		
16	10																		
18	11																		
19	12+10																		
20	12+10																		
21	11																		
22	10																		

На музыкальном уровне связь со сказительскими формами выражается в свободном варьировании количественно-слогового и временного показателей строфы. Самыми мобильными оказываются

¹⁹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОА 7454-07. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 14 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок. Напев подтверждается ансамблевой записью в последующих экспедициях в Ставропольский край.

²⁰ В 19 и 20 строфах кадансовая зона расширена по принципу строфы-тирады.

зачинная и кадансовая зоны. Например, в кадансовой зоне происходят изменения на композиционном уровне: повтор сегментов строфы, что приводит к возникновению строфы-тирады (см. схему 3).

Характеристика соотношения стихового, ритмического и мелодического рядов песенной формы. Ведущая тенденция формообразования лирических песен казаков-некрасовцев — координация всех элементов песенной формы, соответствующих стиховому, ритмическому, мелодическому рядам, и совпадение границ ее членения на всех уровнях. В схеме 4 представлены основные варианты композиционных построений с зачином и без зачина, в которых совпадают границы структурных звеньев²¹.

Схема 4

1) Мелостроки, состоящие из двух структурных звеньев

«Белогуриста собачка всё прокрикнула»

«Ой, удóвкин сын»²¹

текст	А	
	a	в
z	В	
	с	d
ритм	А	
	a	в
z	А	
	a	в
напев	А	
	a	a1
z	А	
	a	a1

текст	А		В	
	a	в	с	d
z	В		С	
	с	d	e	f
ритм	А		В	
	a	в	с	d
напев	А		В	
	a	в	с	в1

²¹ Здесь и далее большими буквами обозначаются структуры в объеме стиха, маленькие буквы отражают синтаксические звенья стиха, ритмического периода (ритмоформулы), ладоинтонационного ряда (попевки).

²² Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 889-09. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

²³ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 901-05. Исполнители И.А. Милушкина, И.Ф. Ялупин, 1934 г.р., записаны в п. Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края 14 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок. Песня исполняется не с первой строфы.

²⁴ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7449-21. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 14 ноября 206 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

2) Мелостроки, состоящие из трех структурных звеньев

«Ой, девочка, как мы
с тобой обещались»²²

текст	А		
	а	а	в
ритм	В		
	в	в	с
напев	А		
	а	а1	а2

«Не белы снеги»²³

текст	А			В		
	а	в	с	д	е	ф
ритм	В			С		
	д	е	ф	г	h	и
напев	А			В		
	а	в	с	д	д1	е

В Примере 2 (см. приложение, песня «Ой, удовкин сын») показан процесс координации границ 5-сложных звеньев стиха с 5-сложными ритмоформулами и попевочными звеньями.

Другая тенденция композиционного строения лирических песен казаков-некрасовцев — несовпадение уровней членения музыкально-поэтической формы. Это проявляется в автономности мелодического ряда, поскольку границы попевок не всегда соответствуют границам стиховых звеньев и ритмических формул напева. При этом протяженность стиховых и ритмических элементов песенной формы, как правило, совпадает. Это можно проследить на примере лирической песни «Там пролёживала степь-дороженька».

Схема 5²⁵

«Там пролёживала степь-дороженька»²⁶

текст	А			В		
	а	в	с	д		
ритм	А			А		
	а	в	а	в		
напев	А			В		
	а	а	в	с	д	

Текст песни имеет 10-сложную тоническую организацию и стабильную цезуру, делящую стиховую строку на две равные слога-

²⁵ Здесь и далее отсутствие выделенной вертикальной линии обозначает сцепление попевок.

²⁶ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7451-03. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

вые группы. С последними совпадают 5-сложные ритмоформулы, составляющие основу ритмической организации напева. При этом первую мелостроку образуют три попевки (первая попевка соответствует первому полустижию, вторая и третья делят второе полустижие на два интонационных звена). Во второй мелостроке попевки различны по временной протяженности и граница между ними смещена в кадансовую зону (см. схему 5, приложение, пример 3).

II. Принципы соотношения стиха и напева

Группировка лирических песен по принципу соотношения стиха и напева является одним из способов классификации образцов этого жанра, в результате чего оказывается возможным обозначить оппозицию «декламационный» и «протяжный» типы музыкального высказывания. Одним из первых эту тему осветил И.И. Земцовский в монографии, посвященной лирической песне²⁷. К признакам, отличающим протяжные песни от лирических песен, не обладающих свойством протяжности, автор относит развитую мелодику, широкий распев одного интонационного «зерна», большие внутрислоговые распевы, систему словообрывов²⁸. В статье признаки выделенных типов музыкальной речи рассматриваются в связи с количественными и качественными показателями степени распетости стиха и с принципами формообразования, отличающими протяжный стиль пения.

Декламационный тип соотношения напева и текста. Ведущими принципами декламационного типа соотношения напева и текста в песенной форме выступают²⁹: организация напева на основе «чистого» стиха; опора напева на исходные ритмические композиции (термин Б.Б. Ефименковой³⁰); соответствие слога ноте; малораспевность.

Один из ярких примеров, представляющих эту классификационную группу в фольклорном наследии казаков-некрасовцев, — песня «Ни заря занималась» (см. приложение, пример 4).

²⁷ Земцовский И.И. Русская протяжная песня. Опыт типологического исследования. М., 1967. С. 6.

²⁸ Там же. С. 8.

²⁹ О песенных формах декламационного типа см.: Королькова И.В. Лирические песни в традиционной культуре северо-запада России. М., 2010. С. 133.

³⁰ Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001. С. 203.

Декламационный принцип соотношения стиха и напева подтверждается близкими количественными показателями единиц счетного времени и слогов в поэтической строфе. В таблице 3 представлен ряд примеров лирических песен, имеющих декламационный способ музыкального воплощения поэтического текста, и отражено соотношение временного и количественно-слогового показателей в строфе.

Таблица 3³¹

Наименование песни	Временной показатель строфы	Количество слогов в строфе
«Ни заря занималась»	24 ♪	От 20 до 22 слогов
«Ай да ни туманы мои, туманушки»	29 ♪	От 22 до 28 слогов
«Калинушка-матушка»	28 ♪	От 26 до 31 слога
«Садитесь в ряд»	22 ♪	от 20 до 27 слогов

В напевах декламационной группы песен присутствуют отдельные элементы распевности в значимых зонах композиции напева, связанных с акцентными слогами стиха или с последним слогом строки. Например, в песне «Вдоль по речке, по реке» внутрислоговые распевы подчеркивают акцентуацию стиховой строки (см. приложение, пример 5).

В ряде образцов рассматриваемой группы песен намечается тенденция к расширению зон распевности — большую мелодическую нагрузку принимают на себя кадансовые построения, возможно появление слогораспевов в анакрузе. Развитие мелодики приводит к возникновению смежных форм, в которых сочетаются принципы декламационного и протяжного способов музыкального высказывания: равное соотношение участков в музыкально-поэтической строфе, включающих и не включающих слогораспев (см. приложение,

³¹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 897-09. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок; № ОАФ 7454-15. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок; № 911-07. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин; № ОВФ 889-14. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

пример 6, песня «Не из лесу, лесу темного»); совмещение принципа соответствия слога ноте и принципа структурного расширения стиховой основы (распевание) (см. приложение, пример 7, песня «Сторона моя, сторонушка»).

Протяжные формы. Протяжная песенная форма обособляется в песенном фольклоре благодаря характерным свойствам широко-распевности и протяженности, что часто фиксируется на уровне народной терминологии. В традиции казаков-некрасовцев для обозначения старинных широкораспевных песенных форм существует термин *растяжная* песня: «*пайтэя так растяжна, и как вродэ ба дольша*»³².

Как отмечают исследователи (Е.В. Гиппиус, И.И. Земцовский, А.А. Банин, Б.Б. Ефименкова, Т.С. Рудиченко, И.В. Королькова, Г.Я. Сысоева³³), возникновение протяжной формы в лирических песнях связано с двумя принципами формообразования: внутрислоговым расширением песенной строки изнутри (внутрислоговые распевы, увеличение количественно-слогового состава); изменениями типовой структуры, приводящими к возникновению новых построений (словообрывы, текстовые повторы, вставки и др.).

В лирических песнях казаков-некрасовцев мелодизация напева обусловлена появлением слогораспевов почти на каждом слоге стиховой строки. Показательный образец широкораспевного напева — лирическая песня «Ай да я у матушки одна дочушка была» (см. приложение, пример 8).

В протяжных формах количественное соотношение слоговых и временных единиц в музыкально-поэтической строфе иное, чем в образцах декламационного типа интонирования, что отражено в таблице 4 на нескольких примерах.

³² Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7449-20. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

³³ Гиппиус Е.В. Культура протяжной песни на Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Вып. 2. Л., 1928. С. 98–116; Земцовский И.И. Русская протяжная песня...; Банин А.А. О принципах моделирования обобщенного слогового ритма. Вопросы методики и методологии // Памяти К.В. Квитки. Сб. статей. Часть 1. М., 1983. С. 165–179; Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора...; Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов-на-Дону, 2004. 512 с.; Королькова И.В. Лирические песни в традиционной культуре северо-запада России. М., 2010. 360 с.; Сысоева Г.Я. Песенный стиль Воронежско-Белгородского пограничья. Воронеж, 2011. 392 с.

Таблица 4³⁴

Наименование песни	Временной показатель строфы	Количество слогов в строфе
«На заре было да на зорюшке»	50 ♪	От 21 до 24 слогов
«Не из лесу было, лесу темного»	48 ♪	От 21 до 25 слогов
«Ай да я у магушки одна дочушка была»	50 ♪	24 слога
«Ай да ой, на горочке»	46 ♪	От 30 до 34 слогов

III. Процесс становления протяжной формы

Протяжная форма — одна из жанровых черт группы лирических песен. Эта форма выступает в качестве отличительного признака особого стиля пения, характерного для фольклорных традиций многих регионов России: Севера, Юга, Сибири и других.

Возникновение нового типа песенной строфы — протяжной формы — обусловлено интенсивностью мелодического развития. В связи с этим Б.Б. Ефименкова отмечает, что в лирических песнях, «где главным средством выражения было звучание голоса, вокальное интонирование, т.е. мелодика, наиболее способная к передаче всех оттенков эмоционального состояния души человека, развитие пошло по пути разрастания и усложнения форм звуковысотного интонирования, которые и определили способы переструктурирования текстов»³⁵.

Модификации строфической формы связаны как с внутрискрипным расширением песенной строки изнутри (внутрислоговые распевы, увеличение количественно-слогового состава), так и с изменениями типовой структуры, приводящими к возникновению новых построений.

³⁴ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 908-10. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин; № ОВФ 901-04. Исполнитель И.Ф. Ялуплин, записан 14 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок; № ОАФ фл. 16, тр. 435. Исполнитель Е.Т. Ялуплина, 1947 г.р., записана в х. Новопокровском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края 9 августа 2008 г., собиратели С.В. Подрезова, Е.Л. Попок; № ОАФ 09-11-06(03)-38. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

³⁵ Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора... С. 193.

Расширение стиха. Композиционно-ритмические структуры вторичного порядка. Процесс расширения слогового состава стиховой строки связан с введением в текст элементов словесной избыточности (термин А.А. Банина³⁶): междометий, частиц, дополнительных слов, введением текстовых повторов, огласовок, преобразованных окончаний, словообрывов с дальнейшим повтором слова или словосочетания. В результате этого процесса изменяется слоговой состав поэтической строфы при сохранении количества музыкального времени.

Показательный пример, демонстрирующий характерный для местной традиции тип расширения стиха, — текст песни «Ай да ни туманы мои, да туманушки». Он насыщен междометиями, частицами, стиховая строка строится за счет текстовых повторов, развернутых обращений, в результате чего количественно-слоговой состав строфы варьируется от 22 до 30 слогов, при этом протяженность звучания песни от строфы к строфе остается неизменной³⁷.

Ай да ни туманы маі, [маі да туманушки,] **ах,** туманы щижалы. / 22 слога
Ай да ни па вас, ни па вас, [маі да туманушки,] **ах,** сільнаі до́жицкі прашлі. / 24 слога

Ай да будта я, будта я, [душá ли дóбрый мóладес,] **ах,** ляжу́ в тóрвакі в камышú. / 24 слога

Ай да скрозь маі, скрòс(и) да маі, скрòс(и) маі да сустáвушки **ах,** камыш-травка а́на прарасла́. / 30 слогов

Ай да над маёй, над маёй, над буйнай да гáловушки **ах,** птíцка гнёздушку свіла́. / 24 слога

Ай да ты ня вей, ты да ня вей, [птíцка да либядíнушка,] **ах,** тóплау гнёздушку сибé. / 26 слогов

Ай да ты лятí-ка, да лятí, [птíцка да либядíнушка,] **ах,** (к) рóднай мáтушки дамóй. / 25 слогов

Ай да ты скажи, ты скажи, [птíцка да либядíнушка,] **ах,** ваш сын бéз весті прапáл. / 23 слога

Ай да я нашла, я нашла, [птíцка да либядíнушка,] **ах,** в тóрвакі явó камышú. / 24 слога

Я свíла, я свíла, [птíцка да либядíнушка,] **ах,** тóпльно гнёздушку сибé. / 23 слога³⁸

³⁶ Банин А.А. О принципах моделирования обобщенного слогового ритма...

³⁷ Для большей наглядности в тексте сняты огласовки, жирным шрифтом выделены междометия, частицы, курсивом — словесные повторы, в скобки взяты обращения.

³⁸ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7454-15. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Соотношение модели и ритмики расширенного стиха вскрывает разные смысловые уровни, заложенные в песенной форме. Фактический ритм слогапроизнесения отражает реальный процесс формообразования и позволяет выявить жанрово-стилевые черты лирической протяжной песни. Слогоритмическая модель обнаруживает остов напева, дает возможность выявить его генетические основы и увидеть типологические связи образцов фольклора разных жанров. При сопоставлении уровней ритмического воплощения напева обнаруживается большая событийность в реально звучащем ритме. По отношению к слогоритмической модели фактический ритм слогапроизнесения более прихотлив.

Для становления протяжной формы важны структуры второго ряда по отношению к первичным глубинным моделям слогового ритма. Они возникают как на уровне внутренних, так и на уровне внешних структурных изменений напева³⁹.

Одним из этапов видоизменения слогоритмической структуры напева может быть трансформация мельчайших ритмических единиц — ритмоформул. Расширение ритмоформулы-основы и закрепление ритмоформулы вторичного порядка — явление, характерное для лирических песен и связанное с процессом становления протяжной формы, развитием мелоса. Вторичные структуры⁴⁰ закрепляются в напеве и приобретают статус словарных ритмических единиц в силу своей устойчивости и повторяемости.

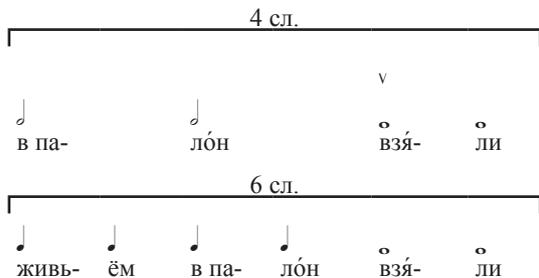
Расширение первичной ритмоформулы связано с процессом дробления слогов без увеличения временной протяженности стихового звена. В лирических песнях казаков-некрасовцев такому расширению подвержены 4- и 5-сложные ритмоформулы. Например, 4-сложное звено за счет дробления преобразуется в 6-сложное (см. схему 6).

---

³⁹ Фактический ритм слогапроизнесения неоднократно являлся предметом исследования фольклористов-теоретиков. Проблема координации напева с ритмом расширенного стиха в протяжной песне рассматривалась А.А. Баниным, Б.Б. Ефименковой, Т.В. Дигун и другими учеными. Теория вторичных ритмических композиций (термин Б.Б. Ефименковой) раскрывает процесс структурной модификации стихового, ритмического и мелодического уровней напева. Как отмечают исследователи, вторичные композиции опираются на типовые ритмические звенья, имеющие словарный статус.

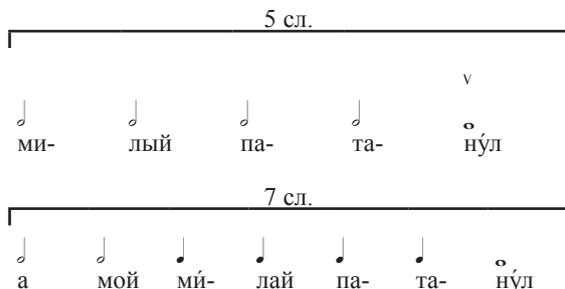
⁴⁰ Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора... С. 200–220.

Схема 6

5-сложная ритмоформула тем же способом модифицируется в 7-сложную (см. схему 7).

Схема 7

Наиболее очевидная возможность увидеть особенности конструирования протяжной формы возникает при сопоставлении фактического ритма слоγοпроизнесения и слогоритмической модели, что представлено в схеме 8 (см. приложение). Как видно из схемы, слогоритмическая модель, соответствующая «чистому» стиху, состоит из двух 5-сложных ритмоформул. На уровне фактического ритма слоγοпроизнесения песенная форма обнаруживает не 2-членную, а 3-членную структуру, поскольку второй полустих включает два 5-сложных звена.

Другой пример возникновения вторичных ритмических композиций — песня «Сторона моя, сторонushка». Слогоритмическая форма песни опирается на цезурированную стиховую структуру со слоговым составом 5+5+6. Эта стиховая модель представляет собой основу песенного текста:

- 2 с. Я не сам зашёл на старонушку, я не сам заёхыл.
3. с. Занесла минé, добра мо́ла(д)са, занесла няво́ля.
- 7 с. Как стрыгу́ть, стрыгу́ть добру мо́ладеу кудерки русыя.

С одной стороны, устойчивость акцентных позиций и их местоположение (анapestический зачин и хореическая клаузула, наличие среднего акцента в строке) позволяют говорить о чертах тонического типа стихосложения и соотносить строки текста песни с 14-сложными стиховыми строками тонического типа (с хореическим окончанием)⁴¹.

С другой стороны, ритмика реального слогапроизнесения и промежуточный этап моделирования обнаруживают самостоятельные ритмические композиции, состоящие из устойчивых ритмоформул, входящих в словарный фонд изучаемой традиции:

- 3-сложные —
- 4-сложные —
- 5-сложные — (вар.)
- 6-сложные — (вар.)
- 7-сложная —

В схеме 9 (см. приложение) показаны результаты многоуровневого моделирования слогового ритма, возникающие на разных этапах «сворачивания» текста. Эти результаты демонстрируют динамику изменений ритмического рисунка и варианты прочтения структуры песенной формы.

Внутрислоговые распевы. Наиболее явно процесс развития мелоса выражается на уровне внутрислоговых распевов. Выделяются две группы внутрислоговых распевов в лирических песнях казаков-некрасовцев: распевы, не являющиеся самостоятельными структурными единицами песенной формы (собственно слогораспевы); распевы, обладающие статусом самостоятельной структурной единицы напева — распевы-возгласы.

Слогораспевы выполняют важные функции в формообразовании лирической песни. Они увеличивают протяженность музыкально-поэтической строфы, формируют протяжную песенную форму, способствуют объединению, слитности мелодико-структурных построений. Протяженность распевов в лирических песнях казаков-некрасовцев варьируется от кратких мелодических оборотов до развернутых построений, достигающих размеров музыкальных фраз.

В анализируемых лирических песнях слогораспевы закрепились за определенными местами в композиции мелострофы. Типологически устойчивым является положение слогораспевов:

⁴¹ Лирические песни с 14-сложной 3-акцентной стиховой строкой и близкой слогоритмической моделью зафиксированы, например, в печоро-гдовских традициях Псковской области.

на иктовых слогах стиха, что подчеркивает значимость акцента и координирует стих с интонационным рядом напева; на последнем слоге слоговой группы (в цезурированных песенных формах); в кадансовой зоне.

Как уже отмечалось, особенности формообразования протяжной песни взаимосвязаны с процессом мелодического развития. Одним из результатов этого процесса становятся самостоятельные мелодико-ритмические построения, имеющие вид распевов-возгласов⁴² — конструктивно выделенных разделов песенной формы.

Распевы-возгласы обособляются в виде структурных построений на всех уровнях песенной речи: имеют самостоятельное вербальное воплощение (междометия «эх», «ах»), причем вербальная составляющая обуславливает структурные границы распева-возгласа; обладают самостоятельным музыкальным временем; в композиции песенной формы соответствуют попевке или небольшой мелодической фразе.

В лирических песнях казаков-некрасовцев возможно выделить краткие распевы-возгласы и развернутые мелодизированные формы распевов.

Семантическая направленность распевов-возгласов связана с функциями зова-обращения и лирического повествования (мелодические развернутые построения). Ладовые свойства мелодических образований, соответствующих распевам-возгласам (попевка, мотив), определяются наличием одного опорного тона, выделенного способом звуковысотного контраста — сопоставлением с предыдущей опорой лада (см. приложение, пример 9, песня «Ай да ой, на горочке»).

Ладовая значимость распевов-возгласов может проявляться на уровне обособления распева-возгласа как самостоятельной попевки, имеющей новый ладовый центр. Например, в песне «Горы Майноские» ладовый сдвиг реализуется в мелодической фразе, соответствующей распеву-возгласу (см. приложение, пример 10).

Ритмические особенности распевов-возгласов связаны с наличием мелкого ритмического движения, организованного вокруг более долгого тона — ритмического акцента. Краткие распевы-возгласы опираются на ритмическую ячейку $\bullet \cdot \text{♪}$ ⁴³.

⁴² Термин «распев-возглас» использовался в работах К.А. Мехнецовой, см. напр.: Мехнецова К.А. Смоленские лирические песни с распевами-возгласами // Музыкальное наследие России: истоки и традиции. СПб., 2001. С. 4–19.

⁴³ Представлены фрагменты песен «Калинушка-матушка», «Ай да как приехали к молодой вдове». Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 911-07. Исполнитель

Эх, ва ту по - (ё) - ру ма - туш - ка

Эх, ди - тей пи - ти - ре - ни - ка

В мелодизированных формах распевов можно выделить две тенденции ритмической организации:

– формирование ритмического акцента-долготы в конце распева:

– долготное выделение начального тона распева:

Мелодически развитые распевы-возгласы реализуют различные приемы интонационного развития:

– опевание опорного тона;

Эх

Э - (е - е - е - е - э)-х(ы)

– волнообразное движение к опорному тону.

э - (е - э - е)

э(х)

Композиционные функции распевов-возгласов в музыкально-поэтической строфе различны. Распевы-возгласы возможны: в зачинной зоне мелострофы; в кадансовой зоне мелострофы; между мелостроками; на границах разделов мелостроки (после цепного зачина; между полустушиями).

А.И. Рамзаева, записана 9 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, Н.В. Мясгина, С.В. Булкин; № ОАФ 7454-10. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 14 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Степень самостоятельности распева-возгласа как структурной единицы зависит от координации его вербальной, ритмической и мелодической составляющих. При совпадении этих уровней возможно сравнить распев-возглас с конструктивной вставкой в напеве.

Анализ распевов-возгласов позволяет обозначить их основные функции в напевах лирических песен казаков-некрасовцев, среди которых: композиционное расширение протяжной формы; соединение структурных звеньев напева (связующая функция); маркировка границ композиционного членения музыкально-поэтической строфы (дифференцирующая функция); усиление мелодического начала в напеве.

Указанные свойства характеризуют распев-возглас как полифункциональную микроструктуру. В процессе формообразования подобное качество распева-возгласа способствует структурированию и скреплению музыкально-поэтической формы на разных уровнях.

* * *

В композиционном отношении лирические песни казаков-некрасовцев представляют собой распространенные в русской песенной лирике структуры, реликтовую группу которых представляют одностиховые напевы. Вариантность использования разных типов композиции для воплощения одной песни и подвижность внутри структурных построений обнаруживается при сравнении образцов лирических песен в записях от разных исполнительских составов (сольные, ансамблевые варианты исполнения, образцы, записанные в разные годы).

Ведущая роль декламационного типа музыкального высказывания, свойство малораспевности в песенной форме свидетельствуют об их принадлежности к раннему пласту песенного фольклора, для которого характерна связь с речевыми истоками.

Песенные формы, обнаруживающие случаи несовпадения попечного членения напева со стиховым и ритмическим компонентами, демонстрируют специфику лирической песни как жанра, в котором ведущую роль занимает процесс мелодического высказывания. Процессы расширения стиха и возникновения структур вторичного порядка в лирических песнях казаков-некрасовцев не настолько выражены, как в других певческих традициях.

Спецификой протяжной формы в песенной традиции казаков-некрасовцев является доминирование принципа распевания стиховой основы и ведущая роль слогораспевов. Своеобразие лирических песен составляют распевы-возгласы, выступающие в качестве самостоятельных структурных единиц и имеющие полифункциональный статус.

Приложение

Пример 1⁴⁴

3. На ру - ка-х(ы) у ня-го, до - бры-ва мо - лы-дця, це - пи
мс - (е) - - - - - дна - - - - - и.

⁴⁴ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7454-16. Исполнитель А.И. Рамзаева, записана 14 ноября 2006 г., собиратели Е.Л. Попок, А.А. Мехнецов. Здесь и далее расшифровка Е.Л. Попок, звук [г] фрикативный.

Пример 2⁴⁵

10 сл.

♩=80

Ой, си - ро - то - ёв сы - н(ы) си - ра - ти - но - (и)в сы - н(ы),

10 сл.

ой, ка - ли же ты был, был ма - лё - ше - ник.

⁴⁵ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 889-09. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин. Удова — вдова. Здесь и далее графически выделены синтаксические единицы: ритмоформулы и попевки — скобками; лиги обозначают функциональные тяготения тонов.

Пример 3⁴⁶

10 сл.

$\text{♩} = 52$

2. Дли - н(и) - ной да-ро́ж-ки а ей кан - ца́ кра - (я - ю) не - (е)т,

а а б

10 сл.

ши - ри ной да-ро́ж-ки а - на́ ни ши ро́ - (ё - о) - кы - я

с д

⁴⁶ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7451-03. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Пример 4⁴⁷

3. Ва - ка - та - лы - ся зна - мя цар - ские - я,
зна - мя ца - р(и) - ские - я, га - су - да - р(ы) - ские - я.

Пример 5⁴⁸

2. Лёг - ка лё - дыщ - ка плы - вёт, да
за са - бой мно - га ви - дёт.

⁴⁷ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 897-09. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

⁴⁸ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 897-07. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Пример 6⁴⁹

♩ = 52

2. Вы - (и) - бс - га - ла жа та - м(ы), брат - цы, зве -

ри - нуш - ка,

ни зве - ри - нуш - ка э - та ко - н(и) [до - б(ы) -

ра] ло - шадь.

⁴⁹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7452-03. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок. В примере 6 скобками отмечены участки песенной формы декламационного соотношения напева и текста.

слогеритмическая модель

ритм фактического слогопроизнесения

Пример 7⁵⁰

2. Я не са-м(ы)-та за-щёл на ти-бё, ста-ро-ну (ю)-шку-(э-ёй),

слогеритмическая модель

ритм фактического слогопроизнесения

я-(я) не сам за-щёл, за-ё-хыл, э-(е-э)-й(и), всё за-ё-хыл.

Пример 8⁵¹

2. Ад-на до-(я-ё-ё)-чу-(ю)-шка бы-ла-(а-я-е-я-е-я-е-я-е-я), а-х(ы),
о-(й) да у ра-(я)-ди-(йи-йи-йи-йи-йи)-мы-(йи) сва-ё-(о-о)-я да па во-(ё)-лош-ки-(йи-йи-йи-йи) зра-(я)-сла.

⁵⁰ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 888-13. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

⁵¹ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ фл. 16, тр. 435. Исполнитель Е.Т. Ялуплина, записана 9 августа 2008 г., собиратели С.В. Подрезова, Е.Л. Попок.

Схема 8⁵²

10 сл.

Слогоритмический период

Стро- Кол-во Стро- Кол-во
фы слогов
Модель стиха

2с 10 сл Па- лу- НОЩЬ ля- тить при- ти- ХА- ет- ся

Фактический ритм слогопроизнесения

5/7 сл.

5 сл.

5 сл.

Распетый стих

2с 16 сл Па- лу- НОЩЬ- ТА ля- тить ВЁ-ТИР ПРИ-ТИ- ХА... ПРИ-ТИ-ХА-ЕТ- ся
6с 17 сл За са- КО-ЛАМ- ТА ля- тить А ОН СТАР СИ- ЗО... СТАР СИ-ЗОЙ А-рёл
13с 15 сл ЩУ- ду ВЁ- ли- ю А Я ТЁ - ЛУ БЕ... ТЁ-ЛУ БЕ-ЛА- ю

⁵² Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 889-13. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

Пример 9⁵⁴

♩ = 84

2. Ай да там па - стрó - и - на - я эй,

сла - в(ы) - на - я сла - ба - да.

⁵⁴ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОАФ 7451-09. Исполнители Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, С.Ф. Елесютикова, Ф.К. Чижикова, записаны 12 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок.

Пример 10⁵⁵

♩ = 96

2. Го - ры Май - нос - ски - е, е - (э - е - е - е - е - э)х,

вы(и) так шго же го - ры ни спа - ро - ди - ли.

⁵⁵ Архив ФЭЦ СПбГК. № ОВФ 888-20. Исполнители С.И. Милушкин, И.А. Милушкина, Е.К. Бандеровский, Ф.И. Бандеровская, записаны 11 ноября 2006 г., собиратели А.А. Мехнецов, Е.Л. Попок, Н.В. Мосягина, С.В. Булкин.

Т.Б. ДИАНОВА

ПЕСНИ И ЛЮДИ: ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА

**(по материалам сборника Ф.В.Тумилевича
«Песни казаков-некрасовцев»)¹**

В 2012 г. фольклористы, этнологи и краеведы, занимающиеся казачьей культурой, отмечают памятную дату — 50-летие со дня возвращения из Турции на родину последней группы казаков-некрасовцев, предки которых после разгрома Булавинского восстания в XVIII в. ушли с Дона сначала на Кубань, а позже через Дунай в Турцию, где и основали поселения, ставшие им домом на долгие 250 лет. Сейчас исследование языка, культуры, фольклора и быта некрасовцев оформилось в самостоятельное направление, ставшее полем для междисциплинарного взаимодействия. Одной из первых научных публикаций некрасовского фольклора стала вышедшая 65 лет назад книга Ф.В. Тумилевича «Песни казаков-некрасовцев», которая не только представила яркую и самобытную песенную традицию первой волны переселенцев в Приморско-Ахтарский район, но и стала своего рода коллективным портретом народных исполнителей, представленным через призму их отношения к песне.

Сборник Ф.В. Тумилевича «Песни казаков-некрасовцев», вышедший в Ростовском книжном издательстве в 1947 г., удивил

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ «Русская необрядовая песня: текст и жанр в поле традиционной культуры».

тельным образом объединяет ростовских фольклористов и исследователей кафедры фольклора МГУ: общую редакцию сборника осуществил известный славист, профессор кафедры фольклора МГУ П.Г. Богатырев. Он же написал предисловие к собранию некрасовских песен, где отметил неакадемический характер данного сборника: относительную произвольность классификации (скорее тематическую, нежели жанровую), отсутствие вариантов, нот и транскрипции, полагая его скорее научно-популярным и преследующим цели заинтересовать широкого читателя замечательным материалом «редкой подлинности, поразительной целостности и эстетической значимости»². Отмечая в качестве достоинства сборника внимание его автора к автобиографиям «творческих личностей» исполнителей народных песен, он пишет: «В отделе, посвященном биографиям хранителей традиционной народной поэзии, перед нами проходят яркие образы казаков, пронесших в своей памяти через ряд столетий, от поколения к поколению, родную поэзию и сумевших сохранить лучшие черты традиционного фольклора. Многие из старшего поколения казаков-некрасовцев, от которых записал народные песни Ф.В. Тумилевич, представляют яркие художественные индивидуальности и являются хранителями народной поэзии — каждый со своим собственным репертуаром, со своей особой исполнительской манерой»³. Высказанная в духе фольклористических тенденций того времени мысль о «творцах» и «мастерах художественного слова» применительно к народным исполнителям, к слову сказать, сменившаяся сегодня тотальным «обезличиванием» носителей фольклора, в данном случае не является фигурой речи, свойственной предисловиям вообще, а указывает на особый угол зрения составителя сборника, который делает его наблюдения чрезвычайно ценными для понимания специфики песенной традиции в целом.

Нельзя сказать, что П.Г. Богатыреву удалось в полной мере оценить все принципиальные находки Тумилевича. В оценке достоинств сборника он, скорее, следует формальным критериям: «Так как настоящее издание песен казаков-некрасовцев не преследует академических целей, то весь материал расположен в нем

² Песни казаков-некрасовцев / Запись песен, вступ. статья и сведения о сказителях Ф.В. Тумилевича. Под общей ред. проф. П.Г. Богатырева. Ростов н/Д, 1947. С. 5.

³ Там же. С. 4.

тематически, без вариантов, без соблюдения фонетической транскрипции. Цель этого издания — заинтересовать широкого читателя замечательным фольклором, редкой подлинности, поразительной целостности и эстетической значимости»⁴. В то же время, несмотря на эти недостатки, сборник не только получил признание ученых, но и является источником потенциальных исследований, в числе которых мне хотелось бы отметить находящиеся в тенденциях современной науки проблемы личности носителя фольклора и изучение в связи с этим диапазона возможностей жанра, определяемого вторжением индивидуальной творческой воли в традицию.

Особенностью отечественной фольклористики с самого ее зарождения был интерес к личности носителя фольклора (в большей мере это касается сказителей былин и сказочников, в меньшей — народных певцов и музыкантов). Б.Н. Путилов упоминал об этом факте, полагая, что «фигура сказителя занимает одно из центральных мест в науке о русском эпосе, повышенный интерес к нему, к его искусству составляет... существенную и привлекательную особенность так называемой русской школы в европейской фольклористике»⁵. Наиболее яркие исследования личности народных исполнителей принадлежат А.Ф. Гильфердингу, А.М. Астаховой, В.И. Чичерову, К.В. Чистову⁶. Признание индивидуального творческого вклада в развитие народного искусства послужило стимулом для выхода в свет сборников, содержание которых составлял репертуар одного сказочника (Куприянихи, Господарева и проч.), сказителя былин (И.Т. Рябинина, И.А. Федосовой), выдающейся певицы (А.И. Глинкиной⁷). Однако в части исследования системы сложных взаимоотношений, связывающих биографию личности, ее психологию и систему ценностей, отечественная фольклористика находится только в начале пути, в то время как на Западе появляются теоретические исследо-

⁴ Песни казаков-некрасовцев... С. 5.

⁵ Путилов Б.Н. Искусство былинного певца // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966. С. 220.

⁶ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В 3 т. М.; Л., 1949–1951; Былины Севера: В 2 т. М.; Л., 1949–1950; Чичеров В.И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. 197 с.; Чистов К.В. Севернорусские сказители во второй половине XIX в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 52–69.

⁷ Народные песни Смоленской области, напетые А.И. Глинкиной / Под ред. Г.Б. Павловой и А.М. Рудневой. М., 1969.

вания, посвященные этой проблеме⁸. В качестве удачного примера комплексного изучения типологии народных музыкантов можно привести недавно вышедшую монографию А.В. Ромодина, посвященную выдающимся белорусским инструменталистам⁹. Тем более ценными для нас оказываются наблюдения над личностью исполнителя, в прямом смысле слова, рассыпанные по многочисленным изданиям народных песен, в том числе в комментариях к их публикации¹⁰.

В связи с этим при всей фрагментарности в репрезентации не-красовской песенной культуры даже в том виде, в котором она была зафиксирована Тумилевичем (опубликованы 179 песен без напевов из 1290 записанных в 1938–1947 гг., т.е. менее шестой части экспедиционных записей), в нем стоит отметить ряд принципиальных для ее изучения моментов, которые делают этот сборник не только попыткой «открыть» неизвестную страницу казачьей культуры, но и представить ряд текстологических и эдиционных новинок. Нам видится, что во многом этот сборник опередил свое время и остается до сих пор недооцененным. Уже тот факт, что многие фрагменты фольклорной традиции, остающиеся для большинства фольклористов его времени «рабочим материалом», практически не подлежащим исследовательской рефлексии, и не попадающие в научные статьи, оцениваются Федором Викторовичем как важнейший материал для характеристики собственно фольклора, крайне показателен для признания высокой ценности его полевых «находок».

---

⁸ См., например сборник, подготовленный университетом Бамберга (Германия): *Ethnomusicology and the Individual. The World of Music* / Ed. M.P. Baumann. Journal of the Department of Ethnomusicology Otto-Friedrich University of Bamberg. Berlin, 2001. Vol. 43 (1). 182 p., и статью его составителя, содержащую обзор зарубежных работ, посвященных антропологии музыканта в народной культуре: Stock Jonathan P.J. *Toward an Ethnomusicology of the Individual, Or Biographical Writing in Ethnomusicology // Ethnomusicology and the Individual...* P. 5–19.

⁹ Ромодин А.В. *Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре*. СПб., 2009. 280 с.

¹⁰ Применительно к изучению народной песни комментарии исполнителя и его рефлексия по поводу текста песни долгое время находились на периферии исследовательского интереса, оставаясь, скорее, побочным для исследователя материалом. См., например, издания Н.П. Колпаковой: Колпакова Н.П. *Песни и люди: О русской народной песне*. Л., 1977. 136 с.; Колпакова Н.П. *У золотых родников: Записки фольклориста*. Л., 1975. 197 с.

Две важные составляющие сборника позволяют нам выйти на уровень решения этих проблем применительно к некрасовской традиции: предисловие, в котором Ф.В. Тумилевич обосновывает классификацию некрасовской песни (впервые пристально обращаясь к проблеме народной терминологии и ее соотношению с научной систематикой песни), ее основные содержательные особенности, и раздел, в котором он подробно рассматривает биографии и особенности манеры исполнения песенников, чей репертуар частично представлен в сборнике. Эта завершающая часть сборника особо отмечена Богатыревым: он пишет, что «не только яркие художественные портреты хранителей фольклора представлены в сборнике, но и охарактеризованы подлинно творческие личности»¹¹.

Попробуем обобщить основные разделы, или блоки, по которым Ф.В. Тумилевич составлял биографические очерки четырнадцати своих выдающихся информантов, они повторяются во всех описаниях, хотя их последовательность в каждом из фрагментов свободна:

- год рождения;
- основные вехи биографии: род занятий, грамотность, история переселения в Россию;
- основные черты характера и темперамент;
- репертуарные предпочтения, основанные на вокальных возможностях и индивидуальных вкусах певца;
- количество записанных от исполнителя песен и их конкретные номера, представленные в сборнике;
- источник формирования репертуара (от кого получены песни);
- манера исполнения (поведение исполнителя во время пения);
- оценка личности и мастерства односельчанами;
- отношение исполнителя к песне (к сохранности и возможности видоизменения текста, рефлексия по поводу содержания текста);
- конкретные ситуации, в которых ярко проявлялись черты характера, творческой манеры или личной позиции исполнителя;
- количество контактов собирателя с исполнителем (по большей части многократных: от 1 до 5–6);
- графический портрет исполнителя.

Отметим, что наряду с обязательными сухими статистическими данными, необходимыми для паспортизации фольклорных

¹¹ Песни казаков-некрасовцев... С. 5.

текстов, Ф.В. Тумилевич в духе лучших традиций русской фольклористической школы приводит подобные описания своих встреч с некрасовцами. Нередко характеристика исполнителя дается через фольклорный текст (так, об облике и характере Агафье Зайцевой лучше всего свидетельствуют собственно фольклорные предания о женщине-силачке: мужа брала в охапку и выносила на руках, пятерых турок разогнала дубиной и т.п.), Семен Фотиевич Шашкин охарактеризован через воспроизведение его общения с 90-летним соседом Галановым. Тот рассказывает предание о гогах и магогах, стелющих одно ухо и одевающихся другим, а Шашкин его разуберяет и «останавливает брехню». Для исследователей народной музыки особый интерес представляют его комментарии к песням и обстановке их исполнения, дающие интересные сведения о некрасовской традиции.

Во-первых, поражает объем памяти и обилие песенного репертуара исполнителей: от рядовых исполнителей, у большинства из которых насчитывается 35–80 песен, до выдающихся — 200 песен, записанных от А.Л. Зайцевой.

Репертуар песен распадается на песни «узуса», которые известны всем, и песни, составляющие особенности репертуара отдельного исполнителя. В некоторых случаях отдельные варианты песен вообще строго индивидуальны либо имеют версионный по отношению к основным изводам характер. Оказывается, что песельники достаточно сильно специализированы: есть предпочтения, обусловленные характером и темпераментом исполнителя или его убеждениями и идеологическими установками. Для М.С. Рабаниной, например, свойственны преимущественно женские песни, минорные по своей основе, «насмешница» Е.С. Макарчикова специализируется на женской и свадебной песне. Интересна характеристика М.М. Гоголевой (в репертуаре которой 128 песен): ее большой репертуар во многом отличается от репертуара Т.И. Капустиной, А.Л. Зайцевой, И.В. Господарева и др. «Это, по-видимому объясняется тем, что она вместе с Волковой перенимала песни у такой замечательной песенницы, как А.В. Ивануткина, но, в отличие от Волковой, она больше всего имеет склонность к исполнению беседных, хороводных и шуточных песен, хотя и знает довольно много былин и исторических песен»¹². Е.А. Абашкина отбирает песни, которым свойственна

¹² Песни казаков-некрасовцев... С. 150.

ритмичность, рефрены, метрика стиха¹³. Особые предпочтения все исполнители отдают собственно некрасовским песням: «Разве можно местные, кубанские играть? Надо же наши старинные» (А.И. Ивануткина)¹⁴. Ф.В. Тумилевич отмечает существование отличия мужского репертуара от женского, которое заключается в обилии мужских песен в репертуаре женщин, что принципиально соотносится с тенденциями, свойственными русской песенной культуре.

Сфера песенного исполнительства у некрасовцев достаточно строго регламентирована. В коллективной системе ценностей, нормирующей отношение к пению, можно выделить такие устойчивые запреты, связанные с исполнением песен.

Нельзя исполнять песни в пост: «Грех, да и от людей стыдно» (М.М. Гоголева)¹⁵. Многие исполнители прекращают исполнять песни в связи со смертью близких, особенно младших, чаще всего детей, погибших во время войны, как, например, Е.С. Макарикова¹⁶. Нельзя играть песни в старости, по достижении определенного возраста. А.В. Ивануткина говорит: «Грех мне играть песни, да я уже старая. А вот старинку сказать об Игнате можно»¹⁷. В этом высказывании зафиксировано явное противопоставление развлекательных жанров песен и средоточия исторической памяти — песен об Игнате, равно как и форм их исполнения. Преклонный возраст, ослабление памяти — наиболее распространенная в интервью многих исполнителей причина сокращения репертуара.

Существует запрет на искажение содержания песни. М.Г. Волкова: «Ряду не найду, слово выпало. А тачать их, как другие, не умею, да и нельзя этого делать»¹⁸. С этим сопоставимо также высказывание А.И. Ивануткиной о М.М. Гоголевой: «Да что же от нее записывать? Она же тачает песни, путает их»¹⁹. Эти ценные замечания показывают, что в сложившемся песенном сообществе отношение к тексту песни как стабильному и неизменному

¹³ Песни казаков-некрасовцев... С. 145.

¹⁴ Там же. С. 157.

¹⁵ Там же. С. 149.

¹⁶ Там же. С. 161.

¹⁷ Там же. С. 155.

¹⁸ Там же. С. 148.

¹⁹ Там же. С. 157.

доминирует над мнением о возможности комбинировать песни («тачать», сшивать) и видоизменять их, последнее не одобряется. Порицается сама возможность создавать новые тексты: «*Сама песни не выдумываю — нельзя*»²⁰ (А.Л. Зайцева). В то же время некоторые исполнители не видели в этом особого нарушения (как, например, Т.И. Капустина).

Отказ в исполнении песен мог быть получен в связи с наличием более авторитетного исполнителя. Анна Ивановна Ивануткина отказывалась исполнять песни из репертуара свекрови, мотивируя тем, что «*лучше ее не сыграет*»²¹, и согласилась исполнить многие из этих песен после смерти А.В. Ивануткиной.

Неуместность сольного исполнения песен, что нередко является причиной нежелания петь для собирателя, зафиксирована нами и в современной полевой практике. А.Л. Зайцева отмечает: «*Да что ж я тебе одна-то буду играть? Песни мне и на ум не идут. Когда б нас было много, вот тогда и песню можно сыграть. Да ежели по рюмочке винца поднес бы нам, тогда чувал сам разважался бы. Одной нехорошо песню играть*»²².

Откликаясь на просьбы собирателя о возможности записать старинные песни, многие из певцов указывали на неподходящие обстоятельства исполнения песен, испытывали потребность в характерном контексте: пир, *канпанья*, свадьба, *курагод*. Некоторые исполнители отмечают, что трудно петь одному, нужен привычный партнер: «*Тогда песня складнее будет*». Исполнение песен предполагает не только совместное хоровое исполнение всех присутствующих, но и наличие слушателей: А.Т. Морозов сольно поет песни у сельсовета, собирается аудитория «человек двадцать любителей послушать песни»²³.

В то же время сольное исполнение песен не возбраняется. Песни сопровождают основные занятия и трудовой процесс у некрасовцев. Возможно, именно индивидуальное исполнительство во время работы и допускало варьирование текста песни и ее импровизацию. Так, Татьяна Ивановна Капустина характеризуется Ф.В. Тумилевичем как одаренный импровизатор, сочетающий пение и занятия по хозяйству: «Исполнение ею старых песен

²⁰ Песни казаков-некрасовцев... С. 155.

²¹ Там же. С. 156.

²² Там же. С. 155.

²³ Там же. С. 162.

и процесс импровизации обычно протекал у нее за каким-нибудь делом»²⁴.

Подробно и обстоятельно Ф.В. Тумилевич описывает в своих очерках индивидуальную манеру исполнения песен: Е.А. Абашкина всплакивает при исполнении беседных песен; М.Г. Волкова намеренно отстранена, стесняется; М.М. Гоголева раскачивается из стороны в сторону и дополняет содержание выразительной мимикой; у А.Л. Зайцевой песни «действенные», она начинает и кончает их прибауткой, т.е. обязательно комментирует; Г.Е. Морозов «исполняет песни очень своеобразно, ритмически притаптывая в тон ногой, покачиваясь из стороны в сторону. Эти размеренные движения при исполнении хорошо гармонируют с его мягким и лиричным тембром голоса»²⁵. Эти наблюдения над моторикой исполнителей крайне важны, т.к. в них собиратель отмечает черты индивидуальной интерпретации содержания песен и тип эмоциональной и психофизиологической реакции на него.

Исполнительская рефлексия распространяется и на актуализацию песенных текстов применительно к общей теме разговора, в чем вскрывается ассоциативная связь содержания песенного текста с личной биографией певца и его «фоновыми знаниями». Так, Агафья Лукьяновна Зайцева «рассказывала о виденном ею при немцах, потом перешла на речитатив и стала голосить (причитать). Так ею был создан плач “Если бы воры да наживали дома”. После короткого молчания и разговора на другую тему она задорно воскликнула: “*А песня-то «Из-за гор турка збушевался» очень хорошо под немца подходит, ни дать ни взять, как турку, немца бьем*”»²⁶.

Татьяна Ивановна Капустина отличается не только внимательным и вдумчивым отношением к содержанию песни, но и желанием донести свою трактовку до слушателя: «Песню она играла как знаток, большой любитель, ценитель поэзии. Всякое непонятное для слушателя место она пыталась объяснить. Так, исполняя песню “Загоралась ковыль-травушка”, она отметила: “*Это про нас, некрасовцев, песня, гутарит. Завел нас Игнат-то в Туретчину, мы и были там, как сокол на камушке, среди воронов*”»²⁷. Исполняя песню “Ты взойди-взойди, красное солнышко”, она заметила: “*Эта*

²⁴ Песни казаков-некрасовцев... С. 159.

²⁵ Там же. С. 162.

²⁶ Там же. С. 155.

²⁷ Там же. С. 157–158.

песня гутарит, как наши предки с Игнатом уходили на Туретчину. Везли они на лодках пять церквей, казну...»²⁸. Приведенный пример свидетельствует о том, что песенный текст существует в памяти и сознании певца не изолированно, а сопряжен с обстоятельствами его биографии, общезначимыми фактами истории, а также соединен с другими фольклорными жанрами из его репертуара через сеть ассоциаций и своего рода гипертекстовых (нелинейных) отсылок. Сами песни также «архивируются» в памяти певца как ассоциативно связанные последовательности (пучки, используя современный термин, «кластеры»), одна приходит на память за другой: «Когда к ней (А.Л. Зайцевой. — Т.Д.) обращаешься с просьбой, чтобы она “сыграла” песню, то можно слышать неизменный ответ: “Да как же это сразу-то? Песен-то у меня, правда, целый чувал, да его развязать надо, конец надо найти”». Но как только она находит “конеч”, то есть одну из песен для начала, то они следуют одна за другой и она может пропеть не менее десятка-полтора без перерыва»²⁹. Примечательна метафора из речи певицы: весь объем известных ей песен — это чувал (мешок), развязав который, она извлекает целую цепочку связанных между собой текстов.

Проблема вариативности песен также крайне занимала Ф.В. Тумилевича, уже не столько как собирателя, а как составителя сборников и исследователя фольклора³⁰. Поэтому в биографических очерках исполнителей им нередко осмыслиется соотношение статики и динамики песенного текста, отношение певцов к его целостности и сохранности. Особенно сложной проблемой для воспроизведения песни по памяти является припоминание ее инициального звена. М.Г. Волкова «при игре песен вдруг останавливалась и замечала: “...Нехорошо одной играть-то, забываются песни. Вот если бы вдвоем с Гоголевой, мы бы друг перед дружкой играли, а они, песни-то, сами и приходили. Чего я не знаю, она знает. Чего она не знает, я знаю. Вот тогда бы я и припомнила. А то много таких-то знаю, только с конца (начала) не умею”»³¹. Наблюдения над вариативностью песен показывают, что именно инципит (абсолютное начало) наряду с открытым финалом —

²⁸ Песни казаков-некрасовцев... С. 158.

²⁹ Там же. С. 154.

³⁰ Тумилевич Ф.В. Лирические песни казаков-некрасовцев: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 1946. 319 с.

³¹ Песни казаков-некрасовцев... С. 148.

наиболее варьируемые композиционные элементы текста, допускающие замену формул и контаминацию с иными сюжетами. Исполнители делятся на «консерваторов», которые принципиально не вносят никаких изменений в текст песни, и импровизаторов. Так, А.Л. Зайцева, несмотря на богатейший репертуар, «*играет*» ли она песню или рассказывает сказку и вдруг что-то она забыла, будет ли это стих или эпизод какой, — этого достаточно, чтобы прекратить исполнение этого произведения. Она даже не пытается заменить забытое своим и потому спешит сказать: «*Вот и конец*»³².

Совершенно противоположное отношение к тексту песни у исполнителя-импровизатора, ярким представителем этого типа певцов является Т.И. Капустина. «Исполнение старых песен и процесс импровизации обычно протекали у нее за каким-нибудь делом. Когда я записывал песни, мне казалось, что она такую песню уже исполняла. Но при проверке текстов, ранее записанных (Ф.В. Тумилевич вел повторные записи с интервалом от нескольких дней до нескольких лет — Т.Д.), в сличении песен обнаружилось, что это новый вариант песни. Интересно, что старую песню, заимствованную ею от ее матери, отца, мужа, она всегда исполняла точно, слово в слово. Но те песни, которые она варьировала, повторить не могла, а если и повторяла по моей просьбе, то составляла новый вариант. Бывали случаи, когда она, забыв некоторые стихи, тотчас заменяла их новыми»³³.

Некрасовский «кодекс чести», заключающийся не только в неизменном сохранении заветов Игната, но и в почитании традиции как непреложной основы бытия, входил в определенное противоречие с импровизационным отношением исполнителя к текстам фольклорного наследия. Поэтому, характеризуя Т.И. Капустину, Ф.В. Тумилевич подчеркивает: «К игре песни относилась чрезвычайно серьезно, строго и особенно придерживается этого правила, когда она передает песни исторические, военные. Но это не значит, что она механически передает то, что слышала от своих предков. Даже в том случае, когда песня или сказка имеет устоявшееся точное содержание, они в ее устах видоизменяются. Это изменение идет по линии создания образа, применения тех или иных изобразительных средств, а также развития темы. Поэтому произведения, записанные от Татьяны Ивановны, являются каждый раз новыми

³² Песни казаков-некрасовцев... С. 154.

³³ Там же. С. 159.

вариантами. Для сравнения я записывал те же самые песни и сказки от Зайцевой. Эти произведения различны»³⁴.

Столкновение позиций некрасовцев в отношении самой возможности видоизменения текста хорошо видно из приведенного Ф.В. Тумилевичем следующего эпизода. «Старики собрались в бондарную мастерскую для того, чтобы исполнить несколько произведений, которые надо было зафиксировать на пленку. Перед записью была устроена спевка. Оказалось, что одну и ту же песню старики поют в некоторых местах неодинаково. Каждый из присутствующих начал давать советы другим и упрекать, что они поют не те слова, *“тянут не тот голос”*. Высказала замечание и А.Л. Зайцева по поводу исполнения Гоголевой: *“Что ж ты, Матрена, путляешь. Разве эти слова к этой песне можно приплетать?”* — *“А к какой же?”* — *“К другой”*. — *“А сама ты притачала слова из Дюка Степановича к Илье Муромцу”*. Тут-то оно и пошло... Ссора приобретала очень нежелательный оборот. Во время ссоры Господарев подал реплику: *“Крестная говорит правду. И путляешь ты, и придумываешь, Матрена”*. После этой реплики Матрена Макарьевна встала и сказала: *“Раз я путляю, тогда я песни неправильно играю. Знать, я не нужна здесь”*. И ушла. Ссоры по поводу правильной и неправильной *“игры”* очень часты у некрасовцев. Каждый из исполнителей думает, что его текст — самый правильный и точный»³⁵. Этот вывод дает нам основания полагать, что подобная обстановка могла сложиться прежде всего на том основании, что в коллективе переселенцев начала XX в. «сливались» несколько локальных традиций, развитие которых происходило в семейно-родственных коллективах или относительно изолированных друг от друга группах (школах) исполнителей. Помимо этого сказывалась мощь и «производительность» самой традиции, большое количество текстов, бытующих одновременно и создающих пространное вариативное поле. Анализ песен из сборника приводит нас к тем же выводам: тексты более импровизационны и разнообразны, чем их ранее зафиксированные и опубликованные донские варианты. Зачины песен относительно более свободны и прикрепляются к большему количеству вариантов, наблюдается значительный общий формульный фонд, приводящий к разнообразию вариантов в репертуаре разных исполнителей.

³⁴ Песни казаков-некрасовцев... С. 159.

³⁵ Там же. С. 150.

Еще одно обстоятельство характерно для сборника, и не заметить его невозможно. Это диспропорции в репертуаре различных тематических групп песен в состоянии, зафиксированном Ф.В. Тумилевичем. В силу того что сборник составлен в конце Великой Отечественной войны и непосредственно по ее окончании, у некрасовцев было крайне активизировано поле исторической памяти в его песенном варианте. Исторические песни во второй половине 1940-х гг. находились у них в явно продуктивной фазе творчества, выполняя функцию консервации и актуализации исторической памяти. Вышедший параллельно с книгой о фольклоре некрасовцев о Великой Отечественной войне³⁶, рассматриваемый нами сборник хотя и не посвящен военной памяти специально, но в нем чувствуется дыхание недавно пронесшихся над страной великих событий, сказавшихся на судьбах людей, так что упомянуть о них в какой-либо форме печатного слова было невозможно. Поэтому военно-историческая доминанта, сама по себе характерная для казачьей культуры, в сборнике «Песни казаков-некрасовцев» проявилась особенно сильно.

---

³⁶ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне / Запись, вступ. статья и сведения о сказителях Ф.В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1947. 56 с.

А.И. Зудин

ЛЕГЕНДЫ НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ

(по материалам этнолингвистических экспедиций
ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2010 г.)

Изучение устнопрозаического фольклора некрасовских казаков со времен Ф.В. Тумилевича не получило дальнейшего развития. Фундаментальные работы ростовского ученого, вышедшие к 60-м гг. XX в., являются на сегодняшний день единственным вкладом в эту область научного знания¹. В силу сложившихся обстоятельств идеологического порядка некоторые жанры устной прозы некрасовских казаков, прежде всего религиозного характера, выходили из орбиты исследовательского интереса Ф.В. Тумилевича, что являлось общей тенденцией для отечественной фольклористики того времени². К их числу относится жанр фольклорной легенды.

Цель данной статьи заключается в характеристике корпуса легендарных сюжетов, зафиксированных в общине некрасовцев, установлении их генезиса и выявлении параллелей с другими славянскими устными традициями.

В ходе этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2010 г. в поселках Новокумский, Кумская Долина и Малосадовый Левокумского района Ставропольского края было записано более 90 легендарных нарративов от 16 респондентов, представителей

---

¹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев / Собраны Ф.В. Тумилевичем. Ростов н/Д, 1958. 270 с.; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. 272 с. и др.

² Путилов Б.Н. К спорам о границах предмета // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memorem. СПб., 2003. С. 22.

некрасовской общины. Фиксация легенд в таком объеме — для современной славянской традиции явление уже достаточно редкое. Кроме того, легенды некрасовских казаков отличаются значительной вариативностью, что само по себе является замечательным для локальной монолитной группы.

При отборе и классификации материала мы исходили из традиционного понимания легенды как совокупности текстов, сформировавшихся под влиянием христианского вероучения и направленных на объяснение физического и духовно-нравственного устройства мира, его возникновения и развития. Отталкиваясь от существующих современных внутрижанровых классификаций фольклорной легенды³, мы выделили три основные группы: этиологические (объясняющие происхождение мира, природы, народов, животных, растений, а также некоторых элементов традиционной обрядности, календарных запретов и норм традиционного этикета), этические (о взаимоотношениях людей с Богом, святыми и об отношениях внутри социума) и эсхатологические (о «последних временах», Страшном суде и последующих судьбах человечества) легенды.

При этом следует согласиться с точкой зрения Е.Е. Левкиевской, согласно которой «реальный текст» не всегда совпадает с границами фольклорного жанра — понятия, зачастую применяемого к искусственно выделенному фрагменту текста⁴. Это утверждение вполне применимо и к используемым в статье нарративам. Многие из них, обозначенные нами как легенды, скорее представляют собой «синкретическое явление» и не вполне вписываются в приведенные выше классификационные рамки. Помимо легендарных сюжетов они могут включать и другие типы текстов, как то: актуальные верования, запреты, обрядовые предписания, поверья, фрагменты духовных стихов, пересказы канонических библейских сюжетов. Сложности с определением жанровой принадлежности некоторых текстов возникают и в связи с тем, что они могут совмещать в себе признаки разных жанров. В качестве примера

---

³ Белова О.В. Легенда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 90; Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004. С. 24.

⁴ Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006. С. 152.

подобного межжанрового взаимодействия можно выделить т.н. легенды-предания, в которых в отличие от исторического предания акцент с исторической достоверности смещается в сторону чудесной событийности, и легенды-былички, где демонологический персонаж классической былички замещается христианским персонажем или чудесным явлением. К числу последних относятся и рассказы о посещении человеком того света⁵. В дальнейшем эти наблюдения будут учтены при публикации полного корпуса некрасовских легенд, каждая из которых будет снабжена отдельным комментарием.

Легенды некрасовских казаков генетически связаны с восточно-славянской традицией. Большинство сюжетов и мотивов имеют аналоги, ранее отмеченные в других региональных восточно-славянских группах. Многие относятся к фонду общерусской и общеславянской классики. Некоторые из таких сюжетов, содержащие наиболее архаические мотивы, можно обнаружить лишь в сборниках дореволюционных материалов. В первую очередь это относится к мифологическим рассказам о мироустройстве, не связанным с библейским контекстом, согласно которым на краю света небо сходится с сушей и морем, где *«бабы белье моют, скатывают и на край неба кладут»*⁶. Идентичные мотивы ранее отмечались у украинцев Подолии и Полесья⁷, русских Тульской губернии⁸. Согласно другому варианту, на краю света находятся ледяные двери, за которыми человека ждет неминуемая гибель⁹. Отголоски древних общеславянских космогонических представлений содержатся и в сохранившихся в некрасовских легендах

---

⁵ Шеваренкова Ю.М. Исследование в области русской фольклорной легенды... С. 41–43.

⁶ Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН (далее — ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН). Информатор М.Е. Ялуплина, 1934 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин.

⁷ Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. СПб., 1872. Т. 1. С. 2, 37.

⁸ Колчин А. Вераования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 2.

⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор М.З. Саничева, 1935 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель А.И. Зудин.

мотивах роста гор (камней) и их заклятия Богом¹⁰, по другой версии — апостолом¹¹.

Соответствуют общеславянским представлениям некрасовских казаков о локализации и организации сакрального пространства. Представления о местонахождении ада и рая разнообразны, однако они соответствуют традиционному мировоззрению. Как рай, так и ад мыслятся на небе. Иногда с раем соотносится Иерусалим¹², являющийся общехристианской святыней. От М.Е. Ялуплиной был записан наиболее архаичный вариант¹³, в котором рай и ад территориально не расчленены и границей между ними служит узенькая дорожка. Представления о рае отличаются большей абстрактностью, он воспринимается как местонахождение праведных душ. Иногда рай мыслится как церковь¹⁴ или как яблонево сад¹⁵. Картина ада в устных рассказах предстает более развернутой и складывается под влиянием церковной литературы, духовных стихов и лубочных картинок. С книжной традицией связан мотив огненной реки, являющейся границей между адом и раем, и огненного моста, ведущего через эту реку. При этом сама огненная река также понимается как ад¹⁶. Судьей, определяющим посмертную участь души, выступает Михаил-архангел, переводящий через мост праведные души, а своеобразным исполнителем его воли — огненный бык (бык-третьяк), сбрасывающий в огненную реку грешников. Подобное описание ада входит в состав рассказов о посещении того света¹⁷. Традиционно ад характеризуется как место вечной тьмы и вечных мук.

---

¹⁰ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Е.К. Гулина, 1950 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин.

¹¹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор И.А. Беликова, 1941 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель А.И. Зудин.

¹² Информатор Е.К. Гулина.

¹³ Морозов И.А., Толстой Н.И. Ад // Славянские древности... М., 1995. Т. 1. С. 93–94.

¹⁴ Информатор М.З. Саничева.

¹⁵ Информатор И.А. Беликова.

¹⁶ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 144.

¹⁷ Информатор М.З. Саничева.

Представления о первых людях у некрасовцев связаны преимущественно с библейской историей. Однако был отмечен и фрагмент дуалистического мифа, включающий известные в славянской традиции мотивы творения человека из глины и неумелого подражания бесу Богу¹⁸: «*Это спор был, это там написано, в Евангелии. Бог: “Я человека создам. Он будет живой, побяжить”*. А бес: *“И я создам”*. Бог с бесом разговаривают. Ну, тот сляпил, как говорится, человека. И тот сляпил такого же человека. Из глины той. Вот “от земли взятый, в землю пойдешь”. Вот оно, как говорится. А Он яму, Бог, говорит: “Раз уж ты вярёд сляпил, скажи, няхай бяжить”. А он — сил-то нет. И так, и так. А Бог: “Гляди мой какой”. Взял, дунул — он у Няво побёг. Вот и человек дышит. А бес остался. “Я всё равно побядю”. “Побядишь там, где Мене не будет”»¹⁹.

Рассказы об Адаме и Еве повторяют содержание соответствующего сюжета из Книги Бытия. Однако эти тексты не ограничиваются простым пересказом Библии, но получают типичное осмысление в фольклорном духе. Так, Адам и Ева могли избежать изгнания из рая, если бы раскаялись в своем грехе²⁰. В другом рассказе прародителем современного человечества выступает Ной, а точкой отсчета истории — Всемирный потоп: «*Мы колениа от Ноя, мы. Все вот. Наши все род. Все, кто живёт, все от Ноя. Ноево поколение мы...*»²¹ В очень редуцированной и интерпретированной в духе христианской этики форме предстает и общеславянская фольклорная версия эволюции человечества. Люди библейского времени мыслятся как благочестивые великаны-долгожители. Дальнейшие изменения человеческой природы: уменьшение роста и сокращение продолжительности жизни — связываются с постепенным вероотступничеством²².

К числу восточнославянской классики относятся и фольклорные версии библейских сюжетов о Каине и Авеле, Всемирном

¹⁸ Веселовский А.Н. Дуалистические поверья о мироздании // Веселовский А.Н. Народные представления славян. М., 2006. С. 408–409.

¹⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Я.Ф. Пушечкин, 1933 г.р., записан в пос. Новокумском Левокумского района Краснодарского края в мае 2010 г., собиратель Т.Ю. Власкина.

²⁰ Информатор Е.К. Гулина.

²¹ Информатор М.З. Саничева.

²² Информатор Е.К. Гулина.

потопе, спасении Христа-младенца, крестных муках Спасителя, Воскресении Христовом.

С легендой о Каине и Авеле связано представление о пятнах на луне: *«Стол там стоит, и они сидят. Спорють за приданое, кому больше достанется... Вы хорошо посмотрите, увидите, как они сидят. Один с одной стороны, другой — с другой»*²³. Отмеченный у Некрасовцев этиологический сюжет о предании тела Авеля земле восходит к книжному рассказу из Толковой Палеи²⁴. Каин совершает первые в истории человечества похороны по примеру воробьев, закапывавших мертвых птенцов: *«Каин Авела убил. Ну а пятна — это как его отражение. И ня знал, куда яво, не знал, как погребать в землю. И носить яво ды носить. А вон уже стал смярдить. “Ой, — говорит, — Господи, воняить!” Смотрить, а воробей открыл ямку и зарыл там сваво детеныша или там кого. И вон только науцился, что надо в землю погрябать, и стали людей-то погрябать»*²⁵. В книжной легенде похоронить Авеля Адама и Еву научили две горлицы: *«...и повелением Божиим прилетеста две горлицы. И едина же се ею умре. Другая же ею ископавши яму и вложи в нее умершую и погребе. То видев Адам и Еваа и погребоста Авеля и устависта си плачь»*²⁶. По мнению И.Я. Порфирьева, источником данного апокрифического сюжета могла являться иудейская литература²⁷.

Одной из наиболее разработанных в сюжетном плане следует признать легенду о Всемирном потопе, записанную в нескольких вариантах у Некрасовских казаков. В основе ее лежит апокрифический рассказ, наиболее ранняя книжная версия которого датируется концом XIV в.²⁸ Центральным мотивом этой легенды, отсутствующим в канонической Библии, является мотив дьявола в ковчеге. Встречаясь в фольклоре разных народов, он, однако, получил наибольшую разработку в восточнославянской

²³ Информатор Т.Т. Елисютикова, 1934 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратель Т.Ю. Власкина.

²⁴ Белова О. В. Каин и Авель // Славянские древности... М., 1999. Т. 2. С. 436.

²⁵ Информатор Е.К. Гулина.

²⁶ Порфирьев И.А. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 106.

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность. Миф и исторические реалии. М., 2008. С. 73.

традиции²⁹. Согласно книжной версии дьявол проникает в ковчег с женой Ноя вследствие произнесения его имени: «И тогда жена Ноя по наущению Дьявола не пошла в ковчег. Уже все собрались к Ною в ковчег, жена же Ноя не шла в ковчег. Ной же начал звать в ковчег: “Иди, окаянная, в ковчег, иди, обманщица!” Она же стояла, горюя о родных своих и ожидая слова дьявола. И сказал ей Ной: “Иди, дьявол, в ковчег!” Она же пошла в ковчег, и дьявол с нею же вошел в ковчег»³⁰. В некрасовском варианте дьявол проникает в ковчег сходным образом, вселившись в козу (согласно другому варианту — в осла (*ишэка*)). Данный вариант является уникальным. Он, в свою очередь, включается в этнографический контекст и содержит мотивировку актуального верования: козья шура как оберег от нечистой силы (*даровника*). «И вот он теперь... козу-то дьявол совсем боится»³¹. Видимое противоречие объясняется амбивалентностью образа козы, выступающей в народных представлениях «как ипостась нечистой силы и одновременно как оберег от нее»³².

Дальнейшие действия дьявола в ковчеге также получают отражение в нескольких вариантах сюжета: дьявол вселяется в крысу, которая прогрызает в ковчеге дыру³³, в змею³⁴, влетает в открытое окно ковчега и пытается его потопить³⁵. Спасителями ковчега выступают уж, заткнувший дыру и награжденный Богом оранжевыми отметинами³⁶, змей³⁷, рыба (*таранка*)³⁸ или отроки, силой молитвы победившие дьявола³⁹. Ни один из этих вариантов не соответствует книжной легенде, где главными участниками коллизии выступают мышь и кошка⁴⁰. Некоторые являются уникальными: оппозиция

²⁹ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность... С. 74.

³⁰ Апокрифы Древней Руси. СПб., 2002. С. 30.

³¹ Информатор Е.К. Гулина.

³² Белова О.В. Коза // Славянские древности... М., 1999. Т. 2. С. 522.

³³ Информатор Е.К. Гулина.

³⁴ Информатор М.Е. Ялуплина.

³⁵ Информатор М.З. Саничева.

³⁶ Информатор Е.К. Гулина.

³⁷ Информатор Е.И. Бабаева, 1933 г.р., записана в пос. Новокумском Лвокумского района Ставропольского края в августе 2012 г., собиратель Т.Ю. Власкина.

³⁸ Информатор М.Е. Ялуплина.

³⁹ Информатор М.З. Саничева.

⁴⁰ Апокрифы Древней Руси... С. 30–31.

«змея — рыба» не встречается в других славянских версиях, равно как и мотив спасения ковчега отроками. Эпизод, где главными участниками выступают мышь и уж, относится к общеславянской классике и, по мнению О.В. Беловой и В.Я. Петрухина, «несет в себе наибольший “мифологический” потенциал»⁴¹.

Обращает на себя внимание компилятивный вариант легенды о Потопе, записанный от М.З. Саничевой. Здесь сюжету о Потопе предшествует рассказ о странствующем Христе, который за гостеприимство вдовы решает спасти ее и ее дочерей, отведя в ковчег к Ною. Однако, нарушив запрет оборачиваться во время пути, вдова превратилась в каменный столп. Спасшиеся в ковчеге дочери вдовы вместе с сыновьями Ноя стали родоначальниками современного человечества. Подобные компилятивные тексты фиксировались ранее в зоне польско-литовско-белорусского пограничья и Угорской Руси. Чаще с сюжетом о Потопе объединялся рассказ о Лоте и его семье, спасшейся в ковчеге⁴². Некрасовский сюжет о спасении вдовы является контаминацией ветхозаветного сюжета и популярного в народной среде мотива странствующего Господа.

Легенда о спасении Христа-младенца содержит этиологические сюжеты, распространенные в других восточнославянских зонах. В мотивах закапывания и откапывания Христа у некрасовцев фигурируют лошадь и свинья. Лошадь, съевшая (разгребавшая) сено, в котором был спрятан Христос-младенец, была проклята Богом, чем мотивируется запрет на употребление в пищу конины⁴³. По другой версии запрет распространяется только на употребление левой части лошади⁴⁴. Напротив, свинья, которая согласно некоторым вариантам легенды изначально была нечистым животным⁴⁵, получает благословение от Господа, поскольку прикрыла сеном Христа, спрятав его от преследователей. Этим мотивируется

⁴¹ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность... С. 82.

⁴² Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и ком. О.В. Беловой. М., 2004. С. 273.

⁴³ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы И.А. Беликова; А.А. Ялуплина, 1936 г.р., записана в пос. Малосадовом Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель А.И. Зудин; и др.

⁴⁴ Информатор Е.К. Гулина.

⁴⁵ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы Е.И. Бабаева; Ф.А. Гаврилушкин, 1937 г.р., М.Г. Гаврилушкина, 1940 г.р., записаны в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель Н.А. Власкина.

обрядовое предписание разговляться свиной на Рождество (у всех респондентов) и Пасху⁴⁶. С этим сюжетом связаны представления о том, что Бог наделил свинью самым вкусным мясом и она не чувствует боли при убое⁴⁷.

В событиях, связанных с распятием Христа, активное участие принимают воробы. Данный сюжет также широко распространен у восточных славян. У некрасовцев они выступают пособниками евреев, приносившими гвозди для распятия⁴⁸. По другой версии воробы издеваются над Христом, расклеывая Его раны⁴⁹. По этой причине воробы были прокляты Богом и получили наименование *жиды*. Другим участником событий выступает муха, которая спасла Христа от гибели, прикрыв Его пупок: «*И пупок-то, как гвоздём, не пригвоздили*»⁵⁰. Это событие осмысливается как одно из ключевых в истории, поскольку с ним связывается и спасение всего человечества: «*Он не воскрес бы, и людей бы не было, дитё*»⁵¹. Мотив мухи, спасшей Христа, известен также в Восточном Полесье⁵² и Архангельской области⁵³.

Известен некрасовской традиции широко распространенный фольклорный сюжет о Воскресении Христовом. Фабула его разворачивается следующим образом. Христос воскресает, раздает еврейским детям крашенные яйца и отправляет их к родителям свидетельствовать о Его Воскресении, евреи на устроенном в честь распятия пиру не верят чуду, в подтверждение оживает приготовленная к пиру живность⁵⁴. В восточнославянской традиции данный сюжет имеет разнообразные вариации. С ним связана этиология обычая красить пасхальные яйца и пасхального приветствия «Христос воскрес!»⁵⁵ Однако если в восточнославянских вариантах

⁴⁶ Информатор Е.К. Гулина.

⁴⁷ Информатор М.З. Саничева.

⁴⁸ Информаторы Е.К. Гулина, М.З. Саничева.

⁴⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор П.Ф. Беликова, 1948 г.р., записана в пос. Новокумском Новокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратель А.И. Зудин.

⁵⁰ Информатор Е.К. Гулина.

⁵¹ Информатор Е.И. Бабаева.

⁵² «Народная Библия»... С. 80.

⁵³ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб., 1996. С. 71.

⁵⁴ Информант М.З. Саничева.

⁵⁵ «Народная Библия»... С. 521–524.

легенды в мотиве оживания участвуют как правило петух и рыба, то в некрасовском варианте эти животные не акцентированы.

Также у некрасовцев включены в библейский контекст легенды о происхождении нескольких растений, типологически близкие варианты которых известны другим восточнославянским группам⁵⁶. Зафиксировано два варианта этиологической легенды о табаке. В первом сюжет о табаке включен в состав легенды книжного (греческого) происхождения, попавшей в фольклорную среду, очевидно, из переводной литературы. Некрасовская легенда точно передает книжный сюжет, по которому после отсечения головы Иоанну Крестителю Иродову плясовицу постигла кара. Проезжая по замерзшему озеру, она проваливается под лед, в результате чего льдина отсекает ей голову, которая остается на поверхности, а тело уходит под воду⁵⁷. Табак вырастает из похороненной головы плясовицы⁵⁸. Другой вариант легенды представляет собой компиляцию двух сюжетов: библейского — об Иродиаде — и известного в старообрядческой среде — о происхождении табака из тела похороненной блудницы⁵⁹.

Этиология растений находится в прямой связи с их качественными характеристиками. Табак как нечистое, греховное растение противопоставлен растениям, наделяемым апотропейными свойствами: васильку (возможно базилику) и тушканьим ушкам (возможно сильноопушенная разновидность горного шалфея, коровяк или чистец шерстистый (стахис византийский)). Василек произрастает из головы Иоанна Крестителя, тушканьи ушки приобретают внешнюю особенность — красные пятна на листьях — от крови Иисуса Христа⁶⁰.

Из небиблейских легенд, известных восточнославянской традиции, следует отметить этиологический сюжет о павлине и паве.

⁵⁶ О широко распространенном мотиве появления растений из мертвого тела см.: Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 259–303; Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008. 368 с.; Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009. 352 с.

⁵⁷ Веселовский А.Н. Легенды об Ироде и Иродиаде и их народные отражения // Веселовский А.Н. Народные представления славян. М., 2006. С. 550.

⁵⁸ Информатор Т.Т. Елисютикова.

⁵⁹ Информатор М.З. Саничева.

⁶⁰ Информатор Е.И. Бабаева.

Данная легенда содержит мотив превращения: муж с женой собираются к пасхальной службе. Жена успевает нарядить мужа, но не успевает сама. Оба превращаются в птиц: «он остался красивый, а она некрасивая осталась»⁶¹. Согласно другому варианту легенды, «она будто бы павлиниха павлина наряжала. Нарядила яво, а себе только головку украсила, и “Христос воскресе” запели, “Христос воскресе”, и она как не успела»⁶².

Некоторые этимологические легенды обнаруживают параллелизм с сюжетами, отмеченными в южнославянской традиции или типичными для нее. Легенда об отделении воды от суши Христом, который продолжает упорядочивание мироустройства, аналогична легенде, отмеченной у болгар⁶³. В некрасовском варианте легенды помощниками Христа выступают апостолы Петр и Павел⁶⁴. Легенда о Млечном пути (у некрасовцев — *Матвеева дорога*) содержит мотив рассыпания соломы, также широко распространенный у южных славян, но отмеченный и в Полесье⁶⁵. Именование Млечного пути *Матвеева дорога* оригинально. Однако четкое объяснение происхождения такого названия у некрасовцев утрачено: «Ну, Матвей. Матвей, наверно, святой был. Он солому возил»⁶⁶. Вероятно, оно связано с представлением о Млечном пути как дороге святых, также более характерным для южных славян⁶⁷.

Необходимо поставить вопрос о времени возникновения этих параллелей: до ухода с Дона или в результате позднего этнокультурного взаимодействия. Контакты с южнославянским населением (болгарами) существовали у предков майноских некрасовцев, но ограничивались непродолжительным периодом их проживания в Подунавье на рубеже XVIII–XIX вв. В азиатской Турции некрасовцы преимущественно имели бытовые контакты с турками, греками и русскими-липованами. Если учитывать, что южнославянская традиция в целом относится к наиболее архаичным зонам, то можно сделать предположение о сохранении в некрасовской

⁶¹ Информатор П.Ф. Беликова.

⁶² Информатор Е.К. Гулина.

⁶³ Бадаланова Ф. Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1999. № 2. С. 6.

⁶⁴ Информатор М.З. Саничева.

⁶⁵ «Народная Библия»... С. 129.

⁶⁶ Информатор Е.К. Гулина.

⁶⁷ «Народная Библия»... С. 129–130.

фольклорной традиции некогда общеславянских мотивов и сюжетов⁶⁸. Однако некоторые из них могли быть привнесены в некрасовскую устную традицию и благодаря внешнему влиянию. Например, легенда-предание об императоре Константине, отмеченная у болгар⁶⁹, согласно которой турки изгнали греков с их земли и отобрали христианские святыни из-за непочтительного отношения тех (у некрасовцев — императора Константина⁷⁰) к вере. Возможно, ее появление было связано и с поздним влиянием церковнославянской книжности.

Эсхатологические легенды некрасовских казаков, которые завершают цикл рассказов фольклорной библейской истории, также соответствуют восточнославянской апокалипсической концепции и отличаются характерной для старообрядческой традиции разработанностью сюжетов. Обозначим эсхатологические мотивы, отмеченные в рассказах некрасовцев. В текстах о признаках конца света фиксируются следующие: мотивы железных птиц, железной паутины, восстания чад на родителей⁷¹, нарушения природных циклов (несвоевременные морозы и засуха), высыхание рек, бесплодие земли⁷². События Страшного суда в некрасовских нарративах не излагаются в четкой последовательности. Так, мотив выгорания земли (в три колена⁷³, в семь локтей⁷⁴) связывают как с началом, когда *«мертвые позавидуют живым»*⁷⁵, так и с концом Страшного суда⁷⁶. В других рассказах Страшный суд предваряет пришествие Ильи-пророка, который вступает в сражение с антихристом⁷⁷. Затем происходит восстание всех мертвых по трубному зову Михаила-архангела, и все человечество отправляется на восток

---

⁶⁸ О балканских параллелях в других областях традиционной культуры некрасовских и донских казаков см.: Власкина Т.Ю. Культура материнства и детства у казаков-некрасовцев // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 137–152.

⁶⁹ Белова О.В. Этиология греха: народная мораль в фольклорных легендах // Россия XXI. 2002. № 2. С. 175.

⁷⁰ Информаторы Е.К. Гулина, Т.Т. Елисютикова.

⁷¹ Информатор Е.К. Гулина.

⁷² Информатор М.З. Саничева.

⁷³ Информатор Е.К. Гулина.

⁷⁴ Информатор М.Е. Ялуплина.

⁷⁵ Информатор Е.К. Гулина.

⁷⁶ Информатор М.Е. Ялуплина.

⁷⁷ Информатор М.З. Саничева.

к месту суда⁷⁸. Далее происходит всеобщая молитва, после чего Христос отделяет праведников от грешников⁷⁹, которые навечно остаются в аду.

Некрасовцам, как и некоторым другим старообрядческим группам, чуждо расхожее понятие «конец света»⁸⁰. Свет мыслится как широкая пространственная категория и в представлениях некрасовцев будет существовать вечно. С апокалипсисом связано представление об обновлении мира и человечества. Земля очищается огнем⁸¹, ее населяют праведники, которые наделяются бессмертием⁸² и дают начало новому человеческому роду: «Как с Адама нацалось»⁸³. Поэтому для обозначения финальных событий земной истории респонденты употребляют понятия *конец мира*, *последний конец*. Представления некрасовцев об очищении земли и начале нового человеческого рода вполне соответствуют традиционному «народному представлению о цикличности как форме существования и развития бытия»⁸⁴.

Значительную группу составляют легенды этического характера, в которых нашли отражение наиболее актуальные для народной среды категории христианской этики, как то: богатство — бедность, жадность — щедрость, грех — праведность, гордыня — милосердие. Данные категории составляют смысловой стержень сюжетов о христианских святых, странствующем Госпде, праведниках и грешниках. Многие из них в некрасовской устной традиции представлены общерусскими классическими сюжетами. Это цикл легенд о святом Николе («Святой Никола и Касьян», «Святой Никола и вор» и др.), легенда о странствующем Госпде, награждающем за гостеприимство бедняков и наказывающем за жадность богатых, легенда о праведном юноше, не знавшем молитв и благословленном Христом жить в неведении, легенды об Алексее чело- веке Божьем и Марии Египетской.

⁷⁸ Информатор М.Е. Ялуплина.

⁷⁹ Информатор М.З. Саничева.

⁸⁰ Легенды липован Краснодарского края // Живая старина. 2007. № 4. С. 49.

⁸¹ Информатор М.Е. Ялуплина

⁸² Информатор Е.К. Гулина.

⁸³ Информатор М.З. Саничева.

⁸⁴ Левкиевская Е.Е. Представления о «последних временах» и Конце Света в современной крестьянской традиции // Время и календарь в традиционной культуре: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб., 1999. С. 193.

Особо следует рассмотреть ряд уникальных сюжетов, анализ которых, тем не менее, позволяет установить их генетическую связь с восточнославянской традицией. Большая часть из них относится к этимологическому корпусу.

1. Легенда о смешении языков. Обычно мотив смешения языков связывается с ветхозаветным сюжетом о строительстве Вавилонской башни. Однако в одном некрасовском нарративе данный мотив оказался включенным в сюжет из Деяний апостолов о схождения Святого Духа. Христос наделяет людей 70 языками: *«На семьдесят языкох люди заговорили. Когда Он с собрания уходил, Исус Христос. Уже Он там своим умом всех определил своим языком»*⁸⁵. Здесь Исус Христос выступает в ипостаси Бога-отца, как творец миропорядка, что также характерно для народной славянской традиции.

2. Легенда о происхождении мусульманства⁸⁶. В этой легенде отразилось традиционное противопоставление своего и чужого. Мусульмане своеобразно исключаются из библейской родословной: *«Будто тоже шёл, Моисей шёл, или кто шёл. И пузырь-то, пузырь... Ну, наверное от Бога был какой-то пузырь. Катился пузырь. И вон его как будто бы жезлом приколот этот пузырь, и они будто бы турки такие, мол, чупатые, лупатые. Мусульмане. И вот оттуда будто бы появилось мусульманство»*. Мотив происхождения из пузыря, возможно, является реминисценцией сюжета дуалистического мифа: Бог разрывает пузырь, в котором обретается черт (Сатанаил)⁸⁷. Отголосок данного мотива в некрасовской легенде (Бог / Моисей, бес / мусульмане (турки)) не является случайным и соответствует традиционным представлениям об иноверцах / инородцах как носителях демонической природы⁸⁸.

3. Легенда о трех камнях, приплывших в Стамбул из *«Пана-Рыму»*⁸⁹. Согласно этой легенде, из праздного любопытства людьми был расколот один из этих камней, из которого *«чума пошла»*.

⁸⁵ Информатор М.З. Саничева.

⁸⁶ Информатор Е.К. Гулина.

⁸⁷ Веселовский А.Н. Еще к вопросу о дуалистических космогониях // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6. СПб., 1891. С. 106; Булашев Г.О. Украинський народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ, 1992. С. 72.

⁸⁸ Белова О.В. Инородец // Славянские древности... М., 1999. Т. 2. С. 416.

⁸⁹ Информатор М.Е. Ялуплина.

Эпидемию удалось предотвратить, зарыв эти камни в землю. По другому варианту этой легенды, записанному десятью годами ранее от того же респондента, из разбитого камня «вышли Чума и Мор»⁹⁰. Из контекста второго нарратива не совсем понятно, речь идет о происхождении болезни как таковой или о начавшейся эпидемии. Важно, однако, что в данном сюжете отразились общеславянские мифологические представления о камне как объекте, в который могут изгоняться и заключаться болезни или нечистая сила⁹¹.

4. Легенда о возникновении кадыка у мужчин⁹², относящаяся к разновидности антропологических легенд. Общеславянский мотив адамова яблока не был отмечен у некрасовцев. Происхождение данной мужской физической особенности связывается с ветхозаветным сюжетом об Аврааме и Исааке и объясняется как память о несостоявшемся жертвоприношении.

5. Легенда о происхождении вина⁹³. В ней отразились широко распространенные представления об inferнальной природе хмельных напитков. У некрасовцев изобретение вина связывается с ветхозаветным сюжетом о Содоме и Гоморре, а содомский грех (в качестве такого выступает инцест) осмысливается как следствие опьянения. По представлениям некрасовцев, употребление вина должно быть строго регламентировано и приурочено только к праздничным событиям. Данное предписание получает мотивировку в церковных книгах и новозаветном сюжете «Чудо в Кане Галилейской».

6. Легенда о Петровском посте, объясняющая происхождение обычая⁹⁴. В ней апостолы Петр и Павел предстают в качестве рыбаков, продающих улов рыбы. Плохая торговля в летнее время вынуждает их обратиться к Богу. По их просьбе Бог устанавливает пост.

7. Легенда-предание о святом павлине⁹⁵. Согласно этой легенде некогда казачки накануне Пасхи носили воду с лимана для

⁹⁰ Власкина Т.Ю., Архипенко Н.А., Калиничева Н.В. Народные знания донских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2005. Т. 2. С. 393.

⁹¹ Левкиевская Е.Е., Толстая С.М. Камень // Славянские древности... М., 1999. Т. 2. С. 451–452.

⁹² Информатор Е.К. Гулина.

⁹³ Там же.

⁹⁴ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор П.Т. Пашина, 1952 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратель Т.Ю. Власкина.

⁹⁵ Информатор М.З. Саничева.

заполнения резервуаров. В одном из них объявился павлин, который, поднявшись в небо, облетел кругом казачий поселок и скрылся в небесах. Это событие осмысливается как божественное знамение⁹⁶. С легендой связано поверье о том, что купающегося павлина можно увидеть на лимане утром накануне Пасхи⁹⁷, в ночь на Чистый четверг⁹⁸. По другой версии это поверье также связывается с легендой о павлине и паве, опоздавших к пасхальной службе.

8. Качеством святости наделяется и рыба. Мотивировка такого представления содержится в ряде легендарных нарративов: «*Бог-то ездил по морям-то. Он яё святил. Вот она и святая*»⁹⁹; «*Потому что Бог рыбацил*»¹⁰⁰. Доминирующая христианская символика рыбы в некрасовской традиции, вероятно, обусловлена особенностями хозяйственных занятий казаков, среди которых рыболовство являлось основой их существования.

9. Легенда об Иуде Искарите (Юде Скаритской)¹⁰¹. Здесь образ Иуды включает в агиографическую легенду о Кирике и Улите. Иуда выступает в качестве мучителя святых. Этот анахронизм получает объяснение в нарративе: Иуда за предательство Христа обречен Богом на бессмертие. Попытки Иуды умертвить себя оборачиваются новым воскресением. Данный сюжет представляет собой оригинальную реализацию широко известного мотива осужденного на вечные скитания грешника и обнаруживает типологическое сходство с легендами о вечном жиде¹⁰², хотя генетически

---

⁹⁶ В некрасовской традиции, таким образом, павлин приобретает положительную символику. В славянских народных поверьях и легендах он, как правило, наделяется демонической природой (Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность... С. 205).

⁹⁷ Информатор М.З. Саничева.

⁹⁸ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор И.С. Молодцова, 1936 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратель А.И. Зудин.

⁹⁹ Информатор М.З. Саничева.

¹⁰⁰ Информатор М.Е. Ялуплина.

¹⁰¹ Информатор М.Е. Ялуплина.

¹⁰² Аверинцев С.С. Агасфер // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 34; Белова О.В. Евреи и нечистая сила (по материалам славянской народной культуры) // Трахтенберг Д. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом. М.; Иерусалим, 1998. С. 265.

вряд ли непосредственно с ними связан¹⁰³. Ср. также с отмеченной у терских казаков легендой о чуме, персонифицированной в образе блудницы, обреченной Господом на вечную жизнь в муках и скитаниях¹⁰⁴.

10. Христос и Магомет «делят веру»¹⁰⁵. Сюжет содержит мотив своеобразного обмена. Изначально Христом было принято обрезание, а Магометом крещение. В дальнейшем «Исус Христос ему (обрезанию) не пондравил, пошёл креститься. А Магомет — холодно, озяб, пошёл (обрезанию) получил. И разошлись». Во время этой встречи Магометом были определены и пищевые ограничения для мусульман: разрешение употреблять в пищу только один бок свиньи. Легенды об изначальной допустимости для мусульман употреблять свинину, но только одну сторону, известны в болгарской и сербской фольклорной традиции¹⁰⁶.

Таким образом, в современной некрасовской традиции были отмечены практически все разновидности фольклорной легенды, включая редуцированные формы наиболее архаических дуалистических сюжетов. Из зафиксированных легенд преобладающими в количественном отношении являются этиологические сюжеты, включенные по большей части в библейский контекст; этические легенды, представленные широко распространенными сюжетами, частью восходящими к христианской агиографии, частью не связанными с книжной традицией (легенды о святом Николе, о странствующем Господе); эсхатологические рассказы, традиционно актуальные для старообрядческой среды. В отличие от таких жанров, как сказка или историческое предание, практически полностью утраченных, жанр фольклорной легенды представлен достаточно большим количеством сюжетов.

---

¹⁰³ Веселовский А.Н. Легенды о вечном жиде и об императоре Траяне // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1880. Ч. ССХ. С. 85–86.

¹⁰⁴ Баранов Е.З. Легенды и сказки терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903. Вып. 32. С. 76.

¹⁰⁵ Информатор Я.Ф. Пушечкин.

¹⁰⁶ Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность... С. 213.

Н.В. КАЛИНИЧЕВА

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СКАЗКАХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Условия изолированной и замкнутой жизни казаков-некрасовцев вдали от России и в чуждом окружении способствовали сохранению ими устройства общины и основных блоков духовной культуры¹, что определило устойчивый исследовательский интерес к изучению особенностей сохранившихся традиций, в том числе устного народного творчества.

Сказочное наследие казаков-некрасовцев включает разные по происхождению тексты: бытовавшие на Дону и Кубани в XVII в.; принесенные выходцами из России на Дунай, а затем на Майнос в XVIII–XIX вв.; созданные самими некрасовцами, в том числе по сюжетам, заимствованным из книжных источников и у народов Востока².

Сюжет сказки, передаваясь из поколения в поколение, остается устойчивым, хотя претерпевает ряд изменений за счет появления и распределения сюжетных деталей, обусловленных культурой, в которой создан исследуемый вариант³. Изучение этих деталей позволяет выявить некоторые особенности картины мира носителей фольклорных текстов, что может быть актуальным как при исследовании культуры донских казаков, ушедших вслед за Игнатом

---

¹ Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев // Русские сказки казаков-некрасовцев / Собраны Ф.В. Тумилевичем. Ростов н/Д, 1958. С. 13.

² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. С. 9.

³ Козьмин А.В. Сюжетный фонд сказок: структура и система. М., 2009. С. 84.

Некрасовым в турецкие земли, так и для изучения традиционной культуры донского казачества в целом.

Прежде всего отметим, что семейный уклад казаков-некрасовцев отличается от семейного уклада донских казаков. Известно, что в XVIII–XIX вв. на территории России обязательная воинская служба казаков была определяющим фактором организации казачьего сообщества, в том числе структуры семьи. Принцип устроения традиционной семьи был ориентирован на пополнение войска дееспособными казаками, включая полную казачью справу, и обеспечение собственной хозяйственной независимости; этому принципу подчинялся и брачный выбор, и воспитание детей, и отношения между старшими и младшими⁴.

Семья, показанная в некрасовских сказках, соответствует устройству общества, существовавшему до исхода некрасовцев в 1708 г.: вольной организации казачества до введения обязательной воинской службы, с промысловой системой хозяйствования и со сравнительно молодым институтом семьи, устоявшимся только к середине XVII в.⁵

В большинстве случаев мы видим двухпоколенную семью, где главой является **старик**. Это *«человек смиренный, увеселивый, обходительный»*⁶, он единственный кормилец и добытчик, несет ответственность за благосостояние семьи. Охота и рыболовство выступают в качестве повседневных занятий героя — некрасовцы насыщают сказочные сюжеты бытовыми деталями, характерными для их жизни в Турции⁷: *«казак на рыбальстве»*⁸, *«живет он и каждый день рыбалить ходит»*⁹, *«жили по соседству двое*

---

⁴ Власкина Т.Ю. Казачья жена: прагматика брака и супружеские отношения по материалам личного происхождения (1900–1924 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. ст. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 120.

⁵ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. 510 с.

⁶ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 1.

⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев // Русские народные сказки казаков-некрасовцев... С. 36.

⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 1; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 20; № 30.

⁹ Сказки казаков-некрасовцев... № 6, 16; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8, 23; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 3, 6, 8, 10, 15.

рыбаках»¹⁰, «старик рыбалил, охотничал»¹¹, «старик-то был охотник, капканы ставил, силки и с ружьем ходил»¹².

От умения и удачливости добытчика зависит достаток в семье: «Счастье его в море, поймает рыбку — сытым бывает, не поймает — так переспит»¹³. Болезнь отца семейства или неудачи в рыбной ловле ставят семью на грань выживания: «Стали дед с бабкою жить бедно, есть им было нечего»¹⁴. Следует отметить, что невозможность накормить семью воспринимается героями некрасовских сказок как беда непреодолимая, когда представляется лучшей долей принять предложение Тит-рыбы отдать единственного сына в обмен на хороший улов: «Отдашь сына — будешь ловить рыбу и жить хорошо»¹⁵ — или отвести детей в лес и оставить там: «Может, судьба дитех наших кормить будет»¹⁶.

В отношениях с женой старик не занимает доминирующей позиции, скорее подчиняется: «Послухались они жен и пошли работу искать»¹⁷, стойко переносит попреки злой жены: «Живет казак с презлющей женой, мучается. Выпить ему нельзя, слово сказать нельзя»¹⁸, старается во всем ей угодить. Упрямую жену под внешним давлением может «воспитывать»: «Взял палку и начал жену учить»¹⁹, но прослеживается мысль, что «лучше железу в котлу варить, чем злую жену учить»²⁰.

После смерти жены старик обычно женится вновь²¹, но не может прогнать злой воле мачехи и защитить своих родных детей, когда она хочет им навредить или вовсе от них избавиться:

¹⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 6.

¹¹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12, 16.

¹² Сказки казаков-некрасовцев... № 10, 14; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 7, 9, 10, 11, 15, 21, 22, 24; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5, 11, 22.

¹³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 3.

¹⁴ Там же. № 6.

¹⁵ Там же. № 10.

¹⁶ Там же. № 6.

¹⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 6.

¹⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 18.

¹⁹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 7.

²⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 18.

²¹ Сказки казаков-некрасовцев... № 5; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5, 7, 8.

«Старик терпел-терпел да и выгнал свою дочь из дому»²². Только в одном случае старик осознал вину и покаялся: «Оставил он злую жену, пошел искать дочь с сыном»²³.

Встречается сюжет, когда жена при смерти завещает жениться на дочери: «Ищи себе жену, да чтоб она была на меня похожей. Не найдешь — дочку бери замуж»²⁴, и старик, не найдя похожей, во исполнение завета жены начинает «дочь за себя сватать». Исследователи относят возникновение сюжета о брачном преследовании дочери отцом к периоду отказа от кровнородственных семейных отношений, когда инцестуальные отношения становятся антинормой²⁵.

Жена старика в сказках представлена гораздо меньше, круг ее занятий описывается крайне скупо: «старуха за сыном глядит да за стариком»²⁶, «старуха по дому хозяйство вела»²⁷. Исключение составляют случаи, когда ее поведение выходит за рамки привычного: «старуха злая, драчливая»²⁸, «жена все делает наперекор»²⁹, чуть что не так — бьет, может выгнать старика, «чтоб без еды не приходил домой»³⁰. Попраание норм традиционного семейного уклада наказывается: злая старуха была поколочена дубинками, после чего «стала увезливой, ласковой, деда своего не ругала, пальцем не трогала, никогда без него не кушала»³¹; а если, даже сидя в глубоком колодце, нрав свой не поменяла, то там и осталась³².

В отличие от старика, который, потеряв жену, женится снова, вдовы воспитывают детей в одиночку³³. Достатка в такой

²² Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

²³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 7.

²⁴ Там же. № 13.

²⁵ Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krayushkina1.zip> (дата обращения: 19.08.2012).

²⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

²⁷ Там же. № 30.

²⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 18.

²⁹ Там же. № 18.

³⁰ Там же. № 16.

³¹ Там же. № 16.

³² Там же. № 18.

³³ Сказки казаков-некрасовцев... № 8, 17; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 1; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8, 9.

семе нет, вся надежда на сына, который сможет заработать денег³⁴. Нерадивого сына мать приучает к труду: «*Не будешь работать — перестану тебя кормить*»³⁵. Исключительный случай — вдова выходит замуж за другого, и отчим хочет избавиться от пасынка³⁶; мать же, как и отец-старик в подобной ситуации, не может защитить сына.

Отдельно следует сказать о мачехе. Заняв в доме место умершей жены, она не может ужиться с детьми старика, обижает их: «*Работает Маша с утра до вечера, да только мачеха недовольна ею. Ругала, била ее*»³⁷, старается избавиться от них разнообразными способами: превращает в рысь и подменяет своей собственной дочерью³⁸, оговаривает детей и требует их убить³⁹, пытается отравить и оговорить⁴⁰, а то и просто без причины заставляет старика выгнать дочь из дома: «*Не хочу твою дочь. Куда хочешь, туда девай ее*»⁴¹.

В благополучных семьях родители пользуются авторитетом в семье, дети их слушаются, просят совета и благословения: «*Благословите меня в дорогу*»⁴². В случае неповиновения родителя может не дать благословения: «*Иди с богом на все четыре стороны, и благословения не дам*»⁴³, отказаться от строптивого ребенка: «*Я тебе не отец, а ты мне не сын*»⁴⁴, пожаловаться на детей атаману⁴⁵. Необходимо отметить, что круг стоит на защите интересов старшего поколения семьи: «*Что бы мать ни захотела сделать, сын не имеет права бить мать*»⁴⁶; за обиду родителя (в т.ч. мачехи) детей могли наказать смертью⁴⁷.

³⁴ Сказки казаков-некрасовцев... № 17.

³⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 9.

³⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 16.

³⁷ Там же. № 8.

³⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

³⁹ Там же. № 7.

⁴⁰ Там же. № 8.

⁴¹ Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

⁴² Сказки казаков-некрасовцев... № 7, 14; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 22, 24; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 7, 14.

⁴³ Сказки казаков-некрасовцев... № 7.

⁴⁴ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 22.

⁴⁵ Там же. № 24.

⁴⁶ Там же. № 16.

⁴⁷ Там же. № 16; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 7, 8.

Молодые. Взрослые дети, достигшие самостоятельности, должны создавать свою семью: «Живет парень один и вот надумал жениться»⁴⁸; «Сын он хороший, стал на возрасте, можно и женить его»⁴⁹, «Выросли дочери, пора их замуж отдавать»⁵⁰. Мысль о том, что в будущей невестке видится потенциальная помощница матери по хозяйству, прослеживается в качестве довода в пользу женитьбы: «Я стара стала, а невестка бы помогала мне»⁵¹. Можно утверждать, что способом самореализации девушки является вступление в брак, ради которого можно даже поступиться традициями скромности, отправившись вслед за возлюбленным в чужие земли и на войну⁵², а отсутствие возможности выйти замуж воспринимается как наказание: «А царские дочери и до сих пор сидят в девках»⁵³.

При выборе жениха или невесты более ориентируются на чувства молодых, понравились ли они друг другу: «Давайте породнимся: у вас невеста, а у нас жених. — Поглядим, как девка. Согласится, так можно и отдать»⁵⁴; «Я не могу силой отдать свою дочь за твоего сына, если она не захочет»⁵⁵. Но при этом благосостояние будущего супруга может быть приоритетным, особенно для родителей жениха и невесты, людей старшего поколения: купец не хочет женить сына на красавице из бедного рода: «Как это мы у сапожника дочку брать будем? Мы такие богатые, а она бедная»⁵⁶, охотник «хотел дочь за купца выдать»⁵⁷. Богатство может даже уравнивать явное социальное неравенство сторон: «Лишнее богатство моей казне не помешает!»⁵⁸, «Раз у него столько денег, может и зятем мне быть»⁵⁹. Бедность может послужить причиной отсутствия притязаний на любимого человека:

⁴⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 10, 19.

⁴⁹ Там же. № 30.

⁵⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

⁵¹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 30.

⁵² Там же. № 24; Сказки казаков-некрасовцев... № 16.

⁵³ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

⁵⁴ Там же. № 7; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 13, 22.

⁵⁵ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

⁵⁶ Там же. № 7; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 22.

⁵⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

⁵⁸ Там же. № 8.

⁵⁹ Там же. № 9.

«Люблю, да беден я»⁶⁰ — или женитьбы вообще: «За меня никто не пойдет — я бедный»⁶¹. Более того, желание сохранить семейное богатство может привести к тому, что родители запрещают детям вступать в брак: «Ты, сынок, не женись, а ты, дочка, не выходи замуж. Живите вместе, на ваш век хватит моего богатства»⁶².

Социальное неравенство — серьезное препятствие к браку: «Вот я, бедный, женюсь на тебе, а ты и попрекать меня будешь»⁶³. Отдельно можно говорить о теме выстраивания взаимоотношений молодых людей простого рода с царской семьей:

— инициатором выступает представитель царской династии, зачастую с нарушением привычных гендерных ролей при сватовстве и создании семьи: «Царская дочь полюбила простого парня-рыбака»⁶⁴; царские дочери отказываются от царевича и спорят из-за сыновей мельника⁶⁵; «Пришел Ваня до царской дочери. Она ему и гутарит: "Знаешь, Ваня, пойдти к отцу, к матери и скажи, чтобы они шли меня сватать"»⁶⁶; «Посватать надо рыбакову дочку за сына»⁶⁷; «Царский сын стал Маше про свою любовь гутарить»⁶⁸; «Женил царь Ваню на своей дочери»⁶⁹; два царя просят Ивана жениться на своих дочерях⁷⁰; «Царь как глянул на рыбакову дочку, так и полюбил»⁷¹; «Полюбила раз царица одного рыбака»⁷²;

— инициатива жениться исходит от простого ремесленника, обычно имеющего волшебные возможности: «Возьму у царя дочь»⁷³.

⁶⁰ Там же. № 8.

⁶¹ Там же. № 10.

⁶² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

⁶³ Сказки казаков-некрасовцев... № 14.

⁶⁴ Сказки казаков-некрасовцев... № 17; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 11, 15, 17, 23; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8, 10, 15.

⁶⁵ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

⁶⁶ Там же... № 14.

⁶⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

⁶⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

⁶⁹ Сказки казаков-некрасовцев... № 19.

⁷⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 15.

⁷¹ Там же. № 20.

⁷² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 4; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 16.

⁷³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 13; Сказки казаков-некрасовцев... № 6.

Для того чтобы быть достойным царской дочери, надо пройти испытания: *«Как поймашь три львицы, тогда дочь мою за тебя выдам»*⁷⁴.

Нарушение сословной иерархии чревато конфликтами: *«Какой-то ткач будет управлять мной?! Не дело это...»*⁷⁵; *«Хоть и муж, а не царского рода человек»*⁷⁶. Отношения с царской семьей обычно не складываются: царская дочь *«с полюбовником решила выколоть мужу глаза, бросить в колодец»*⁷⁷, царевна-чародейка хочет укатать бурлака до смерти⁷⁸, *«На третий год царской дочери Ваня не понравился, она и выбросила его ночью в окно»*⁷⁹. Желание молодых быть вместе, несмотря на запреты, может привести к смерти молодых⁸⁰. Тем не менее, сказки показывают и счастливый финал подобных браков: *«До сих пор с царской дочерью живет и хлеб жует»*⁸¹; *«Живет рыбакова дочка с царем»*⁸², в случае если молодые прошли через испытания и заслужили право быть вместе⁸³.

Сказка не акцентирует внимания на трудовых навыках героев, ищущих себе жениха или невесту, этот вопрос становится актуальным при необходимости испытать героя: *«Богатство богатством, а ремесло знать нужно... Научись хоть кошелки плести, ну тогда и замуж можно пойти»*⁸⁴; *«Умеет ли мой жених на конях ездить?»*⁸⁵; *«Достанешь (из моря. — Н.К.) перстень, тогда буду твоя»*⁸⁶. Неумение делать что-либо может послужить поводом для отказа в сватовстве: *«Какой он мне муж, когда на коне не удержался»*⁸⁷.

⁷⁴ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8.

⁷⁵ Сказки казаков-некрасовцев... № 14.

⁷⁶ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 13.

⁷⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8.

⁷⁸ Там же. № 15.

⁷⁹ Сказки казаков-некрасовцев... № 19.

⁸⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 23.

⁸¹ Там же. № 9.

⁸² Там же. № 20.

⁸³ Сказки казаков-некрасовцев... № 6, 14; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 15; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 10, 12.

⁸⁴ Сказки казаков-некрасовцев... № 7.

⁸⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

⁸⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 17.

⁸⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

В случае если родители не одобряют брачный выбор своего ребенка, возникает конфликтная ситуация, и молодые отстаивают свое право выбора: «*Любовь мою, отец, до смерти моей не отнимешь. Хочешь — закляни меня, хочешь — выгони из дому, откажись от меня, что хочешь, то и делай, а я люблю дочь нашего соседа*»⁸⁸; «*Раз такое дело, я дочью вашей не буду*»⁸⁹. Как правило, упорство молодых приносит свои результаты: «*Подумал, подумал купец, да и решил своего сына женить на дочери охотника*»⁹⁰. Отсутствие возможности быть со своим любимым может привести героя к смерти⁹¹.

Создание молодой семьи идет по вполне традиционному сценарию:

– сватовство: «*У тебя есть дочь, а у меня есть сын, давай сватами будем*»⁹²; «*Поглядел богатство, ну и решил сватать*»⁹³; «*Побегла она до царя сватать его дочь*»⁹⁴; «*Пойду сосватаю жену себе*»⁹⁵; «*Мы к тебе приехали сватать дочерей твоих*»⁹⁶; «*Матушка, батюшка, пойдите сватать за меня Аннушку*»⁹⁷; «*Приехали сваты, сосватали старикову дочку*»⁹⁸; «*Засватали они дочку чеботаря*»⁹⁹; причем глагол *сватать* может употребляться по отношению к юноше: «*Призвал царь до себя парня, сосватал его*»¹⁰⁰;

– свадьба: «*...собрал пир на весь мир. Пригласил на пир знамых и незнамых. Сыграли свадьбу. Попили, погуляли, повеселились на пиру все званые и незваные*»¹⁰¹; «*Родители на радостях собрали пир на весь мир*»¹⁰²; «*Целую неделю играли свадьбу*»¹⁰³; «*Созвал*

⁸⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 22.

⁸⁹ Там же. № 24.

⁹⁰ Там же. № 22.

⁹¹ Там же. № 24.

⁹² Сказки казаков-некрасовцев... № 17.

⁹³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

⁹⁴ Там же. № 9; Сказки казаков-некрасовцев... № 14.

⁹⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 13.

⁹⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

⁹⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

⁹⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

⁹⁹ Сказки казаков-некрасовцев... № 7.

¹⁰⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 10.

¹⁰¹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8, 21; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

¹⁰² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 13, 22; Сказки казаков-некрасовцев... № 7.

¹⁰³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 17, 22.

царь пир, стал играть свадьбу»¹⁰⁴. Встречается упоминание о венчании: «Повенчали молодых»¹⁰⁵, обычно при условии дополнительной семантической нагрузки: «Похороните меня на той перекрестке дорог, где мою невесту повезут к венцу»¹⁰⁶; «Они уже и кольцами поменялись, поп только не венчал»¹⁰⁷; «Венчали тебя с ним, а ты не признаешь его»¹⁰⁸;

– отъезд молодых жить в дом мужа: «Танюшку сваты увезли»¹⁰⁹. Поживившись, молодые могут отделиться: «Леон женился, построил себе большой курень, живет с женой»¹¹⁰, потом к ним могут присоединиться отец с матерью¹¹¹.

Особое внимание в сказках уделяется членам семьи, несущим разрушительное начало, вносящим разлад во внутрисемейные отношения:

– мачеха¹¹²;

– мачеха и ее дочь¹¹³;

– отчим: «Давай твоего сына испортим, он лишний. Вырастет он и будет отцовщину искать»¹¹⁴;

– сестра мужа, или золовка: хочет молодую на свадьбе отравить зельем¹¹⁵; золовки дразнят молодую немой да глухой¹¹⁶;

– жены братьев: «Стали братские жены заставлять Ваню носить воду», отправляют в лес за дровами¹¹⁷;

– родные сестры, завидующие удачливой младшей¹¹⁸;

---

¹⁰⁴ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8, 10; Сказки казаков-некрасовцев... № 6.

¹⁰⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹⁰⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

¹⁰⁷ Там же. № 23.

¹⁰⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 10.

¹⁰⁹ Там же. № 5.

¹¹⁰ Там же. № 12, 22; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 17; 22.

¹¹¹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 22.

¹¹² Там же. № 7, 8.

¹¹³ Сказки казаков-некрасовцев... № 5; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

¹¹⁴ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 16.

¹¹⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 22.

¹¹⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 16.

¹¹⁷ Там же. № 15.

¹¹⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 21.

– теща (мать царевны) при неравном браке: *«Не хотела, чтобы ее дочь была за охотником»*¹¹⁹;

– злая жена, из ревности к сестре-сироте задушившая собственного сына: *«С сестрой муж гутарит, а со мною нет. Ее любит, а меня нет»*¹²⁰. Конфликт между братом и сестрой, по мнению исследователей, появляется при переходе к патриархальной семье, когда власть от женщины материнского рода переходит к женщине, принадлежащей роду патриархальному (т.е. власть переходит к жене брата)¹²¹. Жена брата воспринимает сестру как соперницу и, отстаивая право на мужа, *«рвет и мечет, не знает, что бы сделать да отворотить мужа от сестры»*¹²².

Дети — важные персонажи некрасовских сказок. Рождение детей часто является событием сюжета сказки:

– сын: *«Жить-пожить, нашли себе сына»*¹²³; *«Прижили они себе сына»*¹²⁴; *«нашелся у них сын»*¹²⁵; *«Жить-пожить и родился у них сын»*¹²⁶;

– три сына: *«Имели они трех сыновей»*¹²⁷; *«Родили они себе три сына: два умных, а третий Иванушка-дурачок»*¹²⁸; *«Прижили они себе три сына»*¹²⁹;

– сын и дочь: *«Жить-пожить, нашли они себе двух дитех: сына с дочкой»*¹³⁰; *«Нашли они себе сына, а потом дочку»*¹³¹;

– дочь: *«Жил старик со старухой, нашли они себе дочку»*¹³²; *«Жить-пожить и нашли они себе дочку»*¹³³; *«Родилась у них дочь»*¹³⁴;

¹¹⁹ Там же. № 11.

¹²⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹²¹ Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений...

¹²² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹²³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 9, 30.

¹²⁴ Сказки казаков-некрасовцев... № 6, 17; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 10, 15, 19; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 8, 10.

¹²⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 16; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹²⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 14; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

¹²⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 17.

¹²⁸ Сказки казаков-некрасовцев... № 15.

¹²⁹ Там же. № 19.

¹³⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹³¹ Там же. № 22.

¹³² Там же. № 5; Сказки казаков-некрасовцев... № 20.

¹³³ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 13.

¹³⁴ Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

– три дочери: *«Прижили это трех девок, а парня ни одного не было»*¹³⁵;

– несколько детей: *«Жить-пожить, нашли они себе пять дитех»*¹³⁶; *«Нашли они семь детей, один меньше другого»*¹³⁷; *«Семья у него большая, детей много — один меньше другого»*¹³⁸. Большая многодетная семья упоминается лишь в качестве противопоставления малой и богатой или с констатацией крайней ее бедности, когда нечем кормить детей.

Нигде не высказывается предпочтений о рождении сына или дочери, но при отсутствии детей желанным становится сын-наследник: *«У меня нет наследника, и я хотел сына себе»*¹³⁹, а при наличии трех дочерей возникает мысль о нехватке сына, способного заменить отца на войне: *«У других сыновья есть, они за отца на войну пойдут, а у меня девки одни и заменить некому»*¹⁴⁰.

Иногда жили вдвоем, без детей¹⁴¹. Отсутствие детей становится проблемой в случае, когда некому оставить наследство: *«У меня и богатства много, а наследников нет»*¹⁴². Желание иметь наследника может заставить совершить сделку с нечистой силой: *«Мы с тобою договоримся: если у тебя будет два сына, ты одного отдашь мне»*¹⁴³.

Дети помогают матери по хозяйству, перенимают у отца ремесло: *«Подросли они, дочь по хозяйству управляется, сын охотничает»*¹⁴⁴; *«Парень вырос и стал заниматься охотой»*¹⁴⁵; *«(Сын) подрос и начал рыбалить»*¹⁴⁶; *«Дети выросли, стали рыбалить, охотничать»*¹⁴⁷; сыновья мельника кидают жребий, *«кому из*

¹³⁵ Там же. № 16; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 20, 21, 22.

¹³⁶ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 1.

¹³⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 6.

¹³⁸ Там же. № 14.

¹³⁹ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

¹⁴⁰ Там же. № 16.

¹⁴¹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 1, 16; Сказки казаков-некрасовцев... № 1, 18.

¹⁴² Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12; Сказки казаков-некрасовцев... № 6.

¹⁴⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 9, 19.

¹⁴⁶ Там же. № 10.

¹⁴⁷ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 6.

них достанется садоводничать, а кому хлеборобничать»¹⁴⁸. Тем не менее встречается желание выбрать единственному сыну другую долю: «Сын Ваня у нас один, давай его попу в дьячки дадим»¹⁴⁹; «Надо, чадушка, купить тебе ружо — Нет, я лучше буду учиться у дяди... А дядя-то ковры ткал»¹⁵⁰. Высшая оценка моральных достоинств сына — «увежливый, отцу-матери слово супротив не скажет»¹⁵¹.

Дочери воспитываются в соответствии с традициями, их нарушение порождает конфликтную ситуацию: «Разе мужскую одежду можно девке носить?! Судьба тебя накажет»¹⁵², причем перспектива увидеть дочь в мужской одежде пугает сильнее, чем ее уход из дома на обучение к монаху.

Потеря девушки чести приводят ее к мысли о невозможности дальнейшего существования: «Нехай меня в лесу волки растерзают!»¹⁵³; примечательно, что в подобную ситуацию попадает девушка-сирота, отданная на вскармливание и воспитание монаху или попу¹⁵⁴.

Дочь мачехи занимает в семье незаслуженно привилегированное положение: «Мачехина дочка только и знала — поест да отдохнуть»¹⁵⁵; «белы руки не марала, золоты перстни не снимала»¹⁵⁶, при этом претендует на блага, заработанные родной дочерью старика путем лишений и труда¹⁵⁷.

В случае если дети остаются сиротами, брат несет ответственность за сестру: «Тебя я не брошу до смерти»¹⁵⁸. Уходя на службу, он ищет, на кого бы ее оставить, «она же безродная»¹⁵⁹.

Отношение к сиротам особенное: сироту нельзя не приютить, не помочь в беде, не принять в дом при нужде: «Хаты у него не было. Ныне переночует у людей, другой раз. Так он и жил-ходил

¹⁴⁸ Сказки казаков-некрасовцев... № 18.

¹⁴⁹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

¹⁵⁰ Сказки казаков-некрасовцев... № 14.

¹⁵¹ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 24.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 22.

¹⁵⁴ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 28; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 22.

¹⁵⁵ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

¹⁵⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

¹⁵⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8; Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

¹⁵⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹⁵⁹ Там же. № 22.

по дворам»¹⁶⁰; «Сироту надо принять. Нехай она у нас живет за родную дочь»¹⁶¹; двенадцать братьев принимают сестрой обиженную сироту: «Мы принимаем тебя сестрой. Клятву даем, что не бросим, не обидим тебя»¹⁶²; старик, желая помочь незадачливому юноше, усыновляет его: «Ты будешь моим сыном, а я твоим отцом. У меня нет сына»¹⁶³.

Сиротки, выгнанные из дому злой мачехой, обычно находят богатство и счастливую долю¹⁶⁴. Сказки рисуют образ чудесного города, где привечают обиженных, люди живут счастливо, а лихих да потерянных людей не пускают: «Дома стоят большие, красивые, кругом сады. В садах разные фрукты: инжир, виноград, гранаты, яблоки, сливы... Везде на домах золото, серебро»¹⁶⁵. Очевидна вера в лучшую долю и спасителя, который, «как найдет несчастных детей, так в тот город их доставляет»¹⁶⁶. Тот, кто обидит сироту, заслуживает общественного порицания: «Как только земля такого антихриста терпела!»¹⁶⁷, а невозможность наказать виновного заставляет усомниться, «была ли правда на свете»¹⁶⁸.

Зло, причиненное чужеродными элементами семьи, последовательно влечет наказание: «Медведь взял кол, наткнул голову мачехиной дочери»¹⁶⁹; «Муж взял мачехину дочку, привязал до хвоста невладанного коня и пустил коня по чистой полю: куда руки, куда ноги, куда голова»¹⁷⁰; «(Старик) привязал злую женщину (мачеху) до хвоста коня и пустил»¹⁷¹; «Казнить брата моей жены, а его жену привязать к хвостам невладанных коних»¹⁷²; «Старик с дочкой хорошо живет, а старухина дочь у копаня гниет»¹⁷³.

¹⁶⁰ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 10; Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 13.

¹⁶¹ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 22; Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

¹⁶² Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 12.

¹⁶³ Сказки казаков-некрасовцев... № 17, 19.

¹⁶⁴ Там же. № 5; Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 8.

¹⁶⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 7.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. № 22. № 7.

¹⁶⁸ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 28.

¹⁶⁹ Там же. № 8.

¹⁷⁰ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев... № 5.

¹⁷¹ Там же. № 7.

¹⁷² Там же. № 12.

¹⁷³ Сказки казаков-некрасовцев... № 5.

В случае если семейные отношения нарушаются внутри семьи, виноватый также наказывается: «Лев встал на одну ногу, взял другую и разорвал Василия (брата-предателя) на части»¹⁷⁴; в случае неверности жены «превратил ее в кобылицу»¹⁷⁵; «Приказал царь привязать свою дочь с любовником к коням невластным и пустить их по колючкам»¹⁷⁶; за предательство со змеем-оборотнем «звери лютые разорвали жену охотника»¹⁷⁷. Таким образом реализуются представления народа о правде и справедливости.

Подводя итоги, отметим, что в целом система семейных отношений, представленная в некрасовских сказках, соответствует модели, характерной для русских сказок¹⁷⁸. Как правило, это двухпоколенная семья (родители (родные и неродные: мачеха, отчим) — дети), в которой на мужчинах (частотнее: рыбаках) лежат основные обязанности по обеспечению благополучия семьи. Группа свойственников представлена золовкой, женами братьев, тещей.

В отличие от великорусских сказок, в некрасовских люди крайне редко вступают в родственные связи со сверхъестественными существами. Среди специфических черт отметим также особое внимание, уделяемое регламентации поведения членов семьи: «в целях воспитания молодого поколения казаки-некрасовцы создали сказки на тему о послушании старшим»¹⁷⁹. Оригинальной можно считать и реализацию в сказках принципа внешнего регулирования семейных отношений: разрешение семейных конфликтов на кругу.

¹⁷⁴ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 17.

¹⁷⁵ Там же. № 18.

¹⁷⁶ Сказки казаков-некрасовцев... № 8.

¹⁷⁷ Русские народные сказки казаков-некрасовцев... № 19.

¹⁷⁸ Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm> (дата обращения: 19.08.2012).

¹⁷⁹ Тумилевич Ф.В. Сказки казаков-некрасовцев // Русские сказки казаков-некрасовцев... С. 36–37.

В.М. ГРЯЗНОВА

**ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА
«ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РАСТЕНИЕВОДСТВО»
В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ¹**

Объектом нашего исследования является лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство» в говоре казаков-некрасовцев. Предмет исследования — лингвокультурологический комментарий, направленный на выяснение специфики семантики, прагматики и словообразования говора казаков-некрасовцев, а также мировидения данной социальной группы. Лексико-семантическая система говора казаков-некрасовцев на протяжении ряда лет изучалась нами по данным словаря О.К. Сердюковой² и материалам полевых экспедиций преподавателей и студентов Ставропольского университета в села Левокумского района Ставропольского края, имеющимся на кафедре общего и славяно-русского языкознания Ставропольского университета.

Лексико-тематическая группа «Земледелие и растениеводство», по данным указанных источников, состоит из следующих подгрупп: 1) полеводство, 2) овощеводство, 3) луговоеводство, 4) садоводство.

Опишем лексику, относящуюся к **общим понятиям** лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство». В целом она немногочисленна (всего 25 слов) и дифференцируется

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00103/12.

² Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005. 320 с.

на следующие 8 разрядов: 1) наименования обрабатываемых участков земли, используемых в земледелии и растениеводстве (11 слов: *деляница* 'надел земли', *неудобки* 'неудобная земля', *нива* 'обрабатываемое поле', *паек* 'надел земли', *постать* 'участок поля; полоса, ряд, обрабатываемый жнецами, косцами' и т. п.); 2) названия рабочей одежды, обуви (5 слов: *куцевейка* 'рабочая одежда, куртка', *чирики* 'летняя рабочая обувь', *винцерада* 'рабочий плащ' и т.п.); 3) названия работающих в сельском хозяйстве (3 слова: *чирак* 'работник, батрак', *наемщик* 'наемный работник' и т.п.); 4) наименования орудий труда (2 слова: *мотыка* 'мотыга, тяпка', *чапка* 'род мотыги или кирки с топориком'); 5) наименование вида трудовой деятельности (1 слово: *землепахарство* 'землепашество'); 6) названия помещений сельскохозяйственного предназначения (1 слово: *порты* 'сарай для повозок, для сельскохозяйственного инвентаря'); 7) названия веществ, материалов, используемых в сельском хозяйстве (1 слово: *гной* 'навоз'); 8) наименования результатов сельскохозяйственного труда (1 слово: *урод* 'урожай').

Самая многочисленная подгруппа лексико-тематической группы «Земледелие и растениеводство» — это лексика полеводства. Опишем лексико-тематическую **подгруппу «Полеводство»**. Данная подгруппа состоит из следующих разрядов:

1) названия сельскохозяйственных орудий труда: инструментов и их частей, приспособлений. Это самый многочисленный разряд подгруппы «Полеводство» (всего 33 наименования из 56). Названия сельскохозяйственных орудий прежде всего именуют орудия труда, связанные со сбором урожая — жатвой, молотьбой, веянием зерна (18 слов): *баламарка* 'вспомогательное приспособление для жатвы, с отверстиями для пальцев, надевается на левую руку', *урак* 'серп', *гарс* 'ковш, служащий мерой зерна', *дювень* 'приспособление для молотьбы и резки соломы конной или воловой тягой' и т.п. Вторыми по распространенности являются наименования инструментов и приспособлений (основных и вспомогательных), которые используются в ходе вспахивания земли (17 слов): *клыч* 'металлический или деревянный стержень, деталь сохи', *теска* 'часть плуга, резец', *шашмалочка* 'часть ярма, скобка, которой прикрепляется заноза к ярму', *чистик* 'приспособление для очистки лемеха плуга' и т.п. Небольшое количество наименований сельскохозяйственных орудий относится к процессу сева — 2 слова (*садилка*, *сеяльник*).

2) названия сортов зерновых растений и их частей (11 слов): *папуша* ‘кукуруза’, *початок* ‘кукурузный початок’, *сана* ‘кукурузный стебель’, *пашеница* ‘пшеница’, *горновка* ‘сорт яровой пшеницы’ и т.п.;

3) названия отходов при обработке урожая (7 слов): *бугрина* ‘отходы на току при молотье’, *кесмик* ‘отходы при молотье и веянии зерна’, *озадки* ‘отходы при веянии зерна’ и т.п.;

4) названия единичных представителей зерновых растений (или их частей) и их совокупностей (6 слов): *хлебина* ‘один колос’, *кочанина* ‘очищенный от зерна кукурузный початок’ и т.п.;

5) названия мест обработки зерновых культур (1 слово): *гарман* ‘ток, гумно’.

В целом лексика лексико-тематической подгруппы «Полеводство» (всего 80 слов вместе с названиями общих понятий) по своему происхождению делится на лексику собственно говора (немотивированные лексемы — 42 слова, мотивированные, возникшие чаще всего от корней национального языка либо от диалектных корней, — 30 слов), которая преобладает, и заимствованную лексику (всего 8 слов): заимствованные из болгарского *порты* ‘сарай’, *попара* ‘орудие труда’; заимствованные из турецкого *клыч*, *дювень* ‘орудия труда в сельском хозяйстве’, *каплазя*, *сана* ‘сельскохозяйственные растения’, *кесмик* ‘отходы в сельском хозяйстве’, *тарла* ‘обрабатываемый земельный надел’. Особого замечания требует лексема *пай*, которая является заимствованием из турецкого языка. Полагаем, что слово *пай* было заимствовано в русский национальный язык, а из него попало в говор некрасовцев. В «Словаре современного русского литературного языка»³ указывается, что первая лексикографическая фиксация данного существительного относится к 1771 г. (Российский Целлариус, или этимологический российский лексикон), из чего следует, что слово *пай* задолго до конца XVIII в. бытовало в русской речи. Полагаем, что лексемы *паек*, *паевая* образованы уже на русской почве, в говоре некрасовцев.

Необходимо отметить специфические семантические характеристики лексико-тематической подгруппы «Полеводство». Это явления синонимии, антонимии, многозначности, основанной чаще всего на метонимических связях, реже связях функционального

³Словарь современного русского литературного языка / Под ред. Ф.П. Филина и др. М.; Л., 1959. Т. 9. Стлб. 35.

характера, и возникновение диалектных значений на базе семантики общерусских слов путем метонимии.

Явление синонимии представлено 8 синонимическими рядами: 1) *колосина* — *хлебина* в значении ‘колосок’, 2) *кююшка* / *кююшка* — *напрядник* — *кашалайка* в значении ‘очищенный от зерен кукурузный початок’, 3) *занузда* — *запрягалка* в значении ‘часть ярма’; 4) *терка* — *дювень* ‘приспособление для молотьбы’ (в данном синонимическом ряду первое слово русское, а второе — турецкое); 5) *деляница* — *пай* — *паек* — *паевая* в значении ‘надел земли, участок поля’; 6) *нива* — *тарла* в значении ‘обрабатываемое поле’; 7) *кесмик* — *озадки* в значении ‘отходы при веянии зерна’ (в данном синонимическом ряду первое слово турецкое, а второе — русское); 8) *винцерада* / *линцерада* — *лоценка* в значении ‘самодельный рабочий плащ’.

Явление антонимии представлено одним антонимическим рядом: *тарла*, *нива* (‘обрабатываемое поле’) — *чаир* (‘незасеянное поле’). Перед нами разнокорневые комплементарные антонимы, т.к. они взаимно дополняют друг друга и между ними невозможно вставить промежуточный член оппозиции.

В данной подгруппе имеется гиперо-гипонимическая семантическая корреляция: гипероним *пашеница* в значении ‘пшеница’ и его согипонимы — *горновка*, *колоска*, *желтоколоска*, *красноколоска*, *черноколоска*, называющие различные сорта пшеницы.

Шесть лексем этой группы по своему происхождению являются следствием метонимических, реже метафорических процессов денотативного характера на базе уже существующих в национальном языке слов. Подобные метонимические переносы демонстрируют существительные: 1) *дерево* ‘часть сохи, деревянная основа сохи’, 2) его просторечный синоним *деревяка*; 3) *железо* ‘режущая часть деревянной сохи, лемех’. Подобные метафорические переносы (по сходству внешнего вида и местоположения) обнаруживают: 1) лексема *голова* ‘мельн. передняя наружная часть горизонтального вала на ветряной мельнице’; 2) *парус* ‘спец. часть устройства ветряной мельницы, парусина, прикрепленная к крыльям’; 3) *ухо* ‘часть сохи, отвал’.

В подгруппе «Полеводство» присутствует определенное количество многозначных слов, в семантической структуре которых наблюдаются следующие виды связей значений:

1) метонимический перенос «место — предмет (субъект или объект), находящийся на этом месте» (лексемы *гарман*, *дерево*):

гарман 1. 'Ток, гумно'. 2. 'Хлеб в снопах, разложенный на току для молотьбы'. 3. 'Зерно, обрабатываемое на току'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *центральная площадь* — *площадь загудела*;

2) метонимический перенос «сосуд — количество вещества, входящего в сосуд»: *гарс* 1. 'Ковш, служащий мерой зерна' (*Гарс — каронка, корец*). 2. 'Мера зерна, помещающаяся в ковш' (*Гарз зирна курям киниши*). В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *новое ведро* — *ведро воды*;

3) перенос на основе деграмматикализации форм множественного числа (лексемы *початки, кочки*): *початок* 'кукурузный початок', *початки* (мн.) 'кукуруза', *кочка* 'кочка', *кочки* (ед. нет) 'остатки стеблей растений на сжатом поле'. Слова *початки* и *кочки* в говоре обладают неколичественным значением числа — либо собирательным, либо родовым. Подобный перенос по своей сущности также является синекдохой, т.к. для наименования совокупности предметов (кукурузы, остатков стеблей на сжатом поле) используется наименование формы множественного числа единичного предмета. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной синекдохы: ср. *огурец* в форме единственного числа и *огурцы* в собирательном или родовом значении;

4) функциональный перенос «определенный артефакт — иной артефакт, предназначенный для аналогичной функции»: *занузда* 1. 'Уздечка'. 2. 'Часть ярма, то же, что запрягалка'; *терка* 1. 'Приспособление для молотьбы' 2. 'Приспособление для валки шерсти' (*Сукно терли тёркаю...*). В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного функционального переноса: ср. *крыло птицы* — *крыло самолета*;

5) метафорический перенос «часть тела человека — определенный артефакт, схожий по внешним признакам» (лексема *голова*): *голова* 1. 'Часть тела человека или животного'. 2. мельн. 'Передняя наружная часть горизонтального вала на ветряной мельнице'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: ср. *головка ребенка* — *головка сахару*;

6) метафорический перенос «определенный артефакт — иной артефакт, похожий на него по внешнему виду» (лексемы *соха, дерево*): *соха* 1. 'деревянный плуг'. 2. 'стойка, подпора, раздвоенная на верхнем конце' (*Хата турлучная, сохи забьем, стены с камыша*);

дерево 1. 'Бревно, палка, шест'. 2. 'Часть сохи, деревянная основа сохи'. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: *длинный рукав — пожарный рукав; подвал в доме — подвал в газете*.

7) ассоциативный перенос «определенный артефакт, представляющий часть чего-л. — расчлененное количество» (лексема *деляница*): *деляница* 1. 'Надел земли'. 2. 'Часть имущества, доля'. В семантической структуре слова *деляница* наблюдается процесс расширения значения (от конкретного к абстрактному). В русской речи имеем следующие примеры подобного переноса: ср. *плюс как знак математики — это твои плюсы*;

8) ассоциативный перенос «определенный артефакт, представляющий часть чего-л. — иной артефакт, также представляющий собой часть чего-л.» (лексема *рядочек*): *рядочек* 1. 'Полосочка' (*Мушкин балახоны — материя рядочиками, шымлазёваи*). 2. 'Грядка' (*Зямлі акруг дома ні было, толькі па дялянчкі, па пяць — па шэсь рядочках*). В русском литературном языке имеем следующие примеры подобного переноса: ср. *полоса обороны — последняя полоса газеты*.

Мы видим, что все процессы, характерные для многозначного слова говора казаков-некрасовцев, все виды метонимических и метафорических переносов широко распространены и в русском национальном языке.

В составе лексико-тематической подгруппы «Полеводство» находим 30 мотивированных существительных (из 80 слов). Словообразовательная специфика мотивированных имен лексико-тематической подгруппы «Полеводство» такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения основ и слов, а также субстантивация и префиксально-суффиксальный способ. Мотивирующая база как субстантивная, так и глагольная, редко адъективная.

Охарактеризуем отглагольные суффиксальные модели. Мотивирующие глаголы называют конкретные действия, чаще всего относящиеся к сельскохозяйственному труду (*запрягать, зануздывать, сгребать, садить/сажать, сеять*), реже — вообще к трудовой деятельности (*чистить, тереть, делить*). Все мотивирующие глаголы относятся к русскому национальному языку. Преобладающая модель *V + формант -лк(а)* со значением 'орудие, инструмент' (*запрягалка, сгребалка, садилка*). Данная слово-

образовательная модель характерна для русского национального языка и продуктивна в современном русском языке: *грелка, пloyка, зажигалка*⁴.

Другие отглагольные модели представлены единичными примерами:

1) *V + формант -льник* со значением ‘орудие, инструмент’: *се-ьяльник* ‘приспособление для ручного сева в виде передника’ (ср. в национальном языке аналогичная словообразовательная модель (СМ): *кипяильник, плавильник*⁵;

2) *V + нулевой суффиксальный формант* со значением ‘орудие, инструмент’: *занузда* ‘часть ярма’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *опора, пила, оправа*⁶);

3) *V + формант -ик/-ник* со значением ‘орудие, инструмент’: *чистик* ‘приспособление для очистки лемеха плуга’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *пищик, разменник* ‘автомат’⁷);

4) *V + формант -к(а)* со значением ‘приспособление, орудие труда’: *терка* ‘приспособление для молотбы’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *жатка, задвижка, ловушка*⁸);

5) *V + формант -(а)ниц(а)* со значением ‘ограниченное пространство’: *деляница* ‘надел земли’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ, называющая сооружения: *звонница, мельница, гостиница*⁹);

6) *V + формант -щик* со значением ‘лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом’: *наемщик* ‘на-нявшийся в работники’ (от *нанимать*), в национальном языке аналогичная продуктивная СМ: *поливщик, наладчик, погрузчик*¹⁰. Словообразовательное значение всех отглагольных суффиксальных моделей говора является мутационным.

Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены в данной подгруппе восемью разновидностями. Наиболее распространенной моделью является следующая:

⁴ Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. С. 149.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 222.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 151.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Там же. С. 144.

S + формант -ин(а) с модификационным значением ‘один предмет, выделенный из совокупности предметов’: *колосина* ‘кусочек колоса, ость’, *хлебина* ‘один колос’, *кочанина* ‘очищенный от зерна кукурузный початок’, *кююшина*, *кююшина* ‘очищенный от зерна кукурузный початок’ (соответственно от *колос*, *хлеб*, *кочан*, *кююшка*, *кююшка*). Данная модель является актуальной в русском национальном языке на протяжении веков и продуктивной в современном русском языке (*камышина*, *картофелина*, *помидорина*¹¹).

Целый ряд иных отсубстантивных моделей, представленных единичными примерами, также обладает тем или иным модификационным словообразовательным значением:

1) **S + формант -к(а)** с модификационным значением подобия ‘предмет, похожий по внешнему виду на предмет, названный мотивирующим словом и обладающий с ним пространственной смежностью’: *колоска* ‘сорт пшеницы’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *мушка на лице*, *куколка насекомого*, *горка* ‘мебель’¹²);

2) **S + формант -ак(а)** со значением стилистической модификации (подобные имена представляют собой разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов): *деревяка* ‘деревянная деталь сохи’ (от *дерево* 2. ‘часть сохи, деревянная основа сохи’), ср. в национальном языке аналогичная СМ: *морозьяка*, *чертяка*¹³;

3) **S + формант -ок** с модификационным субъективно-оценочным значением: *паек* ‘пай’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *грибок*, *городок*, *возок*¹⁴); 7) **S + формант -к(а)** с модификационным субъективно-оценочным значением: *сошка* ‘уменьш. к соха’ (ср. в национальном языке аналогичная продуктивная СМ: *шубка*, *горка*¹⁵).

Другие отсубстантивные модели представлены единичными примерами лексем. Среди них три СМ с различными по своей семантике мутационными значениями:

1) **S + формант -арник** с мутационным значением ‘место’: *кочкарник* ‘сжатое поле с остатками стеблей растений’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *пихтарник*, *свинарник*, *кустарник*¹⁶);

¹¹ Русская грамматика... С. 207.

¹² Там же. С. 205.

¹³ Там же. С. 208.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 210.

¹⁶ Там же. С. 183.

2) *S* + **формант -ств(о)** с мутационным значением ‘занятие лица, названного мотивирующим словом’: *землепахарство* ‘землепашество’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *градоначалство, лихоимство*¹⁷), мотивирующее слово *землепахарь* относится к национальному русскому языку, оно зафиксировано в словаре В.И. Даля¹⁸;

3) *S* + **формант -ник** со значением ‘лицо’: *хлебоборбник* ‘хлебоборб’ (от национального *хлебоборб*). В современном русском языке на протяжении веков существовала и существует аналогичная словообразовательная модель (*колхозник, помощник, фокусник*¹⁹). Лексема *хлебоборбник* выявляет тенденцию к избыточности морфематической структуры слова, ведь мотивирующее существительное *хлебоборб* уже обозначает человека, занимающегося хлебоборбством, и суффикс *-ник*, на первый взгляд, не добавляет никакой новой информации. Названная тенденция проявлялась в русском национальном языке на разных этапах его развития в различных формах. Так, в языке XVIII – начала XIX в. существовали словообразовательные варианты, состоящие из немотивированного слова и этого же слова, усиленного суффиксом в соответствии со своим общим значением (*азиат — азиатец, садовод — садоводец, конарх — конархист, плут — плутец*²⁰). Подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной. Удивительно то, что описанное явление было характерно и для говора некрасовцев, живших в изоляции от метрополии, в инославянском окружении.

В данной группе имеются два слова, относящихся к отадъективным моделям:

1) *Adj* + **формант -к(и)** с мутационным словообразовательным значением ‘вещество’: *неудобки* ‘неудобная земля’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *последки* в значении ‘предмет, вещество’²¹);

2) *Adj* + **формант -к(а)** с мутационным словообразовательным значением ‘конкретный предмет’: *ветрянкa* ‘ветряная мельница’ (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *овсянка, рогаткa*²²).

¹⁷ Русская грамматика... С. 199.

¹⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. Т. 1. М., 1994. Стлб. 1695.

¹⁹ Русская грамматика... С. 182.

²⁰ Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1–4. СПб., 1847.

²¹ Русская грамматика... С. 177.

²² Там же. С. 171.

Способ словосложения представлен в данной подгруппе тремя мотивированными лексемами. Это существительные *желтоколоска*, *черноколоска*, *красноколоска* со значением ‘сорта яровой пшеницы’, которые относятся к одной и той же модели — сложению с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, и подчинительным отношением основ. Опорным компонентом выступает слово данного говора — *колоска* (сорт пшеницы), первые компоненты подчинительных сложений — это слова национального языка (*желтый*, *черный*, *красный*). В национальном языке имеется аналогичная СМ: *новостройка*, *сухофрукты*²³.

Два существительных относятся к способу субстантивации. Это субстантиват *весное* ‘яровые злаки’ со словообразовательным значением ‘единицы классификации растительного и животного мира’. В национальном языке имеется аналогичная продуктивная СМ: *бобовые*, *цитрусовые*, *однодольные* (подобные субстантиваты чаще употребляются в форме множественного числа²⁴). Второй субстантиват — это существительное *паевая* ‘пай, т.е. надел земли’ со словообразовательным значением ‘ограниченное пространство’. В национальном языке имеется аналогичная продуктивная СМ, называющая помещения: *приемная*, *операционная*, *парикмахерская*²⁵.

Одно существительное относится к префиксально-суффиксальному способу: *подгорленник* в значении ‘нижняя часть ярма’ (от *горло* с помощью приставки *под-* и суффикса *-(ен)ник*). В национальном языке имеется аналогичная продуктивная в сфере бытовой лексики словообразовательная модель (*подголовник*, *подлокотник*, *подсвечник*²⁶).

Большая часть мотивирующих слов всех моделей описанных способов словообразования в говоре некрасовцев относится к русскому национальному языку (*запрягать*, *зануздывать*, *сгребать*, *садить/сажать*, *сеять*, *чистить*, *нанимать*, *делить*, *колос*, *хлеб*, *кочан*, *кочка*, *весна*, *землепахарь*, *желтый*, *черный*, *красный*, *паевой*, *неудобный*, *ветряной*, *хлебороб*, *горло*), только такие мотивирующие слова, как *киюшка*, *кююшка*, *колоска*, являются диалектными и относятся к говору казаков-некрасовцев.

²³ Русская грамматика... С. 242.

²⁴ Там же. С. 240.

²⁵ Там же. С. 240.

²⁶ Там же. С. 234.

Лексико-тематическая подгруппа «**Овощеводство**» состоит из следующих разрядов: 1) общие понятия (4 слова): *грядина* ‘бахчевые культуры’, *овоцъ*, *овоц* ‘овощи’, *город* ‘огород’;

2) названия сортов растений (15 слов): *горчица* ‘стручковый перец’, *думать* ‘помидор’, *комовка* ‘сорт дынь’, *кочанка* ‘сорт дынь’;

3) названия отходов при обработке урожая (1 слово): *обьюхи* ‘отходы при очистке бобов’;

4) названия единичных представителей растений или их частей (1 слово): *чесноковина* ‘зубок чеснока’.

В целом в лексико-тематической подгруппе «Овощеводство» (в ее составе 20 слов) преобладает немотивированная лексика, мотивированная лексика немногочисленна: всего 5 существительных (*хатник*, *шашлыкофка*, *перехватка*, *чесноковина*, *самосходы*), мотивирующие лексемы которых являются либо исконными славянскими (*хватать*, *чеснок*, *хата*, *самый*, *сходить*), либо освоенными русским национальным языком заимствованиями (слово *шашлык* возникло от тюркского *sislik*, поначалу функционировало в диалектной и просторечной речи, впервые отмечено в Опыте областного словаря²⁷). Три лексемы представляют собой заимствования в говор некрасовцев из турецкого языка: *думать* — помидор, *майданоз* — петрушка, *нугут* — сорт гороха.

Необходимо отметить специфические семантические характеристики лексико-тематической подгруппы «Овощеводство». Это явления синонимии, многозначности, основанной чаще всего на метонимических связях, реже на ассоциативных связях, влекущих за собой сужение или расширение значения.

Явление синонимии представлено тремя синонимическими рядами:

1) *грядина* в значении ‘бахчевые культуры’ — *кабаки*, *кабаки-мабаки* — в значении ‘собр. овощи, бахчевые культуры’;

2) *русканка* — *перехватка* ‘сорт тыквы’;

3) *кочанка* — *шашлыковка* ‘сорт дынь’.

Многозначность, обусловленная метонимическими переносами, представлена в семантической структуре таких многозначных слов, как *грядина*, *корец*, *кубышка*. В лексемах *корец*, *кубышка* наблюдается один и тот же вид метонимии: «вид бахчевой культуры — посуда из плода этой культуры» (разновидность метонимии,

²⁷ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / Ред. А.Х. Востоков. СПб., 1852. С. 264.

характерной для русского национального языка «материал — изделие из этого материала»). *Корец* 1. ‘Особый вид бахчевой культуры’. 2. ‘Высушенный и выдолбленный ее плод с длинным отростком, который используется вместо ковша’. *Кубышка* 1. ‘Сорт тыквы’. 2. ‘Выдолбленный и высушенный плод ее, используемый в качестве посуды’. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной метонимии: *стекло* — *выставка чешского стекла*, *хрусталь* — *духи в граненом хрустале*.

Иной вид метонимии представлен в семантической структуре такого многозначного слова, как *грядина* ‘место, участок земной поверхности — бахчевые культуры, произрастающие на этом месте’. *Грядина* 1. ‘Возвышенное место, не затопляемое водой во время весеннего разлива’. 2. ‘Бахчевые культуры’. Полагаем, что это разновидность следующей метонимии, характерной для русского национального языка: «место — предмет (субъект или объект), который на нем (в нем) находится» (*центральная площадь* — *площадь запела*).

В третьем значении многозначной лексемы *корец* представлено явление сужения значения в результате его специализации: ‘посуда из плода бахчевой культуры (ковш) — специальный мельничный ковш’. *Корец* 1. ‘Особый вид бахчевой культуры’. 2. ‘Высушенный и выдолбленный ее плод с длинным отростком, который используется вместо ковша’. 3. спец. ‘Ковш мельничный, ларь для засыпки муки’. Описанный вид сужения значения в результате его специализации частотен и для современного русского национального языка: *кастрюля* 1. ‘Вид кухонной посуды’. 2. профес. ‘Синхрофазатрон в устной речи физиков’; *терка* 1. ‘Предмет кухонного обихода’. 2. ‘Машина для измельчения красок’.

В семантической структуре существительного *овошь* (собр., ж., ‘овощи’) наблюдается явление чередования гипонимической части значения семем, входящих в структуру многозначного слова: *овошь* 1. ‘Овощи’. 2. ‘Фрукты’. Значения № 1 и № 2 данной лексемы являются согипонимами, т.к. имеют общий гипероним, который можно выразить словосочетанием «растения, выращиваемые человеком в огороде, на бахче и в саду». В русском национальном языке имеем следующую многозначную лексику с аналогичной семантической структурой: *яблочко* 1. ‘Название матросской песни’. 2. ‘Название матросского танца’ (общий гипероним выражается словосочетанием «народное искусство матросов»).

В составе лексико-тематической подгруппы «Овощеводство» находим 5 мотивированных существительных (из 21 слова). Словообразовательная специфика мотивированных имен лексико-тематической подгруппы «Овощеводство» такова: преобладает суффиксальный способ образования, присутствует способ сложения основ и слов. Мотивирующая база как субстантивная, так и глагольная. Есть случаи словообразовательной языковой игры.

Охарактеризуем отсубстантивные суффиксальные модели. Мотивирующие имена называют конкретные предметы, чаще всего относящиеся к сфере быта (*хата*, *шашлык*), реже к сельскохозяйственному труду (*чеснок*). Отсубстантивные суффиксальные словообразовательные модели представлены в данной подгруппе тремя разновидностями, все они представлены единичными примерами. Первая модель: **S + формант -ник** с мутационным значением 'предмет, характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом': *хатник* 'перец, выращиваемый в горшке' (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *пустырник*, *орешник*²⁸). Вторая модель: **S + формант -ин(а)** с модификационным значением единичности 'один предмет, выделенный из совокупности предметов': *чесноквина* 'зубок чеснока' (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *посудина*, *можжевелина*, *изюмина*²⁹). Третья модель: **S + формант -(ов)к(а)** с модификационным значением подобия 'предмет, похожий по внешнему виду на предмет, названный мотивирующим словом': *шашлыковка* 'сорт дынь, которые по виду напоминают шампур шашлыка' (ср. в национальном языке аналогичная СМ: *дымка* 'легкая пелена чего-л., похожая на дым'³⁰).

Охарактеризуем отглагольные суффиксальные модели. В рамках суффиксального способа словообразования наблюдается одна словообразовательная модель: **V + -к(а)** с предметным значением результата действия: *перехватка* 'сорт тыквы' (*Пиряхватка как кабак, такая длинненькая*). В национальном языке имеется аналогичная СМ: *похлебка*, *подачка*, *настойка*³¹.

В рамках способа сложения наблюдается такая СМ, как сложение с опорным компонентом глагольной основой и нулевым суффик-

²⁸ Русская грамматика... С. 183.

²⁹ Там же. С. 207.

³⁰ Там же. С. 205.

³¹ Там же. С. 151.

сом, в которой первой основой выступает основа местоименного прилагательного *сам*. Значение данной СМ является следующим: 'предмет, характеризующийся действием, названным опорной основой и конкретизированным в первой основе сложения': **сам + (о) + V + нулевой формант**. К этой СМ относится существительное *pluralia tantum самосходы* 'сорт помидоров' (*Эти памидоры — самасходы, сами сходят*). В национальном языке имеется аналогичная СМ: *самоходы, гусли-самогуды, сапоги-скороходы*³².

Мотивирующие глаголы относятся к лексике говора и называются как абстрактные, так и конкретные действия: соответственно *перехватывать* 'хватать с избытком'; *сходить* 'всходить'.

В описываемой лексико-тематической подгруппе «Овощеводство» имеется один случай словообразовательной языковой игры. К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием. Как правило, в устной спонтанной речи эстетическое чувство реализуется в установке на комический эффект. Языковая игра чаще всего основана на балагурстве — явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает все необычное, перевернутое. Так, в речи некрасовцев находим прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука: в данной подгруппе это *кабаки-мабаки*. Данная эхо-конструкция обладает семантикой обобщения: *Кукурузы сешили, кабаки-мабаки сешили* (т.е. разные овощи). В национальном языке имеется аналогичная по форме и значению эхо-конструкция: *Там мясо, курица, колбаса, лосось-масось*. — *Возьми всякие банки-шманки. Я не доверяю всяким контрактам-шмонтрактам*. По наблюдениям ряда ученых прием рифмованного эха распространяется в русской речи под влиянием тюркских языков, у носителей русского языка, живущего в соседстве с тюркским населением³³. Именно к такой группе носителей русского языка относятся казаки-некрасовцы.

Лексико-тематическая подгруппа «Луговодство» (всего 4 слова). В нее входят: 1) наименования совокупностей растений (2 слова): *навильник* 'охапка сена', *скирдо* 'скирд'; 2) наименования орудий труда (1 слово): *косье* 'рукоять косы'; 3) наименования мест выпаса (1 слово): *паша* 'луг, пастбище'.

³² Русская грамматика... С. 252.

³³ Русская разговорная речь. М., 1983. С. 193.

Лексико-тематическая подгруппа «Садоводство» (всего 15 слов). Данная подгруппа состоит из следующих разрядов: 1) общие понятия (2 слова): *садовина* ‘фруктовое дерево’, *садовинка* ‘уменьш. фруктовое дерево’; 2) названия деревьев и их плодов (всего 11 слов): *жерделина* ‘фруктовое дерево, сорт абрикоса’, *инжирина* ‘дерево инжир’, *лимонина* ‘плод лимонного дерева, лимон’, *нарина* ‘гранатовое дерево’ и т.п.; 3) названия отходов при обработке урожая (всего 1 слово): *жибри* ‘отходы винограда при изготовлении вина’; 4) названия напитков из плодов (всего 1 слово): *чира* ‘сок винограда’.

Необходимо отметить специфические семантические характеристики лексико-тематических подгрупп «Луговодство» и «Садоводство». Это явления синонимии, многозначности, основанной чаще всего на метонимических связях, реже на ассоциативных связях, влекущих за собой сужение значения.

Явление синонимии представлено тремя синонимическими рядами: *садовина* — *садовинка* в значении ‘фруктовое дерево’ (стилистические синонимы), *тутина* — *тутинка* в значении ‘тут, тутовое дерево’ (стилистические синонимы), *инжирина* — *смоквина* в значении ‘дерево инжир’ (полные синонимы).

Многозначность, обусловленная метонимическими переносами, представлена в семантической структуре таких существительных, как *садовина*, *смоквина*. Наблюдаются один вид связи значений: перенос на основе синекдохи «растение — его части»: 1) *садовина* 1. ‘Фруктовое дерево’. 2. собир. ‘Ветки дерева’. 3. ‘Одна ветка’; 2) *смоквина* 1. ‘Дерево инжир’. 2. ‘Плод инжира’. В русском литературном языке имеем следующие примеры подобной синекдохи: *росла груша — груша нынче уродилась* (собирательное) — *съешь грушу*.

В целом в лексико-тематических подгруппах «Луговодство» и «Садоводство» преобладает мотивированная лексика (14 из 19 слов), мотивирующие лексемы которых либо принадлежат русскому национальному языку и являются исконными славянскими (*садовый*, *навить*, *косить*, *пасти*) или заимствованными (*лимон*, *смоква*, *инжир*, *тут*), либо относятся к диалектным (*жердела*, *садовина*, *тутина*). Две мотивирующие лексемы представляют собой заимствования в говор некрасовцев из турецкого языка: *portukal* (для лексемы *пратукалина*), *nar* (для лексемы *нарина*). Словообразовательная специфика мотивированных имен лексико-

тематических подгрупп «Луговодство» и «Садоводство» такова: преобладает суффиксальный способ образования. Мотивирующая база прежде всего субстантивная, а также глагольная.

Охарактеризуем отсубстантивные суффиксальные модели. В рамках суффиксального способа словообразования наблюдается 4 отсубстантивные словообразовательных модели. Наиболее распространенной моделью является следующая: **S + формант -ин(а)** со значением стилистической модификации: *инжирина, смоквина, тутина, жерделина, нарина*, называющие сорта фруктовых деревьев (соответственно от заимствованных в национальный язык *инжир, смоква, тут*, южного диалектного *жердели*, заимствованного в говор некрасовцев турецкого *nar*). Данная модель существует и в современном русском языке и является продуктивной (*помидорина, тыква*). Подобные слова со значением стилистической модификации представляют собой разговорные или просторечные синонимы соответствующих мотивирующих существительных³⁴.

Вторая модель такова: **S + формант -ин(а)** с модификационным значением 'один предмет, выделенный из совокупности предметов': *лимонина, пратукалина*, называющие плод фруктового дерева (соответственно от заимствованного в национальный язык существительного *лимон* и заимствованного в говор некрасовцев из турецкого языка слова *portukal*). Данная модель является актуальной в русском национальном языке на протяжении веков и продуктивной в современном русском языке (*изюмина, земляничина*³⁵). Необходимо отметить специфику фонетической ассимиляции, произошедшей в существительном *пратукалина*, имеющем в качестве мотивирующего турецкую лексику *portukal*. Данная фонетическая ассимиляция произошла под влиянием аналогии в соответствии с давно не действующим ни в говорах русского языка, ни в его литературной разновидности фонетическим законом открытого слога. В ходе этого процесса произошло открытие закрытого слога (*por*) путем перестановки плавного [r] и гласного [o], а также удлинения гласного [o] в [a]. В результате закрытый слог (*por*) превратился в открытый слог (*пра*). Произошедшая фонетическая ассимиляция полностью соответствует закону монофтонгизации дифтонгических сочетаний гласных с плавными *r; l* (его южнославянского виду), начавшемуся в праславянском языке и закончив-

³⁴ Русская грамматика... С. 216.

³⁵ Там же. С. 207.

шемся уже в нашу эру в отдельных, самостоятельных славянских языках, в том числе и в древнерусском. В этом факте аналогии мы видим давление системы языка, конечно же, системы национального языка, память о которой сохранилась в языковом сознании носителя говора, что показывает нам еще раз неразрывную связь исследуемого «островного» говора с языком-метрополией. Кроме того, в этом факте мы видим неосознанное противостояние носителя говора казаков-некрасовцев чуждой (инославянской) фонетической системе. Эпизодическая реализация в фонетическом облике слова говора казаков-некрасовцев фонетических законов, не функционирующих в русском языке уже в древнерусский период, демонстрирует также такую черту, как архаичность говора.

Третья модель является следующей: *S + формант -к(а)* с модификационным субъективно-оценочным уменьшительно-ласкательным значением: *садовинка* ‘уменьш. фруктовое дерево’, *тутинка* ‘уменьш. ‘тутовое дерево’ (соответственно от *садовина*, *тутина*). Данная модель является высокопродуктивной в современном русском языке: *березка*, *вишенка*³⁶.

Четвертая модель: *S + префикс на-* и *суффикс -ник* со значением ‘носитель предметного признака’, ‘предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’: *навильник* ‘охапка сена, поддетая на вилы’.

Охарактеризуем отглагольные суффиксальные модели. В рамках суффиксального способа словообразования наблюдается две словообразовательных модели. Первая модель *V + -j-* с общим мутационным значением ‘место действия, названного мотивирующим глаголом’, которое в говоре конкретизировано как ‘место действия на орудии труда’: *косьё* ‘рукоять косы’ (от глагола *косить*). В национальном языке имеется аналогичная непродуктивная СМ: *гнездовье*, *зимовье*, *корчевье*, *кочевье*³⁷. Вторая модель *V + нулевой суффикс* с общим мутационным значением ‘место действия, названного мотивирующим глаголом’: существительное женского рода *паша* ‘пастбище’. В национальном языке имеется аналогичная непродуктивная СМ: *пожня* от *пожать*, *пожнут*; *засада* от *засесть*³⁸.

³⁶ Русская грамматика... С. 210.

³⁷ Там же. С. 154.

³⁸ Там же. С. 222.

В целом уместно отметить следующее: исследованный фрагмент словообразовательной системы говора некрасовцев выявляет ее богатство и разнообразие. Представлено четыре способа словообразования: суффиксальный, сложения, префиксально-суффиксальный и субстантивация, прием рифмованного эха, два типа словообразовательных значений: преобладающее мутационное (как и в русском национальном языке), а также модификационное денотативного (единичности и подобия) и эмоционально-экспрессивного характера. Все способы словообразования, словообразовательные значения и модели представлены в русском национальном языке, т.е. словообразование исследуемого говора является частной реализацией общей для русского национального языка словообразовательной системы.

Судьба казаков-некрасовцев — уникальное явление в истории русского народа. Дialect казаков-некрасовцев — это «островной» русский говор, развивавшийся в течение двух с половиной веков в иноязычном окружении, в изоляции от общенационального русского языка и родственных диалектов и сохранившийся как южнорусский, донской говор в его архаическом виде.

М.А. КАРПУН

РАСТЕНИЯ В ДИАЛЕКТЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Предлагаемая вашему вниманию статья является результатом исследования неопубликованных полевых материалов, собранных в поселках Новокумский и Малосадовый Левокумского района Ставропольского края, а также уже введенных в научный оборот данных «Словаря говора казаков-некрасовцев», составленного доцентом кафедры общего и сравнительного языкознания РГУ О.К. Сердюковой. Изучаемая группа лексики — фитонимы (наименования растений) — предметом специального рассмотрения на материале некрасовского говора не являлась. Собранные материалы не только подтвердили бытование в живой речи фитонимов, уже зафиксированных в словаре говора казаков-некрасовцев (63 единицы), но и позволили пополнить эту группу новыми наименованиями (около 60 единиц).

Проведя первичный анализ фитонимов в диалекте и функций растений в культуре некрасовцев, выделим ряд направлений и подходов в связи с этим материалом. Особенно продуктивным для исследования этой группы лексики в некрасовском диалекте нам кажется постоянное привлечение материала донских казачьих говоров.

В первую очередь фитонимы в речи некрасовцев могут быть изучены с точки зрения соотношения с литературным языком, типов диалектизмов, связи с денотатами.

Пласт фитонимической лексики некрасовского говора, как и любого другого, включает русские литературные наименования, обозначающие те же денотаты, например: *кабачки, дыни, арбузы, лимоны, апельсины* и др. Нас же в большей степени привлекает

такое явление, когда в некрасовском диалекте слова литературного языка, не относящиеся к растениям, могут переосмысливаться и употребляться в качестве фитонимов, становясь семантическими диалектизмами, например: *румы́нка*¹ ‘горький перец’, *була́вочки* ‘огонёк’ (комнатный цветок с розовыми или красными цветами), *ба́бочки* ‘анютины глазки’. Донским говорам также известна модель образования названий растений от слов литературного языка. Наблюдается переключка между некрасовским и донскими говорами: так, в донском диалекте колючее растение *татарник обыкновенный* (*Opopordon acantium*) имеет название *тата́рин*², а в некрасовском — *тата́рка*.

В говоре некрасовцев, кроме семантических диалектизмов, представлены и диалектные лексемы других типов, в том числе встречающиеся и в донских говорах. При этом денотаты могут совпадать, например, некрас. *водопя́н* и дон. *водопя́н* ‘дурман’³, *белого́лвник* ‘тысячелистник узколистный’: «Белго́лвник — *листочки пакуропиныи, када жывот балить, иво пють»*⁴, *кисли́чка*, *кисли́цка* ‘дикая яблоня’⁵, *ту́тина* ‘шелковица’⁶, *подду́лька* ‘сорт груш’: «*Падду́лька падобны дули, только мельчи; хвасон адин, а укус разнай»*⁷, *ца́рская коро́на* ‘растение сем. лилейных *Fritilaria*’⁸.

Один и тот же фитоним может обозначать в рассматриваемых говорах разные растения, например: *ба́бочки* ‘анютины глазки’ у некрасовцев и ‘василёк’ в донских: «*Мы фчарась на низах паляну з бабачками атыскали»*⁹; *шепта́ла* ‘персик’ в некрасовском говоре

¹ Здесь и далее в случаях, когда слово часто встречается в речи информантов, детальная ссылка не приводится. Источником выступают полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (далее — ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН), записи автора в пос. Новокумском и Малосадовом Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г.

² Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 525.

³ Там же. С. 82.

⁴ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005. С. 31.

⁵ Большой толковый словарь донского казачества... С. 216.

⁶ Там же. С. 536.

⁷ Там же. С. 379.

⁸ Там же. С. 565.

⁹ Там же. С. 30.

и 'степное растение репешок обыкновенный *Agrimonia eupatoria*': «Шаптала кудрява така»¹⁰ — в донских.

Наименования одного и того же растения могут у носителей рассматриваемых говоров не совпадать: так, *цикорий* в некрасовском говоре называется: *сiние цветы*, а в донских — *Петрoв батiг*; пырей в некрасовском говоре — *сковорoдник*¹¹, а в донских — *целинная трава*: «Цылинная трава ни цвiтiть, запах харoший, как мiт. Питатильная дли худобы»¹².

Важной составляющей любого говора, отражающей специфику культурных контактов, являются заимствования. Специфика некрасовского диалекта не только в наличии заимствований из турецкого языка, которые обнаруживаются и в донских говорах, но в количестве заимствованных лексем и их освоенности в языке. Сами носители говора разграничивают диалектные («наши») слова, которые узнали в России, и заимствованные («турецкие»): «Ды мы ж многа слов па-руски ни знаим. Каких турки гаварили, там иде старинный нашы радитили гаварили, мы знали»¹³. Например: *дахина* 'лавровый лист' (от тур. *defne* 'лавр'); *бiмья* 'бамия (стручковое растение, употребляемое в пищу)' (от тур. *batya* 'бамия'), *фыстык* 'фисташки, арахис' (от тур. *fistik* 'фисташка').

«Турецкое» название могло заменяться не диалектным, а литературным: *нарина* 'гранат' (от тур. *nar* 'дерево гранат'): «Инжыр был, нарина была — гранат»¹⁴; *майданoз* 'петрушка' (от тур. *maydanoz* 'петрушка'): «Рыбу ф капак палажыли... и майданос паклалы — пятрушка»¹⁵.

В некрасовском говоре продуктивна модель образования фитонимов в результате субстантивации, например: *бiндурские* 'герань', *мiндурские* 'нарциссы', *святкин* 'георгин'.

¹⁰ Большой толковый словарь донского казачества... С. 590.

¹¹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Горина В.М., 1938 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели М.А. Карпун, И.Ю. Калининченко.

¹² Большой толковый словарь донского казачества... С. 566.

¹³ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы Ф.А. Гаврилушкин, 1937 г.р. и М.Г. Гаврилушкина, 1940 г.р., записаны в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели М.А. Карпун, И.Ю. Калининченко.

¹⁴ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев... С. 154.

¹⁵ Там же. С. 139.

Очень важным, на наш взгляд, является обращение к изучению функций растений в материальной и духовной культуре казаков-некрасовцев.

Использование растений в приготовлении различных видов пищи имеет свои особенности, например, выпекание из теста *копытцев* с начинкой из шелковицы, использование в качестве специй и т.д. *«Тутина ва дварах расла. У бабушки у маёй была серая тутинка — алая, а у папи у маво — у нас была чёрная, крупная такая. ...Мать то кампота наворит, то копытцах напикёт, смитанай намажыть. Эта здобная теста, пышку раскатаиши, на саваротку паложыши и эту тутину сварииш иё там, сахару пабёи. Иё сварииш, ана густая-пригустая палучаица, как джем. Вот иё на пышку намажыши, сажали ф печку русскую, пякли, а патом вынаиши. ...С тыквы пираги пикли. ...Када уху варили, и чабор клали. ...С айвиных листоф — чай»*¹⁶.

Растения широко используются и в традиционной культуре: включаются в обрядовые действия, служат основой для культурных метафор. Например, фразеологизм *ездить на горохе* обозначает однообразное питание: *«Каждый раз варять — ездить на горохи. Када пост, эта гатовить и гатовить. Ани, гаварять, ездят на горохи да на лобии»*¹⁷.

Формула отказа при сватовстве в некрасовском говоре строится по той же модели, что и в донских говорах, но имеет специфическое воплощение (лексическое наполнение): *кабак* (тыква) включается в ряд предметов с характеристикой «имеющее полу сердцевину или не имеющее начинки» — арбуз, тыква, кабачок, блин, «калитка» (свадебная ватрушка) — и благодаря этому приобретает «отказную» символику: *«Кабакох навешали — слышали... Кабакох навешали — эта крест, крест, значить, эта невесту пашили сватать, иё ни прасватали, ани гаварят: “да кабакох навешали, ни прасватали”. Вот так эта паговорка»*¹⁸.

Сказать о своей симпатии молодой человек мог и без слов, подарив своей избраннице *пратукал* (апельсин). Если дело дошло

¹⁶ Информатор В.М. Горина.

¹⁷ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы Я.Ф. Пушечкин, 1933 г.р., и Е.С. Пушечкина, 1932 г.р., записаны в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели М.А. Карпун, Л.Н. Успенская.

¹⁸ Информаторы Ф.А. и М.Г. Гаврилушкины.

до свадьбы, в туфли невесте и жениху сыпали просо, чтобы их не сглазили, ведь от сглаза «*даже камень лопаница*»¹⁹. Для защиты от сглаза и для обеспечения здоровья используются освященные веточки вербы: «*Дитей хлистали, и мы сами себе хлистали, пригаваривали: “Ни балей, ни балей”, а малинких дитей — “Расти больше, расти больше, ф пупку толще”*»²⁰.

Освящали веточки в церкви на Вербное воскресенье и потом хранили дома. «*Диржали ф субботу пад васкрисенью, када служать вичерню, вот прачитаить батюшка Евангелию, и вот эти вербы внисутъ, у миня тут была фсё заткнутая, мы римонт делали — я иё выткнула, а то была фсё заткнутая у мине. Унисутъ, и батюшка аччитываить вербам, аччитаить, пасвятить их, а патом уже люди бирутъ и держым. Свечку на иё прилипаим и держым. А тада эту вербачку дамой приносим. Наутрем хто лижыть спит, хто придёт унук какой или сын, этой вербачкай патукаиш яво. Па спиначки, на галовушки. Свичоная жы ана — вербачка. (Для здоровья?) Да, да. “Ни хварай. Ни балей!” Ветачку хранили. Заткнѣи иё ф сараи где-нить и стаит год или два—три года стаить»²¹. Выбрасывать освящённые веточки нельзя. Поэтому их сжигали: «*Патом зжыгали, не выкидыватъ же, а то люди будутъ таптаца. Сажгѣи в угалку каком-нибудъ*»²². Сажать эти веточки во дворе, в отличие от донской традиции, не принято: «*Гаваряьт, вербу низя дома сажать... аси-ну и тую, гаваряьт, низя. Щитаица тую растение пакойникаф. Так гаваряьт*»²³. Существует запрет на сельскохозяйственные работы в Вербную неделю: «*Да Страиной Вербнафская ниделя буваить. Вот на Вербнафскай на нидели сеить ничиво нильзя, садить, сеить — ничо нильзя. Никакии симина, ничѣ ни укидываим, тольки убираимси, прибираимси, стираимси, вот Вербнафская эта ниделя*»²⁴.*

¹⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Д.И. Лебедкова, 1949 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель М.А. Карпун.

²⁰ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор С.И. Щепелева, записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель М.А. Карпун.

²¹ Информатор В.М. Горина.

²² Информатор В.М. Горина.

²³ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы А. Бандеровская и А.В. Миронова, 1953 г.р., записаны в поселке Малосадовом Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели М.А. Карпун, Н.А. Власкина.

²⁴ Информатор В.М. Горина.

На праздники, особенно церковные, женщины украшали головные уборы (связку у незамужних и особым образом завязанный платок у замужних) цветами: «*А женишыны от па-бабичи и сюда затыкали цвиты* (в платок сбоку. — М.К.), *видити, у фсех цвиты*. (Живые или искусственные?) *Жывыи, да*»²⁵. «*Вот сюда* (в платок. — М.К.) *втыкают испакон викоф. Ты ни видила, каг детки украшались, — фсе в цвитках, в украшениях. Любыи цвиты. И малиньких нарижали, и взрослых урижали. Эта пиридалось ис пакаления ф пакаление. Сафсем малачка людей-та уже асталась. На каждый праздник утыкайся. Чирнаброфки так-та их календулай называют*»²⁶.

Празднование Троицы, совпадая в общих чертах с донским обрядом, имеет и свои особенности. Совпадают сроки и ассоциация праздника с зеленью. Принято ходить в церковь с зеленью, украшать растениями церковь (веточки ставят возле престола), но не зафиксирована традиция украшать зеленью дом, широко распространенная на Дону. Отличается и набор растений, участвующих в праздновании. Вместо традиционного на Дону чабреца (эта функция даже получила вербальное закрепление в его диалектном названии *троицкая травка*²⁷), у некрасовцев используется целый ряд других растений: ветки дуба, мята (*нюхальник*): «*На Троицын день у нас очинь дуп, ветки наламливаим, лажымси на них, када малитву вычитывають. А ф той станицы — эта мята, ну где Троицкая, аны Мажары жывут. Вот и ф Туретчине эта станица на ветки лажылась, а ани на мяту, нюхальник, то, другое. Да там веткаф не была, мята. Мы нюхальник называли иво, а вы мята. Он пахнить. Мы пришли сюда, а тут мята, мята; мы: “Что за мята? Хто памятый?”; а патом да нас даказали, што эта мята*»²⁸. Во время службы в определенный момент все молящиеся опускаются на колени, на устланный травой и веточками пол: «... *лажымси на них, када малитву вычитывають... Священник аччитываить, а мы ляжым на них на каленках. Он читаить, а мы лижым на них каленках. У Бога-то просим: “Подай, Господи!”*»²⁹.

²⁵ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Г.Д. Шкодрин, 1950 г., записана в поселке Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель М.А. Карпун.

²⁶ Информатор С.И. Щепелева.

²⁷ Большой толковый словарь донского казачества... С. 532.

²⁸ Информаторы Я.Ф. и Е.С. Пушечкины.

²⁹ Там же.

Часть освященных веточек несли домой. Их использовали для защиты от негативных проявлений сверхъестественных сил: *«Ани жа свичёныя — штобы не была ничё, штобы дамавой ни работал. Дамавой трогаить скатину, а так ни будить трогать, заткнёи свиченыя, так он тада и ни зайдёт туда»*³⁰. Кроме апотропейной функции, в некрасовской традиции троичкой зелени приписываются лечебные свойства: *«Дети дома — пабъём их, штоба ни балели ба»*³¹.

В народной медицине растения применяются широко. Вербa используется как противовоспалительное, ранозаживляющее средство: *«На бакчах так бывало напорися ...Вербу пагрызёи, приложыи — ана запякаить, ана горькия»*³². В послеродовом периоде также применялись растительные средства: *«Бабушка-павитуха памагала. Иё спициальна назначали. ...На пушку станавила, парила. Пецка русская топича, ана пушку кидать туда, ана нагриваицца, а тада ана иё выкатываить аттуда, выкатываить иё ис печки, а в видёрки трафка такая, как люцерна типа такая. Ана иё вадичкай паллёт, паллёт на эту трафку, и иё туда паложуть, а тада аржаницу (роженицу. — М.К.) становюют над видром, и ано паричца, вадичкай паливаит, и пар иодёт. Эта посли родаф, эта пять дней таг делають. Штобы матка харашио сакрацалась. ...Щас родють — лёт кладуть, а тада парили, на пушку станавили»*³³.

Растения применяются при лечении и диагностике болезней, имеющих ирреальную природу, например, испуга. *«Купать ф тушканьих ушках толька бабушка магла, а малтву читать и траву лажыть должын нижынатый маладой паринь. Если парня нету, сама бабушка кладёт листик, читает “Отче наш” и так па листику. ...Сининькии цвितочки, листьа махровьи — тушканьи ушки. Испух купают, заваривают и купают. В них и ищо эту асину дабавляли, када купали. Хадили (за веточками. — М.К.), шобы в глухом мести, ни слыхать, где питухи пають, где чиво. Клади в тушканьи ушки. ...Асиनावьи ветачки страгали патоньшы, штоп ани*

³⁰ Информаторы Я.Ф. и Е.С. Пушечкины.

³¹ Там же.

³² ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор С.Т. Ялуплина, 1924 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели М.А. Карпун, Н.С. Попова.

³³ Информатор В.М. Горина.

аш каг звинели, штоп тонинькии были; держыш рибёнка и вады лёш на этава рибёнка. Еси струхнёца, а еси нагнёца, значить тада уже умрётъ»³⁴.

Особый статус в культуре некрасовцев имеет лук — считается, что в одной луковичке заключено 12 милостынь: *«Пагляди лукафку и разреши иё ни так, а вот так (поперек. — М.К.) и пащитай да сиридины — двинацать миластыней»³⁵*. Если принял от человека луковицу, нужно помолиться о нем: столько лестовок, сколько волосинок (перышек) в луке³⁶. Даже объяснение общности религий построено у казаков-некрасовцев на сравнении с луковичей: *«Каждый слой, а тут жы тонкае пиро лижыть, стиклянае, тоничкае — все мы знаим эта. Ишо эта пиро раздиляит законы. Бажествиныа законы. Вот любой закон вазьми бажествинный — хто молица, хто крестица, хто верующий. Хоть мусульманин, хоть он хто яво зная хто буить, от ф такой тонкасти мы друг ад друга атайдённыи. ...Любую рилигию вазьми, у лукавицы пиро вазьми, ано тоничкая, вот такая расстаняния у каждава из нас уходит, а закон та адин, фсё адно, адинакава. Закон в рилигии. Вот настока рилигии атличающа»³⁷*.

Фитонимическая лексика как важная составная часть говора казаков-некрасовцев — русского говора, развивавшегося в течение двух с половиной веков в иноязычном окружении, в изоляции от русского языка и родственных диалектов³⁸, отражает особенности развития некрасовского говора. Эта тематическая группа в некрасовском говоре показательна, представлена как лексемами литературного языка, так и диалектными, в том числе имеющими соответствия в говорах Дона; внутри говора развиты синонимия и омонимия, что свидетельствует об одинаковом функционировании групп лексики в рассматриваемых говорах.

Результат исследования подтвердил, что необходимо продолжать сбор материала фитонимической лексики казаков-некрасовцев. Необходимо разработать специальную программу

³⁴ Информаторы А. Бандеровская и А.В. Миронова.

³⁵ Информатор Я.Ф. Пушечкин.

³⁶ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор А.А. Ялуплина, 1936 г.р., записана в пос. Малосадовом Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратель А.И. Зудин.

³⁷ Информатор Я.Ф. Пушечкин.

³⁸ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев... С. 12.

вопросник, учитывающую специфику их самобытной культуры, с акцентом на более подробное изучение символического статуса и вторичных функций растений. Для установления ядра лексической группы фитонимов актуальным представляется выяснить, какие наименования растений прочно вошли в лексику, а какие из них воспринимаются как заимствованные и, вследствие этого, исключаются из активного запаса.

А.В. МИРОНОВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КАЛЕНДАРНО- ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

Культура казачества во многих своих проявлениях уходит в глубину тысячелетий, и казаки не случайные пришельцы на своей земле. Историк казачества Евграф Петрович Савельев в книге «Древняя история казачества», рассуждая о том, кто такие казаки, пишет, что именно казаки-некрасовцы, «ушедшие от гнева Петра Великого... с атаманом Игнатием Некрасовым, сподвижником Кондратия Булавина, в 1708 г. на Кубань, а потом — в Турцию, в течение 200 лет неизменно сохраняют древний общинно-казацкий строй, старинный казачий говор, нравы и обычаи XVI в., выбирают, как и прежде, атаманов и есаулов и решают все свои общественные дела казачьим кругом»¹. Тем самым он утверждает истинность отношения некрасовцев к казакам раннего, вольного периода, испокон веков живших на Дону. Таким образом, безусловная ценность обращения к культурному наследию некрасовской общины состоит прежде всего в возможности таким путем прикоснуться к глубинам казачьей истории.

В настоящем исследовании представлен материал по календарной обрядности некрасовцев села Коджагёль в Турции. Время бытования описанных форм — 1940–1950-е гг. Источник данных — опрос жителей поселка Новокумский Ставропольского края, который ведется автором на протяжении последних 30 лет.

---

¹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. Историческое исследование. Ч. 1. Новочеркасск, 1915. С. 3.

В своей статье мы ограничимся описанием и систематизацией наиболее значимых календарно приуроченных обычно-обрядовых установлений и их общей оценкой в связи с проблемой культурно-исторического своеобразия некрасовской традиции.

Календарный год открывает великий праздник Рождество Христово. Рождество праздновали три дня, все три дня имели свое название. Первый — Рождество Христово, второй — Иосиф Обручник, третий — Стефан Архидьякон. Накануне праздника священник обходил все дома с молитвой, окропляя святой водой хлев и мирское жилище. Эту молитву читал только священник, а простые люди ее не знали и не могли прочесть. Вечер перед Рождеством все посвящали молитве в церкви. Приготовление к празднику должны были закончиться до 12 дня, после этого времени уже ничего нельзя было делать — грех. До причастия после утренней праздничной службы держали строгий пост, разговляясь по возвращении домой. В меню во время приготовления обязательно должны были присутствовать такие блюда, как тушеная свинина с капустой, пироги, знаменитая *пляцинда* с творогом, курица в собственном соку. Только в случае нужды, если не было иного мяса, можно было приготовить блюдо из конины, да и то могло использоваться мясо только с правой и левой задней ноги. Согласно легенде, конину нельзя было употреблять в пищу, потому что лошадь принесла Христу в младенчестве вред: она съела всю солому, и младенца могли найти, а вот поросенок, как говорят информаторы, «шур-шур своим носом, закопал и закрыл младенца», и его никто не нашел.

В народе второй и третий дни Рождества считались *бабкиными днями*, их с нетерпением ждали молодые казачки-матери, они пекли калачи, готовили сладости. На второй день после службы в церкви шли к бабушке-повитухе, к той бабушке, которая принимала у них роды, — *на бузу*. Бабушка обязательно готовила этот напиток из кукурузной муки. Матерям разрешалось приводить с собой детей только до трехлетнего возраста, пятилетнего ребенка могла привести лишь та женщина, у которой он был единственным, если в будущем она не могла иметь детей.

Сразу после окончания рождественской службы (*часов*) батюшка с крестом и в сопровождении певчих старшего возраста от церкви шел христославить. Их было не менее семи человек. С крестом они обходили в первую очередь дома певчих, где христославили.

В христовскую службу обязательно входили два ирмоса, кондак и тропарь: «*Христос рождается, славите, Христос на земле вознеситесь*»; «*Первовечного от отца рожденну нетленно Сыну*»; «*Рождество твое Христово, Боже наш, воссияй миру и свет*»; «*Слава Отцу и сыну, и святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь! Дева днесь присущественно рождает и земля вертеп неприкосновенно приносит*». И заканчивается христовские задостойником «*Величай, душе моя, иже в вертепе родшего царя Христа*».

«Многие лета» священнику и певчим служились обязательно бесплатно, прочим хозяевам — платно и по заказу. После взрослых христовскавила молодежь, дьячки и казачки. Их угощали конфетами, сладостями и просили прослужить «Многие лета». Всем абсолютно дьячки служили «Многие лета».

После первых трех дней Рождества начинались Святые вечера. В эти дни придерживались правил: от Рождества до Крещения не работали и не молились «За упокой» и «Спаси». Новый год не считался особо большим праздником, он ассоциировался с именованным праздником Василия Великого. Накануне в ночь пекли *каныш* — многослойный пирог. Туда клали деньги, пирог разрезали на кусочки по количеству членов семьи, и тот, кто находил денежку, считался обеспеченным на весь год. Если же денежка доставалась женщине пожилой, в возрасте (старой бабке, как говорили), то *журнулись*, что год будет неурожайным, и наказывали старухе усердно молиться весь год.

В день перед Крещением не ели, пока не освятят воду, в церковь шли все — от малого до старого, каждому хотелось попить святой воды, потому что вечерняя вода — особая. По словам информаторов, она сохраняла свои свойства только 3 часа, говорили, что это одноразовая вода, *трехчасовая*. Эту воду добавляли в поилки скоту, ею умывались. Придя после церкви, обходили все углы дома со свечкой и кропили этой водой помещение.

Вечер накануне Крещения — это Свечки. Во время всей утренней службы в церкви было принято держать зажженные свечи. 20 января, в день Иоанна Крестителя, на средства, собранные христовскими на Рождество, устраивался обед для уважаемых стариков в доме священника. Купались на лимане в проруби. Старые люди рассказывают, что в старину выносили *престол* (обычный стол), накрывали престольной белой скатертью. На него

ставили чашку с пшеницей, крест, калач, утку с солью (солонку). Священник святил воду, окроплял ею всех собравшихся. Это было своеобразным разрешением купания в проруби. В 1960-е гг. этого уже не происходило, но сохранился запрет петь и водить хороводы в этот день, потому что 20 января считалось днем солнышка: оно играло, и все с благоговением смотрели на солнышко через сито, боясь помешать ему своими *гайдами* и плясками.

С праздника Иоанна Крестителя до Прощеного воскресенья была Масленица. *Карагоды* и *крыло* водили до обеда и вечером. По селу были слышны такие песни, как «Соловейка — мелкая пташечка», «Как у наших у широких у ворот», «Пойду я, млада, во зелен сад гулять», «Синя моря разыгралось, белорыбица спужалась».

Перед постом водили *карагоды* только один раз — в субботу. Очень рано, после того как выгоняли коров, проводили хоровод, т.к. с обеда уже шли в церковь к заутрене. Становились в круг вначале те, у кого были женихи, парни становились вместе с ними, а те, у кого не было женихов, становились одни, т.к. девушка не могла подойти к *бурлаку* — *бурлак* подходил к ней. Пели определенные песни — *карагодные*.

В воскресенье, Прощеный день, ходили к родителям *просить прощения*. Дочь несла матери калач, испеченный свекровью, и просила прощения у матери и отца за свекровь, свекра и своего мужа, если он был в то время в дороге, т.е. на рыбалке, и за все семейство, в котором она жила. Всем семейством не ходили, посылали только сноху. Девтора ходила к крестным родителям и к другим родственникам. Во время посещения существовал определенный порядок действий: молятся Богу, кланяются три раза в землю, просят прощения за то, если вдруг обидели невзначай недобрым словом или делом, и желают в благости и в молитве провести все время поста. Но самое главное — приветствие должно было быть правильным. Особенно это касалось молодежи: могли и не пустить просить прощения. А молодежь шла во многом с целью получить подарки, потому что жили бедно и родители редко покупали сладости. Их могли получить только в таких случаях. Порог дома нужно было переступить со словами: «*Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас. Люди добрые, мир вашему дому*». А хозяйева отвечали: «*Аминь. Добро пожаловать. Мир вашему приходу*». Крестницам давали *завески* (фартуки), а остальным всем — сладости.

Очень важным и строгим считалось время Великого поста. Первая неделя была очень тяжелой. Каждый день с 12 часов дня ходили молиться за родителей в церковь. Несут кутью. Кутья, принесенная в понедельник, стояла в церкви по пятницу. В пятницу забирали кутью и поминали родителей. Во вторую, третью и четвертую недели поста молились по пятницам, к этим службам пекли калачи, варили кутью. После службы дьячки и казачата (мальчики 8–10 лет) несли кутью и калачи багюшке домой, где ждала их матушка. Матушка весь хлеб разделяла в первую очередь между дьячками, затем давала казачатам. Самое страшное было — если вдруг кому-то не досталось, почему-то считалось, что именно из рук матушки они должны были получить этот кусок хлеба. И горбушка в первую очередь доставалась самому главному дьячку.

На Средокрестье украшали крест цветами, ставили на *налой* посреди церкви и служили «Кресту твоему поклоняемся, владыка, и святое воскресенье твое славим». На Сорок святых пекли *жаворонки*. Жаворонков пекли *девки* — незамужние казачки, для этого они собирались по 5–6 человек. Потом жаворонков делили между собой, давая каждой порцию для младших братьев и сестер.

Перед Благовещеньем во дворах убирали, вычищали все и сжигали. Для чего нужно было делать именно в это время, теперь уже никто не помнит, отвечают: «*Так положено*». Было, правда, одно правило, которого до сих пор придерживаются современные казачки. На Благовещенье, особенно молодым девушкам, в церковь нужно было обязательно надеть что-то *невладаное*, новое.

Работы в поле начинались после Благовещенья, на пятой неделе поста. Лиман отходит, убывает вода, значит, земля отдохнула, напиталась, готова и можно пахать. Шестая неделя поста — Вербная. Веточки вербы держали на вечерней службе, после выхода из церкви ими слегка ударяли детей, желали здоровья. После веточки хранили, развешивали на кухне, на хозяйственном дворе, ими лечили испуг, когда купали больного ребенка: точно так же, как веточки дуба, освященные на Троицу, вербные веточки клали в воду. Скот впервые выгоняли перед Пасхой со словами: «*Господи, утоли боль и скорбь моей скотинушки*», при этом слегка похлестывая освященными веточками вербы и дуба. Они хранились после праздника. Коров и быков выгоняли отдельно.

На Страшной неделе, в Чистый четверг, ранним утром ходили *воровать воду* на лиман. Воду из лимана выливали в *кюп* —

глиняный кувшин, завязывали его до Пасхи женским головным невлданным платком. Эту воду использовали на Пасху. В Чистый четверг варили гороховую лапшу, именно это блюдо, т.к. считалось, что, по легенде, Христос обнес лапшой своих учеников на Тайной вечере.

В первый день Пасхи все принимали причастие. Всю Пасхальную неделю играли, катали яйца. На следующей за Пасхой Фоминой неделе молодежь ходила друг к другу полдничать, к этому событию семья готовилась, делали очень много блюд, это были своего рода предварительные смотрины невесты.

Сенокос традиционно начинался в Петровский пост, а после Успения был обычай таскать солому. Это было одно из любимых молодежных увлечений. По станице разливались песни, например:

Уж ты, ночушка, моя ночь,
Постой ты, ночушка, подольше,
Уж ты, милая моя,
Открывайте ворота,
Принимай мово коня,
В конюшню заводи,
Коню соломы подложи.

На 25-й день Пасхи, Преполование, заказывали *молебень*. До самого озера шли всем селом: с *феругами*, с иконами, ставили так же стол, накрывали престольной скатертью, на него ставили зерно, утку-солонку, крест и служили *молебень*, просили у Бога дождя, и Бог давал дождя. Дети и молодые девки пели стишки:

Дождик, дождик,
Линь, линь,
А мы видим
Клинь-клинь,
Ключиком-замочиком,
Шелковым платочиком.
Жарна-жарна-жарница,
Прекрасная девица,
Пошла Богу молиться,
Ключик потеряла,
Солнце украла.
Месяц видел,
В коробочку клала,
Замком замыкала.

На Ильин день сеяли последние бобы, перед тем как сеять, просили Илью Пророка: *«Свят-свят Господь Саваоф, исполни землю и небо славой Твоей, а всемилостивый Илья Пророк, дай все на зиму, уроди, Господи, на встрящего, на проходящего и на нас грешных»*. После уборки пшеницы и фасоли становились всей семьей на колени на меже, крестились, клали три поклона на восток и целовали землю со словами благодарности: *«Спаси Христос тебе, матушка земелюшка наша, кормилица»*.

Из всех отмечаемых у казаков-некрасовцев Спасов наиболее интересным был второй, 19 августа, когда святят виноград и яблоки. Разрешалось есть рыбу, даже если он приходился на постный день: среду или пятницу.

В данной статье были описаны не все, а только основные календарные праздники. Переходя к выводам, вспомним оценку, которую в свое время дал Федор Викторович Тумилевич традиции некрасовцев хутора Новонекрасовского Приморско-Ахтарского района Краснодарского края: *«Ведя военно-походный образ жизни, занимаясь рыболовством и не развивая сельского хозяйства, некрасовцы не имели календарно-обрядовой поэзии»²*; чужда им календарно-обрядовая поэзия, не занимались более двухсот лет земледелием и не имели потребности ее сохранить. Словом, то, что не отвечало их жизни, психологии, сознанию, не могло сохраниться в памяти.

У некрасовцев, проживающих на Ставрополье, сведения о календарно-хозяйственных обрядах нельзя назвать скудными, хотя им, в принципе, не присуще разнообразие ритуалов населения земледельческой России. Во множестве деталей различных обыденных установлений, текстов, объясняющих происхождение старинных правил, проступает, конечно, славянская архаика, рассыпающаяся в пеструю мозаику без связующей хозяйственной прагматики. В обрядовых действиях казаков-некрасовцев совершенно отсутствует дух скоморошества, обычаи ряжения, пения текстов комического содержания, игрища и т.п. Специфика их обрядности — в неразрывной связи с церковью. Обрядовые действия и праздники могут совпадать и не совпадать с земледельческими природными циклами, но они, как правило, приурочены к датам христианского календаря и обязательно сопровождаются благословением и молитвой.

² Сказки казаков-некрасовцев / Запись, вступ. статья и комментарии Ф.В. Тумилевича. Ростов н/Д, 1945. С. 8.

В.Н. Демина, Т.С. Рудиченко

СЛАВЛЕНИЕ ХРИСТА В ТРАДИЦИЯХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ И ЛИПОВАН

В отечественной науке последних десятилетий XX в. активно обсуждалась тема «народного христианства», в связи с разработкой которой обозначился интерес к проблеме синтеза исконно народных и церковных традиций, адаптации в бытовой среде православных чинопоследований и канонических жанров. Свидетельством тому стали многочисленные статьи и диссертационные исследования, раскрывающие ее на материале важнейших православных праздников, прежде всего Пасхи¹.

Наше внимание привлек чин рождественского славления Христа при обходе дворов, не получивший еще освещения в аспекте

---

¹ Енговатова М.А. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в народной песенной традиции западных русских территорий // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 72–87; Теплова И.Б. Распев пасхального тропаря «Христос воскрес!» в крестьянской традиции северо-западных областей России // Православие и культура этноса : Междунар. науч. симпозиум 9–13 окт. 2000 г. Тезисы докл. М., 2000. С. 63–64; Подrezова С.В. Некоторые аспекты соотношения поэтического текста и напева в народных распевках пасхального тропаря «Христос воскрес» // По следам Е.Э. Линевой: Сб. науч. статей. Вологда, 2002. С. 266–276; Подrezова С.В. Народные распевы пасхального тропаря «Христос воскрес» в традициях Верхнего Поднепровья: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009; Калужникова Т.И. Музыкально-поэтические тексты с чертами партесного стиля в устном бытовании на Урале // Экспедиционные открытия последних лет. Вып. 2. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1982–2006 гг. СПб., 2009. С. 119–133; Молчанова Т.С. Территориальное развертывание русских песенных традиций Полужья: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011 и др.

обозначенной выше проблемы. В настоящей статье на основе опубликованных и экспедиционных материалов, записанных в общинах южного старообрядчества², рассматриваются состав и последование музыкально-поэтических текстов в соотношении с письменными источниками.

Развитие системы праздников, их содержания и структуры сопровождалось расширением сферы церковного празднования, выходом за рамки канона. Постепенно складывались как церковные, так и внебогослужебные его формы. Как заметил В.Н. Топоров, «в конкретных традициях разные типы праздника включаются в единую последовательность и нередко образуют весьма сложный и многоуровневый праздничный “текст”»³. Сочетание сакральных и профанных текстов, объединенных тематикой и придающих празднеству многослойный и многозначный характер, наблюдается и в славлении Христа, проявляясь во всех составляющих.

Становление праздника Рождества Христова от времен отцов церкви прослежено М.М. Скабаллановичем⁴. Сравнивая церковные уставы, он отметил в них внебогослужебные элементы и привел имеющееся в старообрядческом (монастырском. — *В.Д., Т.Р.*) уставе указание о поздравлении братией настоятеля: «По восстании от трапезы... идет игумен в келью свою. Иконом же со еклисиархом и с прочию братию идут ко игумену в келью, и поют велгласно тропарь... и кондак... и посем глаголют: “Спаси Христе Боже...” и поклоняются ему (игумену)»⁵. Как видим, здесь могут быть выделены такие этапы празднования, как шествие к месту

---

²Славление на Рождество Христово. Трек 16 // Казаки-некрасовцы. Крюковое пение. Церковные песнопения и духовные стихи [CD]. В.Н. Скунцев, Подольск, 2003; 2006 г. Рождество Христово в Браиле (Румыния). Введенский приход // Самарское староверие. 2007, 7 ноя. URL: <http://samstar.ucoz.ru/publ/48-1-0-113>; Полевые материалы фольклорно-этнографической экспедиции Ростовской государственной и Одесской державной консерваторий. Информаторы З.С. Попова, 1899 г.р., К.Е. Унгарова, 1930 г.р., Е.П. Скупова, 1936 г.р., А.Ф. Кирсанова, 1920 г.р. Записано в г. Вилково Килийского р-на Одесской области (Украина) в июле 1979 г., собиратели Т.С. Рудиченко, А.К. Соколова.

³Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 329–331.

⁴Скабалланович М.М. Рождество Христово. История праздника // Седмица.ру. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2008, 5 янв. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/915573.html>

⁵Там же.

обитания предстоятеля, поздравление специальными текстами и поклонение. В середине XIX в. практиковались поздравления священнослужителями прихожан на улицах: «Первые дни праздника крестьяне проводят на улице, одевшись в лучшее платье, в ожидании священника. Проводивши его, позволяют себе веселиться. Веселье начинается большею частью с четвертого дня»⁶.

В зависимости от региональной и этноконфессиональной специфики соотношение включаемых в обряд сакральных и мирских текстов может быть различным. В традиционном сознании святочный обряд повсеместно осмысливается «как приход волхвов по случаю Рождества Иисуса Христа»⁷. При религиозном понимании сущности празднования Рождества Христова в качестве главных выступают сакральные тексты церковных песнопений: тропарь, кондак, ирмосы канонов. Наряду с этим в последование нередко включаются внебогослужебные песнопения «Богогласника», а также мирские народные тексты, освященные традицией, в том числе обряда колядования. По замечанию С.В. Булгакова, в России уже в XIX – начале XX вв. в обряде христославия они занимают значительное место: «В настоящее время там, где продолжает существовать обычай колядования, в большинстве случаев он утратил свой религиозно-церковный характер. [...] Вслед за песней религиозного характера можно услышать шутовские каламбуры и непристойные мирские песни»⁸.

В традиции обхода дворов на Рождество Христово у казаков-некрасовцев и липован, принадлежащих белокриницкой иерархии старообрядческой церкви, сохраняется древнерусская религиозная основа славления Христа.

В Свято-Троицкой общине казаков-некрасовцев (Левокумский район Ставропольского края) в обходе дворов участвуют мужчины во главе со священником. Состав текстов соотносится с богослужением праздника и включает краткие молитвы, возгласы и ответы на них, уставные песнопения канонов. Используются также имеющие более широкое мирское применение словесные формулы,

⁶ Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1997. С. 200.

⁷ Мадлевская Е.В. Славление Христа (Христославление) // Российский этнографический музей. Русские праздники и обряды (без даты). URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2088/4078.htm>

⁸ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1913 (Репринтное издание 1993 г.). С. 519.

частью восходящие к народным обрядам: приветствия, благодарения, просьбы о разрешении на отправление обряда, о подаении, поздравления и благопожелания⁹. Все последование может быть подразделено на три части: вводную, основную и заключительную (см. таблицу 1).

Вводная часть состоит из предваряющих этикетных словесных формул и действий (поклонов, знамений). Основная часть чина складывается из песнопений праздничного богослужения Рождества Христова: ирмоса первой песни первого канона («Христос раждается, славите»), третьей песни первого канона «Первовечному от отца рожденному», тропаря Рождеству («Рождество Твое, Христе Боже наш»), молитв «Слава, и ныне:», кондака третьего гласа «Дева днесъ», припевов девятой песни («Величай, душе, иже в вертепе рождшагося», «Величай, душе моя, честнейшую и славнейшую»), девятой песни второго канона «Подобаше нам». Заключительную часть образуют отпуст «Рожедеся в Вифлееме иудейстем», молитвы и поздравление хозяев дома с «Великим торжественным праздником», пожелание «здравия на многа лета»¹⁰ (см. таблицу 1).

Структура некрасовского славения сохраняет идею божественной троичности, выраженную в трипеснице. Состав песнопений минимален, т.к. каждая песнь представлена одним ирмосом, поэтому выпущены ирмосы первой песни второго канона («Спаси люди»), девятой песни первого канона («Таинство странное вижу»). В рассматриваемой записи содержится и одно нарушение — исполнение подряд двух величаний (девятая песнь).

Последование песнопений славения Христа старообрядцев соотносимо по смыслу с чином славения Христа в навечерие Рождества Христова современной православной («новообрядческой») церкви: после отпуста вечерни или литургии на середину храма выносятся свеча. Перед ней священнослужители и певцы («клирицы») поют «велегласно» — громко и торжественно — тропарь и кондак праздника. После чего молящиеся расходятся. «Зажженная свеча здесь знаменует звезду, явившуюся в Вифлееме. На этом кончается богослужение навечерия праздника»¹¹.

⁹ Казаки-некрасовцы. Крюковое пение...

¹⁰ Там же.

¹¹ (Маслов) Архимандрит Иоанн. Конспект по литургике для 3-го класса семинарии. Загорск, 1984. С. 44.

Некрасовское обходное славление Христа, возглавляемое священником и осуществляемое певчими мужчинами, достаточно точно соответствует уставным указаниям в части исполнения. Наше внимание привлекла такая особенность его певческой стороны, как использование распева по гласу ирмосов первой, третьей и девятой песней канонов («Христос раждается», «Первовечному от отца рожденному», «Подобаше убо нам яко без беды») и самогласного напева тропаря и кондака, допеваемого по гласу. Указание на такой способ исполнения содержится и в старообрядческом уставе. Как пишет М.М. Скабалланович, «относительно пения тропаря и кондака по литургии сказано: “Глаголет domestik правого клироса, «Его же будет день», тропарь празднику. Конец же тропаря поем по гласу. Также левый лик глаголет «Слава и ныне» празднику кондак, а конец кондака тако же поем по гласу”»¹².

Липованское славление в основных моментах совпадает с некрасовским, имея известные отличия в выборе богослужебных текстов и распевах. Для сравнения нами привлечены имеющиеся описания его празднования в Бессарабии — в г. Браиле (Румыния) и г. Вилково (Украина)¹³.

Во Введенском приходе г. Браила в обходе домов прихожан участвуют как христославщики, так и священники. В г. Вилково в числе христославщиков и женщины (за богослужением здесь также поют смешанные хоры). Сведений об участии в обходах священника (на 1979 г.) не было.

Чин славления Христа включает первую песнь первого и второго канонов Рождеству Христову («Христос раждается, славите» и «Спаси люди»), тропарь Рождеству («Рождество Твое, Христе Боже наш»), «Слава, и ныне:», глас третий кондак «Девая днесь», ирмосы девятой песни двух канонов «Таинство странно» и «Подобаше убо нам» с припевами («Величай, душе, иже в вертепе рождшагося», «Величай, душе моя, честнейшую и славнейшую»). Чин заканчивается отпуском «Рождеися в Вифлееме иудейстем». Далее следуют поздравления хозяев дома с праздником¹⁴. Кроме того, между тропарем и кондаком в вилковской версии чина следует стихира седьмого гласа царских часов «Удивляшеся Ирод, зря волхвов благочестие» (час девятый).

¹² Скабалланович М.М. Рождество Христово...

¹³ Рождество Христово в Браиле... ; Информаторы З.С. Попова, К.Е. Унгара, Е.П. Скупова, А.Ф. Кирсанова.

¹⁴ Там же.

В отличие от некрасовцев, вилковские липоване почти все песнопения чина поют по гласу, в более быстром темпе. Гласовые напевы изобилуют многочисленными отступлениями от унисона, обострениями ладовых тяготений за счет повышения ступеней, образующих вводные тоны. Текст, в отличие от некрасовского, сохранил много архаичных лексических форм, но часто искажается певичками, поскольку осваивался устно. Тем не менее и напевы, и тексты узнаваемы и сопоставимы с их письменными аналогами.

Изучение описаний книг южного старообрядчества¹⁵ чина славления Христа как самостоятельного последования в их составе не выявило. Описывавший коллекции Бессарабского собрания Научной библиотеки МГУ Н.Г. Денисов подтвердил это и в устной форме. Не исключено, однако, как их существование (в прошлом и настоящем), так и знакомство с письменными версиями этого чинопоследования, принадлежащими другим ветвям старообрядчества или региональным центрам. Тем более что наличие рукописных источников, именуемых «чином» или просто «славлением Христа», установлено нами в северных, западных и центрально-русских коллекциях старообрядческих книг (например, «Певческие рукописи на крюках и линейных нотах: Чин Рождественского Христомславения, XIX в.» (№ 452)¹⁶; «С Рождеством Христовым. Славление Христа рижским распевом и величания»¹⁷; «Христос рождается, славите»¹⁸).

Очевидно, что в случае с чином славления Христа у старообрядцев мы имеем дело не с включением отдельных элементов и частей православного канона в народные обряды, а с выходом богослужения в особой, подобной молебну, краткой форме за рамки церкви.

Основные отличия старообрядческого славления заключены в сохранении сакральной сущности и распространении церковно-уставных правил на внебогослужебный обряд (обход дворов), в минимальном присутствии мирских текстов, в осуществлении

¹⁵ Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М., 2007. 432 с.

¹⁶ Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (Обзор фондов) / Сост. В.И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 51.

¹⁷ С Рождеством Христовым. Славление Христа рижским распевом и величания // Книжница самарского староверия. 2007, 2 ноя. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/86>

¹⁸ Славление Христа // Книжница самарского староверия. 2007, 2 ноя. URL: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/86-1-0-297>

чина взрослыми и предводительстве процессии священником (некрасовцы).

В традиции славления Христа, повсеместно сохранившейся в России, ее трансляторами как правило являются дети (мальчики или смешанные группы мальчиков и девочек). Лишь в некоторых региональных и субэтнических традициях (в частности, казачьих) наряду с детьми Христа славить исконно ходили мужчины, что зафиксировано в целом ряде источников.

Православные господствующей конфессии при обходе дворов используют еще более краткий вариант славления Христа, аналогичный совершаемому в церкви (о чем говорилось выше). Его константой выступает тропарь, а исполнение ирмоса и кондака является факультативным (опускается чаще кондак). Кроме того, христовславщики как правило включают в обряд и другие тексты — стихотворные рождественские рацеи, колядки, ритмизованные просьбы о подаении, приговоры¹⁹.

Различия в составе и певческом воплощении последования празднования Рождества Христова в старообрядческих приходах связаны как с особенностями исторического развития, региональной или социально-этнической спецификой традиции (как в случае с казаками-некрасовцами), так и с вариативной природой церковного канона и возможностью его развития. На полноценность совершаемых чинов влияет и такой фактор, как грамотность певцов, умение читать церковнославянские тексты и петь по крюкам.

Наконец, важнейшей предпосылкой адекватного воспроизведения любого целостного фрагмента культуры является сохранность его в традиции в виде актуального (бытующего) текста или части наследия.

---

¹⁹ Молчанова Т.С. Территориальное развертывание...; Черных А.В. Рождественские и новогодние обходы в русских традициях пермского Прикамья в конце XIX – первой половине XX века // Вестник Удмуртского университета '89. История и филология. 2008. Вып. 1. С. 89–109; Кулева С.Р. Ритуальные обходы домов в годовом календарном цикле (по материалам экспедиций в юго-западный район Вологодской обл.) // По следам Е.Э. Линевой: Сб. науч. статей. Вологда, 2002. С. 219–233.

Продолжение таблицы 1

Христославщини:	Песнь первая второго канона: «Спаси люди!»			
Христославщини:	Песнь третья первого канона, ирмос: «Первовечному отцу рождену»		«Первовечному отцу рождену нетленно Сыну»	Ин ирмос, глас той же: «Первовечному отцу рождену нетленно Сыну»
Христославщини:	Тропарь, четвертый глас: «Рождество Твое, Христе Боже наш»	Тропарь, четвертый глас: «Рождество Твое, Христе Боже наш»	Тропарь, четвертый глас: «Рождество Твое, Христе Боже наш»	Тропарь, четвертый глас: «Рождество Твое, Христе Боже наш»
Христославщини:	«Слава, и ныне» «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь!»	«Слава отцу и Сыну и Святому Духу»	«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь!»	«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»
		Стихира седьмой глас Царские часы, час девятый: «Удивляшися Ирод, зря волхвов благочестие»		Стихира, пятый глас: «Волсви персидстии царие»
		«И ныне и присно и веки веков. Аминь!»		«И ныне и присно и веки веков. Аминь!»
Христославщини:	Кондак, третий глас: «Дева я днесь Пресушественнаго раждает»	Кондак, третий глас: «Дева я днесь Пресушественнаго раждает»	Кондак, третий глас: «Дева я днесь Пресушественнаго раждает»	Кондак, третий глас: «Дева я днесь Пресушественнаго раждает»

Продолжение таблицы 1

Христославщики: Припевы девятой песни: «Величай, душе моя, иже в вертепе рождагоса Царя Христа»	«Величай, душе моя, иже в вертепе рождагоса Царя Христа»	«Величай душе моя, иже в вертепе рождагоса Царя Христа»	Припев: «Величай душе моя, иже в вертепе рождагоса Царя Христа»
Христославщики: «Величай, душе моя, иже в вертепе рождагоса Царя Христа»	Песнь девятая первого канона, ирмос, первый глас: «Гайнство странно вижу, и преславно»	«Гайнство странно вижу, и преславно»	Песнь девятая, ирмос, первый глас: «Гайнство странно вижу, и преславно»
«Величай, душе моя, Честнейшую небесных воинств»	«Величай, душе моя, Честнейшую небесных воинств»	«Величай душе моя, Честнейшую небесных воинств. Деву пречистую Богородицу»	Другий припев: «Величай душе моя, Честнейшую небесных воинств. Деву пречистую Богородицу»
Христославщики: Песнь девятая второго канона, ирмос: «Подобаше убо нам, яко без беды»	«Подобаше убо нам, яко без беды»	«Подобаше убо нам, яко без беды» (поклон земной)	Ин ирмос: «Подобаше убо нам, яко без беды»
Христославщики: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь!»	«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»	«Слава...» (поклон) «и ныне...» (поклон): «Господи помилуй» (2)	«Слава...» (поклон) «и ныне...» (поклон): «Господи помилуй» (2)
Христославщики: «Господи помилуй» (2), «Господи благовослови!»		«Господи благовослови» (поклон)	«Господи благовослови» (поклон)

Окончание таблицы 1

Священник:	Отпуст «Рожденся в Вифлееме иудейском»	Отпуст «Рожденся в Вифлееме иудейском»	Отпуст «Рожденся в Вифлееме иудейском»	Отпуст «Рожденся в Вифлееме иудейском»
Священник:	«Господи Иисусе Христе сыне Божий, моливш ради пречистой матери...»	«Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас!»		
Христославщик:	«Господи помилуй!» (3)			
Христославщик:	«Аминь!»	«Аминь!»	«Аминь!» (поклон)	«Аминь!»
Христославщик:	«Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас! Аминь!»	«Боже милостливый, буди нас грешных! Создал нас Господи и помилуй!»	Величание: «Величаем Тя Живодавче Христе» (поклон)	Величание: «Величаем Тя Живодавче Христе»
			«Господи помилуй!» (3)	«Господи помилуй!» (3)
Хозяин:	«Спаси Христос!»			Отходные поклоны
Христославщик:	«Поздравляем вас, Евлантій Кирсанович и Фёкла Ивановна, с Великим и Торжественным праздником. На многая лета, на многая лета!»			
Хозяин:	«Спаси Христос!»			
Христославщик:	«А теперь позолотите христославам!»			
Христославщик:	«Спаси Христос!»			

Л.А. ЯКОБИ

ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ

**(на материале полевых записей в пос. Новокумском
Левокумского района Ставропольского края)**

Изучение свадебного обряда, занимающего центральное место в системе семейных ритуалов, предоставляет исследователю широкие возможности для характеристики традиционной культуры того или иного народа.

Исследование свадьбы такой самобытной этноконфессиональной группы, как казаки-некрасовцы, началось относительно недавно. Первые системные записи обряда относятся к 1938 г., когда Федор Викторович Тумилевич во время экспедиции в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края записал последовательность свадебных эпизодов. Собранный материал был опубликован им в двух сборниках: в 1947 г. ученый включил в книгу «Песни казаков-некрасовцев» подборку свадебных песен¹, а в 1958 г. подготовил объемную статью, посвященную характеристике некрасовской свадьбы².

В общине некрасовцев, вернувшихся из Турции в 1962 г. и в настоящее время проживающих в Левокумском районе Ставропольского края, свадебный обряд фиксировался автором настоящей статьи начиная с 1977 г. В 1983 г. на краевом радио была

¹ Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1947. С.124–133.

² Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского н/Д университета. Труды историко-филолог. фак-та. Т. XLV. Вып. 6. Ростов н/Д, 1958. С. 129–158.

проведена радиопередача из цикла «Музыка, мастерство, память»: «Свадьба казаков-некрасовцев». В 1984 г. сведения о свадьбе некрасовцев записывали и сотрудники Ростовского областного музея краеведения³.

Целью настоящей статьи является представление этнографического и фольклорного материала, собранного в ходе многократных экспедиций автора к некрасовцам Левокумского района Ставропольского края. Введение этих записей в научный оборот призвано дополнить картину традиционной некрасовской свадьбы, которая Ф.В. Тумилевичем была представлена лишь на основании материала из Краснодарского края.

Одна из ярких особенностей некрасовской свадьбы заключалась в обязательном одобрении брака общиной. Ф.В. Тумилевич описывает его так: юноша и девушка сообщали о своем намерении пожениться родителям, родители — атаману, а окончательное решение было за кругом. В случае одобрения выбора община как бы брала на себя ответственность за семью. По завету Игната Некрасова, утверждавшему главенство женщины в домашнем хозяйстве, круг защищал ее права. Если муж обижал жену, она могла с разрешения круга его покинуть. За измену мужа пороли до смерти, за более мелкие провинности били кнутом. Провинившегося и не прощенного кругом в особо тяжелых случаях лишали казачьих прав. Он был вынужден уйти из селения, но платил налог кругу, т.к. круг во всем помогал его бывшей жене. Если провинившийся муж хотел помириться с женой, он просил прощения с помощью родителей, а при их отсутствии — атамана (за это надо было атамана угостить). Окончательное решение принимал все-таки круг. Приговор в таком случае был один: взять жену назад, но получить 25–30 плетей. После битья провинившийся должен был поблагодарить казаков: «Спаси Христос, что поучили». Но если жену обижали родственники мужа, наказания не следовало: по закону круга старших учить было нельзя и жаловаться на них было не принято⁴.

Некрасовцам нельзя было жениться на иноверках — запрещал закон Игната⁵. Не рекомендовалось вступать в брак с род-

³ Абрамова Т.Н. О введении церковных элементов в свадебный обряд донских казаков // Культура донского края: страницы истории. Сборник статей. Ростов н/Д, 1993. С. 136–150.

⁴ Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев... С. 131.

⁵ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 1961. С. 172.

ственниками до 7-го колена, но некрасовцы не придерживались этого правила, т.к. заветы, на которых основывалось общинное право, ограничивали выбор брачной пары только рамками общины. После переселения казаков с Дуная в Турцию оговаривалась возможность брака с казаками, жившими на Дунае. Жениться на женщинах-дуначках можно было только с разрешения войскового круга. Разводов некрасовцы не признавали.

Полевые записи автора свидетельствуют о том, что в основе заключения брака у некрасовцев чаще всего лежал свободный выбор пары, но наряду с этим родители могли посоветовать или даже приказать обратить внимание на того или иного будущего брачного партнера. В этом случае сын не перечил, *«не хотел отца-матери совесть переломать»*.

Татьяна Тимофеевна Елисютикова рассказывала, что в молодости любила одного казака. Однако ее отец настаивал на выборе другого жениха и даже наказал дочь, чего раньше практически не было в их семье. Девушка выполнила волю отца и потом, спустя многие десятки лет, была благодарна ему за настойчивость, т.к. муж оказался не только трудолюбивым, но и внимательным, заботливым человеком, замечательным семьянином. Нифантий Федорович (муж Татьяны Тимофеевны) обладает хорошим вокальным голосом, музыкальной памятью, но в ансамбле не поет. На мой вопрос «почему?» он ответил: *«Танюшка очень любит песни играть, пусть уж она ездит выступать, а я хозяйством буду заниматься»*.

Свадебный обряд некрасовских казаков состоял из следующих частей⁶: договор родителей; сватовство; *рукобитье*; угощение невесты; обручение (вне церкви); осмотр хозяйства жениха; день венца; *сажание на посад*; *продажа косы*; венчание; брачная постель; *повещение*.

Сватовство. Сватать девочку разрешалось с 12–13 лет, свадьбу же играли не раньше, чем девушке исполнялось 15–17 лет, а юноше 17–19 лет. Обычай этот объяснялся недостатком женщин: молодые казаки старались заранее обеспечить себя невестой.

На *малый начал* (сватовство) шли отец, мать, крестный отец и крестная мать юноши⁷. Обряд проходил поздним вечером, тайно, в доме родителей невесты. Если родители жениха получали согла-

⁶Абрамова Т.Н. О введении церковных элементов... С. 141.

⁷Там же. С. 142.

сие на брак, мать жениха творила молитву, «*чтобы быть в слове и не кинуть*» и клала три земных поклона в святой угол. С момента совершения *малого начала* в семьях жениха и невесты решались вопросы материального обеспечения свадьбы: жених, как правило, на 7–8 месяцев уходил с артелью на рыбалку, а в доме невесты женщины (невеста, ее родственницы и подружки) готовили приданое — «*налаживали сундук*». После возвращения жениха, если он говорил: «*Бог благословит, идите!*» — родители собирались на *большой начал*.

Рукобитье. *Большой начал (рукобитье)* — половина свадьбы, окончательное решение вопроса о ее сроках. В дом невесты, где собирались ее близкие родственники, жених шел с родителями и другими родственниками. У закрытой двери родители жениха читали молитву и просили разрешения «*в хату влезть*». Услышав: «*Аминь!*», заходили в дом и начинали переговоры. Достигнув договоренности, пили по три стакана вина — «*обмывали руку*». Дружка выводил жениха, а свашка вводила из *комнатки* невесту с двумя подругами, с закрытыми лицами и одинаково одетых. Жених должен был угадать невесту, после чего происходил обмен дарами.

Угощение невесты. В ближайшее воскресенье после *большого начала* родственники жениха угощали невесту калачом на меду. Мать жениха выставляла угощение на стол и целовала невесту, которая должна была выполнить все просьбы, исходившие от родни жениха, в знак своего уважения и покорности. Если невесту брали в дом жениха в текущем году, то родственники жениха вновь приходили в дом к невесте на *запивание руки*.

Обручение. *Запивание руки* (обручение) происходило в отсутствие жениха и невесты. Родители и родственники жениха несли в дом невесты хлеб-соль, закуску, пироги и вино. Знакомились, шутили, били по рукам в знак того, что семьи теперь породнились и девушка-невеста теперь всем им дочь. Если мать невесты была вдовой, то после просватания пели «*Ня можуть, ветры, ветры, потянути*» о четырех кручинах⁸:

- Первая кручина — ня друг милошек,
- Другая кручина — ня соли, ня хлеба.
- Третия кручина — все мил ня едет,
- Щетвертая кручина — сама удовела.

⁸ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 38–39.

В основе песни — мажорный пентахорд с захватом VII ступени и субкварты, но с пропущенной VI ступенью. Подобные примеры нам встретятся и в других песнях. Мажорный лад на протяжении всей песни связан с надеждами вдовы:

Пойду, молоден(и)кя, я да в(ы)доль по базару,
Куплю я, молоденика, кило пшаницы,
Посею я, молоден(и)кя, на твою на долю.

Обручением заканчивались обряды предсвадебного цикла и начиналась собственно свадьба, на которую уходило три дня. В первый день шли к невесте, во второй брали невесту, на третий день несли каравай к жениховой родне.

Первый день. К невесте отправлялись мать и женщины — родственницы жениха. Они готовили бублики и пышки — *калачки (калаци), катламочки*. С готовыми калашами направлялись к невесте, заведя песню «Туман-туманочек»⁹. Основа песни — мажорный пентахорд с квартой снизу. Своеобразным украшением являются «икания» — восходящие скольжения на терцию, кварту, октаву, квинту через октаву. С одной стороны, это подчеркивает драматизм сюжета песни, а с другой — осветляет мажор.

У двора невесты гости, увидев приближающуюся родню, кричали: «*Идут, идут!*» — и запевали сначала «А, ой, туман, туманы», затем «Ай, да как пришла»¹⁰, свекровь одаривала будущую невесту. Переливчатость III ступени (сопоставление мажора и минора) подчеркивает ощущение грусти, чему способствуют и интонации плача. Однако мажорный ладовый настрой говорит нам о благополучии. Невеста же в ответ пела «Ай, да я, да у батюшки»¹¹. Полное смятение, страдание сквозит в песне, основу которой составляет переменный лад (a-moll — C-dur).

Ай, да я, да у батюшки одна дочушка была,
Изо всех подруг раскрасавица была,
Ай, да я ждала сабе милого дружка.
Ай, да не дождалася дружка — прощъ от садика пошла.

Особую красочность мелодике придают ангемитонные попевки, названные А.М. Листопадовым «индокитайской гаммой», имеющей, по его мнению, древние корни¹².

⁹ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 40–41.

¹⁰ Там же. С. 42–45.

¹¹ Там же. С. 46–47.

¹² Листопадов А.М. Песни донских казаков. В 5 т. Т. 4. М., 1953. С. 18.

Осмотр хозяйства жениха. После ухода матери жениха девушки-подружки оплакивали невесту. Часто мать невесты вместе с гостями шла в дом жениха, где осматривала хозяйство и будущее жилище дочери. Жених провожал тещу домой, а она угощала будущего зятя и его товарищей. Жених, как и невеста, должен был ответить на угощение песней «Ой, ты матушка, да ты да Утрен-река»¹³. В музыке песни происходит борьба двух устоев: а — h, где h-moll ассоциируется с трагическим моментом:

Все кипит, горит сердце молодецкое,
Что по душечке было, красной девушке.
Как пришла же с Дону невестушка...
Померла же моя невестушка.

Однако мажорное окончание песни дает ощущение стремления к светлому.

В доме жениха. Забрав невесту из дома родителей, все направлялись в дом жениха с песней «На желтом пясочку», сюжет которой широко известен в русской традиции:

На желтом пясочку стоят три садошка.
Во первом садошке кукушка кукует.
Во втором садошке соловьюшек свищит.
Во третьем садошке мать с сыном гуляет.
Мать с сыном гуляет, у сына пытается:
...
Ты скажи-ка, мой сыночек, кто в роде милее?
Жена, или теща, или мать родная?

Молодежь гуляла всю ночь, а жених и невеста пекли жаворонков, которыми угощали друзей. Одной из песен, исполняемых в это время, была крыловая — «У колодезя вода»¹⁴. Наличие распево́в, синкопы, форшлаги, сложный переменный размер делают ее необычайно игривой.

У колодезя вода, девка молода.
Девка молода, девка парня любила,
На (э) на ночь пустила (я),
На ночь парня пу(ю)стила, рано сбудила.
«Вставай, вставай, мо(е)лодец, вста(э-я)вай, удалой.
Все твои това(я)рищи во (э-я) поход ушли.

¹³ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 48–49.

¹⁴ Там же. С. 50–51.

Лишь одна их су(ю)динка о(э-я)ставалася.
Тебя, доброго мо(е)лодца, до(э-а)жидалася».

После ухода жениха с товарищами девушки готовили невесту к венцу. Наступал **второй день** свадьбы — день венца.

Утром в дом жениха приходили приглашенные на свадьбу с обеих сторон. Родственники жениха и невесты выбирали свадебных чинов: *дружко (дружку), полудружку, свашку, сходатая, бочарника*. После этого *дружко* и *свашка* шли к попу и согласовывали с ним время венчания. Отец и мать жениха отправлялись к родителям невесты объявить, чтобы невеста садилась *на посад*. Наступал кульминационный момент свадьбы.

В свадебном обряде некрасовцев в полной мере сохранились архаические черты восточнославянских обрядов, знаменующих переход девушки в иной биосоциальный статус. Об этом свидетельствуют такие действия, как сажание невесты *на посад за стол-престол*; прощание невесты с тем, что окружало ее в девичестве, ярко выразившееся в прощании с родными и со своей половозрастной группой; манипуляции с косой и волосами невесты¹⁵.

Сажание на посад. С плачем подружки распускали волосы невесты и вели ее *на посад* — на убранную кровать. Если невеста — сирота, она пела песню-плач «Потяните, ветры сильные», горько сокрушаясь об отсутствии родителей¹⁶:

Ты встань и проснись, родный батюшка.
Пыг(ы)лядитя вы во большу... месту.
Во бол(и)шой месте все щужия люди.

Жених же в своем доме, если он сирота, заводил песню «Соловейка мой молодой». В этом своеобразном плаче жених изливал свое горе, тоску по умершим родителям:

Нашел в поле могилку...
Я к могилке припадал, отца с матерью пробуждал:
«Ты встань, мать, и не ляжи, сваво сына предяли.
Твой сын будет жаниться, себе жану будет брать,
Малых детушек нарожать...»

Драматический характер музыки выражается сменой метра, устоев (два устоя). Невеста же прощалась с матерью, сестрами, подругами. Ее *обголашивали* по установленному обычаю.

¹⁵ Абрамова Т.Н. О введении церковных элементов... С. 144.

¹⁶ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 58–59.

Голосили мать невесты, тетка невесты и сама невеста. Такое исполнение называется двойным *обголашиванием*:

- Дитя ты моя, а Матренушка! А жена его Сяме...
- А матушка моя, а крылушки отрубили... (плачет).
- Не плачь, мое дитя, буду приезжать, буду.
- А племянница ты наша, а горька на... Она будет сади...
- А не забудет нас...
- А буду, моя тетушка, а...
- Ну, будя, будя реветь, а то будя голова болеть...

После того как все простились с невестой, подружки наряжали ее, заплетали косу, вплетая в нее специальное украшение из старинных монет. Жених шел за невестой. Возглавляли шествие мальчик с иконой, *сходатай* с хлебом и деревянной солонкой (в форме утки) с солью. *Дружка* и *свашка* вели жениха, за ними шли *полудружка* и *сходатай*. У закрытых ворот дома невесты садились, расставляли угощение, *сходатай* стучал в ворота и трижды творил молитву: «*Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!*» Если из дома отвечали: «*Аминь!*», *сходатай* входил в ворота и стучал в двери дома со словами: «*Благословите влезть и хлеб-соль внести!*» Если из дома отвечали: «*Аминь!*», *сходатай* входил в дом и произносил: «*Батюшка, матушка, второй батюшка, вторая матушка, вся щестная беседа, Бог помощи вам, здорово сябе сядитя, мир вашей бяседе, благословите хлеб-соль поставить на стол.*» В ответ на слова: «*Мир вашему приходу*» и «*Благословляем!*» *сходатай* ставил все, что принес, на стол и становился рядом.

Следующим к дому подходил *полудружка*, стучался и творил молитву: «*Господи Иисусе, помилуй нас. Благословите влезть!*» Услышав: «*Аминь!*», *полудружка* молился и говорил те же слова, что и *сходатай*. Ему отвечали: «*Мир твоему приходу!*» — и наливали вино из чайника, поданного еще во дворе *бочарником*, сначала отцу и матери невесты, потом ее крестным родителям и остальным родственникам. Каждому подносили по три стакана, но выпивали только по два, оставляя третий. В этот момент к воротам подходил *дружка* и повторял всю церемонию входа в дом. Войдя в дом, *дружка* просил благословения «*стаканчики поднять, а эти поставить*», наливал вино в новые стаканы, всем поочередно, начиная с отца и матери невесты. Выпив по два стакана, все опять оставляли третий. Снова *дружка* просил благословения привести отца с матерью. С теми же приговорками и благословениями входили в дом

(11, 12, 11, 11, 14), но и в музыкальном. Обратим внимание на то, что А.М. Листопадов записал песню от первых переселенцев-некрасовцев из Турции. Этот вариант подвергся влиянию музыкальной культуры конца XIX – нач. XX в. А второй вариант был записан от последних переселенцев из Турции, где некрасовцы продолжали сохранять традицию XVIII в.

Под песню «Братец татарил» или «У нашего свата», основу которой составляет четырехступенная ангемитоника с устоем снизу¹⁸, *сваха* клала невесте на стакан *ширинку* — *уруминский платок* с кистями. Родня жениха кричала: «*Не бяр!*! *Не бяр!*!», а невесты: «*Бяр!*! *Бяр!*!» Жених брал стакан, невеста кланялась ему до земли, жених же должен был выпить все до дна, пока невеста не разогнется. После этого *свашка* прикалывала *ширинку* жениху сзади на плечи.

Невесту уводили, а жених просил благословения вынести каравай: «*Матушка ты моя родная, нет тебя, соколинушка, чище, и нет тебя краше по всей земле, по солнушке! Батюшка, второй батюшка, матушка, вторая матушка, благословитя каравай вынясти*».

Обратим внимание на то, с каким почтением, любовью, нежностью относятся молодые к родителям. Их благословляли. Выносили каравай под песню «Не сады ли, мои садочки». После этого невесту сажали в красный угол — «*на большую месту*» и вновь прощались с ней, надевали ей на голову специальный головной убор — *сороку*, накрывали покрывалом.

После этого начиналось благословение: *свашка* жениха брала два платка — один клала под ноги жениху и невесте, а вторым накрывала молодым руки. Держась под платком за руки, молодые подходили под благословение родителей. Отец невесты, благословляя дочь, советовал ей при пожаре или другом несчастье спастись не хлеб и одежду, а икону Божью, которая сохранит их от беды и в море, и в поле. Чтобы хорошо жить, жена должна почитать мужа, а муж — оберегать жену: «*Муж от отца, матери отлепись, а к жене прилепись, как и жена к мужу. Благословит вас Бог святой. Аминь!*» Обращаясь к жениху, наставляли любить жену свою и в законе жить с ней. Мать, благословляя, брала икону и читала «Отче наш...» Затем все четверо брали икону и поворачивали ее «*по солнышку*» (на 180°). Перед выходом из дома икону давали младшему брату невесты или какому-нибудь мальчику, молились.

¹⁸ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 60.

Невесте в одежду втыкали булавки, сыпали просо в обувь «от порчи и глазу».

Процессия направлялась в церковь: впереди шел мальчик с иконой, *полудружка* прометал дорогу пустым мешком, чтобы разогнать порчу. За ними *дружка* и *свашка* вели жениха и невесту. В церкви невесте меняли прическу на женскую, заплетая две косы и обвивая их вокруг головы, повивали *шлычкой* и накрывали специальным покрывалом. Поп приступал к венчанию: жених становился по правую руку священника, невеста — по левую. Оба получали в соответствии с чином венчания древнерусских требников «по одной свещи горящей». После обмена перстнями новобрачные сплетали правые руки, священник возлагал на головы новобрачных венцы, кадил фимиам и молился, обратившись на восток. Далее следовало церковное благословение брака, пожелание жизни «мирной и долголетней», выражалось пожелание «имети много чада и внучата, наполнить дом благодатью и красотою».

Процессия выходила из церкви в том же порядке, в каком входила, и направлялась домой. Дорогу перед молодыми опять прометали мешком. Невеста и жених шли, держась за руки. В воротах дома их ждали мать и отец жениха с хлебом-солью. Родители жениха и молодые «по солнцу» поворачивали хлеб, после чего молодых просили: «Добро пожаловать в дом!» За столом с невесты снимали покрывало и венец и надевали *рогатую кичку* — женский головной убор. После этого молодых начинали кормить и *срамонить* (насмехаться над ними): перед невестой ставили *корец борща* и кричали: «Жадная, у корца край отгрызла!» *Свашка* должна была защищать невесту. Мать невесты готовила специальную еду: мясо, булочки, конфеты — и шла кормить молодых. Невеста встречала родителей, приглашая их за стол. После ухода родителей приходили подруги невесты. Среди песен, исполняемых в этот момент свадьбы, была шуточная: «Ой, что ж тебе, Марьюшка?» Жених ласково обращался к невесте «*щепуринощя моя*» (т.е. красавица). Их угощали, и невеста с женихом шли отдыхать.

На третий день родня собиралась в доме жениха «на *каравай*», который пекли родственники жениха. Родня невесты несла «*всякую справу*» — вино и еду, следом шел брат невесты, тот, что продавал косу, нес сундук с приданым. Родственники невесты входили в дом, садились за столы. *Дружка* выносил на голове блюдо с сыром-караваем со словами: «Благословите сыр-каравай»

разбить». Получив разрешение, он поворачивал блюдо на 180° и резал каравай на кусочки, на которые клал сыр. Некрасовцы говорят, что строго придерживались этого обычая, находясь в Турции. Гости брали *сыр-каравай* и одаривали молодых: могли положить деньги на блюдо или приколоть их булавкой к одежде жениха и невесты. После осмотра всех подарков и подсчета денег дружка брал молодых за руки, подведя к родителям со словами: «*Я одного у вас брал, а привел двух*», поворачивался вместе с молодыми «*круг солнышка*» и садился за стол, сдав свои полномочия. Так же поступали и другие свадебные чины. После этого свашка давала молодой поочередно кочергу, *чаплю* (сковородник), лопату для выпечки хлеба, сковороду. Молодая должна была показать гостям, как топить печь, разгребать жар, сажать хлеб. Все эти действия носили игровой характер, сопровождалось шутками, молодая делала все нарочито, стараясь задеть свекра, свекровь, мужа. После этого *свашка* соединяла руки молодых, подводила их к родителям жениха и сдавала свои полномочия. В этот день играли песни, относящиеся к жанру *крыловых* («Садил баба лук, щеснок», «Я да пушоцики вязала», «Подуй, ветер»¹⁹), баллады («Садитесь в ряд, будем пить, гулять»²⁰).

Большая роль на свадьбе отводилась ряженым бабкам «*Акулькам*». По поверью, появление «*Акулек*» в том доме, где идет свадьба, должно было принести счастье молодым, поэтому их встречали очень радушно. Через некоторое время гости расходились, и свадьба считалась законченной. Вечером молодые разносили остатки угощения со свадебного стола тем, кто не был на свадьбе: старикам, больным, детям.

В заключение характеристики свадебного обряда отметим, что основу свадьбы казаков-некрасовцев составляли архаические действия, закрепляющие смену социального статуса невесты, переход из одного рода в другой, а венчание занимало по времени менее значительное место. Однако нельзя сказать, что религиозный компонент обряда никак не проявляется в свадьбе. Обращают на себя внимание, в частности, речевые формулы: «*Спаси Господи!*», «*Аминь!*», «*Благословит вас Бог святой*», повторяющиеся на разных этапах свадьбы. В музыкальном же отношении отметим в песнях ладовую переменность, наличие ангемитонных попевок, что

¹⁹ Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев... С. 64–69.

²⁰ Там же. С. 62.

было также распространенным явлением в традиции донского казачества. Редким жанром свадебного фольклора является некрасовское двойное *обголашивание* (причитание над невестой ее матери и кого-нибудь из родственников).

Сегодня в свадебном обряде некрасовцев, как и в комплексе культуры в целом, наблюдаются некоторые изменения. Уже не соблюдаются некрасовцами прежние законы и уклад жизни, которые значительно отличали социальную организацию их бытия (в частности, не собирается круг, произошел переход к малой форме семьи). На свадьбе исполняется большое количество лирических и беседных песен, по сюжетам не относящихся к свадебным. И, пожалуй, главное: если в Турции некрасовцы принципиально не смешивались с окружающим населением (*«Игнат не велел»*), то, приехав в Советский Союз, они увидели, что межнациональные браки не только не запрещались, но и поощрялись, это обусловило размывание традиции.

Но память о том, как играли свадьбы, еще сохраняют многие некрасовцы, и цель исследователей — музыковедов, историков, филологов — зафиксировать самобытные некрасовские традиции и сохранить их для будущих поколений.

Н.А. Архипенко, И.Ю. Калиниченко

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ: ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Одежда является неотъемлемой частью традиционной культуры народа, и как «зрительно наиболее наглядный элемент» именно она в первую очередь часто привлекает внимание специалистов, занимающихся изучением народной культуры¹. Обращение к исследованию традиционного комплекса одежды может помочь охарактеризовать важнейшие аспекты как материальной культуры (способы кроя, приемы шитья, выбор тканей, украшение одежды), так и духовной (представления об окружающей действительности, выраженные посредством «вещного» кода).

В гуманитарной науке уже сложилась исследовательская традиция рассмотрения культуры и диалекта казаков-некрасовцев. Сначала за эмпирическим материалом приходилось отправляться за пределы России. Начиная же с 1911 и заканчивая 1962 гг. казаки-некрасовцы несколькими группами возвращаются на родину. Правительство определяет им для поселения место в Краснодарском и Ставропольском краях, где некрасовцы основывают несколько хуторов. По мнению Т.Ю. Власкиной, «сегодня наибольший интерес исследователей вызывают общины, проживающие в поселках Новокумский, Малосадовый и Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края, поскольку их образовали мигранты наиболее поздней волны. Здесь еще живы

---

¹ Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Липинская. М., 2011. С. 9.

и деятельны многие из тех, кто достиг сознательного возраста в патриархальных условиях турецкой этносоциальной изоляции, они являются подлинными носителями некрасовской традиции»².

Одежда как часть традиции казаков-некрасовцев также не раз привлекала внимание исследователей: дореволюционных и современных. Исследователи-путешественники XIX в. часто представляют в своих статьях субъективные и романтически окрашенные описания одежды, тяготеющие к этнографическим.

В 1866 г. была опубликована статья В.П. Иванова-Желудкова «Русское село в Малой Азии». Этнограф, описывая собственные впечатления от посещения в 1863 г. казаков в Малой Азии, помимо манеры говорить, внешности, основных занятий, нравов, общественного устройства и т.п., обращает внимание и на повседневную одежду некрасовцев. В одеянии гостеприимного жителя Майноса Кузьмы автору бросается в глаза яркая и необычная вышивка его рубахи: «Ворот, грудь, подол и обшлага его рубахи вышиты были красными и синими нитками, грудь во всю почти ширину, а подол и рукава — ладони на две шириной. Швы тоже изукрашены красными и синими стежками. Длинной рубаха ниже колен. Рисунок шитья на этих рубахах сильно напомнил мне рисунок резьбы на наших бураках, на заставках старинных рукописей, а также детали Василия Блаженного»³. Этот узор производит на путешественника такое сильное впечатление, что даже заставляет его пуститься в рассуждение о забытом истинно русском изобразительном наследии, нуждающемся в увековечивании: «У нас, кажется мне, зарождался свой стиль, несколько похожий на мавританский и на индейский. Сравните шитые полотенца с точеными чашками, с резьбой на избах, с окладами икон и т.п., и вам станут ясны все особенности этих *русских арабесков*, если можно так выразиться, за неимением термина. Теперь, когда оживает интерес к старине, неужели не найдется человека, который занялся бы изучением и разработкой русского *рисунка* и дал бы ему право гражданства в архитектуре, на ситцевых, шелковых, салфеточных

² Власкина Т.Ю. К вопросу о современном состоянии традиционной культуры казаков-некрасовцев, проживающих на Ставрополье: итоги комплексной экспедиции ЮНЦ РАН – ЮФУ 2010 г. // Мир славян Северного Кавказа. 2011. № 6. С. 111.

³ Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. С. 429.

фабриках, на фарфоровых и фаянсовых заводах, в мастерских ювелиров, в ремесленных училищах — везде, где есть нужда в чертеже? Труд этот, полагаем, был бы весьма благодарным»⁴.

Еще больше гостя из России поражает женский костюм, который он признает визитной карточкой некрасовской культуры. Вот как исследователь описывает наряд некрасовской казачки Аграфены — хозяйки дома: «Женский костюм в Майносе тоже не от века сего. Сарафан и у них называется сарафаном, но очень короток, до колен. Грудь вся закрыта, рукава узки и доходят до локтей. Из-под них выпускаются рукава из другой материи, широкие, называемые турецкими. Сарафан на Аграфене был полосатый; желтые, зеленые и красные полосы из той материи, что еще до сих пор носят татарки, а рукава были из светло-желтой тафты. Перехват на талии, а не под мышками, и на перехвате был навязан пестрый широкий пояс. Под сарафаном была юбка из темной пестряди, спускавшаяся до половины икр. На голове платок, от которого на спину из-за ушей ложились два конца, на манер, что называется, свиного уха. От ворота до подола шел ряд мелких кругленьких пуговок, как водится и в России. Грудь сарафана была унизана турецкими серебряными монетами всех величин, от бешлыков величиною в целковый до двадцаток величиною в гривенник; монеты были расположены симметрично и с большим вкусом. На Аграфене висело монет по меньшей мере рублей на двадцать, а сколько висело на одной девушке, которую я встретил на улице на другой день, я и сказать не умею. У нее монеты были вплетены в косу, так что когда она шла, то слышался звон, кроме того, грудь была положительно покрыта монетами, как серебряным панцирем. Если чем Майнос богат, то это именно женскими уборами, старинными книгами и вышедшим из употребления оружием»⁵. Постоянно проводя мысль об исконности, древности некрасовского наследия вообще и костюма в частности, В.П. Иванов-Желудков, тем не менее, замечает очевидные следы турецкого влияния во многих сферах казачьей жизни.

Менее подробное описание одежды некрасовцев приводит в своих заметках М. Чайковский, посетивший село Бин-Эвле в 1841 г. Подобная лаконичность связана, с одной стороны, с гораздо большим вниманием автора к истории и нравам Игнат-казачков,

⁴ Иванов-Желудков В.П. Русское село в Малой Азии... С. 429–430.

⁵ Там же. С. 436–437.

а с другой — с тем общим впечатлением, которое произвело на него население этого русского села в Турции: «Некрасовцы остались теми же, которыми вышли когда-то с Дона. Они нисколько не изменили обычаев своих предков, и если бы кто-нибудь из товарищей Некрасова мог проснуться на берегах Маниовского озера, он не нашел бы никаких перемен, кроме новой местности. Это славянское племя сохранило все и не утратило ничего из наследия предков... В изгнании они не перестали быть казаками, были в чести у всех»⁶. Поэтому описание лишь некоторых элементов костюма казаков как раз и должно в контексте всей статьи подтвердить эту мысль о полной сохранности всего русского в культуре некрасовцев: «Одежда мужчин состоит из широких шаровар, кафтана и барашковой шапки с золотым галуном, а иногда и с золотой кисточкой. Женщины одеваются так же, как и на Дону: на головах носят русские кокошники, любят яркие цвета, блестящие украшения, кораллы и драгоценные камни»⁷.

В.Ф. Минорский, опубликовавший в 1902 г. свою статью «У русских подданных султана», также строит свое описание одежды некрасовцев на том, что «бросается в глаза». Так, на молодом казаке, вызвавшемся проводить гостей к атаману, были «широкие шаровары из красного кумача с золотым позументом на лампасах, грудь рубашки была прекрасно вышита, на голове надета была высокая валяная казацкая шапка»⁸. Упоминание об обуви («обуваются казаки, как и большинство простонародья в Турции, в род наших “опорок”») сопровождается не подробным описанием, а приведением курьезного случая о том, как «эта обувь немало скандализировала принимавших майносскую депутацию в Москве, и казакам немедленно были куплены сапоги»⁹. Взгляд автора, обращенный на некрасовских казачек, выхватывает «повойники с монистами», «красивые яркие кофты с распущенными широко к низу от локтя полосатыми рукавами, перехваченными выше широкой лентой»¹⁰.

---

⁶ Чайковский М. (Садък-Паша). Записки // Киевская старина. 1892. № 10. С. 117.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Минорский В. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 57.

⁹ Там же. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 58.

Более скрупулезное описание мы можем найти в статье Я.И. Смирнова, вышедшей в 1896 г.¹¹ Передавая свои первые впечатления о встрече с некрасовцами острова Мада, автор сначала приводит небольшие описания их одежды, так же, как и другие, обращая внимание на самые яркие ее характеристики. Однако Я.И. Смирнов, в отличие от других исследователей-путешественников, фотографировал окружающие пейзажи, постройки, людей. Для одного из этих фотоснимков казачек-некрасовок попросили одеться в праздничный наряд. И хотя на это согласилась только одна из них, все же была сделана та самая историческая фотография, запечатлевшая группу казаков в повседневном и женщину в праздничном уборе. Рассказывая о ситуации фотографирования, автор как раз и дает подробное и точное описание этого праздничного наряда: «Но наряд был поистине оригинален: на голове высокая “кичка” о двух рогах золотной парчи под желтым шелковым прозрачным покрывалом, накинутым поверх рогов, волосы надо лбом и на висках подвиты; с кички около ушей спускаются подвески из серебряных цепочек с разнообразными подвесками; на шее мониста, борта ватной кофты с короткими рукавами обшиты тонкими серебряными монетами, с большими дутыми пуговицами посредине. Три больших выпуклых серебряных бляхи... украшают пояс, к средней бляхе еще приделаны привески из монет. Из-под коротких рукавов ватной кофты спадают непомерно длинные рукава нижней одежды, расширяющиеся на концах; полосатый передник и новые красные сапоги заключали этот оригинальный наряд, о сходстве которого с древнерусским мы судить не беремся, но никакому сомнению подлежать, кажется, не может, что этот наряд остался неизменным со времен ухода некрасовцев с Дона»¹². Как видно, в этом описании почти не приводятся диалектные названия частей костюма (исключение составляет слово *кичка*, услышанное от местных жителей), одежда обозначается терминами, привычными исследователю (ватная кофта с короткими рукавами, бляха, передник и т.п.), характеризуется только внешняя, видимая часть костюма — все это говорит о том, что предметом специального исследовательского интереса одежда некрасовцев в данном случае не являлась.

¹¹ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бешеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

¹² Там же. С. 29.

Таким образом, исследователи некрасовской культуры XIX — начала XX вв. избрали для изложения результатов своего изучения жанр путевых заметок, который предполагает субъективность отбора описываемого материала. При всем разнообразии обстоятельств, целей, времени, мест посещения некрасовцев никто из авторов не обошел своим вниманием их традиционного костюма, который в первую очередь предстал перед глазами путешественников и служил основой для оформления первых впечатлений. Важное значение имело еще и романтическое восприятие исследователями этих русских людей, живущих в самом сердце чужой земли: славянская внешность, русская речь, христианская вера — все это заставляло авторов восхищенно перечислять и другие признаки русской архаики в некрасовской культуре.

Современные исследователи, с одной стороны, продолжили этнографическое изучение некрасовского костюма¹³, с другой — обратились к новым аспектам изучения традиционной одежды как элемента обрядовой культуры и способа отражения картины мира¹⁴.

Так, в части «Одежда казаков-некрасовцев» коллективной монографии «Донской народный костюм» Л.М. Жукова и С.А. Бандурина на основе некрасовской коллекции Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника представляют подробное описание мужского, женского и детского (девичьего) традиционного костюма, предназначенное для создателей сценических костюмов. Однако такая целевая установка не мешает авторам провести серьезное этнографическое исследование. Изучив собрание одежды, состоящее из 164 предметов, сотрудники музея описали следующие элементы некрасовского костюма: рубахи, порты (*порки*), *бешметы*, пояса (*покромки*, *куланы*), *ширинки*, *балахоны*, сарафаны, *куфайки*, *куфаенки*, *завески*, *мутозики*, *кауки*, *шлычки*, *связки*,

¹³ Липинская В.А. Южное пограничье Европейской части // Русская народная одежда... С. 394–401; Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев // Донской народный костюм: О создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов н/Д, 1986. С. 54–63.

¹⁴ Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев // Ученые записки Ростовского н/Д университета. Труды историко-филолог. фак-та. Т. XLV. Вып. 6. Ростов н/Д, 1958. С. 129–158; Абрамова Т. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев (по материалам историко-этнографических экспедиций РОМК и СИАМЗ 1977–1984 гг.) // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов из архивов Новокумского филиала музея изобразительных искусств. Ставрополь, 2009. С. 109–117.

рогатую кичку, сороку, позатыльник. Приведем пример описания такого важного для некрасовского костюмного комплекса элемента, как *балахон*.

«Балахоны. Их в музейной экспозиции 21 (17 женских и 4 девичьих), отличающихся только размерами и расцветкой, но не кроем. Для женщины ношение этой одежды было обязательным.

Балахон — верхняя распашная одежда длиною выше колен, с короткими рукавами, на подкладке, надеваемая поверх рубахи. Застежка на пуговицах и воздушных петлях. Шит из ярких полосатых тканей: праздничный — из шелковых, повседневный — из хлопчатобумажных. Спина и передние полы кроились из одного полотнища, перегнутого по утку. По бокам пришиты два клина. Нижняя часть, подполъники, изготовлена из прямоугольных кусков более простой и дешевой ткани, что объясняется расположением этих деталей под скрывающей их завеской. Рукав короткий, сужающийся к концу, с прямой проймой и сшивкой, из двух треугольников, ластовицей. Делается рукав из дешевой ткани, а сверху на него нашивались 4–5 полосок разноцветных шелковых лент — наставки. Иногда наставки обшивались кружевом. Заканчивается рукав полосатой настрочкой. Горловина (ошейник) расшита редкими крестиками и обведена тонким черно-желтым шнуром. Застежка только на груди. Справа к краю разреза пришит черный шнур с прикрепленными к нему пуговицами. Слева планка, на которую выпущены петли из такого же шнура, проложенного по стыку планки с полкой. Количество петель от 8 до 10, пуговиц же значительно больше.

На одном балахоне из коллекции имеется 12 больших висячих дутых посеребренных пуговиц, предназначенных более для украшения, нежели для застежки. В турецком периоде многие праздничные балахоны были украшены нашитыми в несколько рядов по обе стороны груди до пояса серебряными монетами. (При переезде некрасовцев в СССР турецкие власти изъяли у них все украшения, представляющие художественную ценность и изготовленные из драгоценных металлов.) Подкладка на всех балахонах хлопчатобумажная, часто пестрая, закреплена по периметру изделия и простегана по линиям основных швов»¹⁵.

Помимо описания отдельных конкретных видов одежды, авторы делают ряд обобщающих наблюдений: одежда казаков-

¹⁵ Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев... С. 60–61.

некрасовцев сохранила ряд архаических черт русского национального костюма — в частности, вышивку на груди праздничных мужских рубах, сложный четырехчастный комплекс женских головных уборов (*каук, шлычка, связка*, платок) и свадебный головной убор (*рогатая кичка, сорока, позатыльник*, лента); женский традиционный костюм сохранился гораздо лучше из-за оседлого образа жизни казачек, мужской же — начиная с 30–40 гг. XX в. меняется на европейский, сохраняясь только в качестве свадебной или похоронной обрядовой одежды; комплекс женской одежды имеет особый состав — длинная рубаха с рукавами, *балахон* и *завеска*, мужской комплекс состоит из рубашки и штанов¹⁶.

В.А. Липинская в разделе «Казачьи-некрасовцы» монографии «Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки» в качестве основного тезиса выдвигает утверждение о том, что хотя в костюме некрасовцев заметно было сохранение архаических элементов, однако «их традиционную одежду нельзя рассматривать как возвращение костюма донских казаков XVIII века». В силу многочисленных контактов некрасовцев с разнообразным южнорусским населением и в связи с пребыванием в иноэтническом окружении в их народной одежде «следует искать комплексности»¹⁷. Вот так подобная комплексность проявляется, по мнению авторов, в облике рубашки, *балахона* и *завески* — основных элементов женского костюмного комплекса: у рубашки, при сохранении русского покроя, из лучшей ткани шили не верх (как в России), а подол и рукава, т.к. все остальное закрывалось *балахоном*; у *балахона*, при традиционном использовании его как верхнего платья, появилась восточная яркость благодаря особому лоскутному крою; а *завеска*, будучи элементом одежды русских и украинцев, не получила своего завершения и сохранилась в несшитом виде — полотно фартука, подрубленное только с трех сторон, просто затыкается за пояс¹⁸. Таким образом, костюмный комплекс казаков-некрасовцев, по мнению автора, сохранил следы русской архаики, что выражается в использовании традиционного набора предметов одежды, приемов кроя, вышивки. Об этом косвенно свидетельствуют и диалектные данные: в некрасовском говоре меньше иноязычных названий предметов одежды, чем в говоре донских казаков.

¹⁶ Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев... С. 55–63.

¹⁷ Липинская В.А. Южное пограничье Европейской части... С. 394.

¹⁸ Там же. С. 398.

В то же время этот комплекс трудно соотносить с известными устойчивыми комплексами одежды русских, т.к. в нем можно отметить следы «примитивности и незавершенности» (лоскутный покрой, несшитая завеска, слабо структурированный будничной головной убор), сочетание южнорусских (*сорока* и *кичка*) и севернорусских (*кокошник*) элементов, восточное тюркское влияние на выбор тканей, цветовой гаммы, украшений. С учетом всего этого автор предлагает костюмный комплекс казаков-некрасовцев «обозначить как комплекс с балахоном»¹⁹.

Второе направление изучения одежды казаков-некрасовцев строилось на материале свадебного обряда и обрядовой свадебной одежды. Ф.В. Тумилевич, характеризуя состав и структуру некрасовской свадьбы, обращает внимание на роль одежды в структуре и семантике свадебного обряда. Так, Федор Викторович приводит сведения о своего рода *кладке* — подарках семье невесты со стороны жениха, которая у некрасовцев состояла из предметов одежды: по исполнению невесте 15 лет жених справлял ей одежду (*балахон, сарахан, рубаху, серьги, монисты*) для того, чтобы «родные, когда придет время для официального согласия на их брак, не раздумали бы выдать за него свою дочь, а невеста знала бы о щедрости, заботе о ней и не противилась заключению брака»²⁰. Предметы одежды и украшения составляли важную часть приданого: мать невесты задолго до сватовства готовила рубахи, *балахон, бахилы, завеску, катаур, кулан, кокошники* и др.²¹ Во время посещения невесты накануне свадьбы жених передавал ей подарок от свекрови: *балахон, рубашку, завеску, связку, жерелки, серьги, монисты*; все это принималось с благодарностью и тут же надевалось на невесту²². Рубаха и *балахон* с воткнутыми в них иголками без ушек должны были защитить невесту от нечистой силы²³. Данные этой статьи могут быть использованы исследователями в качестве материала для монографического исследования функций одежды в культуре казаков-некрасовцев.

Т.Н. Абрамова, рассматривая элементы «вещного» кода свадебного обряда (*балахон, рубаха, завеска, связка, сорока, шлычка,*

¹⁹ Липинская В.А. Южное пограничье Европейской части... С. 401.

²⁰ Тумилевич Ф.В. Свадебный обряд у казаков-некрасовцев... С. 132.

²¹ Там же. С. 133–134.

²² Там же. С. 143.

²³ Там же. С. 147.

рогатая кичка), обращает внимание на важную роль обрядовой одежды в передаче культурной семантики свадьбы казаков-некрасовцев, у которых «в большей степени, чем у донских казаков, сохранились архаические черты древнего восточно-славянского свадебного обряда, где брак рассматривался как умирание девушки и воскресение в “мире ином”»²⁴. Автор делает важный методологический вывод о том, что традиционный комплекс женской одежды следует рассматривать не только как явление собственно материальной культуры, но и как часть духовной культуры этноса, связанную с верованиями и идеалистическими воззрениями народа²⁵.

Обрядовая похоронная одежда практически не привлекала внимания исследователей. В этнографических описаниях она только упоминается: погребальный костюм состоял из простой рубахи, с *завеской*, но без *балахона*, а также головного убора без *каука*²⁶. Поэтому наше обращение к этой части костюмного комплекса является актуальным и может послужить логическим продолжением долгого исследовательского интереса к традиционной одежде казаков-некрасовцев.

Для первого специализированного обращения к данной теме мы избрали такой жанр статьи, как публикация полевых материалов. Это позволит максимально объективно представить материал традиции устами ее носителей.

Публикуемые материалы представляют собой полевые записи бесед с информаторами, сделанные в процессе работы этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук в мае и августе 2010 г. в поселке Новокумский Левокумского района Ставропольского края. Тексты приводятся в упрощенной орфографической записи, в круглых скобках даны реплики собирателей. При знакомстве с собранными материалами нужно учитывать ситуацию беседы: часто наши собеседники показывали приготовленную на смерть одежду, свои смертные узлы, сопровождая этот процесс соответствующими комментариями, что наложило некоторый отпечаток на построение фраз в разговоре.

Погребальный обряд, похороны — завершающий обряд жизненного цикла; один из главных «обрядов перехода», оформля-

²⁴ Абрамова Т. Традиционный комплекс женской одежды... С. 110.

²⁵ Там же. С. 117.

²⁶ Жукова Л.М., Бандурина С.А. Одежда казаков-некрасовцев... С. 60.

ющий событие смерти и перемещение умершего из земного в «иной мир». Как и другие обряды перехода, представляет собой поэтапное преодоление опасной границы; по символике и структуре сходен с родинным и свадебным обрядом. Однако из всех обрядов перехода похоронный стоит особняком, т.к. в этом случае изменение статуса является окончательным, итоговым.

Подготовка к обряду начинается с приготовления одежды (*смёртного узла, смертёльного*) и может занимать продолжительное время:

«(Когда начинали готовить одежду на смерть?) Да я уж и забыла када начинали гатовить. Лет семь я гатовила, и мужу пригатовила, и себе пригатовила смиртельнае. Я вот тебе пакажу, принясу. [...] Фсё у мене гатова на тот свет атправляца. [...] Как нивесты ентат клали приданую, а ета на смерть приданую. Вот ета смиртельнае маё»²⁷.

«Ф цылафанавам мишке склала, и фсё лижыть: и деду, и сабе»²⁸.

«(Одежду собирают на смерть?) Да, я тебе пакажу щас свой узил. Вот мой узил»²⁹.

«Вот эта я пригатовила, щобы дети ни лазили, ни искали»³⁰.

Носительницы традиции подробно описывают вещи, которые предназначены для обряжения усопшего. Данный перечень составляют: рубаха, чулки, *связка*, платок, *уруминский платок*, также в процессе похорон использовался *бешмет* и *балахон*.

Отличительным и значимым признаком рубахи *на смерть (сузельная плаття)* является способ изготовления и покроя: рубаха

²⁷ Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (далее — ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН). Информатор М.З. Саничева, 1935 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели А.И. Зудин, Н.А. Власкина.

²⁸ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Е.С. Пушечкина, 1932 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Н.С. Попова, Л.Н. Успенская.

²⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Т.Т. Елисютикова, 1934 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратель Т.Ю. Власкина.

³⁰ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор С.Т. Ялуплина, 1924 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в августе 2010 г., собиратели И.Ю. Калининченко, Н.С. Попова.

шьется вручную из цельного куска ткани, т.е. является цельнокроеной (*суцельной*), а будничная и праздничная рубахи не цельнокроеные, а состоят из верхней части (*чѣфлик/щѣфлик*) и нижней (*подол*). Помимо этого важными признаками для похоронной рубахи являются длина, новизна и расцветка:

«А эта вот плаття, я иѐ прям сусэльнаю. (А это что означает “сусэльная”?) Эта называем сусэльная плаття, етакая к смерти»³¹.

«На смерть приговорила, и рубаху сашыла, закрывать в грабу-та, крестики, фсѐ приговорила [...] (Рубаху себе шили без чѣфлика?) Да, бис щѣфлика, да сусэльная»³².

«(А что, кроме савана, надевали?) Рубаха называица у нас. (Какая рубаха? Как её шьют?) Абыкнавенная рубаха, ну мама мне сусэльную сашыла. Длинные жы рубахи, штоп кароткая ни была. (И яркую можно?) У нас фсѐ ярка, у нас чѣрная — мы панятия ни имели, эта ни наш нарят, эта мы тут панаушилися»³³.

«Вон то, ета на смерть рубаха»³⁴.

«Вот ета рубаха, я буду в ней лажыца, новинья. Эта рубашыцка мая хорошынькая, я на тот свет с табой пайду. Фсѐ врущную шыли»³⁵.

Наши собеседники иногда отмечают, что в состав смертной одежды не входило нижнее бельѐ:

«А трусох, у нас ни ложуть с трусами, доща, ни паложына с трусами лажыть. (Почему?) А ни знаю, вот и ни надыѐм трусы. Вот умрѐть чилавек, а мы ѐм ни надыѐм, ана фсѐ длининькяи и фсѐ, ни паложына, гаварили»³⁶.

Балахон и *бешмет* использовали только для накрывания умершего, затем перед погребением вынимали его из гроба, промывали в воде и применяли в повседневной жизни. Также *балахон* использовали для ритуальной раздачи тем, кто нес гроб:

³¹ Информатор С.Т. Ялуплина.

³² ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Д.Т. Шкодрин, 1931 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина.

³³ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Е.К. Гулина, 1950 г.р., записана в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин.

³⁴ Информатор Е.С. Пушечкина.

³⁵ Информатор М.З. Саничева.

³⁶ Информатор С.Т. Ялуплина.

«Эта царковная, и накрываица ей, вот там Исус Христос, все тут, крестики. (Таким в старину накрывали?) Не, раньшы такого не была, балхваном накрывали ф Туречини, прям балхваном закроють и ляжыш»³⁷.

«Пакойника магли утем-та балхваном накрыть, ну то бишмет был. (Это если мужчина?) Мущина, да, а женщину утак балхваном накроють. В рубахи-та иё паложуть, а вон тот балахон пайдуть, да на воду иво смоють, да опять насили. [...] И вот тапо́щики лажыли — балхваны, балхваны-та мы шыли, тапо́щик называлси, как надвои ево делили, на чытыри угла лажыли, ну как на балахон»³⁸.

Традиция покрывать покойного *балахоном/бешметом* сменилась городской традицией использования тюли или церковного покрывала.

«А вот, дитё мая, эта знаиш што, када миртвица аденуть, наредють и тада вот ега накрьють, вот етим тюлим, утетим накроють, тут крестик, ф церкви ега, ф церкви мы купили. (А как называется?) Пакрывала, смиртельная пакрывала, дитё маё, эта вот ани. Эта я уш падгатовила»³⁹.

«И ишо есть крышка. А ега када хто хощить тюлим накрывають, а у нас куплиная такая, накрываица наверх. Эта царковная и накрываица ей, вот там Исус Христос, все тут, крестики»⁴⁰.

Обязательным компонентом похоронной одежды являлись белые чулки, одеваемые на ноги покойника:

«(Что на ноги одевали?) Да, бахилы были, старинные бахилы были, а так и обувь ни адивали, белые чулки, красными нитками, как Исус Христос, так иной рас пириплитенныи ношки у няво, с большого пальца начинали и пириплятали, туда-сюда, пирикрёст-напирикрёст, белые чулки абизатильна были и красными нитками связывали, прям укашали»⁴¹.

«А ега вот шулки. (Чулки должны быть белые?) Да, белаи»⁴².

«Вот шулощицки будут адявать»⁴³.

На голову казачке-некрасовке повязывали *связку*, платок, *уруминский платок* (нарядный платок красного оттенка с желтым

³⁷ Информатор С.Т. Ялуплина.

³⁸ Информатор Е.К. Гулина.

³⁹ Информатор М.З. Саничева.

⁴⁰ Информатор С.Т. Ялуплина.

⁴¹ Информатор Е.К. Гулина.

⁴² Информатор С.Т. Ялуплина.

⁴³ Информатор М.З. Саничева.

орнаментальным рисунком). Незамужней девушке голову повязывали только *связкой*. Мужчину хоронили без головного убора:

«(А головной убор был?) У деда нима ницаво, а нам платощкам накрывали»⁴⁴.

«Эта вот платошик наверх, а патом урумлинской»⁴⁵.

«Ета платошик будуть покрывать урумлинской, урумлинский платок»⁴⁶.

«Хто какой приготовил. Пабагачи — урумлинский у нас называли, што мы покрываемся. (С махрами?) С махрами, а хто пабиднеи — простинькии»⁴⁷.

«Вот связашка — будуть адывать, связашку будуть павязывать, эта вот»⁴⁸.

«А эта думаю, какуя захошуть (связку), вот так красивеи думаю, нихай и павязуть мине, вот та-та красивая, а вон та-та, ну какую захошуть, нихай павязывают. (Вы две связки приготовили?) Да, дьве, вот эта ана простинькая, ну тожы красивая»⁴⁹.

«А голаву украшали женщине очень красиво, павязывали связской, урумлинским платком, голаву харашо украшали. Девушки волосы распускали, ну свяска была павязанаи, и волосы были распущиныи»⁵⁰.

«Эта будуть свяску павязывать»⁵¹.

Необходимым элементом при обряде является красный пояс:

«А эта вот етат как иво — поис, уш какой падайдёт, красный штобы был... И вот наденуть, паясок запаяшуть, патом саван, и вот паложуть и ляжыш, паложуть — да и ляжать буду»⁵².

«У мине так, паясошик, на крестик штобы был. И, дитё маё, будут паясошик, а бис паясошика ни нада лажыть миртвица. (Почему?) Ты кришеный? (Да.) Вот кришеный — нада паясошик

⁴⁴ Информатор Е.С. Пушечкина.

⁴⁵ Информатор С.Т. Ялуплина.

⁴⁶ Информатор М.З. Саничева.

⁴⁷ Информатор Е.К. Гулина.

⁴⁸ Информатор М.З. Саничева.

⁴⁹ Информатор С.Т. Ялуплина.

⁵⁰ Информатор Е.К. Гулина.

⁵¹ Информатор Т.Т. Елисютикова.

⁵² Информатор С.Т. Ялуплина.

таскать, да смерти иво таскать и, дажы умирать будиш, иво будуть расстилать паясощик, вот на гроб растелють и тебе патпаяшуть»⁵³.

«Ну, готовятъ, штоб ноги красной нитачкой, паясок и руки связывають красной нитачкай, и фсе “Святыи Божы” считаиш, абмываиш, “Святыи Божы”. (А объясняли, зачем красной ниточкой связывають?) Ну, красная нитка как вроди ат крови што ли, хто иво знать, да красная ниташка»⁵⁴.

«Поис штоп был, красный поис, патом эти, штоп руки связывать, нитки, утэта фсё зарания готовилась. (Нитки какого цвета?) Красныи»⁵⁵.

Особое место в составе похоронной одежды занимает *саван* — специальный вид обрядовой похоронной одежды, который шился вручную из белого материала с использованием красной нитки, состоял из двух частей и надевался поверх всей остальной одежды покойника.

«(За сколько времени до смерти саван готовят?) Типеря зраня стали готовить, дажы наши шли с Турсии и пасашыли, у маёй сестре сашытый. Када умрёт чилавек, абмыли яво, пригатовили, а эта сядить кака-нить женщина, сашьётъ — и фсё»⁵⁶.

«(В какой одежде раньше хоронили людей?) А я вам щас пакажу. Тут маё смиргельнае. Щас вам пакажу, щас. Эта вутота знати что, дети? Саван, саван называица. Эта вот када мы умрём и вот када в гроб ложуть, и вот яво видиш? Бис савана нас ни ложуть. И вот нимножышка зашитый красниньким. Эта я сама шила. Я тут сколько людям пашыла»⁵⁷.

«А эта, дитё, етат саван, у вас саван ни адяють — у руских, ни адяють, а у нас, дитё, саван адяють мертвamu чилавеку, эта саван. Он на голува надяёца. [...] К Богу пайдем, дитё, ф савани, фставать будим ф савани. А вот рускии, щаво ани думаютъ, как ани, ани на-ряжаютъ, рубашку адяють, я ня знаю, как ани будут фставать. Фсё нада ф савани итить»⁵⁸.

⁵³ Информатор М.З. Саничева.

⁵⁴ Информатор Е.К. Гулина.

⁵⁵ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор Г.Д. Беликов, 1947 г., записан в пос. Новокумском Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина.

⁵⁶ Информатор Т.Т. Елисютикова.

⁵⁷ Информатор С.Т. Ялуплина.

⁵⁸ Информатор М.З. Саничева.

«(А еще же саван надо?) Да, саван, все позашытаи, ишо, знаиш, бабушка Фёкла ф Турсии шыла, када нам сюда атхадить, ана мне савин сашыла и маяму мужу сашыла, хто иво знаить, што па дароги будить, видиш, как ани саваны лижать. [...] (А саван как она шила? Красными нитками?) Да, красными нитками, тут над галавой, эта сусельными, а эта красными нитками, и прям саван паложуть, а патом венчик, патом крышка. Я тут сшыла сасетки»⁵⁹.

«От нас иной рас, мы-та в савани ложим, а ани над нами сми-яцца: што эта вы такая какой-та шапку надяёте? На суду в савани пайдётъ, всю жысь ф савани. [...] (Саван белый?) Саван белый, абизатильна и красными нитками бываит сшытый. [...] Саван и ишо белая крышка бываить, белая ана к савану. [...] Саван пряма на гроб лажыли. [...] В опцим, ани как фсю иё завирнуть ф саван, и сверху, например, крышка называлася»⁶⁰.

«Саван, белый саван, сащёш утута вот красными нитацками, прашёш и растелють иво и пакладуть. (Почему красными нитками?) Так заведёна, так и идётъ. (Стежки с внутренней или внешней стороны?) С наружной. “Святыи Боже. Святыи крепкий. Святыи бисмертныи и памилуй”. И щёш, и щёш, с малитвай. Два были сашытаи, сын-та памёр, а мы иво паклали. Патом я купила, сашыла, паклала другому. Ни знаю, я сваво ли клáла, дедава ли клáла, а сабе патом купила и сашыла. Адеють яво: и саван, и крышка, крышку такую усую, саван-та вон ни закрываить шу-щуть, а патом крыш-кай закроиш»⁶¹.

Отметим также особую роль платка, выполняющего целый ряд функций в процессе похорон: на платке несут икону; его связывают на крест, на руку участникам похоронной процессии; его используют в качестве знака благодарности людям, которые «*читают по покойнику*», готовят поминальный обед и пожилым женщинам общины. Таким образом, платок, переставая быть пред-метом одежды, приобретает вторичные обрядовые функции:

«Эта у мне платкох многа: хто гатовить, хто шаво. Ани уже излижались. А вот это вот, када умрем, фяруги жы нисуть. Вот эта два адинакавыи фяруги, а ета на крест, нисёца ишо, у мне жы крест закапываица ишо, он нисёца. А ета на икону, икону жа тожа вот вазмутъ нисуть, вот эту (икона, которая стоить в свягом углу) вот платком накроут и нясутъ, вот нясутъ миртвица и иё нисуть, зака-

⁵⁹ Информатор Д.Т. Шкодрина.

⁶⁰ Информатор Е.К. Гулина.

⁶¹ Информатор Е.С. Пушечкина.

пають, а икону дамой. Тожы буить хто такой несть и иво (платок) вазмёт. То на крышку тожы вяжуть, нисуть и им на руку вяжуть, а он яво снимить. А ета тожы када читаить, двоя читають, када умреть чилавек, начинають щитать, двоя. Приходит читальщик и читаить, вот как ты умярла нынща, нащал он щитать, день читаить и ноц, када харанить на другой день [...] тады два платка дають. Двоя щитають, адин щижало, пака несть, щитають. Тут ани фсе ляжать, какие шиво будуть давать, ня знаю, утех-та вот на фяруги, а эта вот я уже приготовила. А эта вот каму гатовить, можыть, ишо каму дадутъ, есь старыи бабушки приходють харанить, им дадутъ»⁶².

«А вот ета, дитё маё, платошки. Вот ети, адин, два — ета на фяруги, вот етат будут икону несть. Фпирёт идетъ икона, и патом крест, и пакойник. Ета на икону, а ета будуть читать, дадутъ плато-щик. Каму-та там ишо дадутъ, ишо дадутъ каму-та, ета платошки. Пусь, нихай дають каму, я многа панакупила платкоф»⁶³.

«Ой, на смерть, платки всю жысь, на фируги каторыи вешають, иконы-та нисуть туда на кладбище, с иконами жы, ат церкви, фируги мы называем, уте иконы нисуть и какая благословения, читаиш, а икона-та стаить, и вот ана ф платку бываит. Крышку у нас ни нисли, а щитали у нас, платки лажыли — два платка, хто щитаить — тот платок, там два пасалтыря щитали, а тут некаму, хоть адин пасалтырь читають»⁶⁴.

«Вот платки будуть эта давать, на фяруги, на икону, и хто щитаить и на крышки — фсе указана. (Сколько всего платков?) Восимь, навернае: на крест и на фяруги — чытыри, и на крышки — два, вдваём жа крышку нисуть, и инагда мы лишний кладём»⁶⁵.

Заметно, что в приведенных текстах гораздо больше информации о женской похоронной одежде. Это напрямую связано с приводимым нами выше наблюдением исследователей о том, что уже к 1930–1940 гг. мужская одежда стала европейской, традиционный костюм плохо сохранился и в результате перестал использоваться в погребальном обряде.

Отобранный и классифицированный материал позволяет сформулировать ряд наблюдений. *Смертный узел* казаков-некрасовцев отличается сравнительной сложностью состава. В него входит

⁶² Информатор С.Т. Ялуплина.

⁶³ Информатор М.З. Саничева.

⁶⁴ Информатор Е.К. Гулина.

⁶⁵ Информатор Т.Т. Елисютикова.

одежда, надеваемая непосредственно на тело: рубаха, чулки, *связка*, платок; предметы повседневной одежды, служащие для накрывания покойника, — *беишет/балахон*; особая обрядовая похоронная одежда — *саван*, а также необходимые атрибуты: красный пояс, крест нательный на красной нитке, покрывало. Еще одной обязательной составляющей *смертного узла* являются платки, предназначенные для ритуальной раздачи.

Можно выделить семиотически значимые признаки обрядовой похоронной одежды казаков-некрасовцев:

– способ изготовления: вручную, при помощи особого шва (*саван*);

– цвет: в похоронной одежде особое значение получают два цвета: красный и белый (*саван*, нитка, пояс);

– покрой: смертная рубаха, в отличие от повседневной, является *суцельной*, т.е. цельнокроеной;

– новизна: становится основным признаком, на основе которого происходит семиотизация обыденной одежды, по этому признаку она противопоставляется бытовой одежде и отражает новый статус умершего.

Более полное изучение обрядовой похоронной одежды казаков-некрасовцев, сравнение ее с традицией донских казаков, восточных славян, других старообрядческих групп — цель наших дальнейших исследований.

Н.С. ПОПОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА У КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Традиционная жилая постройка является относительно устойчивым элементом материальной культуры, используется несколькими поколениями людей и сохраняет свои отличительные особенности в течение длительного времени. Для домостроительной культуры казаков-некрасовцев, проживавших в иноэтничном окружении более двухсот лет, помимо сохранения традиционных элементов, характерны и другие сложные процессы — заимствования и трансформации. Целью настоящего исследования является характеристика организации жилого пространства казаков-некрасовцев, комментирование происходящих процессов сохранения, утраты и появления нового в домостроительной культуре переселенцев. Нам важно проследить, насколько устойчивым остается жилой комплекс этой этноконфессиональной группы, особенно с учетом их проживания в Турции и России.

Исследование выполнено на основе анализа полевых материалов, собранных в ходе этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН 2010–2011 гг. в п. Новокумский и Кумская Долина Левокумского района Ставропольского края, а также с привлечением материалов «Словаря говора казаков-некрасовцев», составленного О.К. Сердюковой¹. Кроме того, в нашем исследовании мы используем в качестве одного из основных источников дореволюционные работы (В.П. Иванова-Желудкова², Я.И. Смир-

¹ Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д, 2005.

² Иванов-Желудков (Кельсиев) В.П. Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. № 63. С. 413–451.

нова³, В.Ф. Минорского⁴ и др.), в которых имеются описания домо-строительных традиций казаков-некрасовцев. Стоит отметить, что поселенческая культура данной этноконфессиональной группы никогда ранее не становилась предметом отдельного исследования.

За два с половиной столетия проживания в Турции у казаков-некрасовцев сложился своеобразный тип постройки — дом-связь. Жилище имело «Г»-образную планировку (см. рис. 1). Хозяйственные и жилые помещения строились под одной двускатной крышей и располагались следующим образом: жилые комнаты перпендикулярны улице, а хозяйственные постройки, пристроенные к основному зданию, параллельны ей: *«Эта буквай “Г” хата у тах-та стаит на улицу этим, падлысина называли. А суда, в лапас, “Г” буква становица и кухня. Аттуда ищѣ патстраивали летнюю кухню. И пряма дамá у нас друх г другу саидинины были с соседями. Летняя кухня саидинялась. У нас эта кухня была, а у них будит хата начинаца. К той-та стине патсаидинялись. Падлысина нат хатай пряма. Лапас от тут. А тут кухня бываит зимняя. А пат кухний летняя кухня. А эта другой дом нацинаица»*⁵.

Казаки-некрасовцы для строительства жилища применяли столбовую и глиняную технику. Особенность первой заключается в том, что в качестве основы для стен используются столбы, врытые в землю через равное расстояние вдоль периметра площадки⁶. Возведение стен жилища варьировалось и по технике, и по материалу. Нами было зафиксировано три основных способа заполнения пространства:

³ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бешеирском озере, Гамид-Абадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

⁴ Минорский В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 31–86.

⁵ Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (далее — ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН). Информаторы Я.Ф. Пушечкин, 1933 г.р., Е.С. Пушечкина, 1932 г.р., записаны в п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края в мае 2010 г., собиратели Н.С. Попова, Л.Н. Успенская, А.И. Зудин.

⁶ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 84; Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002. С. 147.

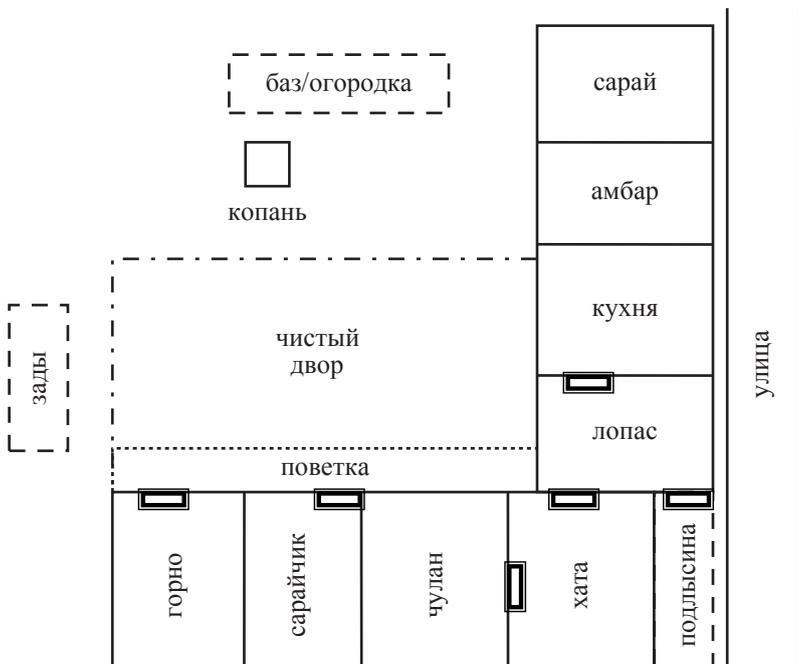

Рис. 1. План некрасовского подворья

1) хворостяные щиты из веток тернового куста (*щерна́/дыщтудак*) в палец толщиной, которые сверху обмазывались плотным слоем глины (встречается в более ранних постройках);

2) камышовые плетни: к врытым в землю столбам прибивали поперечные брусья, затем к этим перекладинам крепили *маты* (снопы из камыша), и поверх этой конструкции для прочности прибивалась доска; изнутри и снаружи стены обмазывались смесью черной *гарманной глины* с соломой;

3) горизонтальная закладка бревен (*извязки/маты*): к вертикальным столбам прикреплялись брусья, к которым сверху прибивались рейки на расстоянии 5–10 см, сверху такая обрештовка набивалась глиной (*саманной землей/землей*) до полного выравнивания стены.

Первые два типа постройки носили название *плетнёвая хата/чакма́* (см. *турлүчная хата*⁷), а последний — *набивная хата*.

⁷ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки... С. 86; Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища... С. 148.

Я.И. Смирнов, описывая одно из некрасовских жилищ, увидел сходства с малороссийским типом постройки: «Хата сделана, как малорусские мазанки, из двойного плетня, обмазанного глиной; снаружи вся она чисто вымазана белой глиной, а нижняя часть такой же обмазкой, но черного цвета»⁸.

Глиняная техника возведения стен жилища заключается в использовании саманного кирпича-сырца. Для этого заранее проводились работы по заготовке самана. На подготовленную площадку привозилась глина, которую месили ногами, добавляя воду и мелко рубленую солому. Готовая смесь помещалась в станки, таким образом получался кирпич прямоугольной формы. После полной просушки саман готов к использованию. Из него делали кладку, заливая щели жидкой глиной. Далее стены вручную выравнивали смесью глины с соломой. Такого рода постройку некрасовцы называли *саманный дом*.

При любой технике строительства жилище имело каменный фундамент, основным скрепляющим средством которого был глиняный раствор. Во время экспедиции нами был зафиксирован текст, в котором информанты⁹ рассказывают о «строительной жертве». Это жертвоприношение совершается в магических целях при возведении основания дома — для обеспечения жилищу прочности, а хозяевам благополучия¹⁰. У казаков-некрасовцев в качестве «строительной жертвы» выступало домашнее животное, чаще овца. Фундамент обливали кровью и приступали к возведению основного помещения.

Крыши в некрасовском доме были двухскатные, крытые камышом. Вначале на стены постройки устанавливали деревянный каркас, стропила. Основным кровельным материалом служил камыш. Непременным украшением дома являлся *князь* — гребень на крыше: «*Хадили жали этот камыш и руками вязали, привязили на быках и покрывали крыши. Вот так талшына накроит сверху. Друг з другу слажывали, а навирху гриву ани как-та связывали.*

⁸ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 9.

⁹ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информаторы М.Г. Пашин, 1929 г.р., Е.С. Пашина, 1930 г.р., записаны в августе 2012 г. в п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края, собиратели Н.С. Попова, Н.А. Власкина.

¹⁰ Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища... С. 137; Левкиевская Е.Е. Жертва строительная // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 215–217.

Камыш жы зилёный и канёк-та вязали. Кариня с краю бываютъ, а там навирху вихры. И аттуда, атсуда пряма вязали»¹¹.

Все жилище казаки-некрасовцы называли *хата*. В отличие от говора донских казаков, это название не было связано с материальным достатком хозяев, с конструктивными и функциональными особенностями постройки. Перед входом в дом с фасадной стороны делали небольшой навес на одном-двух столбиках с поперечным брусом, который называли *подлысиной*. Площадка под этим навесом обычно мазалась глиной черного цвета. Я.И. Смирнов упоминает о небольшом навесе перед входом во двор, не давая наименования этой конструкции: «Толстая камышовая крыша сильно выдается сбоку, а спереди над двумя квадратными окнами, выходящими на улицу, устроен особый навес из тростниковой крыши, подпертый одним столбом. Две жерди, в роде перил, мешают заходить скотине на образующуюся под навесом этим площадку, также чисто вымазанную черной глиной, как и нижняя части стен. Цель этого навеса, как и выступа крыши, очевидно, предохранить глиняные стены хаты от разрушительного действия дождя»¹². Очевидно, что речь идет об упоминаемой нами выше *подлысине*.

Входная дверь с улицы ведет в первое самостоятельное помещение — *лопас*, который напоминает и навес, и комнату: вместо внутренней стены (со стороны двора) — столбы, подпирающие крышу. *Лопас* пристраивался к основному помещению и служил местом для домашней работы и летнего отдыха. По воспоминаниям А.В. Мироновой¹³, в лопасе ее родительского дома проводили обучение некрасовских детей. Об этой же функции *лопаса* пишет в своем произведении Я.И. Смирнов: «После посещения церковей пошли мы к дьяку Кириллу Агафоновичу. У него калитка ведет не прямо во двор, а в род открытой галереи или сеней, идущих вдоль двора. Тут у двери на возвышении пола сидело двое мальчиков с рукописным растрепанным псалтырем и быстро складывали слова по азам»¹⁴.

Слева от *лопаса* — *повётка/повёточный навёс*, пройдя через который, приходишь в *чулан*, а из него — в жилую комнату — *хату*.

¹¹ Информаторы Я.Ф. Пушечкин, Е.С. Пушечкина.

¹² Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 9.

¹³ ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Информатор А.В. Миронова, 1953 г.р., записана в мае 2010 г. в п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края, собиратели Н.С. Попова, Т.Ю. Власкина.

¹⁴ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 28.

Местоположение комнат и их количество было вариативным, однако «цепочный» принцип планировки в жилище сохранялся, даже при том что сами некрасовцы отмечали возникавшие в связи с этим неудобства — чтобы попасть в последнее помещение, нужно было пройти несколько комнат подряд: *«Хаты, ну, старыи настройки: в эту комнату влезть и пашёл на фсех комнатах. И, как гарица, ни гасця палажить, ня сам ни лечть. Гасця палажить тут: ты будишь лятеть — иво разбудишь. Гасця там палажы: он будит итить, тибя разбудит. А заходишь ф комнату — и пашёл на фсех комнатах»*¹⁵.

Хата — основная жилая парадная комната в некрасовском доме, в которой спали, принимали гостей и т.д. Со стороны улицы в стене *хаты* имелось два небольших квадратных окна с вмазанными стеклами, а третье, открывающееся, было в боковой стене и выходило в *поветочный навес* (подробнее см. ниже). Пол в хате вымазан черной глиной, а стены и потолок — белым раствором глины с песком и рубленой соломой. На потолке узкие балки выструганы и пропитаны маковым маслом.

В *хате* находилась русская печь. Ее использовали не только для выпечки хлеба, но и как средство отопления. По воспоминаниям информантов М.Г. и Е.С. Пашиных, дома в Турции были небольших размеров и довольно низкие, что способствовало лучшему обогреву помещений: *«Русская пецка была, щем абагривались. Кухня была зимняя, той-та абагривались пецкай. Мать затопить, що там свёрить или спикёт, ана жы ф сирётки пецка была и фсю абагривала кухню. А две хаты — жар выгрябали с пецки, мы там мангал называли — такой из жыстянки изданный, да в него насыпишь жар, да занисёшь ф хату. Он жы тока нагривался ад жару. И угаль такой дравиной пакупали, да тот мангал ражжыгали, ф хату занасили, да абагривались. Паранышы иво растопиши. Заносишь ф хату, она нагрываица»*¹⁶. Я.И. Смирнов, описывая русскую печку, выделяет ее отличительные особенности: «отверстие самой печи очень мало, оно заставлено деревянной заслонкой, а над ним предусмотрительно намазана широкая полоса черной глиной там, где дым идет в трубу; колпак под трубой значительно выдается вперед: гораздо дальше чем под, не огоженный стенками спереди и с боков, а оставленный совершенно

¹⁵ Информаторы Я.Ф. Пушечкин, Е.С. Пушечкина.

¹⁶ Информаторы М.Г. Пашин, Е.С. Пашина.

открытым; в углу его, примыкая к стене, помещена маленькая чисто выбеленная печурка с полукруглым отверстием в узкой стороне и круглой дырой сверху; судя по чистоте, печурка эта практического употребления не имеет: назначение ее было, говорят, прежде служить помещением выгребаемых из печи углей, но теперь их кладут в корчаги»¹⁷.

Сравнив первую и вторую цитату, обратим внимание на описания жестяного мангала и маленькой печурки. По функциональным особенностям они одинаковы — служат для обогрева жилища с помощью горящих углей. В остальном они отличаются: печурка — стационарная конструкция из глины небольшого размера с двумя отверстиями (полукруглым и круглым); мангал — переносной металлический короб. Предположительно печурка является более ранним приспособлением относительно мангала: вначале была стационарная конструкция, а на смену ей пришла переносная. Кроме того, во второй цитате сказано, что угли ссыпали в печурки, а потом чаще стали класть в корчаги. Возможно, корчаги — это тоже были какие-то переносные сооружения.

Напротив печи, в углу, находился широкий деревянный помост, который служил постелью: *«Везде спали на кроватях. Из достак зделаны кровати были. Ни койки, нищиво ни блó. Кровати, доски палажыли, патом матрас растилаим. (А матрас чем набивали?) Шерстью, вата. Там хлопок выращивали»*¹⁸. Лавки примыкали к помосту вдоль двух стен, образовывавших *передний угол*, «за-ставленный образами в большом киоте»¹⁹. Лавки и постель были покрыты коврами и одеялами. В ближнем к соседней комнате углу располагался на небольшом возвышении стол; такие же возвышения шли и под лавками.

Немного иначе описывает хату в некрасовском жилище В.П. Иванов-Желудков: «Кругом стены стояли лавки, покрытые коврами. В переднем углу темнели образа. Подле дверей, влево, была печь, несколько менее нашей, с колпаком. [...] Тут я заметил, что лавка была очень низка, может всего на пол-аршина от полу, и что стола в хате вовсе не было. [...] Полатей в хате тоже не было, и на печи спать было нельзя: была постель с маленькими турецкими подушками. Окон было всего два, и оба прекрехотные;

¹⁷ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 10–11.

¹⁸ Информаторы М.Г. Пашин, Е.С. Пашина.

¹⁹ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 11.

одно со стеклом — оно выходило в садик, другое волоковое — на улицу»²⁰.

Т.Н. Абрамова об интерьере некрасовского дома пишет, что мебель практически отсутствовала, «за исключением низких круглых столиков, за которыми ели и на которых готовили пищу и позже, топчанов не было, сидели на полу. Ковров в интерьерах не применяли. Освещали комнату свечами или керосиновыми лампами»²¹.

За хатой следует нежилое помещение без окон — *чулан/сэни/сэньцы*. Эту комнату некрасовцы считали украшением всего жилища: на полочках, обитых красочными кусками материи, располагались иконы, на цветных платках — медные кресты, церковные книги, расшитые полотенца, висело старинное оружие, седла, картины, портреты членов царской семьи, здесь же стояли сундуки, шкаф с красивой посудой для гостей, хранилась праздничная некрасовская одежда: «Дверь эта ведет в “сенцы”: “самое у нас украшение — сенцы”, говорят казаки, и точно — обширная низкая комната в левой от входа стене имеет дверь, опять, конечно, с крестом над нею, в самую хату, а стена против входной двери во всю ширину занята полками: на них посредине вверху стоят иконы, висят на цветных платках медные кресты и складни. Полки обиты цветными кусками материи с нашивными на них позументами и блестками, висят и шитые полотенца. На полках до самого пола расставлена на показ всякая утварь: чашки, кувшины, тарелки и блюда. По стенам расставлены сундуки, лежат одеяла и подушки»²².

Следующая за *чуланом* комната — *сарайчик* — это хозяйственное помещение, которое использовалось в качестве кладовой, где хранили продукты, посуду и др.

Из *сарайчика* вход вел в летнюю кухню — *горно*, здесь печь, *горнушка*, использовалась в качестве источника для обогрева помещения и для приготовления пищи. Отличительной особенностью некрасовского жилища являлась *повётка/повёточный навес* — приделанный вдоль дома (*хаты*, *чулана*, *сарайчика* и *горно*) широкий навес на резных деревянных столбах, являющийся продолжением крыши: «Такой от шириной ат стины, адна старана. Домики, где

²⁰ Иванов-Желудков В.П. Русское село в Малой Азии... С. 429.

²¹ Абрамова Т.Н. Бытовая культура казаков-некрасовцев конца XIX – начала XX в. // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988. С. 76.

²² Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 9.

хаты здесь стоять, а с этой стараны, што крыша падержки — сталбы стаять. Эта паветка называица. Как навес ана получаица. Вот эта па дажжу. От и тут ходиши па сухому»²³; «столбики ярко раскрашены красной и синей масляной краской, а между ними связанные из стеблей тростника циновки отгораживают все это пространство, чисто вымазанное черной глиной по полу»²⁴. По воспоминаниям информантов М.Г. и Е.С. Пашиных, на полу в *поветке* расстилали плетеную из чакана рогожку, которая покупалась у турок, потому что только они занимались плетением²⁵.

Стоит упомянуть еще о двух особенностях некрасовского жилища. Практически во всех комнатах были глиняные поверхности: стены, потолок в *хате*, пол, а также площадка *лопаса*. Сверху свежего раствора делали пальцами узор в виде параллельных линий: «На стягах рисунки делали. Мясили глину, пясок мелкай, землю мяшали. И штобы вяская была зямля. С пяском замясили, патом смазваим пад достацку. Смажым, патом эту глину месим з глинай белой писок и мазали от так ридами. Вот этими пальцами рябацки делали. Так патянишь па пяску, ана ж рябая бываит. А палы тряпкаю мазали пабыстрей. И ф сирётки, и в лапасах, а палы-та мазали: тряпку намощим, чтоб быстрой-быстрой. (А потом белили этот рисунок?) Да, да. Глину эту белую развидём, да, ни мащальы никакой ни было. У авецки эти длиныи, крупный волас-та. И такой-та икуркай бялили»²⁶.

Еще одной особенностью некрасовского жилища является отсутствие в некоторых комнатах потолка — в *чулане*, *сарайчике* и *горно*. В остальных помещениях — *хате* и «зимней» кухне — потолок делали. При этом пространство между потолком и крышей (чердак) некрасовцы тоже называли *потолком*.

Что касается остального пространства во дворе, то его занимали хозяйственные помещения и участки для сада и огорода. Я.И. Смирнов, к примеру, так описывает некрасовский двор: «Перед ним (сарайчиком. — Н.П.) в усадьбе “огородка” для кур и гусей; тут же стоит и летняя печка в виде очага. В саду, где между фруктовыми деревьями накопаны гряды, устроен на жердях помост, где спят летом; а на перевернутой вверх ногами древней

²³ Информаторы Я.Ф. Пушечкин, Е.С. Пушечкина.

²⁴ Смирнов Я.И. Указ. соч. С. 10–11.

²⁵ Информаторы М.Г. Пашин, Е.С. Пашина.

²⁶ Там же.

капители, из церкви, судя по кресту на ней, стоит кувшин с водой для мыывания. В верхнем конце усадьбы плетневый сарай под камышовой крышей, наполненный сухой осокой»²⁷.

Некрасовский двор, *подворье*, схематично можно изобразить в виде прямоугольника, который расположен перпендикулярно улице (см. рис. 1). В нижней и левой части находятся жилые (*хата*, *чулан*, *кухня/горно* и др.) и хозяйственные помещения (*кариш*, *сенник*, сарай для с/х инвентаря), в верхней — *зады*, участок для сада и огорода, в правой части — *баз/огородка/энтот двор* — территория, отведенная для домашних животных (*городка* — курник; *котарь* — сарай для поросят; *кошарник* — загон для овец и др.), в центре — *чистый двор*. В качестве изгороди выступали *лясы* — плетни из тростника: «Вдоль улицы от хаты идет изгородь усадьбы. Эта изгородь сделана из стеблей тростника, поставленных в земляное, обмазанное глиной, основание, на расстоянии 2–3 пальцев один от другого и связанных сверху при помощи стеблей, положенных горизонтально. Эти легкие и изящные изгороди казаки называют «лясами» и поясняют, что они плетутся как «кацы на рыбу»²⁸.

Такого же рода изгородью, только значительно ниже по высоте, некрасовцы отделяли *чистый двор* от *задов* и *база/энтото двора*: «Тут у нас двор был, чистый называли, и ляс абгародиный аттуда ис камыша. Ат дажжея адгараживали, иштобы чистый двор была видна и иштобы красива. Эта аслонка — ад дажжея, называли аслоны. Паветку аслонами закрывали, иштобы дош-та туды ни бил. Лясы гарадили ис камыша. Камыш састариный, он аблитетый, жёлтый. Пуцками бирём, лясу гародим. Ни фтыкали, к зиме присланяли, а тут пиргаротки пляли, как плитень. Ни часта, ф три места. А тут навирху пряма абрубали ровна, ровна. Не была между ними прастранства, густа плили, как карабок»²⁹.

Как уже было сказано выше, участок *чистого двора* хозяйки мазали раствором глины, песка, коровьего помета и делали пальцами рисунок в виде поперечных полос. Кроме площадки, на территории этого участка находились клумбы с цветами, кусты, которые также выступали в роли своеобразной изгороди: «Чистый двор, он был намазан пальчиками. Он был глининава цвета, пальчиками намазан. Видити, вот весь двор и каждый рас пирит празникам,

²⁷ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 11–12.

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ Информаторы М.Г. Пашин, Е.С. Пашина.

вот прицтафъти, как наши умудрялись мазать пальчиками. А от эта цвиты пирит клумбай стаяли ф казанах. Гирань — первый ряд всегда в вѣдрах, ф казанах, гариках. Фтарой — цвиты ф самой в зимле. И третья — уже нашили кусты. И не была изгаради между дваром, была такая жывая изгарать»³⁰.

Я.И. Смирнов в своей статье указывает еще на одну особенность некрасовского жилого пространства: «Над деревянной калиткой в этой изгороди близ хаты приколочен четвероугольный кусок красной материи с позументной каймой, а посреди его медный восьмиконечный крест»³¹. Далее по тексту также встречаются упоминания крестов на платках только перед входом в *сенцы/чулан* и *хату*: «Низенькая дверь, досчатая, с выпуклыми рамами, раскрашена синей и красной краскою; над нею опять крест на платке. [...] Обширная низкая комната в левой от входа стене имеет дверь, опять, конечно, с крестом над нею, в самую хату»³².

В христианской традиции широко распространен обычай прикрепления икон и крестов у входа во двор и жилые помещения³³. Упомянутые нами выше сакральные предметы в данном случае используются в роли оберега: они защищают внутреннее пространство жилища и его обитателей от злых людей и «нечистой силы». В традиционной культуре восточных славян дверь/порог относятся к пространственным границам, через них осуществляется «связь с потусторонним миром». Изображения крестов (тестом, мелом, дегтем и т.д.) при входе во двор, жилище использовали для оберега дома и двора на праздник Крещения, Богоявления, Сретения, Страстной четверг и др.³⁴ Во время экспедиций в Ставропольский край к казакам-некрасовцам нами было зафиксировано только прикрепление креста над дверями в доме, традиция прикреплять его также при входе во двор не сохранилась.

Существует еще как минимум два объяснения нахождения креста около входа во двор и жилище. Первое касается оппозиции *свой/чужой*. Возможно, у некрасовцев, живущих среди турецкого населения, было желание обозначить таким образом «свое» жилище,

³⁰ Информатор А.В. Миронова.

³¹ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии... С. 10.

³² Там же.

³³ Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004. С. 127.

³⁴ Белова О.В. Крест // Славянские древности... Т. 2. М., 1999. С. 651–658.

отделить его от «чужого». Второе — крест над дверью висел для того, чтобы человек, войдя в жилое помещение, перекрестился. Об этих же функциях только по отношению к иконе в православном жилище пишет К.В. Цеханская: «Дом православного христианина был отмечен иконой над крыльцом или воротами как защитой от злых людей, недобрых помыслов, всякой нечисти, а также в знак исповедания веры и отличия от жилищ иноверных. Входя и выходя, каждый осенял лоб крестным знамением или молился о сохранении дома и о благословении свыше входов и исходов»³⁵.

Несколько слов стоит сказать о традиции прикрепления крестов к платкам и другим тканям. Крест, как и икона, у восточных славян относится к объектам религиозного почитания. Традиционно ткань использовалась для украшения святого угла (вышитыми занавесками, полотенцами, рушниками и др.)³⁶. На наш взгляд, эта эстетическая функция сохраняется и в случае прикрепления креста на ткани над дверью.

Таким предстает жилое пространство в воспоминаниях информантов казаков-некрасовцев и в работах исследователей.

В 1962 г. из Турции прибыла последняя волна переселенцев казаков-некрасовцев. Администрация Ставропольского края предоставила им типовые дома (прямоугольные жилые постройки на двух хозяев и по одному небольшому помещению для летней кухни), наряду с этим некоторые жилища были построены самими некрасовцами. Для строительства новых жилищ переселенцы использовали традиционную для них столбовую и глиняную технику. При столбовой технике в качестве основного материала для заполнения стен использовались плетеные *маты* из камыша, которые горизонтально крепились к деревянному каркасу дома. При использовании глиняной техники некрасовцы применяли саманный кирпич-сырец. После сооружения стен с внутренней стороны их мазали глиной, а с внешней — обкладывали саманом/камнем/кирпичом: *«Тут цикатурка внутри щуть-щуть, аттеда (с улицы. — Н.П.) аблицофка каминя и фсё. Ф сирётки — камыш. У мене тут халадина, а дочка там жывьёт, чирис стенку, там жарыща смертная. Ну, там-та саман и аблицофка, там тилее. А тут насквозь бегаит ветир — камыш. Вязали маты называица.*

³⁵ Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре... С. 127.

³⁶ Там же. С. 140–142.

Многа камыша, бьютъ иво от ф такии от снапы, их семь, восимь штук ф станок набивають их, туда-суда кладётъ их, патом провалкай связывають иё. Тюкавая раньше провалка была. А сичас затягивають, нитка идётъ, и ей вязали эти маты. Ф стены забивали. Всё устанавили гаризантальной стараной»³⁷.

Новые жилища, построенные казаками-некрасовцами, представляли собой вытянутые вдоль улицы постройки, разделенные на двух хозяев. Некрасовцы использовали привычные для них строительные технологии и линейный принцип организации жилого пространства: к основному помещению, которое состояло из одной-двух комнат, добавлялись веранда, кухня и, по желанию хозяев, еще несколько жилых комнат. Новая постройка некрасовцев по типу организации жилого пространства была схожа с прежней, турецкой, а именно: помещения располагались под одной крышей, достраивание комнат к основному дому происходило либо параллельно, либо перпендикулярно улице. Таким образом, казаки-некрасовцы сохранили «неудобную», по их мнению, но привычную, традиционную планировку жилого пространства.

Хозяйственные постройки располагались в дальней от улицы части двора. Они строились под одной крышей и не были соединены с основным жилым помещением. Основной строительный материал, который использовали некрасовцы для этих помещений, был такой же, как и в Турции: саманные кирпичи, ракушечник, глина, песок, мелкая солома, камыш.

В качестве наемных рабочих раньше брали турок, хозяева платили им и кормили их два раза в день. В России, как и в Турции, для строительных работ, которые требовали большой затраты физической силы (замес глины, лепка самана, обмазывание хаты), звали родственников, соседей, друзей. После того как все основные ремонтные работы были закончены, обязательно звали батюшку, чтобы он освятил новый дом.

Приступая к основным выводам нашего исследования, стоит сказать, что в культуре домостроительства казаков-некрасовцев в Ставропольском крае происходят следующие процессы:

1) сохранение:

– некрасовского способа организации жилого комплекса — соединение жилых и дополнительных комнат одной крышей;

³⁷ Информаторы Я.Ф. Пушечкин, Е.С. Пушечкина.

– использования строительных материалов (глины, саманных кирпичей, камыша);

– размещения старообрядческого креста на ткани около дверей в доме;

2) утрата:

– некоторых жилых и хозяйственных помещений, отдельных строительных конструкций, а также их наименований: *чулан/сенцы, подлысина, завалинка, лопас* и др.;

– традиционной некрасовской планировки двора: территория перестала делиться на отдельные самостоятельные части — *чистый двор, зады/энтот двор, баз* и др.

– утрата наименований некоторых хозяйственных помещений наряду с сохранением самих конструкций: *котарь* — сарай для поросят; *кошарник* — загон для овец; *поветка* — навес и др.

3) возникновение:

– новых «типовых» домов: вытянутых вдоль улицы построек на двух хозяев;

– большего количества жилых комнат — вследствие чего наряду с названием *хата* употребляются слова *спальня, комната*;

– достраивающихся к основному помещению *навесов* и *веранд*;

– нового интерьера жилища: к примеру, отсутствие в «новом» некрасовском жилище комнаты, в которой хранились иконы — *чулана*. Теперь они располагаются, как и у местных жителей, в восточном углу;

– новой планировки двора: хозяйственные помещения располагаются в дальней части двора и не соединены с основным жилищем;

– новых наименований взамен старых: *кладовая* вместо *сарайчик*, *кухня* вместо *горно*; *амбар* вместо *карши*; *курник* вместо *горodka*;

– современных технологий в строительстве: вместо глиняного делают деревянный пол; крыши кроют не камышом, а шифером, черепицей; для лучшего обогрева потолки стали строить во всех жилых комнатах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипенко Наталья Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук; доцент кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: kuzdra2000@mail.ru

Грязнова Виолетта Михайловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и славяно-русского языкознания факультета филологии и журналистики Ставропольского государственного университета (г. Ставрополь). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Демина Вера Николаевна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры музыкального менеджмента Ростовской государственной консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова (г. Ростов-на-Дону). E-mail: rostovfolkclub@mail.ru

Дианова Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета (г. Москва). E-mail: dianovatatiana@gmail.com

Зудин Антон Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ «Кубанский казачий хор». E-mail: antivanich@rambler.ru

Калиничева Наталья Владимировна — преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: kalina-777@bk.ru

Калиниченко Инна Юрьевна — старший лаборант кафедры отечественной литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: i.miroscha@mail.ru

Карпун Мария Александровна — преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета. E-mail: karpunmarija@rambler.ru

Колесов Владимир Игоревич — заведующий отделом истории и этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар). E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk

Матвеев Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета; главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар). E-mail: vim12@rambler.ru

Мильчев Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин исторического факультета Запорожского национального университета (г. Запорожье). E-mail: vladmilchev@ukr.net

Миронова Агафья Васильевна — научный сотрудник Новокумского филиала Ставропольского краевого музея изобразительных искусств (пос. Новокумский). E-mail: kvim53@mail.ru

Попова Наталья Сергеевна — стажер-исследователь Института социально-экономических и гуманитарных исследований

Южного научного центра Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону). E-mail: porova-n-s@yandex.ru

Попок Елена Леонидовна — научный сотрудник Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова (г. Санкт-Петербург). E-mail: popok-elena@mail.ru

Рудиченко Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Ростовской государственной консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова (г. Ростов-на-Дону). E-mail: rostovfolkclub@mail.ru

Сень Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения исторического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: dsen1974@mail.ru

Якоби Лилия Александровна — заслуженный работник культуры РФ, член краевой комиссии по присвоению звания «Народный», руководитель фольклорного ансамбля «Лада» (г. Ставрополь). E-mail: jakobi-lada@mail.ru

Научное издание

**КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ:
ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА**

Сборник научных статей

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,5. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ООО «П-ПРЕСС»
г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д. 94, оф. 222
Тел.: (863) 221-07-27
www.ppress.info

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41
Тел.: (863) 250-98-21

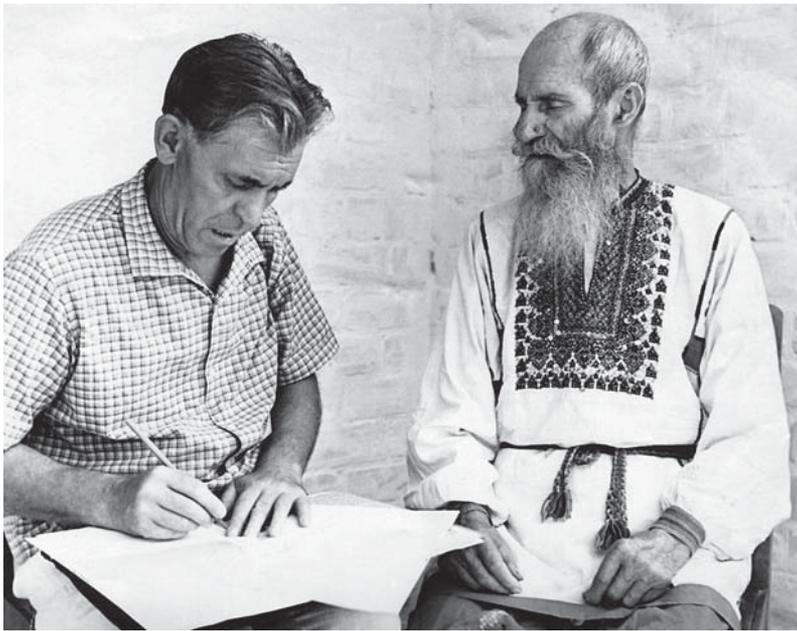

Федор Викторович Тумилевич — донской фольклорист,
исследователь истории и культуры казаков-некрасовцев

**Рабочие моменты экспедиций Ф.В. Тумилевича
к казакам-некрасовцам (из фондов Музея казачества,
этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН)**

Федор Викторович и Тамара Ивановна Тумилевич ведут запись беседы с представителями некрасовской общины. Слева — В.П. Саничев, последний атаман казаков-некрасовцев, избранный на кругу

Интервью со знатоком некрасовской традиции тщательно фиксируется собирателем

Непринужденная беседа с носителями некрасовского фольклора

В процессе сбора полевого материала

Надпись на обороте фотографии: Тумилевич угощает
внучку Л.В. Тумина. Август 1961 г.

Коломиец А.М. Дневник-отчет о поездке в научную командировку к казакам-некрасовцам (Публикация В.И. Колесова, Д.В. Сеня). Иллюстрации к статье. Рисунки из дневника А.М. Коломийца

**Матвеев О.В. Следы раннего казачества
в исторической памяти жителей станицы Некрасовской
Усть-Лабинского района Краснодарского края.
Иллюстрации к статье**

Остатки крепости на высоком берегу Лабы

Высокий вал с трапециевидным рвом,
прикрывавший некрасовский городок с севера

Обрыв высотой до 40 м, ограничивавший доступ к некрасовскому городку

Разрушенный свиарник на месте крепости

Оборонительный вал и ров со стороны степи

И.И. Степанов: «Шпиль горы вот так, а тут вал,
канавы были глубокая прокопана»

И.И. Бунин, житель станицы Некрасовской, и сотрудники
фольклорно-этнографической экспедиции НИЦ ТК
О.В. Матвеев и Н.И. Бондарь

Памятник «первым казакам и атаманам» в виде креста и камня, сооруженный современными казаками ст. Некрасовской

Архипенко Н.А., Калиниченко И.Ю.
Материалы для изучения традиционного костюма
казаков-некрасовцев: погребальная обрядовая одежда.
Иллюстрации к статье

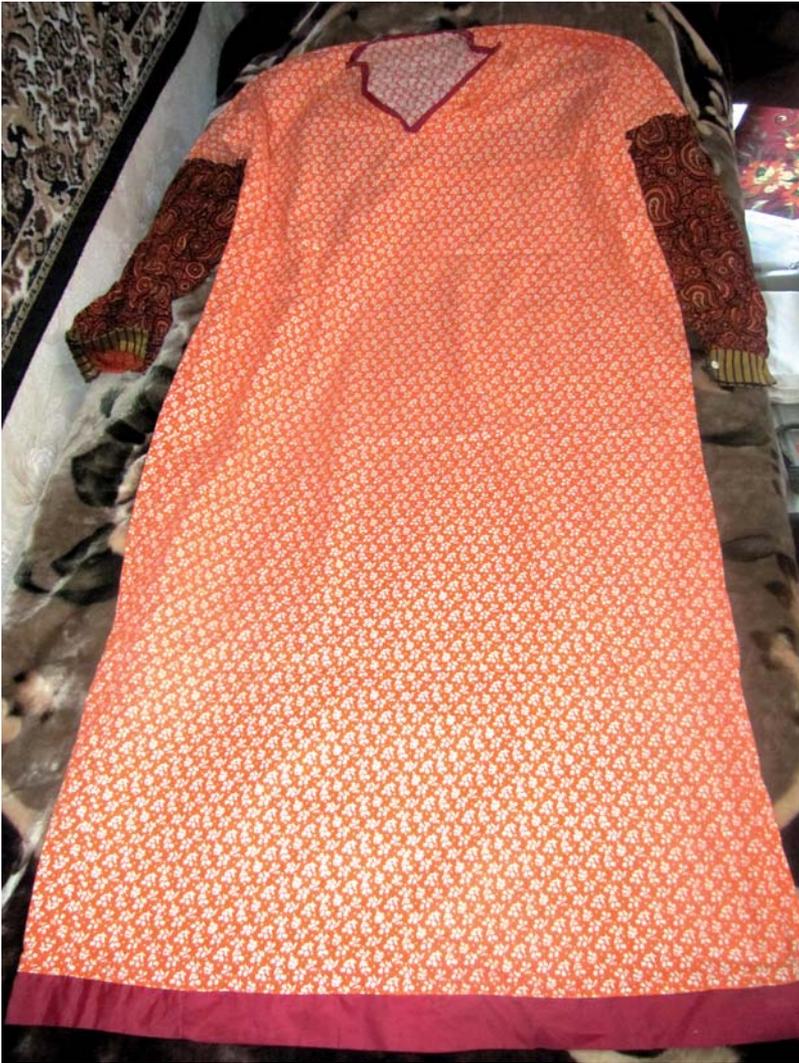
Платки, приготовленные на смерть

Смертная рубаха и балахон, которым накрывают умершую женщину, когда она лежит в доме

*Саван (вверху),
особый шов
савана, выполненный
красной ниткой (внизу)*

Смертная суцельная рубаха

Смертная суцельная рубаха

Уруминский платок